

12
VI 99

ИЗДАНИЕ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПРИ СОДѢЙСТВІИ С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО ФИЛОСОФСКАГО ОБЩЕСТВА.

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ

и

ПСИХОЛОГІИ.

ЖУРНАЛЪ,

основанный проф. Н. Я. Гротомъ и А. А. Абрикосовымъ.

ГОДЪ XI.

Подъ редакціей *кн. С. Н. Трубецкаго и Л. М. Лопатина*, при ближайшемъ участіи *В. А. Гольцева, В. Н. Ивановскаго, Н. А. Иванцова, Вл. С. Соловьева, А. А. Токарскаго, Н. А. Умова.*

Книга III (53).

МАЙ—ІЮНЬ 1900 г.

МОСКВА.

Типо-литографія Товарищества И. Н. Кушнеревъ и К',
Пименовская ул., соб. домъ.

1900.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Памяти Сергѣя Сергѣевича Корсакова.— Л. М. Лопатина, В. К. Рота, А. А. Токарскаго	I
<hr/>	
Къ вопросу о философіи войны.—гр. Л. А. Камаровскаго .	335
Объ авторѣ діалога Протагоръ.—Вл. С. Соловьева . . .	357
Поиски за міросозерцаніемъ. (Продолженіе).—И. И. Ива- нова	381
Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія.— Р. Ю. Виппера	450
<hr/>	
Физическія страданія и чувство страха.—Вл. А. Вагнера .	197
О взаимной связи душевныхъ свойствъ и способахъ ея изу- ченія.—А. Ф. Лазурскаго	217
Наблюденія и опыты по эстетикѣ зрительныхъ воспріятій. (Продолженіе).—Ц. П. Балталона	264
Психо-физиологическая теорія чувствованій. — Н. В. Згур- скаго	287
Русскій психіатръ о Тургеневѣ.—А. П. Флѣрова . . .	339

См. на оборотѣ.

Критика и библиографія.

L'année psychologique , publiée par A. Binet avec collaboration de H. Beaunis et Th. Ribot. Secrétaire de la Rédaction Victor Henri 5-ème année. Paris. 1899.—Н. Д. Виноградова	353
Вл. Соловьевъ . Три разговора о войнѣ, прогрессѣ и концѣ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ Антихристѣ и съ приложеніями. С.-Петербургъ, 1900 г. (Цѣна 1 р. 50 к.) Кн. С. Н. Трубецкого . .	358
НОВЫЯ КНИГИ	364
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Памяти С. С. Корсакова.

I.

Рѣчь, произнесенная въ экстренномъ засѣданіи Психологическаго Общества 6 мая 1900 года.

Не успѣло еще ослабѣть гнетущее впечатлѣніе отъ безвременной кончины В. П. Преображенскаго,—и вотъ опять разразилось надъ нами новое горе: сошелъ въ могилу одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей. Кончина С. С. Корсакова тяжелымъ камнемъ ляжетъ на многія и многія сердца нашего обширнаго отечества. Высокій и свѣтлый духъ отлетѣлъ отъ насъ! Дать яркую и полную характеристику личности и дѣятельности покойнаго, особенно когда пережитое впечатлѣніе еще такъ болѣзненно живо,—задача едва ли выполнимая. Въдь вообще наше бѣдное человѣческое слово гораздо болѣе приноровлено для выраженія относительности и границъ вещей; но оно оказывается слабымъ и тусклымъ орудіемъ, когда нужно изобразить всю широту ихъ положительныхъ свойствъ и совершенствъ. С. С. Корсаковъ былъ замѣчательнымъ ученымъ, неизгладимыми буквами вписавшимъ свое имя въ исторію русской и общеевропейской науки. Онъ былъ глубокимъ и оригинальнымъ мыслителемъ, умѣвшимъ соединить въ своемъ міровоззрѣніи серьезное признаніе духовнаго начала всемірной и человѣческой жизни съ строгимъ реализмомъ натуралиста. Онъ былъ неутомимымъ, энергичнымъ и страстнымъ общественнымъ дѣятелемъ, за

которымъ навсегда останется та историческая заслуга, что онъ, съ небольшимъ кружкомъ своихъ друзей, во все продолженіе своей жизни и словомъ, и дѣломъ проводилъ на практикѣ великое правило: къ душевно-больнымъ можно и должно относиться, какъ къ людямъ, и душевныя болѣзни можно лѣчить безъ насилія. Наконецъ, его дѣятельность далеко переходила за предѣлы его специальности. Всегда отзывчивый къ чужой нуждѣ и горю, много труда и заботъ положилъ онъ на помощь учащейся молодежи въ борьбѣ съ ея самыми печальными язвами: бѣдностью и беззащитностью; не менѣе потрудился онъ для объединенія русскихъ медицинскихъ силъ въ общей научной работѣ и для упроченія за русскими учеными изслѣдованіями высокаго и почетнаго мѣста въ научномъ движеніи другихъ европейскихъ странъ.

Все это мы знаемъ о немъ; но знаемъ также, что сказать о немъ только это, значитъ не сказать самаго главнаго. Несравненная сила С. С. Корсакова заключалась въ его чрезвычайно своеобразной и мощной нравственной личности. Мнѣ кажется, онъ смѣло можетъ занять мѣсто рядомъ съ величайшими русскими филантропами, какимъ, напримѣръ, былъ знаменитый докторъ Гаазъ. Правду сказали о С. С. Корсаковѣ въ рѣчахъ, произнесенныхъ надъ его могилой: онъ не былъ похожъ на другихъ людей; въ его дѣятельности надъ нимъ совсѣмъ не имѣли власти мотивы личнаго самолюбія, тѣмъ болѣе честолюбія или личнаго расчета. Единственными двигателями его непрерывныхъ, неусыпныхъ, огромныхъ трудовъ были самоотверженное сознаніе долга и душевная жалость къ чужому страданію. Предъ этими побужденіями для него все смолкало. Это былъ человѣкъ необычайной доброты и сердечности, въ самомъ глубокомъ смыслѣ этихъ словъ. Я даже не могу представить себѣ, было ли въ его душѣ что-нибудь похожее на обыкновенный эгоизмъ,

и чѣмъ оно въ немъ проявлялось? Слава о его феноменальномъ безкорыстїи гремѣла во всей Москвѣ, да и не въ одной Москвѣ. Онъ пользовался всѣми возможными и даже совсѣмъ невозможными предлогами, чтобы не взять вознагражденїя за свою помощь. Напротивъ, сколькимъ своимъ паціентамъ онъ помогалъ, отдавая имъ свои кровныя деньги! Я не знаю, какую цифрой нужно опредѣлить число людей, которые считали С. С. Корсакова своимъ благодѣтелемъ. При мягкости и кротости онъ умѣлъ совершать свои благодѣянїя такъ деликатно, что въ сердцахъ облагодѣтельствованныхъ имъ лицъ не оставалось ничего кромѣ самой восторженной признательности, иногда переходившей въ настоящее обожаніе. Однимъ только онъ приводилъ своихъ признательныхъ поклонниковъ въ недоумѣніе, иногда чуть не въ отчаяніе: онъ совсѣмъ не выносилъ выраженной благодарности. Въ такихъ случаяхъ онъ смущался, терялся, даже серьезно огорчался. Сколько разъ отъ него приходилось скрывать горячія просьбы поблагодарить его! Приходилось молчать, какъ будто о немъ было извѣстно что-то дурное. Эта его поразительная мягкость, безграничная деликатность, своеобразное духовное цѣломудріе странно соединялись въ немъ съ огромною силою воли и желѣзной твердостью убѣжденїй при необыкновенной нравственной чуткости. О немъ вѣрно сказали: онъ былъ воплощенною совѣстью для близкихъ къ нему людей. Онъ ни въ комъ не терпѣлъ компромиссовъ со зломъ, — ни въ себѣ, ни въ другихъ.

Да, мы похоронили праведника! Пустыня становится жизнь послѣ такихъ потерь. И все же счастлива та страна, гдѣ рождаются такіе дѣятели! Еще болѣе счастлива она, если они не проходятъ безслѣдно, подобно блестящимъ метеорамъ. Будемъ твердо вѣрить, что московскїе психїатры надолго сохранятъ благородную традицію безконечной сострадательности покойнаго,

его самоотверженія, его шепетильнаго выполненія своего долга, его святого безкорыстія. Создать прочную школу такихъ дѣятелей,—вѣдь это будетъ лучшая земная награда для покойнаго и его самая крупная заслуга предъ своей родиной.

Л. Лопатинъ.

II.

Рѣчь, произнесенная на могилѣ С. С. Корсакова 4 мая 1900 г.

„Послѣднее прости пришли мы сказать тебѣ, дорогой товарищъ и другъ! Устало и перестало биться твое благородное сердце. Велика и славна была его работа! Много, безконечно много любви къ ближнимъ несло оно, не знавшее ни зависти, ни злобы, ни ненависти, всѣмъ прощавшее и лишь затаенною болью отзывавшееся на дѣла недостойныя и чувства недобрыя. Сколько вынесло оно, соболѣзнуя страданіямъ и горю всѣхъ прибѣгавшихъ къ тебѣ—и больныхъ, и здоровыхъ! Сколько заботъ самоотверженныхъ испытало оно въ твою жизнь, всецѣло посвященную служенію ближнимъ! И ближніе твои отвѣчали тебѣ своею горячею любовью. Твоя *чистая душа* была чужда обще-человѣческихъ слабостей и пороковъ, и всѣ, приближавшіеся къ тебѣ, невольно очищались духовно. Къ тебѣ никто не могъ подойти съ дурными мыслями или чувствами. Ты былъ нашею живою совѣстью!

Но не однимъ сердцемъ поднялся ты на нравственную высоту, доступную лишь немногимъ избранникамъ. *Ясный и свѣтлый твой умъ* освѣщаль тебѣ жизненный путь и будилъ въ тебѣ все новые и новые духовные интересы. Съ юныхъ лѣтъ ты выработалъ себѣ строгія нравственныя правила и слѣдовалъ имъ всю жизнь! Съ юныхъ лѣтъ ты упорно трудился, не переставая обогащать свой умъ знаніями, и развилъ въ себѣ такую глубину, силу и неустанность мысли, предъ которыми

преклонялись всѣ знавшіе тебя. Ты былъ въ одинаковой степени авторитетомъ и для учениковъ, и для друзей, и для учителей твоихъ. Тебя, скромнаго отъ природы, избытокъ нравственныхъ и умственныхъ силъ твоихъ вовлекалъ все въ болѣе и болѣе широкія области дѣятельности учительской, ученой и общественной. Самая трудная изъ наукъ—наука о человѣческомъ духѣ въ нормальныхъ его проявленіяхъ и болѣзненныхъ уклоненіяхъ—по преимуществу привлекала тебя, и ты овладѣлъ ею вполне, насколько это доступно человѣческому уму! А за тою гранью, которая ему поставлена природою, твое возвышенное чувство искало неземнаго идеала! Въ исторіи науки твое безсмертіе обезпечено; а русская наука будетъ вѣчно признательна тебѣ за то, что ты прославилъ и увѣковѣчилъ свое русское имя.

Сильный умъ твой, сильное, направленное ко всему доброму чувство создали въ тебѣ сильныя и опредѣленныя стремленія, закалили твою волю. *Сила воли*, уживаясь въ тебѣ съ нѣжнымъ и мягкимъ сердцемъ, проявлялась во всѣхъ дѣлахъ твоихъ. Отстаивалъ ли ты на заграничномъ съѣздѣ права русской психологической науки,—ты твердо стоялъ на посту своемъ. Работалъ ли ты въ больницѣ, управлялъ ли лѣчебницей, клиникомъ, читалъ ли лекціи, устраивалъ ли съѣзды врачей, въ студенческомъ ли комитетѣ, въ Пироговскомъ обществѣ, — всего не перечтешь, — всюду ты прокладывалъ новые пути и достигалъ блестящихъ результатовъ, увлекая другихъ за собою на плодотворную работу. Всѣ поражались тою изумительною массою энергии и труда, которую ты проявлялъ, и пытались хотя отчасти объяснить ихъ цвѣтущимъ здоровьемъ твоимъ и богатствомъ физическихъ силъ! Теперь мы знаемъ, что это была иллюзія: только *сила воли*, направленной къ высшимъ нравственнымъ и умственнымъ цѣлямъ, заставляла безъ отдыха работать твою мысль, не да-

вала тебѣ чувствовать усталости и беречь свое больное сердце. Рано оборвалась твоя жизнь! Погибъ идеальный человѣкъ, исключительно чудной гармоніей сочетавшій въ себѣ лучшія свойства ума, чувства и воли. Тяжело, безгранично тяжело намъ разставаться съ тобой! Болитъ наша душа! Никогда не изгладится изъ нея чистый образъ твой! Но не уныніе будемъ чувствовать мы, вспоминая тебя! И послѣ смерти ты будешь служить источникомъ бодрой и доброй жизни для всѣхъ, чтущихъ твою память. Миръ праху твоему!"

В. Ротъ.

III.

Рѣчь, произнесенная въ экстренномъ засѣданіи общества для пособія недостаточнымъ студентамъ Московскаго Университета 4 мая 1900 г.

Корсакова нѣтъ и не будетъ. Онъ ушелъ отъ насъ навсегда. Если я рѣшаюсь сказать нѣсколько словъ въ память скончавшагося предсѣдателя нашего общества, то дѣлаю это только повинуюсь чувству долга, такъ какъ съ физической раной въ груди мнѣ было бы легче говорить съ вами, чѣмъ съ тѣмъ чувствомъ, которое я испытываю теперь въ силу моихъ личныхъ отношеній къ покойному. Не мнѣ, еще дрожащему отъ боли, пытаться дать вамъ полную характеристику Сергѣя Сергѣевича, развернуть его едва обозримое міросозерцаніе, раскрыть всю глубину его души, нѣжной, какъ цвѣтокъ, и твердой, какъ сталь. Но пока не въ этомъ дѣло. Умеръ гигантъ и со смертью его образовалась громадная пустота, которая грозитъ пошатнуть и можетъ быть разрушить не одно изъ зданій, созданныхъ его гениемъ и трудомъ, и въ настоящій грозный и торжественный моментъ надо заставить умолкнуть свои личные чувства и попытаться дать себѣ отчетъ въ томъ, что случилось, кого мы потеряли. Я уже произнесъ слово гений и произнесъ его не случайно. Достаточно

самаго краткаго обзора дѣятельности С. С. Корсакова, чтобы убѣдиться въ этомъ. Еще студентомъ онъ выдѣлялся изъ среды своихъ товарищей, на которыхъ имѣлъ большое нравственное вліяніе. По окончаніи курса онъ вступилъ на практическій путь врача и по симпатіямъ сердца или по влеченію ума возложилъ себѣ на плечи задачу, которая теперь для насъ, послѣ его смерти, въ десять разъ легче, чѣмъ она была въ его время, когда онъ, предоставленный собственнымъ силамъ, почти безъ учителей вступилъ въ трудную область психіатріи. Съ первыхъ же шаговъ его дѣятельности онъ становится кумиромъ своихъ больныхъ, кумиромъ своихъ товарищей-врачей, подчасъ вдвое старшихъ, чѣмъ онъ, и не только совѣтникомъ, но нерѣдко рѣшителемъ вопросовъ. Его привлекаетъ наука, и первая же ученая работа дѣлаетъ его имя безсмертнымъ; второй капитальный трудъ, сдѣланный имъ уже послѣ назначенія его профессоромъ, — „Курсъ психіатріи“, долженъ быть поставленъ на ряду съ лучшими руководствами этого рода не только въ Россіи, и во всемъ цивилизованномъ мірѣ, но даже предпочтенъ имъ. Выступая въ университетѣ какъ профессоръ, Сергій Сергѣевичъ съ такой же невѣроятной быстротой приковываетъ къ себѣ умы и сердца своихъ слушателей. Вступивъ въ наше общество, и здѣсь онъ быстро сталъ первымъ изъ насъ, и періодъ его предсѣдательства можно смѣло назвать лучшимъ періодомъ дѣятельности общества, при чемъ съ именемъ С. С. Корсакова навсегда будетъ связано воспоминаніе о приобрѣтеніи обществомъ недвижимой собственности, что такъ облегчило устройство студенческихъ столовыхъ. Всѣ стороны дѣятельности Сергѣя Сергѣевича найдутъ себѣ оцѣнку въ своемъ мѣстѣ, теперь же намъ слѣдуетъ опредѣлить лишь то, что характеризовало его, какъ общественнаго дѣятеля и выдѣляло изъ ряда другихъ. Отвѣтъ на это простъ. Въ основаніе его дѣя-

тельности были положены два принципа, общіе и знакомые намъ всѣмъ: добросовѣстное исполненіе своихъ обязанностей и безкорыстное служеніе идеалу. Но если эти принципы намъ общи и знакомы, то у Сергѣя Сергѣевича они были незыблимы, какъ скала, вокругъ которой обвилась вся его активная энергія, вся его творческая сила. Именно творчество и было основнымъ свойствомъ Сергѣя Сергѣевича. Поэтому-то его больше и не будетъ, и онъ не можетъ повториться болѣе. Можетъ быть замѣщено его мѣсто, но природа не повторяетъ выраженія своихъ активныхъ силъ; творчество всегда имѣетъ свою специфическую индивидуальность, и наша утрата останется навѣки незамѣнимой. Вслѣдствіе неуклоннаго служенія Сергѣя Сергѣевича указаннымъ принципамъ, онъ не можетъ быть забытъ, такъ какъ эти принципы суть вѣчныя основанія всякой общественной дѣятельности, и активная сила, приложенная къ нимъ, и есть та сила, которой живетъ и движется всякое общество. Забытъ С. С. Корсакова, значило бы забыть самихъ себя, такъ какъ идеалы, которымъ онъ служилъ, суть въ то же время и наши идеалы; но не забыть его еще мало. Надо сохранить память о немъ для послѣдующихъ поколѣній, для молодыхъ людей, которымъ посвящена дѣятельность нашего общества; надо умножить, насколько возможно, количество напоминаній о немъ, чтобы и послѣ смерти онъ могъ служить для другихъ постояннымъ примѣромъ, какихъ бываетъ не много.

IV.

Рѣчь, произнесенная въ экстренномъ засѣданіи общества невропатологовъ и психіатровъ 5 мая 1900 г.

Трудно говорить о С. С. Корсаковѣ, кончина котораго еще такъ близка, потому что надо дѣлать усилія

надъ собой, чтобы говорить, а не рыдать. Но какъ легко было бы сказать о немъ цѣлую книгу. Всюду и вездѣ, гдѣ онъ ни появлялся, онъ оставилъ по себѣ неизгладимый слѣдъ. Вчера, въ засѣданіи общества для пособія нуждающимся студентамъ, мы читали его какъ общественнаго дѣятеля, служеніе котораго обществу было безупречнымъ, вслѣдствіе совершеннаго отсутствія личнаго интереса и вслѣдствіе постояннаго, неуклоннаго исполненія долга; при чемъ онъ въ буквальномъ смыслѣ слова не щадилъ своихъ силъ;—сегодня намъ надлежитъ почитать его какъ специалиста-ученаго и въ краткихъ словахъ попытаться опредѣлить, какъ выразился его гений въ этомъ направленіи. При этомъ надо остановиться, во-первыхъ, на его практической дѣятельности, на его отношеніи къ больнымъ, во-вторыхъ, на его дѣятельности ученой. Въ смыслѣ его отношенія къ больнымъ имя С. С. Корсакова, надо поставить рядомъ съ именемъ Пинеля, и я сказалъ бы больше: онъ сдѣлалъ больше Пинеля и, подобно Пинелю, то, что онъ сдѣлалъ, было не только дѣломъ его добраго сердца, но и плодомъ его глубокаго и тонкаго ума. Здѣсь кстати сказать, что относительно Пинеля образовалось своеобразное недоразумѣніе, которое повторилось отчасти и въ оцѣнкѣ покойнаго Сергѣя Сергѣевича. Именно, имя Пинеля наиболѣе извѣстно врачамъ-психіатрамъ, которые прежде всего признаютъ за Пинелемъ громадную заслугу освобожденія душевно-больныхъ отъ ненужныхъ мѣръ стѣсненія, переходившихъ нерѣдко въ жестокость, почему Пинель и считается благороднымъ и смѣлымъ представителемъ идеи гуманности. Но Пинель былъ не только благородный и смѣлый человѣкъ съ добрымъ сердцемъ. Онъ былъ гениальный врачъ и ученый, которому вся современная медицина обязана основными принципами классификаціи болѣзней по органамъ, и въ дѣлѣ освобожденія больныхъ отъ оковъ главнѣйшее значеніе имѣеть

не движеніе доброй души, но гениальное открытіе, заключающееся въ томъ, что стѣсненіе больныхъ и жестокая мѣра по отношенію къ нимъ — вредны, и что примѣненіе ихъ есть медицинская ошибка. Въ этомъ весь смыслъ колоссальной реформы Пинеля. Однако, несмотря на громадное впечатлѣніе, произведенное реформой, дѣло устройства быта и лѣченія душевнобольныхъ подвигалось впередъ далеко не быстро. Человѣчество всегда отстаетъ въ своемъ прогрессивномъ движеніи отъ своихъ передовыхъ людей, и до самаго послѣдняго времени душевно-больные оставались во многихъ отношеніяхъ въ такомъ же положеніи, какъ до Пинеля и не только въ нашемъ отечествѣ, но и повсюду. Пинель далъ толчокъ; но для новаго толчка въ томъ же направленіи нужны были новые люди, которымъ была бы по плечу такая задача. Ее взялъ на себя Сергѣй Сергѣевичъ. Онъ поставилъ вопросъ объ уходѣ и лѣченіи душевно-больныхъ во всей его полнотѣ, именно какъ вопросъ о томъ, какимъ путемъ примирить всѣ требованія наиболѣе развитого нравственнаго чувства, чувства положительной любви къ душевно-больному съ наиболѣе строгими требованіями разума и науки, и онъ сумѣлъ рѣшить этотъ великій вопросъ, стоящій передъ каждымъ человѣкомъ въ теченіе всей его жизни. Онъ не только устранилъ мѣры стѣсненія, но окружилъ больныхъ рядомъ положительныхъ мѣръ, постояннымъ любовнымъ уходомъ и устремилъ на это всѣ силы своего ума и сердца, и если мы вспомнимъ то громадное вліяніе, которое онъ имѣлъ въ этомъ отношеніи на другихъ врачей, мы согласимся, что уже одно это даетъ ему право на безсмертіе. Остается еще, однако, его научная дѣятельность. Нѣтъ надобности повторять, что каждый его трудъ есть классическое произведеніе. Разстройства памяти, полиневритическій психозъ, за которымъ осталось названіе „болѣзни Корсакова“, „Психологія микроцефаловъ“, „Курсъ

психіатріи"—все носить на себѣ печать его глубокаго ума. Не входя въ детальное разсмотрѣніе этихъ работъ, достаточно указать на то, что наиболѣе характеризуетъ ученаго: на методъ изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи Сергѣй Сергѣевичъ можетъ быть поставленъ рядомъ съ Шарко: для него, какъ и для послѣдняго, не было трудныхъ вопросовъ. Въ наиболѣе темную область знанія онъ умѣлъ внести свѣтъ, умѣлъ, постоянно наблюдая, анализируя и классифицируя факты, сдѣлать доступнымъ оцѣнкѣ множество патологическихъ явленій, которыя до того времени ускользали отъ наблюденія. Каждая его работа можетъ служить примѣромъ этого. Заслуги Сергѣя Сергѣевича передъ обществомъ невропатологовъ и психіатровъ чрезвычайно велики, и онъ по справедливости назывался душою общества. Одинъ изъ главныхъ основателей его, онъ съ неослабной энергіей заботился о его процвѣтаніи и о возможно болѣе тѣсномъ общеніи въ работѣ. Общество было любимой ареной его дѣятельности, и здѣсь онъ являлся передъ нами во всей своей красотѣ и силѣ, и трудно назвать хотя одну работу отъ имени нашего общества, которая была сдѣлана безъ его участія и руководства. Теперь онъ умеръ. Онъ сверкнулъ передъ нами яркимъ лучомъ и угасъ какъ лучъ, оставивъ въ нашей душѣ свѣтъ, который погаснетъ только вмѣстѣ съ нами, и если онъ объединялъ насъ при жизни, то пусть память о немъ объединитъ насъ еще болѣе. Нами онъ не будетъ забытъ; но на насъ лежитъ обязанность сохранить память о немъ и для будущихъ поколѣній. Въ его лицѣ русская психіатрія понесла крупную утрату, и изъ основателей русской психіатріи ему первому такъ рано было суждено перейти въ исторію. Тамъ ему будетъ отведено подобающее мѣсто, и наша скорбь объ утратѣ его можетъ быть смягчена только мыслию о томъ, что слава его имени и память о его дѣятельности останутся навѣки не-

увядаемы, и его вліяніе будетъ неослабно переходить отъ одного поколѣнія психіатровъ къ другому, постоянно побуждая ихъ къ совершенствованію.

V.

Рѣчь, произнесенная въ экстренномъ засѣданіи Психологическаго Общества 6 мая 1900 года.

Кончается Корсаковская недѣля. Шесть дней всѣ наши помыслы и чувства были сосредоточены на личности Сергѣя Сергѣевича, и до сихъ поръ у насъ нѣтъ силъ оторваться отъ его свѣтлаго образа. Съ нами происходитъ явленіе, хорошо знакомое всѣмъ, кто терялъ близкихъ и дорогихъ людей: намъ кажется, что онъ еще живъ и что мы говоримъ не о немъ, а о какомъ-то неземномъ идеалѣ, которому мы вмѣстѣ съ нимъ поклонялись. Чѣмъ могу я теперь почтить его память? Здѣсь, на засѣданіи Психологическаго Общества, конечно, надлежитъ говорить о немъ какъ о психологѣ. Мы уже отдавали ему дань какъ общественному дѣятелю, какъ специалисту, ученому, психіатру и невропатологу. Краткое обзорѣніе его жизни и дѣятельности, которыя такъ же просты для обзорѣнія, какъ онъ были просты по своимъ проявленіямъ, выяснитъ намъ, какіе элементы ученаго психолога находились у Сергѣя Сергѣевича и что мы, психологи, въ немъ потеряли.

Не будемъ останавливаться на его ранней молодости, на его студенчествѣ, хотя и тогда онъ обращалъ уже на себя вниманіе. Очень молодымъ человѣкомъ онъ окончилъ курсъ въ университетѣ и долженъ былъ избрать себѣ жизненную задачу. Званіе врача указывало ему только общій путь. Сергѣй Сергѣевичъ выбралъ наиболѣе трудную часть этого пути, ту часть, которая была еще мѣстами непроходима. Около этого времени

въ его жизни произошло одно событіе, которое еще болѣе опредѣлило его личность, еще болѣе сконцентрировало всѣ его силы на поставленныхъ имъ себѣ задачахъ и заставило его искать нравственнаго удовлетворенія въ исполненіи долга по отношенію къ другимъ людямъ. Избравъ наиболѣе трудный медицинскій путь, Сергѣй Сергѣевичъ чрезвычайно быстро, едва ступивъ на немъ нѣсколько шаговъ, какъ всѣ практическіе врачи, понявъ, что ему нѣтъ возврата: за нимъ плотно замкнулась стѣна человѣческихъ страданій, и путь назадъ сталъ такъ же труденъ, какъ и путь впередъ. Многіе и многіе изъ насъ врачей, при такихъ же обстоятельствахъ поникли головою, рано состарѣлись душой и несутъ свои обязанности, какъ тяжкій крестъ, возложенный на нихъ судьбою. Сергѣй Сергѣевичъ не палъ духомъ. Во тѣмъ тогдашней психіатріи онъ сталъ искать наиболѣе трудныхъ задачъ и вопросовъ и не только самъ шелъ впередъ, но прокладывая дорогу и другимъ. Какъ ученый, въ отношеніи метода, онъ принадлежитъ къ величайшимъ умамъ и долженъ быть поставленъ рядомъ съ Шарко. И имя его стало бессмертнымъ въ наукѣ. Его имя — часть славы Россіи. Въ его дѣятельности великая задача лежала передъ нимъ не только какъ передъ психіатромъ, не только какъ передъ психологомъ, но какъ передъ человѣкомъ вообще: вопросъ о томъ, какъ примирить чувство съ разумомъ. Въ области психіатріи, въ примѣненіи къ обращенію съ душевнобольными болѣе ста лѣтъ тому назадъ Пинель высказалъ мысль, которую и доказалъ на опытѣ, что нѣтъ необходимости увеличивать страданія душевнобольныхъ мѣрами стѣсненія, что примѣненіе такихъ мѣръ—ошибка. Но, несмотря на примѣръ Пинеля и его послѣдователей, Сергѣй Сергѣевичъ встрѣтилъ по отношенію къ душевнобольнымъ еще множество мѣръ стѣсненія. Чѣмъ настоятельнѣе требованія сердца, чѣмъ сильнѣе человѣческая отзывчи-

вость, тѣмъ тягостнѣе было думать, будто наука и разумъ принуждаютъ налагать стѣсненія на страдающаго человѣка. С. С. Корсаковъ понялъ, что это невѣрно не только по отношенію къ цѣпямъ и смирительнымъ рубашкамъ, но и по отношенію ко всякому насилію надъ человѣческой душой, и въ наиболѣе тонкихъ движеніяхъ души онъ сумѣлъ освѣтить чувство разумомъ и дать чувству доброжелательства по отношенію къ большому научное обоснованіе. Онъ понялъ далѣе и ясно выразилъ простую, но важную истину, что бесполезно бороться со зломъ отрицательными мѣрами, что не насиліемъ надо побѣждать зло и употребилъ свои силы на отысканіе тѣхъ положительныхъ мѣръ и средствъ, которыми можно поднять душевную энергію человѣка, ослабѣвшаго въ борьбѣ съ жизнью, и тѣмъ самымъ парализовать возникающіе въ немъ дурные инстинкты. Съ того момента, какъ эта идея выяснилась въ его сознаниіи во всемъ ея объемѣ, его образъ по отношенію къ другимъ людямъ сталъ вполне законченнымъ. Онъ отрекся отъ самого себя и всецѣло отдалъ себя другимъ людямъ, отыскивая и возбуждая въ каждомъ человѣкѣ его лучшія силы. Таковъ былъ основной характеръ его личности и дѣятельности, таковъ былъ господствующій тонъ его жизни, и не было въ немъ ни одного чувства, которое имѣло бы своимъ объектомъ его самого. За короткій періодъ своей жизни Сергѣй Сергѣевичъ одинъ сдѣлалъ для другихъ людей столько, сколько не подѣ силу и многимъ; но онъ умеръ слишкомъ рано и не успѣлъ сдѣлать себя самого. Лишь за послѣдніе годы передъ нами сталъ вполне обрисовываться его мощный и величавый образъ человѣка, дивно сочетавшаго въ себѣ необъятный умъ и великое сердце и прежде, чѣмъ онъ достигъ наивысшей красоты, смерть уже взяла его отъ насъ.

Что же могъ онъ значить для психологіи? Немного; но то немногое, что значилъ онъ, не подѣ силу мно-

гимъ людямъ, которые занимають въ психологіи не послѣднее мѣсто. Онъ зналъ человѣческую душу не такой, какъ ее описываютъ въ книжкахъ, а такой, какова она въ дѣйствительности. То наивная и довѣрчивая, то трепещущая въ своихъ стремленіяхъ къ идеалу, то бьющаяся и падающая на полдорогѣ и страдающая такими страданіями, которыя не извѣстны и не будутъ никогда извѣстны большинству людей, она являлась передъ нимъ каждый день въ очертаніяхъ, доступныхъ лишь немногимъ. И надо сказать, что Сергѣю Сергѣевичу душа человѣческая была еще доступнѣе, чѣмъ кому-либо другому, потому что онъ подходилъ къ ней съ любовью, съ безпредѣльной мягкостью и лаской, привлекая къ себѣ тѣмъ чуднымъ обаяніемъ, которое намъ всѣмъ было извѣстно, и наиболѣе замкнутое сердце свободно раскрывалось передъ нимъ. Къ сожалѣнію, поглощенный своими трудами, С. С. Корсаковъ не оставилъ крупныхъ психологическихъ работъ; но и то, что онъ оставилъ, имѣетъ большое значеніе. Не говоря о томъ, что его психіатрическія работы имѣютъ и психологическую цѣнность, его спеціальныя работы по психологіи являются выразителями метода психологическихъ изслѣдованій, который заключается въ опытѣ и наблюденіи; а въ настоящее время, когда еще не совсѣмъ закончена борьба старыхъ и новыхъ точекъ зрѣнія, все то, что дѣлаетъ психологию наукой, имѣетъ неоцѣнимое значеніе.

Намъ надо сдѣлать все возможное, чтобы сохранить память о немъ, и было бы крайне желательно, чтобы всѣ знавшіе его сообщили воспоминанія о немъ, что дало бы возможность собрать въ нашемъ журналѣ интересныя и важныя данныя для его характеристики, которая не можетъ не быть поучительной.

А. Токарскій.

Къ вопросу о философіи войны *).

Споры о войнѣ. — Воззрѣнія на войну В. С. Соловьева и Б. Н. Чичерина.
Задачи философіи по отношенію къ войнѣ. — Общіе выводы.

Вопросъ о томъ, что такое война, въ чемъ ея сущность и назначеніе, составляетъ уже съ давнихъ поръ предметъ оживленныхъ споровъ. Объ этомъ существуетъ цѣлая литература, разобратся въ которой нелегко при сложности этого предмета и въ виду высказанныхъ о немъ столь многочисленныхъ и крайне противорѣчивыхъ мнѣній. Но никогда война не подвергалась такой разносторонней и серьезной критикѣ, какъ въ наши дни и среди писателей этой категоріи пальму первенства должно, безспорно, предоставить экономистамъ **). Но важно, чтобы представители другихъ наукъ присоединились къ этому безпристрастному и независимому изученію войны съ цѣлью борьбы съ нею, какъ съ великимъ общественнымъ бѣдствіемъ для современнаго

*) Докладъ, читанный въ Психологическомъ Обществѣ 29 апрѣля 1900 г.

**) Назовемъ, для примѣра вступительные отдѣлы къ сочиненіямъ *Ревона* (Revon. L'Arbitrage international. 1892) и *Шлифа* (Der Friede in Europa. 1892). Первый подъ рубрикой «философія войны» выставляетъ о ней сперва тезисъ: апологія ея, потомъ антитезисъ: ея критика, и ищетъ въ синтезѣ примиренія этихъ противорѣчій въ исторіи. Изучаетъ же онъ войну съ точки зрѣнія трехъ принциповъ: истины (науки), красоты (искусства) и добра (морали, общественной справедливости и пользы). — Шлифъ разсматриваетъ войну вообще какъ элементъ божественнаго міропорядка и какъ положительное благо и даетъ очеркъ идей главныхъ приверженцевъ мира, начиная съ Гроція и Генриха IV и до Лоримера и Блюнчли включительно. — *Блюкс*: Будущая война въ техническомъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ. 6 большихъ томовъ. 1898. — *Аничковъ*. Война и трудъ. 2 части. 1900 г.

человѣчества, и тутъ особенно желательнымъ является содѣйствіе философіи.

Насъ интересуютъ въ настоящее время воззрѣнія на войну двухъ выдающихся русскихъ философовъ, которые недавно высказали ихъ въ своихъ сочиненіяхъ, но каждый съ своей особой точки зрѣнія. Соловьевъ—моралистъ и относится въ цѣломъ къ войнѣ гораздо строже, нежели Чичеринъ—политикъ и убѣжденный послѣдователь Гегеля. Но, въ результатѣ, первый приходитъ къ какому-то двойственному и не достаточно рѣшительному заключенію, а второй слишкомъ стоитъ подъ гнетомъ фактовъ прошлаго и связанъ своею неудачною теоріею объ абсолютности государства.

I.

Мысли свои о войнѣ г. Соловьевъ изложилъ въ двухъ новѣйшихъ интересныхъ работахъ: въ большомъ трактатѣ: „Оправданіе добра. Нравственная философія“*), и въ популярной, разговорной формѣ: „Подъ пальмами“**). Обѣ онѣ восполняютъ другъ друга. Первая—даетъ мастерски набросанную общую теорію войны, во второй авторъ останавливается на нѣкоторыхъ событіяхъ современности и старается, правда неудачно, поднять завѣсь будущаго.

Война представляется автору хроническою болѣзнію чело­вѣчества, лѣчить которую слѣдуетъ не симптоматически, а направляя свои усилія на внутреннія, порождающія ее, причины. Чтобы понять ее какъ слѣдуетъ, нужно, относительно ея ставить не одинъ, а три различныхъ вопроса: обще-нравственный или теоретическій, историческій и лич­но-нравственный или практическій.

Съ *обще-нравственной* стороны всѣ согласны въ томъ, что миръ есть добро, а война зло. На этотъ пунктъ не можетъ быть двухъ взглядовъ: единогласно всѣми признается, что миръ есть норма, то, что должно быть, а война—аномалія, то, чего быть не должно.

*) Глава восемнадцатая. Смысль войны; стр. 477—503 (2-е изд. 1899 г.).

**) Книжки Недѣли. Октябрь и ноябрь 1899 г., январь и февраль 1900 г.

Въ принципѣ, соглашаясь съ авторомъ, что такъ быть должно по строгой морали, мы не можемъ однако не оговориться, что многіе (даже философы) доселѣ смотрятъ на это иначе, признавая въ войнѣ одно изъ проявленій и условій нравственнаго порядка.

Столь же преувеличенно категоричны утвержденія г. Соловьева и о религіяхъ. По его словамъ „всѣ религіи, кромѣ дикаго язычества, осуждаютъ въ принципѣ войну. Еще еврейскіе пророки проповѣдовали умиротвореніе всего человѣчества и даже всей природы. Того же требуетъ буддійскій принципъ состраданіе ко всѣмъ существамъ. Христіанская заповѣдь любви къ врагамъ исключаетъ войну; ибо *любимый врагъ* перестаетъ быть врагомъ, и съ нимъ уже нельзя воевать. Даже воинственная религія ислама смотритъ на войну только какъ на временную необходимость, осуждая ее въ идеалѣ. „Сражайтесь съ врагами доколѣ не утвердится Исламъ“, а затѣмъ, „да прекратится всякая вражда, ибо Богъ ненавидитъ нападающихъ“. (Коранъ, сура II).

Изъ исторіи, однако, мы знаемъ, какую истребительную войну съ религіозною цѣлю вели евреи въ Ханаанѣ и что послѣдователи Магомета съ самаго начала объявили всѣмъ прочимъ народамъ священную войну. Избѣжать ея можно было лишь принятіемъ ислама, или обязательствомъ платить въ пользу правовѣрныхъ поголовную дань. Война эта была истребительна съ язычниками, нѣсколько гуманнѣе съ народами, признающими откровенныя книги (евреями, христіанами). Итакъ, насильственное обращеніе — принципъ Ислама, въ корнѣ подрывающій принципъ мира, какъ начало сожитія людей.

Историческое разсмотрѣніе войны убѣждаетъ въ томъ, что при извѣстныхъ обстоятельствахъ она не только позволительна, но даже обязательна. Авторъ дѣлаетъ вполнѣ вѣрную оговорку, что никакъ не слѣдуетъ смѣшивать войну съ борьбою за существованіе въ животномъ царствѣ и въ человѣчествѣ. Въ борьбѣ этой рѣчь идетъ не о какихъ-либо прямыхъ столкновеніяхъ или открытыхъ бояхъ, а лишь о

большей или меньшей приспособленности известнаго вида организмовъ къ внѣшней средѣ и окружающимъ условіямъ. Одерживаетъ побѣду тутъ не болѣе храбрый и сильный, а именно оказавшійся лучше приспособленнымъ къ этой борьбѣ. (Мамонты въ Сибири исчезли побѣжденные въ борьбѣ за существованіе, а куніцы побѣдили.) Войны въ первобытныя времена человѣчества происходили не отъ вынужденной борьбы за существованіе, а отъ свободной игры злыхъ страстей. То братоубійство (Авеля Каиномъ), которымъ открывается исторія, было вызвано *завистью, а не злодою*. Грозившая человѣку въ первобытную эпоху дикости нравовъ война всѣхъ противъ всѣхъ встрѣтила себѣ первую сдержку въ родовомъ бытѣ, а затѣмъ въ государствѣ. *Организація войны* въ государствѣ есть первый великій шагъ на пути къ осуществленію мира. Особенно это ясно въ исторіи обширныхъ завоевательныхъ державъ (всемирныхъ монархій). Каждое завоеваніе было здѣсь распространіемъ мира, т.-е. расширеніемъ того круга, внутри котораго война переставала быть нормальнымъ явленіемъ и становилась рѣдкою и предосудительною случайностію—преступнымъ междоусобіемъ. Несомнѣнное, хотя и полусознательное стремленіе „всемирныхъ монархій“ было—дать миръ землѣ, покоривъ всѣ народы одной общей власти. Величайшая изъ этихъ завоевательныхъ державъ — Римская имперія—прямо называла себя *миромъ — pax romana*.

Въ дальнѣйшемъ г. Соловьевъ говоритъ сжато, но мѣтко о значеніи въ дѣлѣ упроченія мира четырехъ всемирныхъ монархій древности: ассиро-вавилонской, персидской, македонской и римской, переходитъ къ роли христіанства и, опустивъ средніе вѣка, останавливается въ исторіи новыхъ временъ на дѣйствиіи трехъ общихъ фактовъ: 1) на развитіи національностей *); 2) на соотвѣтственномъ развитіи между-

*) Специально вопросу о національностяхъ авторъ отвелъ особую главу (14) въ настоящей книгѣ: „Національный вопросъ съ нравственной точки зрѣнія (стр. 348—374) и посвятилъ ему ранѣе особое изслѣдованіе: „Національный вопросъ въ Россіи“. 2 вып. 3 изд. 1891.

народныхъ связей всякаго рода, и 3) на географическомъ распространеніи культурнаго единства на весь земной шаръ.

Этотъ историческій обзоръ приводитъ нашего философа къ тому выводу, что въ настоящее время огромное большинство населенія земного шара составляетъ одно реально связанное тѣло, солидарное (если еще пока не нравственно, то уже физически) въ своихъ частяхъ. Эта солидарность обнаруживается именно въ той сферѣ, изъ которой никто выйти не можетъ—въ сферѣ экономической. Выработалось въ тѣлѣ человѣчества *общее чувствилище* (*sensorium commune*), вслѣдствіе чего каждый частный толчокъ *ощутительно* производитъ всеобщее дѣйствіе. Всякая серьезная и продолжительная война, при этихъ условіяхъ, неизбежно вызоветъ потрясенія *всемірныя*. Вотъ почему явился совершенно невѣдомый прежнимъ временамъ, *страхъ предъ войной*, который обуялъ нынѣ всѣ образованные народы. Это же свидѣтельствуеетъ о близкомъ концѣ войнъ вообще.

Благодаря экономическому единству, мы за послѣднее время избавлены отъ европейской войны, но оно не предотвратитъ отъ насъ послѣднюю и величайшую распрю между двумя столь противоположными мірами: европейскимъ и азіатскимъ. Нынѣ вводится монгольская раса (Китай и Японія) въ кругъ матеріальной европейской культуры и этотъ процессъ едва ли можетъ завершиться мирно. Эта предстоящая вооруженная борьба между Европою и монгольской Азіей будетъ, конечно, послѣднею, но тѣмъ болѣе ужасною, дѣйствительно *всемірною* войною, и не безразлично для судебъ человѣчества, какая сторона останется въ ней побѣдительницею.

Видя въ общей исторіи человѣческихъ войнъ удивительное единство и стройность, „авторъ, въ угоду своей теоріи, выставляетъ тезисъ, который не выдерживаетъ здоровой, исторической критики. Онъ признаетъ общій историческій смыслъ всѣхъ войнъ—въ борьбѣ Европы съ Азіей. Сначала, это была борьба мѣстная и символическая (троян-

ская война, съ которой начинается земная, мірская исторія челоѣчества); подъ конецъ, это будетъ борьба въ полномъ реальномъ объемѣ между тѣми двумя великими половинами на которыя нынѣ враждебно дѣлится *все* челоѣчество. Побѣда той или другой стороны дастъ миръ дѣйствительно всему міру.

Помимо борьбы Европы съ Азіею исторія полна всякихъ другихъ войнъ: чисто европейскихъ, исключительно азіатскихъ, не говоря объ Америкѣ и Африкѣ, а если указанную историческую борьбу понимать, какъ противоположность между культурой и варварствомъ, то вѣдь и Азія долгое время была носительницею культуры, которую она когда-то сообщила болѣе юной въ этомъ отношеніи Европѣ.

Мы еще вернемся ниже къ этой надвигающейся, по мысли г. Соловьева, міровой борьбѣ между бѣлою и желтою расою, а здѣсь замѣтимъ, что въ его глазахъ этотъ политическій миръ или же установленіе международнаго единства, какъ слѣдствіе названной борьбы, наступитъ къ концу времени, т.-е. историческихъ судебъ челоѣчества на землѣ, и, во-вторыхъ, развѣ это будетъ настоящій и вѣчный миръ? Имъ не прекратится борьба, даже вооруженная, между другими неполитическими элементами челоѣчества. Примѣръ Германіи у всѣхъ на глазахъ. Политическое единство ея—быль только одинъ необходимый шагъ впередъ, а никакъ не достиженіе высшей цѣли. Политическая борьба мелкихъ государствъ замѣнилась во всей Имперіи болѣе глубокою борьбою—религіозною и экономическою, ультрамонтаны и социаль-демократы оказываются страшнѣе австрійцевъ и французовъ. Когда все челоѣчество объединится политически въ формѣ ли всемірной монархіи, или же всемірнаго международнаго союза—прекратится ли отъ этого борьба франкъ-масоновъ съ клерикалами, укротится ли вражда социализма противъ имущихъ классовъ и анархизма—противъ всякой общественной и государственной организаціи? Не обнаруживаетъ ли это ту нравственную

истину, что миръ внѣшній *самъ по себѣ* еще не есть подлинное благо, а что онъ становится благомъ только въ связи съ внутреннимъ перерожденіемъ человѣчества. И только тогда, когда не теорією, а *опытомъ* будетъ познана недостаточность внѣшняго единства,—можетъ наступить полнота временъ для одухотворенія объединеннаго вселенскаго тѣла, для осуществленія въ немъ Царства Правды и Вѣчнаго мира.

Въ этихъ мысляхъ г. Соловьева много вѣрнаго, но и не мало фантастичнаго и не досказаннаго. Отодвигая наступленіе внѣшняго политическаго объединенія и замиренія человѣчества къ концу исторіи, онъ собственно отвергаетъ его реальную возможность и необходимость на землѣ. Миръ—не конецъ историческаго процесса (тезисъ авторомъ не доказанный и который, замѣтимъ, исторически и логически и доказанъ быть не можетъ), а лишь условіе его дальнѣйшаго и лучшаго осуществленія на землѣ. Совершенно произвольно перипетіи этого прогресса обусловливать существованіемъ войны, какъ закона общественной жизни, и съ замѣною ея другими, болѣе человѣчными и культурными формами борьбы, полагать въ этомъ конецъ прогрессивному развитію человѣчества. Война—пережитокъ болѣе варварскихъ эпохъ и примѣръ послѣднихъ вовсе не доказательство относительно нормальнаго роста человѣчества въ будущемъ.

Затѣмъ, конечно, внутренній миръ важнѣе внѣшняго, но установленіе послѣдняго облегчаетъ укрѣпленіе и расширеніе перваго. Замиреніе высшей области жизни не уничтожаетъ борьбы въ болѣе тѣсной и нисшей формѣ сожитія людей: миръ въ государствѣ не устраняетъ распри и вражды внутри его общинъ, сословій и т. д. Миръ въ послѣднихъ обозначаетъ ли согласіе въ семьяхъ; человѣкъ, живущій въ дружной семьѣ, свободенъ ли отъ внутренней борьбы и тяжкаго подъ часъ раздвоенія съ собственнымъ я? Что же отсюда слѣдуетъ? Внѣшній миръ на всѣхъ ступеняхъ общественной организаціи долженъ быть установленъ какъ

требованіе всей нашей современной культуры и это дастъ человѣку въ руки новыя, увеличенныя средства для водворенія болѣе важнаго и труднаго мира внутренняго.

Лично-нравственный вопросъ о войнѣ, по Соловьеву, формулируется такъ: каково бы ни было ея историческое значеніе, но война есть прежде всего убійство однихъ людей другими; но убійство осуждается нашею совѣстію, поэтому не лучше ли отказомъ отъ военной службы предотвратить для себя самую возможность случайнаго убійства? Съ этимъ разсужденіемъ можно было бы согласиться, если бы война и даже военная служба были не что иное, какъ убійство и если бы дѣло шло о свободномъ выборѣ. Но такъ ставить вопроса нельзя. И при военной службѣ сама война есть только *возможность*. Милліоны людей проходятъ чрезъ военную службу, не испытавъ дѣйствительной войны. Но и въ тѣхъ случаяхъ, когда она наступаетъ, война все-таки не можетъ быть сведена къ убійству, какъ злодѣянію. На войнѣ у отдѣльнаго солдата нѣтъ злого намѣренія убить врага, котораго онъ, при господствующемъ способѣ боя изъ дальнострѣльныхъ ружей и пушекъ, въ большинствѣ случаевъ даже не видитъ. Война, такимъ образомъ, не есть дѣло единичныхъ лицъ, пассивно въ ней участвующихъ, и съ ихъ стороны возможное убійство есть только *случайное*.

Что же касается обязательной службы, продолжаетъ авторъ, требуемой государствомъ, то вовсе не сочувствуя современному учрежденію всеобщей военной повинности, должно признать, что отказъ отъ подчиненія ему со стороны отдѣльнаго лица есть *большее зло*. Отказывающійся знаетъ, что на мѣсто его будетъ привлеченъ къ этой повинности другой и кромѣ того объявляетъ этимъ войну своему государству, вынуждая его представителей къ цѣлому ряду насильственныхъ противъ него дѣйствій. Тѣ ученія, которыя безусловно отрицательно относятся къ войнѣ и вмѣняютъ каждому въ долгъ отказывать государству въ требованіи военной службы, вообще отрицаютъ чтобы человѣкъ имѣлъ какія-нибудь обязанности къ государству. Съ

ихъ точки зрѣнія государство не болѣе, какъ шайка разбойниковъ, которые гипнотизируютъ толпу, чтобы держать ее въ повиновеніи и употреблять для своихъ цѣлей. Но видѣть въ этомъ сущность дѣла—слишкомъ наивно и менѣе всего можно при этомъ ссылаться на христіанство. Соловьевъ выдвигаетъ фактъ восполненія частной жизни общою историческою жизнію человѣчества. Это дѣлаетъ государство необходимымъ и это же создаетъ для его гражданъ обязанность ему служить и содѣйствовать его усовершенствованію.

Спеціально защищать слабыя существа, вступать съ нападающими на нихъ въ бой есть безусловная нравственная обязанность и ее нельзя ограничить своею семьею. Всѣ тягости и опасности *милитаризма* ничего не говорятъ противъ необходимости вооруженныхъ силъ. Военная и всякая вообще принудительная организація есть не зло, а слѣдствіе и признакъ зла. И пока Каиновы чувства не исчезли въ сердцахъ людей, солдатъ и городской будутъ не зломъ, а благомъ.

Война, заключаетъ этотъ отдѣлъ авторъ, была прямымъ средствомъ для внѣшняго и косвеннымъ средствомъ для внутренняго объединенія человѣчества. Разумъ запрещаетъ бросать это орудіе, пока оно нужно, но совѣсть обязываетъ стараться, чтобы оно *перестало быть нужнымъ*.

Вторая новѣйшая работа г. Соловьева о войнѣ: „*Подъ пальмами*“ вышла лишь недавно въ формѣ трехъ разговоровъ о мирныхъ и военныхъ дѣлахъ. По выдержанности и глубинѣ мыслей она значительно уступаетъ первой, но во многихъ отношеніяхъ интересна, какъ добавленіе къ ней. Указанные разговоры происходятъ въ одной изъ виллъ, расположенной у подножія Альпъ на берегу Средиземнаго моря, между пятью лицами: старымъ, боевымъ генераломъ, политикомъ, „*мужемъ совѣта*“, молодымъ княземъ, моралистомъ и народникомъ, дамой среднихъ лѣтъ, любопытной ко всему человѣческому, и г. Z., неопредѣленнаго возраста и общественнаго положенія. Поводомъ къ разговорамъ по-

служила какая-то газетная статья или брошюра насчетъ того литературнаго похода противъ войны и военной службы, который, по слѣдамъ гр. Толстого, ведется нынѣ баронессою Зуттнеръ и м—омъ Стѣдомъ. Каждому изъ участниковъ авторъ придаетъ опредѣленную роль и особую точку зрѣнія на войну, но въ этомъ діалогѣ въ цѣломъ поражаютъ неприятно три черты: большія, для главной темы излишнія отступленія; произвольный, фантастичный конецъ, и трудность подчасъ опредѣленія, гдѣ авторъ говоритъ серьезно и гдѣ въ шутку. Но остроумія много.

Генераль, какъ и подабаеть его лицу, выступаетъ горячимъ сторонникомъ войны. Единственный разъ въ жизни, когда онъ испыталъ полное нравственное удовлетвореніе и даже экстазъ, это было въ русско-турецкую войну, когда по его командѣ были избиты болѣе тысячи баши-бузуковъ, отличившихся неимовѣрною жестокостью противъ армянъ. Въ вопросахъ политическихъ онъ простъ и прямолинеенъ: онъ желаетъ, напр., чтобы мы взяли себѣ Константинополь, Іерусалимъ и вмѣсто турецкой имперіи учредили нѣсколько русскихъ военныхъ губерній, какъ въ Самаркандѣ и Асхабадѣ. Сочувствіе къ войнѣ проявляетъ и г. Z., хотя и съ иной, скорѣе нравственной точки зрѣнія. Напротивъ, политикъ проводитъ ту мысль, что хотя войною создавалось и утрачивалось государство, но теперь въ Россіи, какъ и вездѣ, военный періодъ исторіи кончился. Съ достиженіемъ народами государственнаго и національнаго бытія война потеряла смыслъ. Политикъ бросаетъ тутъ попутно взглядъ на важнѣйшія событія современности. По его мнѣнію поддержаніе Турціи необходимо: массовыя избіенія христіанъ, происходившія въ ней за послѣднее время, были-де вызваны революціонною агитаціею, съ чѣмъ конечно не согласится ни одинъ безпристрастный наблюдатель. Турцію надо постепенно и умно культивировать, примѣръ чего подають нѣмцы, и въ этомъ дѣлѣ Россія не имѣетъ своей какой-либо особой исторической миссіи, а солидарна съ прочею Европою. Также на Дальнемъ Востокѣ Россія должна дѣйстви-

вать за одно и дружно съ Англією. Вообще, нашей политикѣ ставятся двѣ задачи: 1) поддержаніе европейскаго мира, такъ какъ всякая европейская война на теперешней ступени развитія была бы безумнымъ и преступнымъ междоусобіемъ, и 2) культурное воздѣйствіе на варварскіе народы, находящіеся въ сферѣ нашего вліянія.

Но едва ли кто согласится съ презрительнымъ и несправедливымъ отзывомъ о бурахъ (разговоръ происходилъ въ апрѣлѣ прошлаго года). Буры—эти африканскіе чумаки и скотоводы—вздумали противиться англичанамъ, представителямъ высшей культуры!

Всего успокоительнѣе представляется для политика то, что современные націи не только не хотятъ, но, главное, *перестаютъ умѣть* воевать. Настоящая культура требуетъ, чтобы всякая *драка* между людьми и между націями была вовсе упразднена. Во всякомъ случаѣ мирная политика есть мѣрило и симптомъ культурнаго прогресса.

Третій разговоръ открывается вопросомъ: наступленіе мира, прекращеніе историческаго процесса, такой ускоренный замѣтный прогрессъ не есть ли симптомъ конца? А вмѣстѣ не будетъ ли это и временемъ появленія антихриста? Тутъ ставится на видъ, что это угрожающее намъ антихристіанство будетъ не простое невѣріе или отрицаніе христіанства, а религиозное *самозванство*, когда имя Христово присвоятъ себѣ такія силы въ человѣчествѣ, которыя на дѣлѣ и по существу чужды и прямо враждебны Христу и Духу Его.

Главную рѣчь ведетъ теперь г. Z, который между прочимъ утверждаетъ, что зло существуетъ въ мірѣ и не можетъ быть побѣждено однимъ несопротивленіемъ ему, такъ какъ нравственное благодѣяніе увеличиваетъ добро въ добромъ и зло—въ зломъ.

Слѣдуетъ большое отступленіе о дѣйствительномъ значеніи факта воскресенія Христа, какъ основанія нашего нравственнаго возрожденія.

Въ заключеніе этого затянувшагося разговора г. Z чи-

таетъ написанную однимъ монахомъ Пансофіемъ, *краткую повѣсть объ антихристѣ* *). Тутъ все фантастично и произвольно. Но важнѣе, что главная нить предполагаемыхъ *историческихъ* событій, менѣе чѣмъ вѣроятна.

Самый конецъ уже очень близокъ. Послѣднія событія разыгрываются на протяженіи двухъ ближайшихъ вѣковъ: XX и XXI. Антихристомъ является лицо физическое, новый всемірный римскій императоръ, но по своимъ дарованіямъ, могуществу величаемый „сверхчеловѣкомъ“. Этому предшествуетъ возникновеніе панмонголизма, или объединеніе всей желтой расы подъ владычествомъ японской династіи, нашествіе ея на Европу и покореніе послѣдней. Замѣтимъ, соединенные китайцы и японцы устремляютъ на нашу часть свѣта 4-милліонную армію, которая, по примѣру Атиллы, Батыя, будто бы снова все опять низвергаетъ и истребляетъ предъ собою. Нечего и говорить, что такіе походы азіатовъ на Европу въ наши дни должны быть отнесены къ области несбыточныхъ фантазій. Самъ г. Соловьевъ въ первой своей работѣ выражается объ этомъ пунктѣ такъ: „что касается до будущей рѣшительной борьбы между Европой и Азіей, то при всей ея большой вѣроятности, она не представляетъ для насъ безусловной, извнѣ тяготѣющей необходимости. Дѣло еще въ нашихъ рукахъ. Первое условіе для возможнаго, хотя и мало вѣроятнаго, мирнаго включенія монгольской расы въ кругъ христіанской образованности состоитъ въ томъ, чтобы сами христіанскіе народы были болѣе христіанскими, чтобы во *всѣхъ* отношеніяхъ своей собирательной жизни они руководились въ большей степени нравственными началами, нежели постыднымъ своекорыстіемъ и злою враждою экономической, національною и исповѣдною. Противъ Европы, внутренне-объединенной и дѣйствительно христіанской, Азія не имѣла бы ни оправданія борьбы, ни условій побѣды“.

Въ послѣднемъ весь корень вопроса. Европа, а говоря

*) Книжки Недѣли. Февр. 1900 г.

шире, вся бѣлая раса должна соединить свои усилія для того, чтобы предотвратить отъ себя эту борьбу съ желтою расою. Для этого, объединивъ свои силы, она должна установить надъ Китаемъ свой протекторатъ или даже приступить къ его политическому раздѣлу, не посягая на его внутреннія національныя особенности. Впрочемъ такая участь ждетъ и всю остальную Азію, кромѣ развѣ одной Японіи, которая по счастливымъ свойствамъ своего народа кажется способною къ мирному вступленію въ великій союзъ культурныхъ христіанскихъ народовъ (бѣлой расы). Такое же служебное, какъ Азія, положеніе призвана занять по отношенію къ послѣднимъ и Африка.

Впрочемъ, по Соловьеву, новое иго монголовъ надъ Европою продлится недолго—всего 50 лѣтъ, и тогда воспрянетъ наша часть свѣта и уже съ 12-милліонною арміею прогонитъ своихъ поработителей; но для того, чтобы подпасть подъ иго еще худшее—антихриста. Мы этихъ мрачныхъ видѣній нашего пророка не раздѣляемъ, но позволяемъ себѣ напомнить ему слова Господа къ апостоламъ передъ Его вознесеніемъ: „не ваше дѣло знать времена или сроки; которые Отецъ положилъ въ своей власти“.

Въ общемъ теорія Соловьева о войнѣ, какъ мы замѣтили выше, страдаетъ внутренней, логическою раздвоенностью: нравственный законъ осуждаетъ войну, но исторія ее оправдываетъ, какъ орудіе объединенія человѣчества и водворенія мира, и учитъ будто бы, что съ водвореніемъ общаго мира настанутъ и послѣднія времена съ антихристомъ во главѣ. Эти разсужденія грѣшатъ на нашъ взглядъ одинаково, какъ исторически, такъ и логически. Справедливо одинъ изъ критиковъ *) замѣтилъ Соловьеву, что способъ обращенія его съ исторіею довольно произволенъ: выбирать изъ нея подходящіе для его теоріи примѣры и оставлять въ сто-

*) Соловьевъ первоначально помѣстилъ свою статью „Смыслъ войны“ (съ нѣкоторыми измѣненіями) въ литературныхъ приложеніяхъ къ Нивѣ за 1895 г. № 7. Тогда статья эта вызвала критику *Ардашова* („Философія войны“, Русское Богатство. 1895. Окт.).

ронѣ все неподходящее. Такъ, напр., онъ говоритъ объ объединительной роли войны и умалчиваетъ объ ея разрушительной силѣ (Персидскія войны въ древней Греціи, съ одной стороны, Пелопонезская, съ другой; 30-лѣтняя война для Германіи и т. д.). Европа на пути не ко всемірной монархіи, а лишь къ единству культурному. Критикъ впадаетъ въ свою очередь въ нѣкоторое преувеличеніе, говоря: война по существу антикультурное явленіе; она никогда не была и не можетъ быть орудіемъ прогресса. Какъ явленіе въ основѣ своей антисоціальное, она не можетъ создать почвы для всемірнаго мира. Если она имѣла какое-либо объединяющее значеніе въ исторіи, то развѣ только въ политическомъ смыслѣ; да и то такое, созданное ею, политическое единство не было никогда прочно и долговѣчно, если не имѣло подъ собой извѣстной объединяющей культурной основы.

Эти мысли, строго вѣрныя для нашего времени, не вполне приложимы къ эпохамъ предшествующимъ, когда враждебность и изолированность народовъ естественно вызывали противъ себя, какъ реакцію, войну; но г. Ардашевъ вполне правъ, когда упрекаетъ г. Соловьева въ квіетистическомъ примиреніи съ войною, въ силу его увѣренности въ томъ, что будто она должна исчезнуть сама собою, въ силу естественнаго хода вещей, а не при помощи дружныхъ усилій со стороны людей. Объединеніе человѣчества, а вмѣстѣ съ нимъ и прекращеніе войнъ осуществится на землѣ не путемъ всемірной рѣзни, а посредствомъ развитія въ людяхъ гуманныхъ чувствъ, сознанія обще-человѣческой солидарности и дружнаго ихъ сотрудничества на почвѣ духовной и матеріальной культуры.

II.

Гораздо болѣе сочувственно, нежели Соловьевъ, относится къ войнѣ другой нашъ извѣстный философъ и политическій писатель *Б. Н. Чичеринъ*. Въ своемъ послѣднемъ, лишь недавно вышедшемъ сочиненіи «*Философія права*» *),

*) Москва, 1900 г. Сочиненіе это печаталось ранѣе въ журналѣ: «Вопросы философіи и психологія».

онъ отводитъ послѣднюю, четвертую книгу, человѣческимъ союзамъ и сообразно давнишней своей точкѣ зрѣнія признаетъ таковыми лишь: семейство, гражданское общество, церковь и государство. Въ этой классификаціи нѣтъ мѣста международному союзу, какъ самостоятельной формѣ сожитія людей, но, не смотря на это, „международныя отношенія“ занимаютъ заключительное мѣсто въ этой книгѣ, а слѣдовательно и во всемъ сочиненіи автора. Тутъ между прочимъ формулируетъ онъ и свою теорію войны *). Онъ несогласенъ съ тѣми, которые отрицаютъ у международныхъ отношеній названіе права. Договоръ все-таки остается юридическимъ обязательствомъ, связывающимъ волю сторонъ; съ нимъ всегда связано и право принужденія, но въ дѣйствительности это право не всегда можно приложить,—препятствіе, встрѣчающееся и въ другихъ областяхъ права, но принимающее въ международныхъ отношеніяхъ болѣе рѣзкую форму вслѣдствіе отсутствія высшей, принудительной власти, господствующей надъ сторонами. Подобная власть не допустима по Чичерину въ принципѣ, ибо „государство, какъ верховный союзъ, само является судьей своего права и только собственною силою оно можетъ приводить его въ дѣйствіе“. Отсюда заключеніе: „все здѣсь **) окончательно рѣшается силою“ (причемъ же тогда международное право, если оно не объективный и высшій порядокъ и для государства?). Но не менѣе логичнымъ изъ этой теоріи былъ бы и другой выводъ, отвергаемый однако авторомъ: подчиненіе человѣчества всемірному государству, особенно вслѣдствіе присущаго государствамъ стремленія къ усиленію. Чичеринъ отрицаетъ (и тутъ нельзя съ нимъ не согласиться) вѣрность самой идеи всемірнаго государства какъ съ практической, такъ равно и съ философской точки зрѣнія. Но онъ едва ли правъ, когда полагаетъ, что

*) Нѣкоторыя черты ея намѣчены авторомъ въ его „Политикѣ“, вышедшей въ 1898 г., и которыя мы имѣли случай рассмотреть въ другомъ мѣстѣ (Cosmopolis; 1898, авг. и сент.).

**) Т.-е. въ международной области.

человѣчество, какъ нѣчто цѣльное и единое, не имѣть и, по самой своей природѣ, не можетъ имѣть совокупной организациі? Такая организациія—международная уже складывается именно въ силу реальныхъ требованій современной жизни и выше мы видѣли, что Соловьевъ ближе къ истинѣ, когда онъ говоритъ о наблюдаемомъ уже теперь сложении культурнаго міра въ одно реально связанное тѣло съ общимъ чувствилищемъ. Весь вопросъ только въ томъ, какова должна быть эта новая и широкая, международная организациія? Авторъ говоритъ, что таковая могла бы опираться только либо на церковной, либо же на государственной власти; но обѣ эти комбинаціи неосуществимы и не вѣрны. Специально государство имѣть прочныя основы лишь тогда, когда покоится на народности. И этотъ принципъ вѣренъ не только для его единичной, но и для союзной формы. Всѣ федеративныя формы, по Чичерину, предполагаютъ или мѣстное или національное единство, которое составляетъ реальную основу государственной власти.

Съ послѣднимъ утверженіемъ можно однако не согласиться: федераціи представляютъ новую политическую форму, переходную отъ государственныхъ къ международнымъ и историческій ростъ которой далеко еще не завершился. На нашихъ глазахъ дѣлаются попытки превратить Англію съ ея колоніями въ имперскую федерацію самоуправляющихся частей и замѣтны стремленія С. Штатовъ къ включенію въ свой составъ прочихъ республикъ Новаго Свѣта.

Отсутствіе международной организациі, по автору, восполняется двумя путями: осложненіемъ интересовъ и развитіемъ нравственнаго начала.

Сильное государство всегда поработало бы слабѣйшее, если бы въ дѣйствительности не сдерживалось существованіемъ многихъ, болѣе или менѣе равносильныхъ государствъ, которыя всѣ наблюдаютъ другъ за другомъ и не допускаютъ кому-либо усиливаться или расширять свои владѣнія на счетъ слабѣйшихъ. На этомъ основана система политическаго равновѣсія, которая играетъ (вѣрнѣе было

бы сказать играла) первенствующую роль въ международныхъ отношеніяхъ. Къ сдержкамъ, проистекающимъ отъ существованія рядомъ самостоятельныхъ государствъ, г. Чичеринъ присоединяетъ и тѣ, которыя порождаются развитіемъ торговыхъ сношеній.

Что же касается до господства и признанія нравственнаго начала, то онъ сознается, что доселѣ вытекающія отсюда, въ международной жизни, сдержки „очень не велики“. Это-то и дѣлаетъ, скажемъ мы, столь необходимою международную организацію. Но она не будетъ повтореніемъ организаціи государственной, а лишь ея восполненіемъ.

Нравственный законъ, говоритъ г. Чичеринъ, не-воспрещаетъ войнъ, но онъ требуетъ: 1) чтобы по возможности смягчались проистекающія изъ нихъ бѣдствія; 2) чтобы онѣ велись только во имя высшихъ, нравственныхъ цѣлей, а не по прихоти правителей и не для притѣсненія другихъ.

Въ первомъ отношеніи нельзя не признать весьма значительныхъ успѣховъ, благодаря смягченію нравовъ, развитію дисциплины и успѣхамъ кодификаціи законовъ и обычаевъ войны.

Что же касается до второго требованія, то, продолжаетъ авторъ, „въ настоящее время, какъ и прежде, цинизмъ своекорыстія выставляется во всей своей наготѣ. Государство попрежнему остается единственнымъ судьей своихъ интересовъ. Право силы считается единственнымъ рѣшителемъ судебъ народовъ. То, что покорено оружіемъ, признается неотъемлемою принадлежностію завоевателя. Цѣлыя области отторгаются отъ одного государства, съ которымъ онѣ связаны самыми тѣсными узами, и насильственно присоединяются къ другому, безъ всякаго вниманія къ ихъ чувствамъ, желаніямъ и интересамъ. Такимъ образомъ людямъ приказываютъ мѣнять свои привязанности по волѣ всемогущей власти; всякое стремленіе сохранить прежнія связи считается преступленіемъ. И для достиженія этихъ результатовъ самымъ беззастѣнчивымъ образомъ употребляются коварство и обманъ, прикрывающіеся благовиднымъ пред-

логомъ интересовъ государствъ“. Примѣры этому мы видимъ даже во второй половинѣ нынѣшняго столѣтія: включеніе Шлезвигъ-Голштейна въ составъ Пруссіи; насильственное отторженіе Эльзась-Лотарингіи отъ Франціи. Къ этому можно прибавить: завоеваніе С. Штатами Филиппинъ, Англією республикъ Буровъ.

Въ отличіе отъ Соловьева, полагающаго, какъ мы видѣли выше, что эра европейскихъ войнъ уже миновала, Чичеринъ предсказываетъ Европѣ, въ ближайшемъ будущемъ цѣлый рядъ военныхъ осложненій и потрясеній. Слишкомъ уже много накопилось-де горючаго матеріала. Съ объединеніемъ Германіи вмѣсто подушки въ центрѣ Европы воздвиглась колоссальная батарея, которая и заставляетъ всѣ сосѣднія государства напрягать свои военныя силы до крайнихъ предѣловъ. „При такихъ условіяхъ возможно ли въ настоящее время, спрашиваетъ авторъ, мечтать о прекращеніи войнъ? Очевидно, это остается только несбыточнымъ чаяніемъ умовъ, витающихъ въ облакахъ и потерявшихъ всякое сознаніе дѣйствительности. Нечего думать и объ уменьшеніи вооруженій. Лицемернымъ предлогомъ для ихъ постоянного увеличенія служитъ желаніе сохранить миръ, а истиннымъ поводомъ является опасеніе войны, которая, при натянутыхъ отношеніяхъ, готова вспыхнуть по малѣйшему поводу. Исходомъ изъ этого положенія можетъ быть только установленіе болѣе или менѣе нормальнаго строя въ международныхъ отношеніяхъ. Старая система, основанная исключительно на равновѣсіи государственныхъ силъ, окончательно рушилась; требуется новая, основанная на равновѣсіи народныхъ силъ; но для этого надобно, чтобы каждой народности предоставлено было право располагать своею судьбою по собственному изволенію, или образуя самостоятельное государство, или примыкая къ тому отечеству, съ которымъ она связана своими чувствами и интересами. Проповѣдники мира, вмѣсто того, чтобы распространяться объ ужасахъ войны, которые всѣмъ извѣстны, должны настаивать именно на этомъ требованіи, ибо оно

составляетъ предварительное условіе всякаго мирнаго сожительства. Нечего и говорить, что они этого не дѣлають, да и не могутъ дѣлать, ибо шансовъ на проведеніе этихъ мыслей весьма мало“.

Намъ отраднo видѣть, уважаемаго писателя въ числѣ защитниковъ принципа національности, проводимаго особенно итальянскими интернаціоналистами и Лораномъ. Только напрасно упрекаетъ онъ друзей мира въ равнодушіи къ этому принципу. Они отстаиваютъ его горячо и съ талантомъ, но справедливо видятъ въ осуществленіи его одну лишь, хотя и важную сторону стоящей на очереди международной реформы, которая безъ международной организациіи вообще не достижима. Пока же мы будемъ, по отношенію къ международной жизни, стоять на принципиальной точкѣ зрѣнія г. Чичерина, никакая такая реформа не мыслима и изображаемая имъ въ этой области безобразія будутъ продолжаться до скончанія вѣковъ. Это говоритъ намъ и онъ самъ, хотя и въ противорѣчіе съ сейчасъ приведеннымъ его желаніемъ чтобы „установился болѣе или менѣе нормальный строй въ международныхъ отношеніяхъ“ и „могла возникнуть новая система, основанная на равновѣсіи народныхъ силъ“. Вотъ эти слова Чичерина, на которыя мы намекаемъ: „такъ какъ государство, какъ верховный державный союзъ, по существу своему, есть явленіе силы, и равновѣсіе государствъ есть равновѣсіе силъ, то это историческое явленіе объясняется самою природою вещей. И такъ будетъ продолжаться, пока исторія не достигнетъ нормального порядка, удовлетворяющаго всѣмъ человѣческимъ потребностямъ. Но такой порядокъ „будетъ концомъ самой исторіи“.

Какъ и для г. Соловьева, установленіе мира является для г. Чичерина концомъ развитія исторіи человѣчества. Мысль произвольная, во всякомъ случаѣ требующая доказательства и ими обоими недоказанная.

„Вѣчный миръ,—читаемъ мы въ заключеніе у автора,—о которомъ мечтають моралисты, можетъ быть только вѣн-

помъ всего развитія челоѣчества. Желательно ли ускорить этотъ результатъ, и счастливѣ ли будутъ чувствовать себя люди, когда передъ ними не будетъ перспективы дальнѣйшихъ стремленій и битвъ, объ этомъ судить мудрено. Для того, чтобы имѣть надлежащее понятіе о такомъ состояніи, надобно его испытать, а до этого еще весьма далеко. Пока челоѣчество находится еще въ состояніи развитія и броженія. Философія можетъ представить ему конечную цѣль, какъ отдаленное будущее, но отнюдь не проповѣдуя немедленной ея реализаціи и не закрывая глазъ на дѣйствительныя условія земного бытія. Только черезъ это она можетъ оставаться на трезвой почвѣ научнаго пониманія“.

III.

Изложенныя мысли о войнѣ двухъ видныхъ нашихъ писателей интересны во многихъ отношеніяхъ: не только потому, что онѣ до извѣстной степени восполняютъ другъ друга и имѣютъ нѣкоторыя крупныя черты сходства, но и еще болѣе въ силу того, что ясно показываютъ намъ необходимость болѣе серьезнаго и всесторонняго изученія философами великой проблемы о войнѣ.

Много предразсудковъ и отжившихъ теперь уже положеній встрѣтятъ они тутъ на каждомъ шагу. Но вѣрный путь, по которому имъ должно итти, указанъ еще Кантомъ, въ его небольшой, но глубокой работѣ: „Zum ewigen Frieden“, вышедшей въ самый разгаръ французской революціи *). Положенія, выставленныя въ ней отцомъ критической философіи частью стали подтверждаться послѣдующими событіями, частью не потеряли доселѣ своего значенія и осуществятся со временемъ.

Другой великій философъ, глава утилитарной школы, Бентамъ, тоже выступилъ на защиту мира, долженствующаго замѣнить войну. Широкая и плодотворная задача ждетъ философовъ въ наши дни, если только они захотятъ

*) О ней см. дѣльную брошюру *Тихомирова*: „Вѣчный миръ въ философскомъ проектѣ Канта“, 1899 г.

отнестись къ ней, какъ люди живые и съ полнымъ безпристрастіемъ и независимостью мысли. Дѣло ихъ по отношенію къ войнѣ сводится въ области мышленія къ двоякой задачѣ: они должны, съ одной стороны, выяснить войну, какъ явленіе историческое, которое при извѣстныхъ условіяхъ имѣло свои основанія и оправданія въ прошломъ, нынѣ все рѣшительнѣе исчезающія (или даже во многомъ исчезнувшія); съ другой стороны, они призваны путемъ критическаго и тщательнаго изученія общества и его строя на современной ступени культуры, ясно установить тѣ многообразныя перемѣны, которыя совершились въ войнѣ, какъ въ явленіи общественномъ. При этомъ изслѣдователю само собою придется проникнуться убѣжденіемъ о все возрастающемъ несоотвѣтствіи войны всему современному культурному строю, который чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе требуетъ рѣшительнаго и общаго признанія мира, какъ основнаго принципа человѣческаго общежитія.

Но на этихъ теоретическихъ выводахъ философу нельзя успокоиться: онъ долженъ признанныя имъ здравыя понятія о войнѣ проводить въ жизнь и поддерживать ихъ всѣмъ авторитетомъ своего знанія и опыта. Эта пропаганда во имя разума имѣетъ для общества громадное, но уже чисто практическое значеніе. Въ жизни народовъ, какъ и въ жизни человѣка, идеи предшествуютъ событіямъ, хотя нерѣдко и изъ нихъ возникаютъ. Человѣчество въ продолженіе тысячелѣтій воспитывалось въ идеяхъ, приемахъ и привычкахъ войны. Теперь его нужно, въ силу новаго болѣе глубокаго и вѣрнаго воззрѣнія на нравственный долгъ и по требованіямъ всей нашей новѣйшей культуры, перевоспитать сообразно съ принципомъ мира.

Задача громадная, но неустраняемая, если мы не хотимъ предать нашу культуру въ руки новыхъ варваровъ (будь то внѣшнихъ или внутреннихъ). Въ рѣшеніи этой задачи призваны принять участіе всѣ органы и силы общественной и духовной жизни человѣчества, каждый въ отведенной ему области и согласно съ своими средствами и назначеніемъ.

Въ этой просвѣтительной и освободительной работѣ не могутъ оставаться въ сторонѣ философы. Но работать имъ слѣдуетъ совмѣстно съ историками и юристами.

Мы отъ души желаемъ, чтобы и Московское Психологическое Общество занесло въ свою программу разработку этихъ вопросовъ о войнѣ и мирѣ, столь важныхъ для человѣка и для общества, даже съ точки зрѣнія тѣхъ задачъ, которыя собственно оно преслѣдуетъ.

Положенія.

1. Споры о характерѣ и назначеніи войны особенно оживились за послѣднее время и вызвали обширную литературу.
2. Желательно, чтобы научною разработкою этого вопроса занялось и Московское Психологическое Общество.
3. Въ послѣднихъ своихъ трудахъ высказались о войнѣ В. С. Соловьевъ и Б. Н. Чичеринъ. Мысли ихъ, при нѣкоторомъ сходствѣ, представляютъ, однако, не мало между собою и различій.
4. По мнѣнію Соловьева въ войнѣ слѣдуетъ различать не одинъ, а три вопроса: общенравственный (теоретическій), историческій и лично-нравственный (практический), но конечный его выводъ страдаетъ нѣкоторою двойственностью и нерѣшительностью мысли.
5. Въ отличіе отъ Соловьева, положившаго въ основаніе своихъ разсужденій нравственный принципъ, Чичеринъ смотритъ на войну преимущественно съ политической точки зрѣнія и стоитъ подъ видимымъ давленіемъ, съ одной стороны, фактовъ прошлаго, съ другой—философіи Гегеля.
6. Задача философіи, по отношенію къ войнѣ, сводится къ тому, чтобы путемъ критическаго и самостоятельнаго изученія войны, содѣйствовать распространенію въ обществѣ здравыхъ о ней понятій и въ особенности выставлять все возрастающее несоотвѣтствіе ея всему современному культурному строю, требующему рѣшительнаго и общаго признанія, какъ основнаго начала общежитія, принципа мира.

29 Апрѣля,
1900 г.

Гр. Л. Камаровскій.

Объ авторѣ діалога Протагоръ.

I.

По общему и повидимому, окончательно установившемуся мнѣнію діалогъ *Протагоръ* есть несомнѣнное произведение Платона. Въ недавно вышедшемъ 8-мъ выпускѣ сочиненія вѣнскаго профессора Теодора Гомперца: *Griechische Denker—eine Geschichte der antiken Philosophie*, авторъ излагая и оцѣнивая между прочимъ *Протагора*, обозначаетъ его какъ одинъ изъ величайшихъ и самыхъ блестящихъ діалоговъ, никогда не затронутый никакимъ дыханіемъ полозрѣнія (einer der grössten und glänzendsten Dialoge, der niemals von einem Hauch des Verdachtes gestreifte Protagoras S. 226). А далѣе (S. 250) Гомперць называетъ это произведение вѣнцомъ и вершиною (Krone und Gipfel) философскаго творчества Платона въ его сократическую эпоху.

Правда Гомперць вообще въ вопросѣ о подлинности отличается консерватизмомъ, но и самый радикальный изъ всѣхъ Платоновскихъ критиковъ Шаршмидтъ, оставившій Платону только девять діалоговъ *), то-есть лишь одну четверть произведеній, приписанныхъ ему древностью,—и тотъ не рѣшился оспаривать подлинности этого діалога, котораго принадлежность Платону имѣетъ за себя такимъ образомъ *единогласное* мнѣніе всѣхъ критиковъ. Однако если въ другихъ случаяхъ, гдѣ предвзятость и произвольность радикальной критики бросаются въ глаза, достаточно бываетъ

*) Именно: *Протагора*, *Горгія*, *Федона*, *Феэтета*, *Фэдра*, *Пиршествво*, *Государство*, *Тимея* и *Законы*.

противупоставить ей согласіе большинства ученыхъ, то въ вопросѣ о *Протагорѣ* нельзя ограничиться указаніемъ даже на ихъ единогласіе: сомнѣнія въ принадлежности этого прекраснаго діалога нашему философу вызываются самимъ существомъ дѣла.

Только на это существо и можно опираться въ настоящемъ случаѣ, такъ какъ внѣшнихъ свидѣтельствъ, разумѣю—прямыхъ и близкихъ, о принадлежности, или непринадлежности этого діалога Платону до насъ не дошло. Можно признать доказаннымъ лишь то, что Аристотель зналъ нашъ діалогъ (см. статью *Боница* въ *Hermes* III, 447 ff.), но на авторство Платона нѣтъ здѣсь никакого указанія, или намека. Два мѣста въ *Протагорѣ*—одно *по всей вѣроятности*, а другое *навѣрное*—имѣлись въ виду Аристотелемъ. Первое мѣсто (321, С) находится въ Протагоровомъ миѣ объ устроеніи земли, гдѣ говорится, что Эпимеей по непредусмотрительности обдѣлилъ родъ человѣческой, оставивъ его безъ тѣхъ природныхъ удобствъ и орудій, которыми снабжены прочія животныя (см. выше стр. 19); это мѣсто имѣется вѣроятно въ виду Аристотелемъ (*De part anim.* IV, 10), когда онъ отвергалъ мнѣніе говорящихъ, что человѣкъ устроенъ хуже всѣхъ животныхъ, будучи по природѣ необутъ, неодѣтъ и безоруженъ: *ἀλλ' οἱ λέγοντες ὡς συνέστηκεν οὐ καλῶς ὁ ἄνθρωπος ἀλλὰ χεῖριστα τῶν ζώων (ἀνυποδητόν τε γὰρ αὐτόν εἶναι φάσι καὶ γυμνόν καὶ οὐκ ἔχοντα ὄπλον πρὸς τὴν ἀλκὴν) οὐκ ὀρθῶς λέγουσιν.*—Это сопоставленіе само по себѣ не можетъ дать больше, чѣмъ простую вѣроятность, такъ какъ дѣло идетъ лишь о такомъ размышленіи, которое Аристотелю могло быть прямо извѣстно оттуда же, откуда оно было извѣстно Протагору, или автору діалога, именно изъ общаго житейскаго мнѣнія. Но рѣшающее значеніе для вопроса имѣютъ слова Аристотеля въ *Никомаховой Этикѣ* (VII, 3): *δεινόν γὰρ ἐπιστήμης ἐνούσης, ὡς φησι Σωκράτης ἄλλο τι κρατεῖν καὶ περιέλαει αὐτόν (τὸν ἐπιστάμενον) ὥσπερ ἀνδράποδον.* Здѣсь Аристотель прямо ссылается на слова Сократа въ нашемъ діалогѣ противъ отрицающихъ самостоятельной и пра-

вящей силы познанія, а думающихъ о немъ, что его, прямо какъ невольника, другіе всѣ тащутъ въ разныя стороты—*ἀτελεύτως διαγοούμενοι περὶ τῆς ἐπιστήμης ὡσπερ περὶ ἀνδραπόδου, περιελαομένης ὑπὸ τῶν ἄλλων ἀπάντων* (352, В). Тождество сравненія съ невольникомъ и выраженія *περιέλασεν*, а главное—прямое указаніе на Сократа—*ὅς ἦτο Σωκράτης*—ставятъ выше всякаго сомнѣнія, что Аристотель читалъ нашъ діалогъ. Но насчетъ авторства Платона нельзя извлечь отсюда достаточнаго указанія. Діалоги, гдѣ говорилъ Сократъ, писались многими авторами и помимо Платона, всѣ свидѣтельства о принадлежности ему *Протагора* относятся къ позднѣйшему времени, и слѣдовательно вопросъ можетъ быть рѣшаемъ только на внутреннихъ основаніяхъ.

II.

Идущее изъ древности обозначеніе нашего діалога *Πρωταγόρας ἢ Σοφισταί* совершенно соотвѣтствуетъ его дѣйствительному содержанию, которое даетъ намъ не портретъ одного образцоваго софиста,—какъ на примѣръ въ *Ионѣ* мы имѣли такой портретъ одного типичаго рапсода,—а цѣлую картину, въ которой Протагоръ занимаетъ срединное положеніе, не заслоня однако характерные образы другихъ софистовъ. Изобразить въ живыхъ чертахъ всю софистику—*das ganze Sophistenwesen*, это, очевидно, и было первою задачею для автора діалога. А достаточно ясное—и въ частностяхъ, и въ цѣломъ отрицательное отношеніе ко всей софистикѣ, и противупоставленіе ей всей одного Сократа, какъ носителя положительной истины, несомнѣнно доказываетъ, что авторомъ діалога былъ одинъ изъ учениковъ Сократа. Безспорно высокія (хоть и преувеличенныя нѣкоторыми критиками, на примѣръ, тѣмъ же Гомперцемъ) достоинства исполненія показываютъ въ этомъ сократовомъ ученикѣ значительнаго писателя съ художественнымъ талантомъ, а общій мягкій тонъ разговора, его изящная веселость и выдержанное до конца незлобіе и взаимное уваже-

ніе между спорящими указываютъ, что писатель этотъ былъ человѣкъ тонкаго остроумія съ широкими и свѣтлыми взглядами, гуманный и общительный. Судя по содержанію главныхъ частей діалога, авторъ несомнѣнно былъ философомъ по призванію.

Но то же содержаніе діалога заранѣе устраняетъ мысль объ авторствѣ всѣхъ философовъ Сократовой школы, кромѣ двухъ: Платона и Аристиппа *). Остановимся сначала на второмъ, о которомъ, насколько мнѣ извѣстно, никогда еще не было серьезной рѣчи въ критической литературѣ, какъ о соперникѣ Платона по авторскимъ правамъ на *Протагора*.

Между тѣмъ тезисъ о наибольшемъ удовольствіи, какъ истинной цѣли и нормѣ человѣческой жизни — тезисъ съ твердой увѣренностью и особымъ одушевленіемъ излагаемый Сократомъ въ *Протагорѣ* и охотно принимаемый всѣми собесѣдниками (Prot. 351 В — 358 С.), выражаетъ собою сущность основанной Аристиппомъ евдемонической, гедонической, или по мѣсту — киренайской философіи. А тотъ фактъ, что авторъ діалога безъ всякихъ оговорокъ и объясненій влагаетъ это довольно специфическое ученіе прямо въ уста Сократа какъ его собственное, — вызываетъ, я думаю, естественный вопросъ: былъ ли этимъ авторомъ Платонъ, и если да, то какія основанія могъ онъ имѣть, чтобы представить учителя такимъ рѣшительнымъ послѣдователемъ одного изъ своего учениковъ?

III.

Прежде всего вспомнимъ объективное отношеніе между ученіями Сократа и Аристиппа. Послѣдній былъ еще молодымъ, но уже зрѣлымъ и умственно-самостоятельнымъ человѣкомъ, когда слава Сократа привлекла его въ Аѣины,

*) Никто сколько-нибудь знакомый съ исторіею древней философіи, если прочтетъ *Протагора*, не потребуетъ у меня доказательствъ того, что всякій вопросъ о возможномъ авторствѣ Евклида Мегарскаго, или Фѣдона Элидскаго, или Антисена, — заранѣе безусловно исключенъ.

а личное обаяніе великаго совопросника заставило кире-найскаго гостя навсегда примкнуть къ Сократовой школѣ и, не отказываясь отъ собственного образа мыслей, окры-лить его нравственнымъ паѳосомъ учителя. Обстоятельно разсмотрѣвши все, что мы знаемъ объ Аристиппѣ и его взглядахъ, лучшей доселѣ знатокъ греческой философіи, Целлеръ, заключаетъ, что этотъ философъ отклоняется отъ первоначальнаго направленія Сократова ученія еще дальше, чѣмъ Антисеенъ. „Евдемонистическое воззрѣніе на жизнь, которое для Сократа было лишь вспомогательнымъ пред-ставленіемъ, чтобы оправдать нравственное стремленіе пер-едъ рефлексіей, возводится у Аристиппа въ принципъ, и сократовское знаніе должно поступить на службу этому принципу; философія становится какъ у софистовъ лишь средствомъ для особыхъ цѣлей единичнаго человѣка, вмѣ-сто познанія истины имѣется въ виду лишь индивидуальная образованность, состоящая собственно въ житейской муд-рости и въ искусствѣ наслажденія... И если болѣе глубокое содержаніе сократовой философіи и не совсѣмъ здѣсь про-падаетъ, то оно подчиняется тому, что у самого Сократа было лишь пристройкой (Aussenwerk), противорѣчившей его настоящему принципу; такъ что, хотя мы не можемъ прямо назвать Аристиппа лжесократовцемъ (Pseudosokrati-ker), какъ это дѣлалъ Шлейермахеръ, однако, должны его обозначить не только вообще какъ *односторонняю со-кратовца*, но и опредѣленнѣе *какъ тою между односторон-ними сократовцами, кто меньше всѣхъ проникъ въ средоточіе сокра-товской философіи* (so müssen wir ihn doch nicht bloß über-haupt als einen einseitigen Sokrater, sondern noch bestimm-ter als denjenigen unter den einseitigen Sokratern bezeichnen, der am wenigsten in den Mittelpunkt der sokratischen Philosophie eingedrungen ist). Съ другой стороны, продолжаетъ Целлеръ, рядомъ съ этимъ не сократическимъ содержаніемъ ари-стиппова ученія нельзя не признать въ немъ и сократиче-ское. Соединеніе этихъ-то двухъ элементовъ и составляетъ особенность этой философіи. Одинъ есть собственно ученіе

о наслажденіи, другой—ближайшее его опредѣленіе сократическимъ требованіемъ научной разсудительности, тотъ принципъ, что *разумныя* есть единственное средство истиннаго удовольствія“ *).

Въ указанномъ мѣстѣ нашего діалога весьма отчетливо выступаютъ оба составные элемента аристиппова ученія, основательно различенные Целлеромъ. Въ этой бесѣдѣ съ Протагоромъ Сократъ сжато, но точно и съ видомъ глубокаго убѣжденія излагаетъ сущность... киренайской философіи. Протагоръ, какъ и всѣ софисты, занимался теоріей нравственности не по существу, а болѣе со стороны различенія и классификаціи добродѣтелей. Спорящій съ нимъ Сократъ настаиваетъ на общей основѣ нормальныхъ дѣйствій, опредѣляя ее со стороны субъективно-матеріальной какъ стремленіе къ удовольствію, а со стороны формальной какъ сравнительный расчетъ познаваемыхъ удовольствій по ихъ величинѣ, или силѣ. Это взглядъ Аристиппа, а не Сократа. Замѣтимъ, что хотя научный анализъ позволяетъ и требуетъ различать въ киренайской философіи, какъ это дѣлаетъ Целлеръ, не-сократовскій и сократовскій элементъ, но что въ дѣйствительности это ученіе имѣетъ цѣльный характеръ и что сократовскій элементъ здѣсь всегда окрашенъ такъ сказать въ Аристипповъ цвѣтъ, что видно и въ мнимо-сократовомъ разсужденіи и въ нашемъ діалогѣ. Настоящій Сократъ, сводя добродѣтель къ распознаванію истиннаго *блага*, никогда не разумѣлъ подъ этимъ только измѣреніе удовольствія, или оцѣнку со сторонѣ величины и силы. Въ сократовскую оцѣнку благъ входилъ объективный признакъ нравственнаго достоинства и недостойности, въ силу котораго извѣстныя блага, хотя они сдѣлались самыми сильными и прочными, не перестаютъ быть ложными, или недостаточными, и отреченіе отъ нихъ по существу заслуживаетъ нравственнаго одобренія.

*) Zeller, Die Philosophie der Griechen, 2 Thiel, 1 Abth. (3 Aufl.) стр. 332—3.

Этотъ чисто нравственный элементъ, существенный для сократова ученія, не вошелъ въ философію Аристиппа, и онъ отсутствуетъ также въ мнимо-сократовыхъ рѣчахъ нашего діалога, такъ что мы имѣемъ здѣсь изложеніе *специфически*-киренайской, а не обще-сократовской точки зрѣнія. Но какія же основанія могъ имѣть авторъ діалога для того, чтобы дѣлать изъ Сократа горячаго послѣдователя, одного изъ его учениковъ и притомъ именно того, который былъ наиболѣе далекъ отъ главнаго воззрѣнія учителя? Объ основаніяхъ объективныхъ при совершенно-опредѣленномъ и коренномъ различіи сократовой этики отъ гедонизма, не можетъ быть рѣчи.

Слѣдовательно нужно искать основаній психологическихъ, или субъективныхъ.

IV.

Если бы Платонъ былъ авторомъ нашего діалога, то рѣшительно невозможно съ какою-нибудь тѣнью вѣроятности дать опредѣленные психологическія основанія, по которымъ бы онъ могъ подставить Аристиппа вмѣсто Сократа. Никакихъ указаній на то, чтобы Платонъ когда-нибудь былъ въ тѣсномъ единомысліи съ Аристиппомъ не существуетъ, а можно, напротивъ, найти ясные слѣды ихъ взаимной антипатіи и антагонизма.

Вся дѣятельность Платона достаточно говоритъ за то, какъ дорогъ ему былъ образъ учителя, возведенный имъ до идеальнаго совершенства въ такихъ діалогахъ какъ *Фэдонъ* и *Пиршество*, и по какому побужденію сталъ бы онъ рядить въ этотъ дорогой образъ такого посторонняго и чуждаго, если не прямо враждебнаго ему человѣка, какъ Аристиппъ?

Эта внутренняя несообразность представляла бы во всякомъ случаѣ большую трудность для критики, если бы она ее замѣчала. Но и тутъ находить себѣ примѣненіе слово объ отпѣживаемыхъ комарахъ и проглатываемыхъ верблюдахъ. Критика не обратила даже достаточнаго вниманія на тотъ

любопытный фактъ, что въ нашемъ діалогѣ нѣкоторыя мысли, несомнѣнно принадлежащія дѣйствительному Сократу, влагаются въ уста не ему, а его противнику въ разговорѣ, оспариваемому имъ Протагору (Ср., напримѣръ, Protag. 333—334 съ Memorab. Xenoph. III, 8). Между тѣмъ для возможности такого приѣма совершенно необходимо принять, что авторъ діалога имѣлъ въ предметѣ не собственное ученіе Сократа, а то особое видоизмѣненіе, какое оно приняло у Аристиппа, спорящаго здѣсь съ Протагоромъ; интересъ автора, очевидно, состоялъ здѣсь въ томъ, чтобы прикрыть авторитетомъ учителя взгляды одного изъ его учениковъ, именно Аристиппа, влагаемые для этого въ уста Сократу. Но ясно, что у Платона такого интереса никакъ не могло быть. И когда Протагоръ въ діалогѣ высказываетъ общую нравственную истину, входившую въ азбуку сократовой этики, именно что пріятныя вещи могутъ быть или хорошими, или дурными, смотря по своему внутреннему достоинству, по какому побужденію могъ бы Платонъ заставить *своего* Сократа усердно, хотя и неубѣдительно, *опровергать* это всегдашнее убѣжденіе дѣйствительнаго Сократа, какъ мы видимъ въ діалогѣ, гдѣ эта странность плохо сглаживается тѣмъ, что носителемъ истинно-сократоваго воззрѣнія выступаетъ не Сократъ, а спорящій съ Сократомъ Протагоръ. Въ результатѣ получается та новая странность, что этический взглядъ софиста, хотя и представляется неиспровергнутымъ посредствомъ діалектическихъ дистинкцій Сократа, однако остается по существу на болѣе высокомъ уровнѣ, нежели (мнимый) взглядъ величайшаго изъ моралистовъ, сведенный здѣсь къ расчетливому эгоизму, — тогда какъ Протагоръ, напротивъ, съ самаго начала разговора стоитъ на почвѣ альтруизма и собирательнаго нравственнаго сознанія. Уже въ его прекрасномъ *мионъ* ярко выступаетъ самостоятельность нравственнаго начала въ двухъ своихъ опредѣленіяхъ, *αἰδώς* и *δίκη*, при чемъ оба эти опредѣленія по существу своему выходятъ за предѣлы личнаго блага, — *ἵκεῖν πύλεων ἄβροτοί τε καὶ δεσμοὶ φιλίας συναγωγοί*. И

можно ли повѣрить, что въ отвѣтъ на этотъ твердый и величавый образъ мыслей знаменитаго софиста „божественный Платонъ“ заставитъ „мудрѣйшаго изъ эллиновъ„ выступить съ теоріей измѣненія пріятныхъ и непріятныхъ ощущеній?

Протагоръ въ своей притчѣ даетъ лишь возвышенное и весьма изящное выраженіе общему нравственному сознанию, всегда безусловно различающему *постыдное* отъ *нефасетливаго* и *неправедное* отъ *невыгоднаго*. А противъ этого голоса общечеловѣческаго разума Сократъ нашего діалога выставляетъ частную мысль, особую индивидуалистическую теорію. И это еще не бѣда; но бѣда въ томъ, что индивидуальность, высказывающаяся въ этой мысли, не есть ни Сократовская, ни Платоновская, а только Аристипповская. Кто же былъ авторъ діалога?

V.

Если не ошибаюсь, рѣшительное основаніе, въ силу котораго единогласная совокупность критиковъ, *ничто же сумняся*, приписывала Протагора Платону, заключалось въ художественномъ достоинствѣ этого діалога. Мы видѣли какъ новѣйшій ученый Гомперцъ, говоря съ восторгомъ о красотѣ *Протагора*, не допускаетъ подъ этимъ впечатлѣніемъ и мысли о возможности какихъ-нибудь подозрѣній насчетъ его платоновскаго происхожденія. Что нашъ діалогъ съ литературной стороны есть произведеніе незаурядное, и что мѣстами изобразительный талантъ достигаетъ въ немъ истиннаго совершенства,—это несомнѣнно. Тѣмъ не менѣе это есть произведеніе, въ общемъ, неравнаго достоинства. Вслѣдствіе отсутствія должной перспективы отдѣльные части производятъ больше впечатлѣнія, чѣмъ цѣлое, живость образовъ слишкомъ перевѣшиваетъ интересъ разсужденія, которое распадается на нѣсколько отдѣльныхъ темъ, лишенныхъ общаго средоточія и ясной связи и послѣдовательности. Разборъ Симонидова стихотворенія слишкомъ длинень, чтобы служить для перехода отъ одного

разсужденія къ другому, и слишкомъ безсодержателенъ для самостоятельной темы. А заканчивается діалогъ такъ небрежно, что и Протагоръ, и Сократъ, и все общество совсѣмъ забываютъ о настоящей причинѣ бесѣды—о юномъ Иппократѣ. Такимъ образомъ и со стороны художественной формы было бы несправедливо ставить этотъ діалогъ наравнѣ съ *Фэдромъ* и *Фэдономъ*, *Пиршествомъ* и первую книгою *Государства*.

Но помимо этого, каковы бы ни были достоинства формы, они сами по себѣ позволяли бы только заключить, что это литературное произведеніе достойно такого писателя, какъ Платонъ, но дѣйствительное авторство нашего философа, разъ есть серьезное основаніе возбудить о немъ вопросъ, должно, очевидно, опираться на другія основанія: вѣдь Платонъ все-таки не былъ единственнымъ мастеромъ слова въ эту эпоху.

Представимъ себѣ, что по случайнымъ обстоятельствамъ изъ всѣхъ сочиненій Лермонтова до насъ дошелъ бы только Герой Нашего Времени, съ подписью неизвѣстной руки, приписывавшей это произведеніе Пушкину, всѣ сочиненія котораго сохранились. Разумѣется по своему языку, яркости образовъ, живости положеній, этотъ романъ вполне достоинъ такого писателя, какъ Пушкинъ, за которымъ огромное большинство критиковъ и утвердило бы авторское право безъ всякихъ сомнѣній и подозрѣній, создавши такимъ образомъ историко-литературную традицію. И тѣмъ не менѣе, если бы впослѣдствіи явился критикъ, который, не оспаривая художественнаго достоинства формы въ Героѣ Нашего Времени, сталъ бы утверждать, что по содержанію, по внутреннимъ признакамъ этотъ романъ не могъ быть написанъ Пушкинымъ, а принадлежитъ тому Лермонтову, котораго всѣ другія сочиненія хотя и потеряны, но личный характеръ и взгляды, достаточно засвидѣтельствованные современниками, совершенно подходятъ къ внутреннимъ признакамъ Героя Нашего Времени,—то этотъ критикъ, хотя можетъ быть не нашель бы поддержки, однако былъ бы правъ.

Вѣроятно инымъ читателямъ покажется страннымъ, что, оставляя за Платономъ авторство мелкихъ сократическихъ діалоговъ (не исключая даже *Тетиса* *), я отнимаю у него *Протагора*,—этотъ блестящій „вѣнецъ“ всѣхъ сократическихъ его произведеній (по мнѣнію Гомперца). И въ самомъ дѣлѣ *Протагоръ* настолько же важнѣе *Тетиса*, насколько, напримѣръ *Отцы и Дети* значительнѣе *Барышни-Крестьянки*, которая, однако, несмотря на свою маловажность, несомнѣнно написана великимъ Пушкинымъ, а болѣе значительное произведеніе столь же несомнѣнно принадлежитъ другому, менѣе великому, но тоже въ своемъ родѣ превосходному автору. Было бы нелѣпо переносить авторство *Протагора* съ Платона на какого-нибудь темнаго и ничтожнаго писаку, но характеръ и достоинство Аристиппа какъ нельзя болѣе соотвѣтствуютъ и содержанію и достоинствамъ этого діалога, который не могъ быть написанъ Платономъ не потому, чтобы литературно былъ его недостойнъ, а потому, что Платонъ не могъ дѣлать изъ Сократа рѣшительнаго гедоника, учителя или ученика Киренайской школы.

VI.

Если нѣкоторые новѣйшіе критики значительно упрощаютъ свою задачу тѣмъ, что просто не замѣчаютъ главной трудности, то ихъ заслуженные предшественники хорошо ее видѣли, но не желая отказываться отъ укоренившейся традиции, прибѣгали къ разнымъ болѣе или менѣе правдоподобнымъ соображеніямъ, которыя я долженъ подвергнуть краткому разбору.

По мнѣнію Шлейермахера, Штейнгарта и другихъ сократова защита гедонизма въ нашемъ діалогѣ была только *пропойей*: Сократъ издѣвается здѣсь надъ Протагоромъ, показывая какъ легко сбить съ толку знаменитаго софиста самыми несостоятельными разсужденіями. Такое мнѣніе не

*) См. Творенія Платона, т. 1.

Вопросы философіи, кн. 53.

подтверждается текстомъ. Въ діалогѣ есть мѣста, гдѣ Сократъ иронизируетъ, но они не принадлежатъ къ разсужденію о гедонизмѣ, гдѣ Сократъ говоритъ съ совершенно серьезнымъ убѣжденіемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что въ словахъ Сократа специально-гедоническое положеніе (тоже-ство добра съ пріятнымъ и зла съ непріятнымъ) стоитъ въ тѣснѣйшей и чисто-аристипповской связи съ истинно-сократовскимъ положеніемъ о зависимости добродѣтели отъ знанія,—объ мысли высказываются съ совершенно-одинаковымъ отношеніемъ къ нимъ говорящаго, и если это отношеніе есть иронія, то, спрашивается, надъ кѣмъ иронизируетъ Сократъ? Предметомъ ироніи здѣсь могъ быть, конечно, не Протагоръ, стоящій въ этомъ случаѣ на другой точкѣ зрѣнія и притомъ близкой къ истинно-сократовскому образу мыслей, а только Аристиппъ, идеи котораго вложены въ уста Сократу. И если бы авторомъ діалога былъ Платонъ, то отчего бы ему въ самомъ дѣлѣ и не смѣяться надъ своимъ соученикомъ, но не единомышленникомъ? Удобно ли ему было заставлятъ Сократа смѣяться надъ преданнымъ ему ученикомъ,—это другой вопросъ, не требующій, впрочемъ, разрѣшенія, такъ какъ ни малѣйшаго намека или признака не только Сократовской или Платоновской, но и вообще какой-нибудь ироніи, или насмѣшки при изложеніи гедоническаго принципа въ нашемъ діалогѣ нельзя усмотрѣть, а излагается онъ тономъ убѣжденія и внушенія, при чемъ совершенно ясно, что излагать его такимъ образомъ можетъ не Сократъ, рожденный Софронискомъ, а также и не Сократъ, созданный Платономъ, а лишь Сократъ, придуманный авторомъ, стоящимъ на точкѣ зрѣнія Аристиппа.

Въ отличіе отъ Шлейермахера и Штейнгарта, болѣе объективный Целлеръ, не находя въ нашемъ діалогѣ никакого ироническаго отношенія къ гедонизму, а вмѣстѣ съ тѣмъ понимая невозможность серьезной проповѣди этого ученія со стороны Сократа и Платона, утверждаетъ, что Сократъ здѣсь высказывалъ гедоническія положенія, хотя

серьезно, но не въ качествѣ своихъ дѣйствительныхъ убѣжденій, а лишь гипотетически, для цѣли аргументаціи опираясь на мнѣнія толпы, или многихъ—*τῶν πολλῶν*. Но страннымъ образомъ Целлеръ впалъ здѣсь въ явную ошибку: его указаніе прямо противорѣчитъ тексту, гдѣ гедоническое воззрѣніе мнимаго Сократа справедливо представлено какъ *несогласное* съ общимъ мнѣніемъ, и здѣсь Сократъ упрекаетъ своего противника Протагора за то, что онъ, Протагоръ, раздѣляетъ мнѣніе толпы отвергаемое Сократомъ: *Τί δ᾽ ἴ, ὦ Πρωταγόρα; μή καί σύ, ὥσπερ οἱ πολλοί, ἡδέα ἄτα καλεῖς κακά καὶ ἀνισά—ἀγαθά*. И въ самомъ дѣлѣ точка зрѣнія, защищаемая Сократомъ этого діалога, никогда не была общимъ мнѣніемъ: она была лишь ученіемъ школы, именно школы Киренайской. Чуждое общему сознанію это ученіе никогда не исповѣдывалось съ другой стороны и историческимъ Сократомъ, который навѣрное иначе бы жилъ и иначе бы умеръ, если бы былъ расчетливымъ гедоникомъ; а навязывать ему эту чуждую доктрину могъ, конечно, лишь ея убѣжденный сторонникъ между его учениками.

Любопытно, что въ своемъ гедонистическомъ разсужденіи, сводящемъ добродѣтель къ расчетливому предпочтенію большихъ удовольствій меньшимъ, Сократъ нашего діалога останавливается какъ разъ передъ тѣмъ пунктомъ, по которому Аристиппу нечего было сказать, тогда какъ историческій Сократъ и тѣмъ болѣе Платонъ могли говорить дальше и дѣйствительно говорили, — разумью отношеніе между добродѣтелью и смертью. Объясняя гедонически добродѣтель мужества, Сократъ діалога говоритъ, что разумный человѣкъ правильно рассчитываетъ, что сумма прочныхъ удовольствій, происходящихъ для него отъ его мужества—почетъ и уваженіе согражданъ, укрѣпленіе и увеличеніе общественнаго благосостоянія, дѣлающія и его жизнь болѣе пріятною и т. д.—превышаютъ сумму кратковременныхъ тягостей и лишеній, сопряженныхъ съ военною службою. Но при этомъ забывается необходимая для дѣйствительнаго мужества рѣшимость рисковать самою жизнью, а слѣдо-

вательно и всѣми ея мнимо-прочными удовольствіями. Ясно, что никакого разсчета сравнительной величины удовольствій какъ окончательнаго основанія поступковъ не можетъ здѣсь быть, такъ какъ всѣ возможныя величины удовольствій, входящія въ счетъ, при несуществованіи дѣйствительнаго субъекта, испытывающаго удовольствіе, одинаково равняются нулю. Всякое субъективное мѣрило необходимо упраздняется съ упраздненіемъ субъекта въ смерти. Эта истина выяснилась подъ конецъ и въ школѣ Аристиппа (Гегезій *πεισιδαντος*), но ему самому она еще не была ясна. Что Платонъ и историческій Сократъ понимали несостоятельность субъективнаго принципа удовольствія, какъ основанія этики—не можетъ быть сомнѣній, и слѣдуетъ только удивляться силѣ предвзятаго убѣжденія, заставляющей К. Ф. Германа для спасенія платоновской подлинности нашего діалога утверждать, что гедонизмъ выведеннаго въ немъ Сократа былъ дѣйствительнымъ убѣжденіемъ историческаго Сократа и Платона въ самые ранніе его годы, къ которымъ Германъ по нуждѣ относитъ сочиненіе *Протагора*.

Джорджъ Гротъ, напротивъ, относитъ нашъ діалогъ къ наиболѣе зрѣлымъ произведеніямъ Платона (*The Protagoras, belongs, in my opinion, to Plato's most perfect and mature period. Grote, Plato etc. 2—d ed. 1867, II 88*). Несоотвѣтствіе между гедонистическою проповѣдью Сократа въ *Протагорѣ* и тѣмъ, что онъ высказываетъ въ другихъ діалогахъ, вполне признается англійскимъ историкомъ; но онъ по своему обычаю не разрѣшаетъ узелъ вопроса, а разрушаетъ его. Приписать Платону и даже въ „наиболѣе совершенный и зрѣлый его періодъ“ самые противорѣчивые и несовмѣстимые взгляды легче для консервативнаго историка, нежели хоть разъ усомниться въ непогрѣшимости Эразилла и его каталога.

Впрочемъ въ настоящемъ случаѣ этотъ главный аргументъ подкрѣпляется (и чрезъ то ослабляется) у Грота робкимъ указаніемъ на то, что гедонистическое разсужденіе мнимаго Сократа—очень высоко оцѣненное другомъ

Милля, не выставляется въ самомъ діалогѣ какъ окончательное рѣшеніе вопроса. Это обстоятельство, неважное для Грота, достаточно обеспеченнаго своею непоколебимою вѣрою въ Эразилла, было бы важно для насъ, какъ открывающее единственную возможность съ вѣроятіемъ стоять за авторство Платона. Итакъ, мы должны въ точности разобрать, что именно говорить здѣсь текстъ діалога.

VII.

Во многихъ Платоновыхъ, или приписанныхъ Платону діалогѣхъ главный собесѣдникъ, Сократъ, разбирая какой-нибудь спорный философскій вопросъ, не приходитъ ни къ какому опредѣленному и положительному рѣшенію, такъ какъ всѣ предложенныя другими собесѣдниками и имъ самимъ рѣшенія или опредѣленія, по тщательному разбору оказываются несостоятельными одно вслѣдъ за другимъ. И если бы въ нашемъ діалогѣ Сократъ, изложивши гедонистическое рѣшеніе нравственнаго вопроса, или давши то опредѣленіе добродѣтели, что она въ сущности есть разсчетливое предпочтеніе большаго удовольствія меньшему, — затѣмъ показалъ несостоятельность, или недостаточность такого взгляда, хотя бы и не замѣняя его никакимъ другимъ, то, разумѣется, мы не имѣли бы никакого повода съ этой стороны сомнѣваться въ авторствѣ Платона, не говоря уже о возможности предполагать авторство Аристиппа.

Но въ нашемъ діалогѣ мы видимъ нѣчто совсѣмъ другое. Сократъ въ концѣ произноситъ длинную и прерываемую лишь знаками согласія рѣчь, въ которой развиваетъ ученіе гедонизма, выражая при этомъ свою полную увѣренность въ безспорной истинѣ этого ученія. И онъ особенно подчеркиваетъ именно неоспоримость своихъ заключеній: *μηδ' ἄλλη ἔχει, φαίηται ἄν, ταῦτα, ὃ ἀνθρώποι; οἷδ' ὅτι οὐκ ἄν ἔχοιεν ἄλλως λέγειν* (356 с.). И по окончаніи этой длинной рѣчи (*μακρὸς λόγος*), съ содержаніемъ которой прочіе собесѣдники охотно и безусловно соглашались, а Протагоръ, хотя и не

охотно, однако долженъ былъ согласиться,—Сократъ указываетъ лишь на одно обстоятельство, касающееся не существа дѣла (тутъ же имъ опредѣляемаго—*πῶς ποτ'ἔχει τα περὶ τῆς ἀρετῆς καὶ τί ποτ'ἔστιν αὐτό ἢ ἀρετῆς*), а лишь практическаго вопроса объ изучаемости, или преподаваемости добродѣтели. По этому вопросу неожиданно произошелъ обмѣнъ ролей между собесѣдниками: Сократъ, сначала утверждавшій, что добродѣтели нельзя научить, теперь, на основаніи своего теоретическаго разбора самой добродѣтели, какъ зависящей отъ знанія, долженъ заключать къ ея изучимости, а Протагоръ, сначала стоявшій за эту изучимость, затѣмъ незамѣтно для самого себя защищалъ такое положеніе, изъ котораго логически слѣдовала невозможность научиться добродѣтели. Указавъ на эту неожиданную перемену ролей, Сократъ высказываетъ свою всегдашнюю готовность вернуться при случаѣ къ новому разсмотрѣнію этихъ предметовъ. Безъ такого заявленія діалогъ пришлось бы кончить простымъ торжествомъ Сократа, побѣдившаго въ спорѣ знаменитаго софиста при единодушномъ согласіи прочихъ собесѣдниковъ. Подобное окончаніе было бы и не художественно и не соотвѣтствовало бы тому тону благородной общительности, которымъ проникнута вся бесѣда. Заключительная рѣчь Сократа не указываетъ никакихъ объективных логическихъ основаній для пересмотра вопроса о добродѣтели. Вѣдь прежде высказанное мнѣніе Сократа, что нельзя научить добродѣтели, опиралось на такіе аргументы, которые Протагоръ убѣдительно опровергъ, и Сократъ, не продолжая съ нимъ спора по этому предмету, перешелъ къ другому—къ вопросу о сущности добродѣтели, при чемъ къ внѣшнимъ соображеніямъ своего собесѣдника присоединилъ внутреннія, по которымъ изъ самаго существа добродѣтели, какъ измѣрительнаго знанія (*μετρήσιμη*) большихъ и меньшихъ удовольствій, вытекало ея свойство—быть предметомъ наученія. По этому послѣднему, прикладному вопросу Сократъ переимѣнилъ такимъ образомъ свое мнѣніе на совершенно достаточныхъ основаніяхъ, про-

тивъ которыхъ затѣмъ ни съ чьей стороны не было предъ-
явлено никакихъ возраженій и сомнѣній, такъ что онъ по
праву могъ полагать, что путемъ правильнаго разсужденія
достигъ истиннаго опредѣленія добродѣтели, и прежній
ошибочный взглядъ не могъ самъ по себѣ его смущать или
требовать новаго изслѣдованія вопроса. Съ другой стороны
у Протагора не было собственно переменъ мнѣнія, а толь-
ко обнаружилось, что его вѣрное и по мысли Сократа по-
ложеніе *ὅτι διδακτὸν ἡ ἀρετὴ* не было имъ самимъ до конца
продумано, и когда его собесѣдникъ раскрылъ логическія
основанія этого положенія, то Протагору оставалось толь-
ко съ нимъ согласиться и признать, что Сократъ сильнѣе
его въ діалектикѣ. Но Сократъ, вѣрно изображенный въ
своемъ характерѣ, хотя и не въ ученіи, авторомъ нашего
діалога, долженъ былъ въ своихъ словахъ смягчить это за-
ключеніе, и такъ слишкомъ ясное, долженъ былъ пощадить
самолюбіе знаменитаго софиста и свою собственную скром-
ность. И онъ это прекрасно дѣлаетъ въ такой безобидной
и ни къ чему не обязывающей фразѣ: *ἐγὼ οὖν, ὃ Πρωταγόρα,
πάντα ταῦτα καθ' ὁρῶν ἀνω κάτω παραπτόμενα δεινῶς, πᾶσαν προθυμίαν
ἔχω καταπαύειν αὐτὰ γενέσθαι, καὶ βουλοίην ἂν ταῦτα διεξιελθόντας ἡμᾶς
ἐξελεῖν καὶ ἐπὶ τὴν ἀρετὴν ὃ τι ἐστὶ καὶ πάλιν ἐπισκεψασθαι περὶ αὐτοῦ,
εἴτε διδακτὸν, εἴτε μὴ διδακτὸν κτλ.*

Заключительная рѣчь Сократа въ нашемъ діалогѣ есть
только *актъ учтивости* по отношенію къ Протагору, кото-
рый, отлично это понявъ и оцѣнивъ, поспѣшилъ отплатить
тѣмъ же: *Καὶ ὁ Πρωταγόρας, Ἐγὼ μὲν, ἔφη, ὃ Σώκρατες, ἐπαίνω σοὶ
τὴν προθυμίαν καὶ τὴν διέξοδον τῶν λόγων κτλ.*

VIII.

Кромѣ главнаго, внутренняго основанія предпочесть ав-
торство Аристиппа Платоновскому есть еще второстепен-
ное обстоятельство, которое само по себѣ не могло бы
имѣть рѣшающаго значенія, но при наличности главнаго
аргумента можетъ служить ему подтвержденіемъ. Отноше-

ніе къ софистамъ въ нашемъ діалогѣ иное, чѣмъ въ прочихъ и притомъ болѣе соотвѣтствующее характеру Аристиппа, нежели Платона. Тутъ нѣтъ ни глубокой вражды, ни гнѣва, ни издѣвательства, ни рѣзкой каррикатуры, а только легкая усмѣшка и безобидное подчеркиваніе типичныхъ особенностей. И Протагоръ и Продикъ и Гиппій изображены здѣсь прежде всего какъ разумные и порядочные люди, тогда какъ въ Платоновомъ *Евтидемѣ*, напримѣръ, два разговаривающіе тамъ знаменитые софиста выставлены какими-то распушенными школьниками, или шутами гороховыми. Въ нашемъ діалогѣ ни одинъ изъ софистовъ не говоритъ никакихъ глупостей, а первая рѣчь Протагора настолько хороша, что апологетъ древней софистики, историкъ Гротъ, приписывающій, разумѣется, этотъ діалогъ Платону, утверждаетъ, что, рѣчь вложенная авторомъ въ уста Протагору, есть одна изъ лучшихъ частей Платоновыхъ писаній (I think it one of the best parts of Platonic writings), а изложеніе здѣсь (324 В., С.) карательнаго принципа—*ἀποτροπῆς γούμ̄ ἐνεκα κολάζει*—онъ признаетъ однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ мѣстъ не только у Платона, но и вообще у какого бы то ни было древняго писателя (This clear and striking exposition of the theory of punishment is one of the most memorable passages in Plato or in any ancient author). Такую же высокую оцѣнку дѣлаетъ и Штейнгартъ. Но можно ли признать правдоподобнымъ, чтобы Платонъ, заставивши Сократа проповѣдовать если не враждебное, то во всякомъ случаѣ чуждое ему ученіе гедонизма, лучшую рѣчь въ діалогѣ предоставилъ софисту Протагору? Если бы это былъ Платоновскій діалогъ, то роль Сократа въ немъ была бы совершенно непонятна. Онъ и его главный собесѣдникъ проповѣдуютъ два лжеученія (съ точки зрѣнія предполагаемаго автора), прочіе съ ними соглашаются, а истина, если не въ смыслѣ исповѣданія, то въ смыслѣ серьезнаго исканія, представляемая обыкновенно Сократомъ, остается вовсе безъ представителя и безъ всякаго яснаго указанія на нее. При авторствѣ Платона въ этомъ діалогѣ нѣтъ

смысла въ цѣломъ и много безсмыслицы въ частяхъ, и никакого удовлетворительнаго объясненія этому произведенію я пока не вижу.

Иначе станетъ дѣло, если только допустить авторство Аристиппа. Съ точки зрѣнія этого философа гедонизмъ есть истина, и значитъ учитель Сократъ является въ достойной его роли исповѣдника и проповѣдника истины. Съ другой стороны, отсутствіе всякой полемической остроты отношенія къ софистамъ, разумныя и прекрасныя рѣчи, вложенныя въ уста Протагора—не могутъ вызывать при авторствѣ Аристиппа никакого недоумѣнія, такъ какъ этотъ философъ долженъ былъ иначе относиться къ софистамъ и въ особенности къ Протагору, нежели Платонъ. Въ теоретической философіи Аристиппъ усвоилъ себѣ сенсуалистическую точку зрѣнія Протагора: подлиннымъ основаніемъ истины и для него была субъективная и относительная дѣйствительность единичныхъ ощущеній. Аристотель прямо причисляетъ Аристиппа къ софистамъ; самъ же онъ считалъ себя ученикомъ Сократа. При этомъ одинаково естественно для него было бы и вложить свое ученіе гедонизма въ уста Сократа, и представить Протагора, хотя и не учителемъ истины, но все-таки говорящимъ прекрасныя и здравомысленныя рѣчи. Авторъ діалога относится къ первенствующему софисту именно такъ, какъ долженъ бы былъ относиться къ нему Аристиппъ. Черты опредѣленнаго комизма оставлены на долю другихъ софистовъ, Продика и Гиппия, съ которыми Аристотель не имѣлъ близкаго соотношенія, а тѣсно связанный съ нимъ въ теоретическомъ образѣ мыслей Протагоръ изображенъ съ минимальною долей ироніи и съ большою долей уваженія,—провозвѣстникомъ же главной истины—гедонизма, является все-таки Сократъ, которому принадлежитъ и первое и послѣднее слово діалога.

Во всякомъ случаѣ, можно сказать, что въ содержаніи *Протагора* нѣтъ ни одной сколько-нибудь значительной черты, которую нельзя было бы приписать Аристиппу какъ авто-

ру, тогда какъ нѣкоторыя весьма существенныя особенности этого діалога прямо несомвѣстимы съ авторствомъ Платона. Всесторонней и обстоятельной защиты этого авторства я не нашелъ въ литературѣ „Платоновскаго вопроса“, и теперь мнѣ остается по этому предмету указать на одно свидѣтельство древности, которое, хоть и не содержитъ, я увѣренъ, прямого и достовѣрнаго факта, однако показываетъ, до какой степени вѣроятно авторство Аристиппа.

IX.

Младшій современникъ Аристиппа Теопомпъ обвинялъ Платона въ плагиатъ изъ Аристипповыхъ діатрибъ. (*Διατριβαί*). Это обвиненіе (сообщаемое Аѣинеемъ — XI, 508 С) было безъ сомнѣнія ложно, но самый фактъ обвиненія доказываетъ не только писательство Аристиппа (въ чемъ нѣкоторые критики напрасно сомнѣвались), но и однородность и приблизительную равноцѣнность нѣкоторыхъ его писаній съ нѣкоторыми произведеніями Платона. Иначе обвиненіе—будь то злонамѣренное, или только ошибочное—было бы невысказуемо: никто ни по ошибкѣ, ни по дурному умыслу не обвинилъ бы Жуковскаго, напримѣръ, въ плагиатахъ изъ Баркова. А если современникъ обоихъ философовъ, Теопомпъ, могъ безъ явной нелѣпости приписывать Платону присвоеніе Аристиппова произведенія, то тѣмъ болѣе позднѣйшіе читатели и переписчики могли сами приписать дѣйствительное произведеніе Аристиппа Платону,—безо всякой вины и повода со стороны великаго философа. Есть извѣстіе, что сочиненія Аристиппа не были распространены въ Аѣинахъ, что ихъ извѣстность ограничивалась его родиной Киреной, гдѣ оставалась его школа. Есть указаніе, что и написаны были эти сочиненія уже по возвращеніи философа изъ Аѣинъ на родину. Малая распространенность сочиненій Аристиппа внѣ его мѣстной школы объясняетъ и фактъ ихъ исчезновенія и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ нѣкоторую вѣроятность тому предположенію, что какой-нибудь

случайно попавшій въ Аеины списокъ одного изъ этихъ рѣдкихъ сочиненій могъ быть по общимъ признакамъ приписанъ Платону (*on ne grête qu'aux riches*), соответственно надписанъ и затѣмъ, многократно переписываемый уже въ качествѣ Платонова діалога, попасть въ каталогъ Эразилла и такимъ образомъ приобрести традиціонный авторитетъ. Это тѣмъ болѣе вѣроятно, что несомнѣстимость гедонистическихъ разсужденій этого діалога съ авторствомъ Платона бросается въ глаза лишь въ концѣ діалога, а по началу всякій легко можетъ принять его за Платоновскій, особенно въ виду подкупающаго мастерства, съ какимъ изображены живыя лица и положенія.

Но вѣдь и Аристиппъ бывшій по всему, что о немъ сообщается, человѣкомъ весьма остроумнымъ и талантливымъ, проявлялъ, конечно, эти свойства и въ своихъ довольно многочисленныхъ сочиненіяхъ, о которыхъ Діогенъ Лаэртій сообщаетъ краткія и безсвязныя, но довольно опредѣленныя свѣдѣнія, не исключаяющія возможности нашего предположенія. Рядомъ съ тремя книгами историческими Діогенъ указываетъ одну, содержащую двадцать пять діалоговъ, написанныхъ одни на аттическомъ, другіе на дорійскомъ діалектѣ: Τοῦ δὲ κρηναίου φιλοσόφου φέρεται βιβλία, τρία μὲν ἱστορίας τῶν κατὰ λιβύην ἀπεσταλμένα Διονυσίῳ ἓν δὲ, ἐν ᾧ διάλογοι πάντε καὶ εἴχοντο, ᾧ μὲν Ἀττικῶν, οἱ δὲ Δωρικῶν διαλέκτῳ γεγραμμένοι (Diog. Laert lib. II, cap. VIII, sect. 6) Очевидно каждый изъ этихъ діалоговъ былъ очень небольшихъ размѣровъ, но бросающееся въ глаза отсутствіе строгаго единства и цѣльности въ нашемъ *Протагорѣ*, разнопредметность этого произведенія именно наводитъ на мысль, что оно составилось изъ нѣсколькихъ, повидимому, шести, связанныхъ между собою маленькихъ діалоговъ.

Въ концѣ своего библиографическаго извѣстія Діогенъ приводитъ списокъ Аристипповыхъ произведеній по Сотіону и по Панэтію, и во главѣ этого списка стоятъ два сочиненія: объ образованности и о добродѣтели (*Περὶ παιδείας* и *Περὶ ἀρετῆς*); а въ другомъ мѣстѣ (lib X, cap. I, sect. 3) упоми-

нается еще сочиненіе объ *удовольствіи* (Περὶ τῆς ἡδονῆς). Возможно допустить, что эти три сочиненія, не упоминаемыя Діогеномъ въ его собственномъ списокѣ, были тремя главными изъ тѣхъ двадцати пяти діалоговъ, о которыхъ онъ говоритъ, не передавая ни ихъ заглавія, ни ихъ предмета. А эти три сочиненія по предмету своему прямо соотвѣтствуютъ тремъ изъ шести отдѣловъ, на которые естественно распадается діалогъ *Протагоръ* (см. ниже).

X.

Что нашъ *Протагоръ* сложился изъ шести маленькихъ діалоговъ—это есть, конечно, лишь вѣроятное предположеніе, которое было бы *необходимо* лишь въ томъ случаѣ, если бы были прямыя и положительныя указанія, что это сочиненіе входило въ ту книгу 25 діалоговъ, о которой говоритъ Діогенъ Лаэртій. Но такъ какъ подобныхъ указаній нѣтъ, то можно предположить и то, что *Протагоръ* былъ обнародованъ Аристиппомъ приблизительно въ теперешнемъ своемъ видѣ какъ одно цѣлое сочиненіе, которое вовсе не вошло въ Діогеновъ списокъ Аристипповыхъ твореній потому, что гораздо ранѣе Діогена уже было приписано Платону въ *Аѳинахъ*. Что касается до каталога Сотіона и Панэтія, то если и отказаться отъ предположеній, что *Протагоръ* находится тамъ своими главными частями въ видѣ сочиненій *Περὶ παιδείας* и *Περὶ ἀρετῆς*, — его отсутствіе въ этомъ каталогѣ не представило бы серьезнаго затрудненія. Во-первыхъ, за полноту и точность воспроизведенія Діогеномъ стараго списка Аристипповыхъ сочиненій нѣтъ никакого ручательства да и никакого вѣроятія: такъ какъ ко времени Діогена принадлежность *Протагора* Платону успѣла стать твердымъ преданіемъ, то если бы Діогенъ и нашелъ этотъ діалогъ въ списокѣ Аристипповыхъ произведеній, онъ, конечно, не задумался бы исправить такую „ошибку“; а во-вторыхъ, весьма вѣроятно, что и подлинный каталогъ Сотіона и Панэтія не содержалъ въ себѣ *Протагора*, какъ уже въ ихъ время приписаннаго Платону.

Но, спрашивается, какимъ образомъ самый фактъ этого *qui pro quo* могъ произойти на глазахъ прямыхъ учениковъ Аристиппа, которые, конечно, не могли быть равнодушными къ тому, чтобы у ихъ учителя похищали авторскія права на такое во всякомъ случаѣ значительное произведение, какъ *Протагоръ*? Съ какими однако ограниченіями можно сказать, что совершавшееся въ Аѳинахъ происходило на глазахъ у Киринейцевъ? Ни философскихъ журналовъ, ни сѣздовъ вѣдь не было, и все было предоставлено случайностямъ личныхъ сношеній. Тѣмъ не менѣе дошедшее до насъ извѣстіе о Теопомповомъ обвиненіи Платона въ плагиатъ именно изъ Аристопповыхъ сочиненій показываетъ, что были какіе-то слухи и толки о литературныхъ недоразумѣніяхъ около именъ этихъ двухъ философовъ. Точнаго разслѣдованія и разъясненія дѣла мы не въ правѣ ожидать вообще по условіямъ этого времени, да если бы это и было произведено, то конечно лишь тѣми, кто былъ тутъ прямо заинтересованъ, то-есть учениками Аристиппа, но ничего изъ написаннаго ими,—ни въ цѣломъ видѣ, ни въ отрывкахъ,—до насъ не дошло. Вообще же при имѣющихся у насъ данныхъ, находить какую-нибудь непреодолимую историческую трудность въ предположеніи, что Аристипповъ діалогъ былъ ошибочно приписанъ Платону, можно только забывая о существенно различныхъ условіяхъ писательской дѣятельности и книжнаго обращенія въ теперешнія и тогдашнія времена.

Слѣдуетъ замѣтить, что ни малѣйшаго намека на какую-нибудь отличительно Платоновскую мысль, или точку зрѣнія мы въ этомъ діалогѣ не находимъ. Здѣсь нѣтъ ни одной фразы и ни одного слова, которое бы требовало Платона какъ автора, и есть многія страницы къ ряду, притомъ наиболѣе опредѣленныя и существенныя по содержанию, которыя наталкиваютъ на мысль объ авторствѣ Аристиппа. И если принять это предположеніе, то образъ Платоновской философіи освободится отъ такой прибавки, которая совершенно несомвѣстима съ его цѣльностью и единст-

вомъ. Я по крайней мѣрѣ рѣшительно отказываюсь представить хотя бы только генетическое построение Платоновой философіи какъ чего-то осмысленнаго, если нужно включить туда гедонизмъ, навязанный Сократу авторомъ *Протагора*. Этотъ діалогъ написанъ не мальчикомъ, а взрослый Платонъ не былъ гедонистомъ и не могъ навязывать этого ученія Сократу. —

Подвергнувъ свое мнѣніе критикѣ нѣсколькихъ уважаемыхъ специалистовъ по филологіи и философіи (въ закрытомъ засѣданіи философскаго петербургскаго общества) я хотя остаюсь при прежнихъ мысляхъ, но считаю необходимымъ пополнить ихъ новымъ разборомъ нѣкоторыхъ сторонъ вопроса, что и будетъ мною сдѣлано особо.

Владиміръ Соловьевъ.

Поиски за міросозерцаніемъ *).

VI.

Идеи Дидро, вѣроятно, сохранили бы ту самую форму, какую имъ придалъ *Сонъ Даламбера*, можетъ быть Дидро и еще энергичнѣе выразилъ бы отдѣльныя частности и сущность своей системы, но на пути его энтузіазма встрѣтился беззавѣтный прозелитизмъ новой вѣры, и Дидро вынужденъ былъ, возставая противъ чужихъ увлеченій, внести существенныя поправки въ свои собственныя.

Мы знаемъ, самыя крайнія увлеченія отрывочными свѣдѣніями изъ области естествознанія являлись совершенно естественными, при увлекательности и новизнѣ предмета, и особенно при страстномъ желаніи отыскать систему на смѣну католической доктрины. Уже Дидро въ высшей степени любительски пользовался фактическимъ матеріаломъ; могли найтись еще болѣе смѣлые любители: весь вопросъ заключался въ воображеніи, въ степени его горячности. У Дидро воображеніе было широкое, у Ламетри, по словамъ Фридриха II, — *пламенное*, у Гольбаха, по наблюденіямъ Вольтера, — *чувствительное*, а у Гельвеція такое, что Дидро находить нужнымъ поминутно заявлять по его адресу: *Mon ami vous extravaguez!* **).

Какое изъ этихъ трехъ воображеній было первоисточникомъ — вопросъ неразрѣшимый. По времени сочиненія Ла-

*) См. 52 кн. «Вопр. Филос.».

**) Отзывъ Фридриха II о Ламетри въ *Eloge. Oeuvres philosophiques de La Mettrie*. Berlin, 1796, I, II. Вольтеръ о Гольбахѣ. — *Dieu, Réponse*, p. 4. Дидро о Гельвеціи *Refutation*. О. С. II, 307 etc.

метри — наиболѣе раннія, важнѣйшее изъ нихъ *L'Homme-Machine* вышло въ 1748 году, когда Дидро еще разсуждалъ о *Достаточности естественной религии* и годомъ раньше въ *Процукъ скептика* признавалъ два начала, одинаково вѣчныхъ, хотя и не рѣшался высказаться безусловно за вѣру въ Бога. Ламетри понималъ колебанія Дидро, но не желалъ вступать съ нимъ въ споръ; призналъ даже *Философскія мысли* — „возвышеннымъ произведеніемъ“, а самого Дидро называлъ „медикомъ“ — высшая похвала въ устахъ Ламетри для философовъ *). Дидро несомнѣнно съ интересомъ прочиталъ сочиненіе Ламетри; можетъ быть, знаменитое наблюденіе надъ полипомъ узналъ сначала не изъ первоисточника, а отъ Ламетри; фактъ упоминается въ книгѣ *Человѣкъ-машина*; а самъ Дидро говоритъ о немъ въ первый разъ только шесть лѣтъ спустя въ *Мысляхъ объ истолкованіи природы*. Можетъ быть и отождествленіе *бодѣствующаго* медика съ *врезаннымъ* философомъ, т. е. Даламберомъ, создающимъ философскую систему, навѣяно идеей Ламетри **). Но все это — догадки, и писатель, вздумавшій было видѣть въ лицѣ Ламетри вдохновителя Дидро, сознается въ невозможности опредѣленнаго отвѣта: извѣстныя идеи составляли духъ времени и не принадлежали исключительно той или другой личности ***). Что касается самихъ энциклопедистовъ, они ни подъ какимъ видомъ не считали Ламетри своимъ учителемъ. Единственный, болѣе или менѣе терпимый, отзывъ о Ламетри, какъ о философѣ, встрѣчается у Вольтера да и то съ очень сильной оговоркой. „Жаль, — говоритъ Вольтеръ, — что Ламетри написалъ довольно плохую книгу о человѣкъ-машинѣ: заглавіе было восхитительно“. Въ другой разъ Вольтеръ благосклоннѣе отзывается вообще о Ламетри, называетъ его „лучшимъ комментаторомъ“ Бургаве. Но благосклонность, видимо, внушена желаніемъ высказать лишній разъ похвалу философской терпимости Фридриха

*) *L'Homme-Machine*, O. ph. III, 117, 164.

**) *La Mettrie*, ib. 164. *Diderot*. O. C. II, 189, 127 (*Rêve de d'Alembert*).

***) *Lange*, I, 356.

II *). Ламетри, вынужденный покинуть Францію за свой образъ мыслей, получилъ при Фридрихѣ должность чтеца и мѣсто въ Берлинской академіи наукъ. Дидро не считалъ Ламетри сколько-нибудь серьезнымъ писателемъ **) и для энциклопедической философіи авторъ разсужденій о душѣ и особенно о счастьѣ исключительно чувственнымъ являлся весьма сомнительнымъ союзникомъ такъ же, какъ въ послѣдствіи Гольбахъ и Гельвецій. Но сочиненія всѣхъ трехъ систематиковъ матеріализма важны именно по беззавѣтной рѣшительности совершить до конца разъ избранный путь, по неуклонной логикѣ тамъ, гдѣ другіе отступали, пускались въ оговорки и въ противорѣчія.

Отъ Гольбаха и Гельвеція открещивались знаменитѣйшіе члены философскаго общества; отъ Ламетри отрекся даровитѣйшій ученикъ Бургаве—Галлеръ, но не его послѣдователь. Галлеръ возсталъ противъ механическихъ объясненій физиологическихъ явленій и выдвинулъ два основныхъ свойства организованной матеріи—чувствительность и раздражаемость. Оба свойства независимы отъ какого-либо духовнаго начала, и также неразрывны съ организмами, какъ притяженіе и тяжесть нераздѣльны съ неорганизованной матеріей. Животныя, лишенная души, чувствительны и раздражимы, напримѣръ, полипы; и вообще всѣ органическія явленія объясняются этими двумя свойствами. Ламетри, какъ подлинный энтузіастъ, вывелъ изъ этихъ основаній заключеніе о полномъ отсутствіи не-матеріальнаго начала въ человѣкѣ, призналъ Галлера учителемъ матеріализма и ему посвятилъ *Человѣка-машину*, какъ ученикъ и другъ. Поэтическій талантъ Галлера ободрилъ Ламетри на горячую рѣчь о воображеніи, о чувствительномъ сердцѣ въ области изученія природы. Но Галлеръ при всей поэтической даровитости въ наукѣ умѣлъ лучше владѣть своимъ воображеніемъ, чѣмъ медикъ, и противорелигіозныя выходки

*) Lettre à M-me du Deffand, 7 août, 1769. *Lettres sur les Français*, VII. O. C. XLIV, 364.

**) Diderot. O. C. III, 217.

Вопросы философіи, кн. 53.

Ламетри произвели на него самое тягостное впечатлѣніе. Онъ не нашелъ нужнымъ отвѣчать прямо своему „ученику“, но заботливо выполнилъ эту задачу косвенно, въ своихъ научныхъ трудахъ. Ламетри пришлось оправдываться передъ публикой въ своемъ неосмотрительномъ посвященіи, признать его „двойнымъ сумасбродствомъ“ (extravagance), посвящать столь смѣлое сочиненіе ученому, въ 50 лѣтъ не освободившемуся отъ предрасудковъ дѣтства *).

„Система“ Ламетри — такъ онъ самъ называетъ свои идеи — въ высшей степени проста. Это — элементы прямолинейнаго, можно сказать, вульгарнаго матеріализма, неоднократно и въ XIX вѣкѣ смущавшаго умы съ „пламеннымъ воображеніемъ“ или съ философіей „медицинскаго“ характера. Наблюденія надъ болѣзненными состояніями человѣческаго организма привели Ламетри къ убѣжденію въ безусловной зависимости души отъ отправленій тѣла, отъ пищи, отъ температуры, отъ голода, отъ беременности. Сравнительная анатомія животныхъ и человѣка приводитъ Ламетри къ идеѣ о необходимыхъ соотношеніяхъ состояній души съ состояніями тѣла. Организациа — основа всѣхъ отличій человѣка отъ остальныхъ существъ. Душа — „пустое слово“; совѣсть вовсе не врожденна человѣку; никакого „естественнаго закона“, „познанія добра и зла“, будто бы отличающаго человѣка отъ животныхъ, не существуетъ. Все это — результатъ воспитанія, „предразсудки воспитанія“ — *des préjugés de l'éducation*. Ламетри въ порывѣ человѣческаго самоуниженія даже забываетъ собственный неоднократно повторяемый взглядъ на преимущества организациаи человѣка. Онъ находитъ, что природа насъ предназначила быть ниже животныхъ и только „чудеса воспитанія“ возвышаютъ насъ и, наконецъ, ставятъ выше животныхъ.

Естественно, о духовномъ началѣ не можетъ быть и рѣчи. Правда, Ламетри согласенъ, — весьма многое остается непонятнымъ и послѣ выводовъ сравнительной анатоміи. Ка-

*) O. ph. I, 62 rem. *Discours Préliminaire*.

кимъ образомъ матерія, косная и простая, становится дѣйствующей и органической?— Сущность движенія и матеріи одинаково неизвѣстна. Но эти вопросы совершенно безразличны для насъ. Ламетри такъ же спокоенъ въ своемъ невѣдѣніи, какъ примиряется, напримѣръ, съ необходимостью смотрѣть на солнце сквозь цвѣтное стекло. Природа вообще не создала насъ быть учеными и философами. Только злоупотребляя нашими способностями, мы становимся тѣмъ и другимъ, создаемъ бремя для государства, прокармливающего толпу тунеядцевъ. Природа произвела насъ съ единственной цѣлью—быть счастливыми, какъ и всякую тварь отъ пресмыкающагося червя до орла, парящаго въ облакахъ. Высшіе вопросы, слѣдовательно,—праздное занятіе. Для нашего спокойствія все равно, вѣчна ли матерія или сотворена, есть ли Богъ или нѣтъ Его. „Какое безуміе мучиться изъ-за того, чего нельзя знать и что не слѣдало бы насъ счастливыми, даже если бы мы и достигли цѣли!“ Религіозная вѣра въ глазахъ Ламетри просто пугало, воплощеніе ада и дьявола.

Послушать Ламетри относительно нравственной человѣческой природы—пугало, пожалуй, является необходимымъ. Въ разсужденіи *О счастіи* Ламетри горячо доказываетъ несвойственность человѣку добродѣтели. Даже послѣ воспитанія и привычекъ она похожа на птичку, сидящую на вѣткѣ и ежеминутно готовую улетѣть. Для нея опасно растлѣвающее чтеніе, дурное общество. Часто одинъ примѣръ, одна бесѣда разрушаютъ прекраснѣйшія предосторожности воспитанія, и порочная природа вступаетъ въ свои права—*la nature vicieuse s'applaudit de le redevenir.*

Заявленія Ламетри весьма рѣшительны — повидимому, противорѣчія здѣсь невозможны. На самомъ дѣлѣ, только развѣ Вольтеръ могъ бы поспорить съ „философомъ-медикомъ“⁴ склонностью къ исключаяющимъ другъ друга истинамъ. Ламетри оградилъ себя отъ самаго обильнаго источника недоразумѣній и колебаній логической мысли—примирился съ непознаваемостью сущности мірового процесса. Вольтеръ не

отказался отъ вылазокъ въ эту темную область, — и вся его метафизика — рядъ противорѣчій, оговорокъ и даже безнадежныхъ восклицаній. Но и осторожность Ламетри не помогла его системѣ явиться цѣльной и ясной во всѣхъ подробностяхъ. Сочиненіе *Человѣкъ-машина* заканчивается такимъ вызовомъ: „Вотъ моя система, или скорѣе истина, — если только я не ошибаюсь. Она кратка и проста. Пусть теперь спорить кто хочетъ!“

Этотъ „спорщикъ“ прежде всего самъ же Ламетри. По важнѣйшимъ вопросамъ „системы“ онъ далъ по два непримиримыхъ отвѣта, — даже тамъ, гдѣ въ качествѣ „медика“, долженъ бы обладать однимъ какимъ-либо рѣшеніемъ.

Въ разсужденіи *О душѣ* Ламетри говоритъ: „совершенное сходство между человѣкомъ и животнымъ поражаетъ знатоковъ“. Въ сочиненіи *Человѣкъ-машина* читаемъ: „Организація первая заслуга человѣка и напрасно всѣ писатели о нравственности не считаютъ важными качествами тѣхъ, которыя даны природой, и цѣнятъ только таланты, приобретенные размышленіемъ и трудомъ. Откуда же у насъ, спрашивается, ловкость, знаніе и добродѣтель, если не отъ предрасположенія, дѣлающаго насъ способными стать ловкими, учеными и добродѣтельными? А откуда же у насъ это самое предрасположеніе, если не отъ природы? Всѣми своими достоинствами мы обязаны ей, — обязаны всѣмъ, что мы есть“. Дальше та же идея выражается еще сильнѣе: „всѣ способности души до такой степени зависятъ отъ организаціи мозга и всего тѣла, что самыя способности, очевидно, не что иное какъ эта именно организація“. Выводъ логическій: „человѣкъ — самая совершенная субстанція. Въ сравненіи съ обезьяной и самыми умными животными это то же самое что планетарій Гюйгенса съ обыкновенными карманными часами“.

Какъ примирить эти мысли съ „совершеннымъ сходствомъ“ организаціи человѣка и у животныхъ? И какое значеніе имѣетъ теперь воспитаніе, единственный виновникъ добродѣтели и даже совѣсти? Вопросъ окончательно запутывается

послѣ того какъ авторъ, отвергнувъ особый *естественный законъ* человѣческой нравственности, черезъ нѣсколько страницъ говорить слѣдующее: „естественный законъ не что иное, какъ внутреннее чувство—un sentiment intime... Очевидно, поэтому, онъ не предполагаетъ ни воспитанія, ни откровенія, ни законодателя, — развѣ только вы, подобно смѣшнымъ богословамъ, пожелаете его отождествить съ гражданскими законами“ *).

Столь же разнообразны взгляды Ламетри и на метафизическіе вопросы,—и даже на самый основной изъ нихъ, на сущность всей системы материализма. Философъ отказался разсуждать о сущности матеріи и движенія; но онъ не могъ уклониться отъ опредѣленія взаимныхъ отношеній такихъ принциповъ: отъ этого опредѣленія зависитъ философское содержаніе всей его системы. Свойственно ли движеніе самой матеріи или оно для нея внѣшній принципъ? У Ламетри и тотъ и другой отвѣтъ—и въ одномъ и томъ же разсужденіи *О души*. На одной страницѣ говорится: „матерія сама по себѣ начало пассивное, обладаетъ только силой *косности*,—и всякій разъ, когда она находится въ движеніи, можно заключить, что ея движеніе исходитъ отъ другого начала“. И Ламетри настаиваетъ, чтобы эти начала не смѣшивались: они такъ же различаются другъ отъ друга, какъ активное и пассивное. На другой страницѣ—матеріи приписывается способность двигаться самой по себѣ—*par elle même*; правда, свойство это признается только послѣ того, какъ матерія „облечена извѣстными формами“,—но формы не есть принципъ, внѣшній для матеріи и ей противоположный—„онѣ возникаютъ въ самой матеріи“, матерія имѣетъ силу принимать различныя формы“, и „благодаря имъ она можетъ пріобрѣтать двигательную силу и способность чувствовать“ **).

Какъ разобратъся во всѣхъ этихъ положеніяхъ? Наи-

*) *Traité de l'Âme*, I, 82. *L'Homme-Machine*, III, 144, 168, 185; *la loi naturelle*, III, 151, 161.

***) I, 66; 68, 80.

болѣе очевидное,—матерія сама по себѣ можетъ изъ себя же создавать формы, а тѣ въ свою очередь создаютъ движеніе. Выводъ, противоположный рѣзкому разграниченію понятій *активный и пассивный*.

Не менѣе важенъ для *системы* Ламетри и вопросъ о безсмертіи души—основной въ философіи идеальнаго начала. И на него у философа нѣтъ одного опредѣленнаго отвѣта. Въ сочиненіи *Человѣкъ-машина* Ламетри остается въ предѣлахъ скептицизма, считаетъ даже „нелѣпымъ“ отрицать безусловно безсмертіе „машины“ — не менѣе нелѣпымъ, чѣмъ разсужденіе гусеницъ, которыя вздумали бы горько оплакивать судьбу другихъ гусеницъ, по ихъ мнѣнію погибающихъ. „Душа этихъ послѣднихъ слишкомъ ограничена, чтобы понять естественныя преобразованія. Никогда даже самая проникательная гусеница не могла бы вообразить, что ей предстоитъ превратиться въ бабочку. То же самое и относительно насъ. Что мы знаемъ больше гусеницы о нашей судьбѣ и о нашемъ возникновеніи? И такъ покоримся непреодолимому невѣдѣнію, отъ котораго зависитъ наше счастье“.

Въ общемъ предисловіи къ сочиненіямъ Ламетри обнаруживаетъ болѣе положительный взглядъ. Теперь онъ безусловно знаетъ, что существуетъ только одна жизнь; идея безсмертія просто результатъ эгоистическаго желанія людей: „они повѣрили, что комокъ организованной грязи можетъ быть безсмертнымъ“. — „Гордый монархъ умираетъ всецѣло такъ же, какъ и скромный подданный и вѣрная собака“. Это—*истина*, хотя и страшная для умовъ, пребывающихъ въ вѣчномъ дѣтствѣ *).

Наконецъ, Ламетри не спасся и отъ противорѣчія, свойственнаго другимъ, болѣе остроумнымъ философамъ XVIII вѣка. Онъ, подобно Вольтеру, системы вообще считаетъ „фантазіями и заблужденіями“, и въ то же время выдаетъ себя самого за автора системы, и материализмъ при-

*) I, 8,9; III, 196.

знаеть единственной настоящей философией. Матеріализмъ, по его мнѣнію, очевидный результатъ всѣхъ наблюдений и опытовъ величайшихъ философовъ и медиковъ; это *система*, установленная послѣ внимательнаго изслѣдованія природы, одинаково тщательнаго изученія царства животныхъ и человѣка во всѣхъ его возрастахъ и состояніяхъ *).

Слѣдовательно, окончательный выводъ Ламетри — вѣра въ философскую систему. Эта вѣра до такой степени для самого философа несомнѣнна, что онъ позаботился рѣшить вопросъ о нравственномъ и политическомъ вліяніи своей философіи. Но и здѣсь Ламетри не успѣлъ дать точнаго и опредѣленнаго отвѣта. Защищая философію отъ обвиненій въ пагубномъ вліяніи на мораль и религію, Ламетри заявляетъ: „Философія и политика вовсе не перекрещиваются на своихъ путяхъ, у нихъ нѣтъ ни единого существеннаго повода для междоусобицы“. Немного спустя слѣдуетъ разсужденіе, если не вполне противоположное, во всякомъ случаѣ врядъ ли логически связанное съ предыдущимъ. „Философія до такой степени вліяетъ на искусство управлять, что государи, побывавшіе въ школѣ мудрости, должны были оказаться и дѣйствительно оказались лучше тѣхъ, кто не воспитался на правилахъ философіи, — доказательства — императоръ Юліанъ и король-философъ, столь знаменитый въ настоящее время“. Слѣдовательно, религіозная политика римскаго императора и направленіе Фридриха II приписываются воздѣйствіямъ философскихъ чтеній, т.-е. философія признается большой политической силой. Это и подтверждается безъ всякихъ оговорокъ: философія, по мнѣнію Ламетри, имѣетъ столь значительное вліяніе на общественное благо, вліяніе — весьма часто косвенное, что она именно является ключомъ къ природѣ и къ наукамъ, славой ума, факеломъ разума, законовъ и человѣчности **).

Очевидно, философіи безпрестанно приходится вести счеты съ политикой, съ религіей и моралью и, разумѣется,

*) *Abregé des Systèmes*, I, 232, 15.

**) О. С. I, 41, 43, 52.

у материализма также нельзя отнять практическаго значенія. И Ламетри даже объясняетъ его. Такъ какъ на философскій взглядъ—добродѣтель нѣчто въ родѣ приатка—*une espèce de hors d'oeuvre*, украшеніе постороннее, всегда готовое исчезнуть, то къ преступникамъ и порочнымъ людямъ слѣдуетъ относиться снисходительно, а добродѣтельныхъ вознаграждать съ особеннымъ усердіемъ *).

По обыкновенію, мы не можемъ остановиться и на этомъ заключеніи: во-первыхъ, потому что немедленно слѣдуетъ оговорка: во имя общественной пользы слѣдуетъ убивать бѣшеныхъ собакъ и давить змѣй, а потомъ признается существованіе людей съ прирожденной добродѣтью; у нихъ *врожденное чувство нѣжности* запечатлѣло законъ человѣчности въ сердцахъ.

Мы видимъ, какое своеобразное явленіе представила философія, съ одной стороны притязающая на строго-обоснованную систему, — научно и логически, а съ другой—дѣйствительно обладавшая наиболѣе простыми средствами—создать систему. „Пламенное воображеніе“ Ламетри увлекало его до такой степени далеко отъ дѣйствительно-научныхъ основаній, что его же учителю, настоящему ученому, пришлось отклонить отъ себя его непрощенныя чувства. При такихъ условіяхъ, повидимому, не предстояло большихъ затрудненій—пользоваться для извѣстной цѣли какими угодно фактами и какъ угодно. Ламетри и не приминулъ призвать къ отвѣту „сравнительную анатомію“, и все-таки не сумѣлъ систематизировать своихъ заключеній. А между тѣмъ, среди всѣхъ философовъ XVIII-го вѣка Ламетри самый гордый и „чистый“ мыслитель—по принципу. Именно, онъ могъ дать въ послѣдствіи въ руки Робеспьера страшное оружіе противъ атеизма, какъ аристократическаго ученія. Онъ рѣзко разграничиваетъ философовъ и толпу: для однихъ истина, для другой—заблужденіе. „Если,—говоритъ онъ, давать безнадежно больному сильное средство, значить без-

*) *Discours sur le Bonheur*. II, 184; I, 29.

честить это средство, то бесѣдовать о священномъ познаніи вещей съ людьми, не посвященными въ тайны, имѣющими глаза и не видящими, уши и не слышащими, значить покрывать позоромъ (*prostituer*) науку“. Черепаха не можетъ бѣгать, пресмыкающееся—летать, слѣпые видѣть, такъ и народы, и философъ желаетъ только одного, чтобы правители были немного философами *)).

Сущность этого разсужденія—не единоличное достояніе Ламетри. Идея двухъ непримиримыхъ міровоззрѣній—одно для избранныхъ, другое для толпы, опасной своими инстинктами,—весьма распространенное ученіе философіи XVIII-го вѣка. Но никто не выразилъ его съ такой откровенностью и для многихъ философовъ неудобной прямолинейностью. Ламетри не успѣлъ привести въ стройный порядокъ своихъ матеріалистическихъ мыслей, и въ то же время обнаруживалъ чрезвычайную самоувѣренность полета и этимъ несоотвѣтствіемъ силъ и притязаній наносилъ ущербъ вообще систематической философской мысли новаго направленія. Услужливость подобныхъ друзей становилась опаснѣе вражды.

Подобную роль сыграли единомышленники Ламетри—Гольбахъ и Гельвецій. Не только умѣренный философской партіи, въ лицѣ Вольтера и Даламбера, пришлось отречься отъ солидарности съ этими авторами, но самъ Дидро горячо возсталъ на Гельвеція и попутно нанесъ немало ударовъ даже самому себѣ.

Книгу Гольбаха—*Système de la Nature* Даламберъ призналъ „страшной“, а Вольтеръ поспѣшилъ выпустить *Отвѣтъ* въ защиту „Бога честныхъ людей и мудрецовъ“ **).

Оба философа обошлись съ Гольбахомъ сравнительно любовно. Книга вышла за подписью покойнаго секретаря академіи—Мирабо и даже съ его біографіей, но въ философскомъ лагерѣ не могло быть тайной имя настоящаго автора

*) *Discours préliminaire*. 1, 38, 52—3.

***) Въ письмѣ къ Вольтеру. *Lettres de Voltaire*, Ed. 1784. II, 687; «C'est un terrible livre».

и особенно широкое сотрудничество Дидро. Позднѣйшая критика также отнеслась къ Гольбаху гораздо почтительнѣе, чѣмъ къ Гельвецію, выставила на видъ его познанія въ естественныхъ наукахъ, особенно въ химіи и замѣтила, что Гольбахъ былъ „систематической головой“ *). Последняя черта—самая существенная: таланты Гольбаха въ области химіи не выходили за предѣлы компилятивнаго труженичества, и ученически отважныхъ обобщеній. Напримѣръ, вопросъ о темпераментахъ онъ рѣшаетъ буквально однимъ почеркомъ пера: вся чувствительность человѣка, по его мнѣнію, зависитъ отъ того самаго *флогистона*, которымъ химики объясняютъ процессы горенія и окисленія. Всего три года спустя послѣ выхода книги Гольбаха, т.-е. въ 1773 году, Лавуазье опубликовалъ опыты, разрушившіе окончательно теорію флогистона, слѣдовательно, подрывавшую въ самомъ основаніи психологію Гольбаха **). Но для Гольбаха имѣло значеніе не научное естествознаніе, а философское—въ смыслѣ XVIII-го вѣка, т.-е. рядъ фактовъ, дающихъ автору съ „чувствительнымъ воображеніемъ„ составить систему противокатолическаго, т.-е. противорелигіознаго содержанія. И Гольбахъ идетъ къ цѣли такимъ же путемъ, какъ и Дидро, опираясь на сравненія, предположенія, аналогіи, а преимущественно на *энтузіазмъ* къ естественнымъ законамъ въ борьбѣ противъ сверхъ-естественности.

Боевой вопросъ для матеріализма о происхожденіи *разума* въ природѣ *неразумной*—Гольбахъ рѣшаетъ легко и просто. „Мы,—говоритъ онъ,—не можемъ назвать природу *разумной* въ смыслѣ нѣкоторыхъ существъ, входящихъ въ ея царство, но она можетъ создавать разумныя существа, сочетая матеріальныя части, способныя образовать организо-

*) «Der systematische Kopf». Lange. 1, 362. Ср. Salandé—*Quelques idées de baron d'Holbach*, гдѣ принципы *системы природы* сопоставлены съ новѣйшей позитивистской философіей, и Гольбахъ, представившій „систему, цѣлостный синтезъ научныхъ и нравственныхъ, идей своей эпохи“, признается однимъ изъ основателей позднѣйшей „эволюціонной морали“. *Revue philosophique*. 1892, juin.

**) *Système de la Nature ou des lois du monde physique et du monde morale*. Paris, 1821. I, 150. Ed. Grimaud. Lavoisier. P, 1888 p., 104—5.

ванные тѣла особымъ способомъ, откуда проистекаетъ свойство, именуемое нами разумомъ и образъ дѣйствій, неразлучный съ этой способностью“. Слѣдовательно, разумъ является въ результатѣ извѣстныхъ комбинацій матеріи.

Вольтеръ на это отвѣчалъ Гольбаху: „Мнѣ кажется, вы впадаете въ ту же ошибку, въ какой вы основательно укоряете богослововъ,—именно съ самаго начала предполагаете то, что еще требуется доказать. Надо знать, возможно ли, чтобы матерія организовалась сама собой, чтобы она производила одновременно—ротъ для ѣды, зубы для жеванья, желудокъ для пищеваренія, сердце для приема крови изъ венъ и для возврата ея артеріямъ... Вы утверждаете, что все производимое матеріей составляетъ ея сущность. Но сущность—свойство, безъ котораго предметъ совершенно не можетъ существовать, организовано же только незначительное количество матеріи,—слѣдовательно, эта организациія не является ея сущностью“ *).

Вольтеръ, шагъ за шагомъ, изобличаетъ произволь положеній Гольбаха и нагляднѣйшую противорѣчивость его выводовъ. Вольтеръ не въ состояніи понять, какъ можно признавать разумъ въ человѣкѣ и отвергать его въ природѣ, и какъ, признавая разумъ, можно отрицать *планъ, намѣреніе?* Это до такой степени нелогично, что Гольбахъ безпрестанно впадаетъ въ оговорки и бьетъ самого себя. Онъ, напри- мѣръ, считаетъ существованіе зла необходимымъ для того, чтобы человѣкъ умѣлъ различать добро и зло. Но это значитъ, признавать извѣстную цѣлесообразность въ творчествѣ природы, въ противорѣчіе съ слѣпой необходимостью, основой матеріалистическаго воззрѣнія.

Гольбахъ, единодушно со всѣми современными философами, изобличаетъ невѣжественныхъ изобрѣтателей разныхъ неопредѣленныхъ словъ. „Люди,—говоритъ онъ,—вообразили что знаютъ матерію, всѣ ея свойства, всѣ ея способности, ея силы и разнообразныя сочетанія, потому что подмѣтили

*) *Système*. I, 82. *Voltaire. Réponse*. 7—8.

нѣкоторыя поверхностныя свойства“. Подобное обвиненіе Гольбаху приходится выслушать отъ Вольтера: *природа* Гольбаха—тоже только слово, ничего не объясняющее *).

Умозаключенія Гольбаха—аналогичны съ разсужденіями метафизиковъ: только старыя слова подмѣнены новыми.

Вольтеръ не касается одного любимаго приѣма Гольбаха доказывать философскія истины—общаго у него со всѣми метафизиками—натуралистами. Идею—о способности матеріи организоваться для разума, въ извѣстныхъ сочетаніяхъ создать умственную дѣятельность—Гольбахъ поясняетъ ссылкой на свойство вина вызывать остроуміе и мужество у людей, при обыкновенныхъ условіяхъ, повидимому, не обладающихъ этими качествами. Но вѣдь и въ винѣ нѣтъ ни остроумія, ни мужества,—они должны находиться слѣдовательно у самого человѣка только въ скрытомъ состояніи и пробуждаются отъ чисто случайной матеріальной причины. И Гольбахъ окончательно отождествляетъ природу человѣка съ его матеріальнымъ составомъ. Человѣкъ навсегда останется тайной для глазъ, извращенныхъ богословіемъ,—для философа—это сочетанія матеріи, обусловливающія темпераментъ, страсти, склонности. Наименѣе уловимая для наблюденій—такъ называемая *нервная жидкость*—по мнѣнію Гольбаха—просто *электрическая матерія*,—и „разница въ ея дозахъ и пропорціяхъ—одна изъ главныхъ причинъ различія между людьми и ихъ способностями“. На характеръ человѣка можно воздѣйствовать по произволу,—стдить только перемѣнить родъ пищи **).

Изъ этихъ данныхъ вполне ясно, — Гольбахъ дѣйствительно желалъ создать *систему*, объяснить природу и человѣка. По обыкновенію—эта жажда системы стоитъ въ противорѣчій съ отрицательнымъ взглядомъ вообще на человѣческое знаніе. Гольбахъ негодуетъ на богословіе, рѣшающее труднѣйшіе вопросы „рѣзко и положительно“,—истинная философія отвѣчаетъ: „я не знаю“. Но Гольбахъ

*) *Système*. I, 95. *Rep.* 6.

**) *Système*. I, 83—4, 150—1.

для себя лично забылъ объ этой философіи—и *une manière tranchante et positive*—одушевляетъ всю его книгу. Въ заключеніе онъ пишетъ *Сущность уложенія природы*, т.-е. даетъ свой катехизисъ, гдѣ первый символъ вѣры: „человѣкъ—существо чисто физическое“. Истина—вполнѣ понятная съ полемической точки зрѣнія и метафизическая съ научной. Въ результатѣ,—Гольбахъ и богословъ и метафизикъ только съ новыми терминами: вмѣсто *Богъ*—*Природа*, вмѣсто *душа*—*организация*, вмѣсто *нравственнаго міра*—*электрическая матерія*. И даже энтузіазмъ, столь гонимый имъ въ области историческихъ религій, одушевляетъ его рѣчь объ естественной религіи. „Приведемъ,—воскликаетъ онъ,—заблудшихся смертныхъ къ алтарямъ природы!“ И Гольбахъ даже даетъ новое опредѣленіе Бога: „Энергія великаго цѣлаго, сущность котораго—дѣйствіе“; это „матерія дѣйствующая во времени и наполняющая пространство“. — *O homme, reviens donc à la nature!*—послѣднее слово философа, проникнутое негодованіемъ на *сверхъестественное*. Истолкователи природы—*разумъ* и *опытъ*. Гольбаху они подсказываютъ въ высшей степени благородныя нравственныя правила: „человѣчество образуетъ одну большую семью изъ всѣхъ дѣтей природы *). Это—также система,—но врядъ ли легко примиримая съ общимъ философскимъ представленіемъ о природѣ, какъ царствѣ необходимости, какъ дѣятель—по математическимъ опредѣленнымъ законамъ безъ всякаго отношенія къ человѣческимъ понятіямъ о добрѣ и злѣ. Наконецъ, не менѣе затруднительна задача оправдать эту мораль опытнымъ изслѣдованіемъ царства природы—внѣ человѣческой идеологіи.

Систематическій духъ новой философіи оказался неистребимымъ,—и у философвъ-натуралистовъ онъ обнаружился еще рѣзче, чѣмъ у философвъ-резонеровъ. Вольтеру пришлось возстать противъ легковѣрія „ученаго“ Гольбаха, и задать ему вопросъ: „Возможно ли, милостивый государь, чтобы такой философъ, какъ вы, могъ увлечься столь смѣш-

*) *Ib.* I, 97; II, 405, 425, 154; *Discours prelim.* V, XXII, VII.

нымъ и ложнымъ опытомъ, какъ опытъ Нидгэма?“ *). Мы видѣли—и Дидро не прочь былъ воспользоваться этимъ опытомъ—и все въ порывѣ энтузіазма предъ систематизаціей естественныхъ идей въ противовѣсъ сверхъестественнымъ. Здравый смыслъ Вольтера проявилъ больше осторожности и логической силы, чѣмъ ученость современныхъ страстныхъ послѣдователей естествознанія. Дидро среди нихъ занималъ первое мѣсто и по страстности и по талантливости,—и ему-то пришлось обуздывать рвеніе своихъ соревнователей.

Послѣдовательное опроверженіе произведенія Гельвеція — „Человѣкъ“—одно изъ любопытнѣйшихъ сочиненій Дидро и вообще въ философской литературы XVII вѣка. Вольтеръ и Даламберъ, возмущаясь Гольбахомъ, оставались вѣрными своимъ воззрѣніямъ,—Дидро, какъ критикъ Гельвеція, въ сильной степени критиковалъ самого себя,—и этому обстоятельству, можетъ быть, слѣдуетъ приписать раздражительность тона: такъ долженъ былъ негодовать учитель, увидѣвшій во что превращаются его восторги и „грезы“ въ рукахъ наивнаго компилятора. Съ другой стороны Дидро такъ же, какъ вдохновителю становилось жаль своего идейнаго питомца, все-таки въ его увлеченіяхъ онъ находилъ отголоски своего философскаго энтузіазма,—и онъ готовъ взять свои жестокія замѣчанія назадъ, признать Гельвеція хорошимъ писателемъ, вполне честнымъ человѣкомъ и добрымъ гражданиномъ. Но философія Гельвеція такого рода, что нѣжныя чувства критика на каждомъ шагу подвергаются испытанію,—и послѣ самой снисходительной оговорки вдругъ слѣдуетъ заявленіе: „Гельвецій все извращаетъ“—*Helvetius denature tout* и въ естественно научныхъ размышленіяхъ „организацію головы сравниваетъ съ организаціей ноги“,—и о самыхъ существенныхъ идеяхъ философа приходится восклицать: *cela fait pitié!* **).

*) *Réponse*. 10.

**) *Refutation suivie de l'ouvrage d'Helvetius intitulé l'Homme*. О. С. II, 358, 386, 410, 369.

Вообще, Дидро не поскупился на сильныя выраженія: опроверженіе писалось два года спустя послѣ смерти Гельвеція и должно было остаться неизданнымъ.

Дидро начинаетъ съ „любимаго парадокса“ Гельвеція и на него преимущественно налегаетъ во всей своей критикѣ,—именно будто одно только воспитаніе устанавливаетъ различіе между людьми,—отъ природы всѣ люди, нормально организованные, на все способны. Гельвецій посвящаетъ этому вопросу пятнадцать главъ, и Дидро шагъ за шагомъ разбиваетъ всѣ его „опрометчивыя“ и даже „сумасбродныя“ утвержденія. По мнѣнію Дидро, „система Гельвеція—созданіе человѣка очень умнаго, но который каждой строчкой доказываетъ, что могущественное внушеніе генія ему чуждо и что онъ говоритъ объ этомъ предметѣ, какъ слѣпой о цвѣтахъ. Дидро не въ силахъ даже спокойно представить, какъ можно не признавать прирожденности способностей и талантовъ? Гельвецій всякую геніальность приписываетъ воспитанію, соревнованію, внѣшнимъ обстоятельствамъ, случайностямъ. Дидро переноситъ вопросъ на чисто естественную почву: изъ лягавой собаки никакое воспитаніе не сдѣлаетъ таксы,—и какое угодно искусство дрессировщика не превратитъ злое отъ природы животное въ доброе. Какъ же можетъ заключать Гельвецій, что Руссо написалъ свое разсужденіе только благодаря случайному разговору съ Дидро. Мильтонъ случайно создалъ свою поэму; Шекспиръ—въ силу внѣшнихъ обстоятельствъ—вышелъ геніальнымъ драматургомъ, а не торговцемъ шерстью. Дидро готовъ потерять терпѣніе, читая подобныя нелѣпости: случайность создала генія это все равно, что сказать, искра сдѣлала порохъ,—и Руссо такъ же не былъ произведеніемъ случая, какъ и случай—произведеніемъ Руссо. Вся психологія Гельвеція основана на недоразумѣніи. Онъ утверждаетъ, что по желанію можно сдѣлаться поэтомъ, ораторомъ, живописцемъ или геометромъ: это значитъ—смѣшивать способность—учиться и талантъ—творить. Многіе могутъ выучиться геометріи,—но не быть геометрами. Гельвецій ста-

вить условіемъ—хорошую организацію;—но что значить быть хорошо организованнымъ? Условіе самое смутное, самое невразумительное, самое неопредѣленное, потому что нѣтъ возможности точно установить вопросъ относительно мозга и прочихъ частей тѣла. Одинъ человѣкъ сегодня поражаетъ всѣми признаками здоровья, а завтра его постигаетъ смерть; другой кажется слабымъ и истощеннымъ, стоитъ одной ногой въ могилѣ,—и живетъ вполне благополучно цѣлые годы *).

Дидро, увлеченный негодованіемъ на слишкомъ смѣлую философію Гельвеція, договаривается до соображеній, вполне желательныхъ съ точки зрѣнія даже идеалистической философіи. Еще Вольтеръ выражалъ сомнѣніе въ крайнихъ выводахъ сенсуализма и не желалъ смѣшивать *пяти чувствъ съ здравымъ смысломъ* **). Дидро еще рѣзче ставитъ тоже самое возраженіе Гельвецію. Онъ предлагаетъ философу обратить вниманіе на обитателей сумашедшаго дома: у нихъ всѣ чувства дѣйствуютъ прекрасно,—не хуже чѣмъ у самого Гельвеція,—страдаетъ только одинъ разсудокъ. Очевидно,—разстроены центръ умственной жизни, и безъ этого центра всѣ ощущенія оказываются бесполезными. Безъ *общаго судьи всѣхъ ощущеній*, безъ органа, запоминающаго всѣ наши впечатлѣнія, чувствительный аппаратъ всякаго чувства обладалъ бы, можетъ быть, мгновеннымъ сознаніемъ,—но не было бы сознанія—ни цѣльнаго животнаго, ни цѣльнаго человѣка. Въ результатѣ,—основа разнообразія талантовъ и умовъ остается *неизвѣстной*.

„Нелѣпый“ въ психологическихъ разсужденіяхъ,—Гельвецій не менѣе страненъ и въ нравственномъ ученіи. Въ психологіи онъ безпрестанно *условія* явленія принимаетъ за его *причины* и доходитъ до отождествленія существа *физическаго и нравственнаго*: по мнѣнію Дидро,—они такъ же различны, какъ животное чувствующее и животное разсуждающее. *Физическое ощущеніе* только необходимое *условіе* для умствен-

*) *Ib.* 341, 284—6, 334, 407, 339, 347, 367.

**) *Extrait des Sentiments de Jean Meslier. O. C.* XLIII, 246.

ной дѣятельности,—но отнюдь не тождественно съ способностью размышлять. Мораль Гельвеція построена на ложной психологіи и, слѣдовательно, также ложна. Дидро теряетъ всякую мѣру въ опроверженіяхъ, издѣваясь надъ идеей Гельвеція объ эгоистической основѣ нравственныхъ дѣйствій и о чисто-физическомъ страхѣ, какъ источникѣ мукъ совѣсти. Дидро ничего не стоитъ доказать, что Децій и Кодръ навѣрное не ждали никакого физическаго наслажденія въ пропасти и что иногда легкій знакъ презрѣнія для человѣка мучительнѣе припадка подагры.

У Дидро, при всѣхъ его сильныхъ чувствахъ противъ увлеченій Гельвеція, нѣтъ ни малѣйшаго желанія перейти въ лагерь идеалистовъ. Матеріализмъ попрежнему близокъ его сердцу и его „уваженіе“ принадлежитъ тому, кто путемъ опыта и наблюденія строго докажетъ, что физическая чувствительность такое же основное свойство матеріи, какъ и непроницаемость, или неопровержимо приурочить чувствительность къ организаци. И Дидро приглашаетъ физиковъ и химиковъ рѣшить вопросъ, что такое животная, чувствительная и живая субстанція? Но философъ немедленно предостерегаетъ противъ опрометчивыхъ отвѣтовъ,—даже если ему самому приходилось давать подобные отвѣты. Напримѣръ, Дидро спѣшитъ опровергнуть свое собственное разсужденіе о процессѣ зарожденія. Раньше онъ приписывалъ этотъ процессъ простому движенію матеріальнаго содержимаго яйца,—теперь онъ говоритъ: „я вижу ясно въ развитіи яйца и въ нѣкоторыхъ другихъ дѣйствіяхъ природы, какъ матерія, повидимому, косная, но организованная, переходитъ—при посредствѣ чисто-физическихъ дѣятелей изъ состоянія косности въ состояніе чувствительности и жизни,—но необходимая связь этого перехода ускользаетъ отъ меня“. Очевидно, заключаетъ Дидро, наши представленія о матеріи, объ организаци, о движеніи, о теплотѣ, о тѣлѣ, о чувствительности и о жизни еще очень несовершенны. Приходится сознаться, что организаци или комбинаці косныхъ частицъ вовсе не имѣетъ послѣдствіемъ

чувствительность, и общая чувствительность матеріальныхъ молекулъ одно только предположеніе: весь его смыслъ въ томъ, что оно спасаетъ насъ отъ затрудненій,—но этого недостаточно настоящему философу *).

Значеніе этихъ замѣчаній не можетъ быть преувеличено: Дидро, разбирая книгу Гельвеція, написалъ краснорѣчивую критику на одну изъ распространенныхъ философскихъ системъ, — тѣмъ болѣе краснорѣчивую, что самъ критикъ принадлежалъ къ горячимъ апостоламъ матеріализма. Дидро и послѣ Гельвеція не перешелъ въ лагерь Руссо или даже Вольтера,—онъ не упускаетъ случая заявить, что „Богъ—плохая машина, съ которой ничего нельзя сдѣлать путнаго“,—но и матерія и природа оказываются призраками, изъ нихъ также невозможно создать сколько-нибудь убѣдительной системы. И Дидро даже не вѣритъ въ возможность сколько-нибудь близкаго творчества въ этомъ направленіи. Онъ договаривается до чрезвычайно поучительной идеи—о прочной культурной или даже психологической основѣ религій. Онъ не согласенъ съ Гельвеціемъ, будто „легко перемѣнить религіозныя мнѣнія народа“. На взглядъ Дидро,—„неизвѣстно, какъ предразсудокъ устанавливается среди народа и какъ онъ исчезаетъ“. Существуетъ только одно средство—ниспровергнуть культъ: сдѣлать его служителей презрѣнными—по ихъ порокамъ и бѣдности. И Дидро предвосхищаетъ стремительныя мѣры революціи—создать на мѣсто христіанства новую философскую религію. Гельвецій вѣритъ въ возможность именно подобнаго творчества. Дидро называетъ эту вѣру „мечтой, не осуществимой и въ тысячу лѣтъ“. Очевидно, Дидро не трудно было додуматься до историческаго взгляда на религіозныя явленія,—полемическія обязанности не допустили логическаго развитія идеи,—но они въ то же время не заслонили предъ глазами Дидро прорѣхъ новаго философскаго прозелитизма. Черезъ два или три года послѣ опроверженія книги Гельвеція Дидро

*) О. С. 365—6, 337, 327, 303—4, 301—2.

написалъ *Разговоръ философа съ Маршалышею*. Философъ Крудели—убѣжденный врагъ религіи и вообще вѣры въ Бога: она не только не вліяетъ спасительно на нравы, но даже можетъ поощрять преступленія. Въ порывѣ протеста противъ спиритуализма, Крудели снова приближается къ идеямъ крайнихъ матеріалистовъ, человѣка называетъ „немного болѣе совершеннымъ животнымъ, чѣмъ другое животное“, даже прибѣгаетъ къ энтузіастическимъ заимствованіямъ и толкованіямъ фактовъ изъ области естествознанія,—по поводу вопроса о безсмертіи души припоминаетъ разсказъ путешественника о возрожденіи высушенной змѣи *).

Споръ съ Гельвеціемъ, очевидно, не имѣлъ безусловно цѣлебныхъ послѣдствій для пламеннаго ума Дидро,—такъ же какъ и восторги предъ опытами съ полипами и змѣями не спасали философа отъ настроеній, иногда совпадавшихъ даже съ молитвеннымъ экстазомъ Руссо предъ лицомъ Верховнаго существа **). У энциклопедиста имѣлся большой запасъ чувствительности и художественной впечатлительности,—и онѣ, въ союзѣ съ здравой и добросовѣстной логикой безпрестанно подкапывались подъ систему, васхищавшую воображеніе воинствующаго философа. Неустанно стремясь къ *единству*, къ систематизаціи новыхъ идей и фактовъ, Дидро столь же упорно вступалъ въ борьбу съ противорѣчіями, съ вымыслами, съ логическими несообразностями, съ философскимъ фанатизмомъ. Положеніе, сродное съ участію метафизиковъ-резонеровъ: мы видѣли, что и въ этомъ лагерѣ, при всемъ желаніи, не могли *логически* придти къ цѣльному міросозерцанію,—и Руссо вышелъ изъ затрудненія, воспользовавшись средствами старой религіозной доктрины,—*догматически* закрѣпилъ извѣстные

*) *Ив.* 287—9, 520—1.

***) Напр. разсказъ Гримма о слѣдующей его бесѣдѣ съ Дидро во время прогулки въ полѣ.

Дидро сорвалъ василекъ и колось и погрузился въ размышленіе. «Что вы дѣлаете?»—спросилъ Гриммъ.—Я слушаю.—Кто же разговариваетъ съ вами?—Богъ.—О чемъ же?—Это еврейскій языкъ; сердце понимаетъ, но умъ не достаточно силенъ въ своемъ полетѣ.

символы новой *вѣры*. Въ области философскаго натурализма къ той же цѣли съ „пламеннымъ воображеніемъ“ устремились писатели второй и третьей величины: Дидро не послѣдовалъ за ними и остался на распутьи. Но это не значило, что философъ превратился или могъ превратиться въ пиррониста. Система до конца манила и очаровывала его *l'esprit fermentant*—и онъ жаждалъ воздвигнуть „алтарь противъ алтаря и скипетръ противъ скипетра“*),—тѣмъ болѣе, что современные умы, повидимому, по своей природѣ мало доступные „броженію“, также полагали основанія системы. И сооруженіе обѣщало выйти настолько величественнымъ и всеобъемлющимъ, что позднѣйшей философіи и наукъ оставалось только его совершенствовать и достраивать.

VII.

Матеріалистическія воззрѣнія отдѣльныхъ писателей XVIII вѣка считались и у враговъ философіи и у ея умѣренныхъ представителей — опаснымъ и ненавистнымъ явленіемъ. Враги съ цѣлью рѣшительнаго пораженія просвѣтительной партіи сознательно отождествляли ее съ единомышленниками Гельвеція и Гольбаха,—естественно здравый смыслъ и особенно дипломатическій талантъ Вольтера,—смотрѣли на обоихъ философовъ какъ на истинное бѣдствіе для философской церкви. Дидро стоялъ на той же линіи. Одно изъ самыхъ, дорогихъ для него произведеній, можетъ быть даже самое дорогое—*Сонъ Даламбера*—вызвало горячій протестъ у благо-разумнаго геометра. Даламберъ настойчиво потребовалъ сожженія работы, о которой самъ Дидро полагалъ: „это высшее сумасбродство и въ то же время глубочайшая философія“. И, разумѣется, несмотря на волю Даламбера, драгоценный текстъ не исчезъ окончательно и явился на свѣтъ, хотя и много лѣтъ спустя послѣ смерти автора, въ 1830 году. Онъ свидѣтельствовалъ о неограниченной смѣ-

*) *L'Homme-Machine*. О. Ш., 141, 147.

лости резонирующаго ума, и именно эта смѣлость въ глазахъ самого Дидро вела къ глубинѣ: *безумной* философійей могла казаться только слишкомъ узкому воображенію. Въ стремительномъ полетѣ она далеко опередила современное положительное знаніе и внушила вдохновенному энциклопедисту немало „грезъ“, воскресшихъ въ послѣдствіи въ наукѣ XIX-го вѣка. Первоисточникомъ естественнаучныхъ знаній Дидро былъ Галлеръ: его *Физиологію* Дидро перечиталъ дважды съ перомъ въ рукѣ, дѣлалъ изъ нея обширныя извлеченія, но ни на минуту не помышлялъ подчиниться осторожнымъ выводамъ учителя. *Энтузіазмъ* неотступно сопровождалъ читателя и еще болѣе пламенный, чѣмъ воображеніе Ламетри: въ результатѣ получился рядъ гипотезъ, соображеній, предсказаній—вплоть до идей трансформизма,—неразрывной органической цѣпи, охватывающей весь міръ какъ одно необъятное царство эволюціи. Дидро понимаетъ значеніе фактовъ приспособленія и наслѣдственности. Онъ часто говоритъ какъ *предшественникъ* Ламарка и Дарвина и безпрестанно готовъ опередить ихъ во имя чистаго матеріализма, какъ единственной религіи и философіи. Онъ договаривается до представленія о Богѣ изъ матеріи, даже объ „эпидеміи добрыхъ и злыхъ геніевъ“, вообще до „всевозможныхъ чудесъ“, такъ какъ разумъ обусловливается комбинаціями матеріальныхъ частицъ.

Но вся эта отвага въ дѣйствительности создавала гораздо больше удовольствія самому философу, чѣмъ опасностей идеалистическому міросозерцанію. Дидро несомнѣнно стремился къ единству и къ системѣ; но путь, избранный имъ, представлялъ мало убѣдительности даже на взглядъ самихъ философовъ. Экскурсіи автора въ область естествознанія оказывались весьма часто фейерверкомъ, эффектнымъ освѣщеніемъ заранѣе надуманнаго общаго воззрѣнія. Факты брались изъ области опытныхъ наукъ, но самый духъ разсужденія не становился—ни научнымъ, ни даже просто индуктивнымъ. Создавалась своего рода живописная философія, гдѣ многія иллюстраціи являлись спорными не только

для безусловно враждебных читателей. Энтузіазмъ и во-
ображеніе отодвигали на второй планъ анализъ и логику.
Ламетри до такой степени искренне увлекался основной
двигательной силой философскихъ системъ, что всѣ „части
души“ сводилъ къ одному только воображенію. Отъ вообра-
женія зависятъ умъ и геній, въ сущности „всѣ эти слова си-
нонимы“. Ламетри своей психологіей разоблачалъ тайну
гораздо болѣе философскихъ и талантливыхъ современныхъ
умовъ, чѣмъ онъ самъ, и до тѣхъ поръ пока этотъ строи-
тельскій методъ преобладалъ въ системахъ просвѣтителей,
старому міросозерпанію не угрожала смѣна его другимъ
всесторонне обоснованнымъ положительнымъ воззрѣніемъ.
Воображеніе—сильнѣйшій врагъ логики, и краснорѣчивѣй-
шіе создатели грозной материалистической системы без-
престанно вступали во взаимныя противорѣчія, часто даже
не выдерживали послѣдовательнаго развитія идей—каждый
отдѣльно. Единственнымъ выходомъ изъ этого лабиринта
оставался тотъ „научный духъ“, котораго, по сознанію
Дидро, не доставало литературѣ XVIII-го вѣка, т.-е. путь
наведенія спокойнаго и послѣдовательнаго осмысливанія
историческихъ фактовъ. Писатели, воздвигшіе гоненіе на
старую метафизику и религію, несомнѣнно обладали боль-
шими литературными талантами, блестящимъ остроуміемъ
и нерѣдко весьма обширными свѣдѣніями. Но примѣненіе
всѣхъ этихъ достоинствъ на практикѣ выходило чисто пар-
тійнымъ, воодушевлялось или какимъ либо апіорнымъ прин-
ципомъ, вродѣ идей объ естественной морали, о здоровомъ
смыслѣ, объ естественной религіи или просто подчинялось
оппозиціонному настроенію и полемическому духу. Во мно-
гихъ отношеніяхъ критика получалась очень краснорѣчи-
вая и основательная: недостатка въ благодарномъ матеріалѣ
не было,—но по существу религіозно-метафизическое міро-
созерпаніе не могло считаться упраздненнымъ. Его *философская*
и *культурная* основа оставалась непоколебимой, такъ
какъ характеръ исходныхъ моментовъ новой мысли оказы-
вался также *метафизическимъ* и *ипотетическимъ*, и предста-

вленіе объ исторической законмѣрности и необходимости ненавистной системы не могло пострадать отъ критики ея теоретическихъ или практическихъ частныхъ. Вся критика уподоблялась возстанію, бунту въ нѣдрахъ вѣкового порядка,—вновь образовавшейся партіи—протестующей и революціонной рядомъ съ другими охранительными силами общества. Могло настать такое стеченіе обстоятельствъ, когда именно эти силы возобладають надъ разрушительными порывами, и тогда старая система вновь предъявитъ свои права на идейную власть надъ обществомъ, произойдетъ своего рода смѣна правительствъ въ парламентѣ общественнаго мнѣнія, и оппозиціи придется снова браться за прежнее оружіе и повторять уже разъ выдержанную борьбу. То, что раньше называлось *философіей* и *суетвѣрїями*, теперь будетъ носить наименованіе *либерализма* и *реакціи*, но философскій и культурный смыслъ борьбы останется неизмѣннымъ, т.-е. борьбой партій: изъ нихъ одна исполнена протестующаго энтузіазма, другая—вѣры въ свою историческую правоспособность, и протестъ тщетно стремится сокрушить вѣру,—для этого ему слѣдовало бы доказать ея беспочвенность, т.-е. отнять у нея опору въ исторической дѣйствительности, привести общество къ сознанію, что старая система возрѣній должна быть упразднена не на основаніи какихъ бы то ни было благородныхъ патетическихъ движеній сердца или здраваго смысла, а потому что эта система мертва исторически, представляетъ изъ себя отжившій идейный организмъ—въ силу естественнаго роста цивилизаціи. Онъ не столько осуждается его противниками, сколько уже осужденъ неотразимыми законами исторической жизни общества. Это вопросъ не гуманнаго чувства, не *чувствительной философіи*, а высшаго безстрастнаго и безличнаго разума: онъ столь же послѣдовательно осуществляется въ замѣнѣ одного культурнаго періода другимъ, какъ и въ любомъ физическомъ законѣ. Вопросъ о міросозерцанїяхъ, слѣдовательно, рѣшается не партійно и не политически, а стихійно и исторически. Возникновеніе партій только симп-

томъ явленія, поставленнаго на очередь не какимъ-либо отдѣльнымъ либеральнымъ или консервативнымъ умомъ, не открытіемъ естествоиспытателя и трактатомъ философа, а нѣкоей таинственной силой—съ разнообразными наименованіями въ разныя эпохи.

Въ XVIII вѣкѣ эта сила называлась *прогрессомъ*.

Зная основной духъ эпохи, мы не должны ожидать отъ нея идеи чисто-философскаго и строго-научнаго характера. Въ самомъ терминѣ *прогрессъ* уже заключается элементъ чувства и воображенія, —въ общемъ энтузіазмъ предъ идеей—не столько доказанный фактами и логикой, сколько воспринятый патетически, какъ настроеніе, какъ вѣра. Прогрессъ—значить приближеніе къ извѣстному положительному идеалу, и человѣчество приближается къ этой цѣли не только вообще, въ результатѣ всего своего историческаго движенія, но и отдѣльными эпохами, носящими непремѣнно поступательный характеръ—поступательный въ смыслѣ самого историко-философа. Въ результатѣ, существуетъ собственно не прогрессъ, а рядъ *прогрессовъ*, т.-е. прогрессивныхъ состояній человѣчества. И писатели XVIII вѣка слово прогрессъ употребляютъ во множественномъ числѣ *les progrès de l'esprit humain*. Очевидно, здѣсь съ самаго начала предвосхищено толкованіе историческихъ явленій, дано имъ освѣщеніе партійно—философское, т.-е. субъективное, и самое понятіе *прогрессъ* является идеей чувствительной и полемической. Въ этомъ отношеніи просвѣтительный вѣкъ остался вѣренъ себѣ, своему энтузіазму передъ фактами какого бы то ни было порядка — естественнаго или историческаго, лишь бы только они знаменовали торжество „человѣческаго ума“.

Но въ идеѣ прогресса заключался не только патетическій элементъ. Вопросъ объ успѣхахъ разума былъ поставленъ на историческую почву, т.-е. взять въ неограниченной перспективѣ культурныхъ фактовъ. Уже такая постановка неминуемо вызвала представленіе о *постепенномъ* накопленіи разумности, о *последовательности* умственнаго со-

вершенствованія. Тюрго такъ и выражается—*les progrès successifs*. А разъ признана послѣдовательность,—этимъ самымъ установлена и неизбѣжность, необходимость, историческая закономѣрная логичность. Идея прогресса, слѣдовательно, превращается въ законъ прогресса; *желаніе найти* въ прошломъ непреодолимое движеніе человѣчества къ разуму переходитъ въ *обязанность доказать* прошлымъ законность настоящаго. Позднѣйшая теорія эволюціи начинаетъ возникать въ размышленіяхъ философовъ XVIII-го вѣка—не въ силу ихъ научныхъ настроеній, а по самому существу задачи—не только восхвалить разумъ, но и оправдать и объяснить его торжество. Можно даже сказать: идеи прогресса и эволюціи находятся будто въ извѣстномъ соревнованіи у различныхъ просвѣтителей,—сообразно съ преобладаніемъ энтузіазма или изслѣдовательскаго историческаго таланта. Но во всѣхъ случаяхъ попытки систематизировать исторію должны были придать совершенно новое освѣщеніе философіи. Они создавали для нея несравненно болѣе убѣдительныя и прочныя основы, чѣмъ полемическое остроуміе и „естественная“ метафизика. Они возводили ее на степень *послѣдовательною* историческаго факта, долженствующаго жить и развиваться взамѣнъ упраздняемыхъ исторіей преданій. Они сообщали новой мысли значеніе звѣна въ *непрерывной* цѣпи подобныхъ же прогрессивныхъ явленій и этимъ самымъ предназначивали элементы будущей системы—не изъ метафизическихъ понятій, а изъ логическихъ данныхъ вѣковаго процесса. Слѣдовательно, къ новой истинѣ мысль шла путемъ индуктивнымъ, не вполнѣ совершеннымъ и осмотрительнымъ, но неизмѣримо болѣе вѣрнымъ, при великой сложности и симпатическихъ свойствахъ задачи—чѣмъ здравый смыслъ Вольтера, внутренній голосъ Руссо, „истолкованіе природы“ Дидро.

Сущность идеи прогресса въ высшей степени проста,—можно сказать наивна: ея первоисточникъ—аналогія между человѣкомъ и человѣчествомъ. Каждая отдѣльная личность переживаетъ дѣтство, юность, возрастъ мужества и ста-

рости, тотъ же путь проходить и человѣчество, но съ одной разницей—оно никогда не дряхлѣеть, а вѣчно обновляется. Этой мыслью Тюрго начинаетъ свою рѣчь о *Послѣдовательныхъ прогрессивныхъ движеніяхъ человѣческаго ума* и Кондорсе убѣжденъ, что „прогрессъ подчиняется тѣмъ же самымъ общимъ законамъ, которые наблюдаются въ развитіи способностей у отдѣльныхъ личностей“. Оба писателя не сказали здѣсь ничего новаго, оригинальнаго для своей эпохи. Въ XVII-мъ вѣкѣ та же идея повторялась безпрестанно. Паскаль человѣчество называетъ *l'homme universel*. По его мнѣнію, всякое поколѣніе людей слѣдуетъ разсматривать какъ одного и того же человѣка, вѣчно существующаго и непрерывно приобрѣтающаго знанія. На этомъ основаніи Паскаль считаетъ несправедливымъ почетъ питаемый нами къ древности въ лицѣ ея философовъ: они—дѣти сравнительно съ нами *).

Этотъ взглядъ на древность и новый міръ далъ содержаніе разсужденіямъ Перро—автора *Параллели между древними и новыми*. Въ основу параллели положено тоже сравненіе человѣчества съ человѣкомъ, возрастовъ отдѣльной личности съ историческими періодами народовъ. Защитникъ новой цивилизаціи обладалъ по нѣкоторымъ историческимъ вопросамъ болѣе глубокимъ сужденіемъ, чѣмъ позднѣйшіе проповѣдники прогресса. Напримѣръ, Перро не полагалъ въ среднихъ вѣкахъ сплошнаго умственнаго мрака. Работа человѣческаго ума продолжалась,—она только временно заслонялась смутами и насиліями, и Перро для своей мысли воспользовался сравненіемъ, которое впоследствии повторитъ Тюрго: наука и поэзія въ средніе вѣка будто рѣки, на время скрывшіяся въ пропасть,—онѣ продолжаютъ течь подъ землей и, найдя выходъ, появляются на поверхности въ прежней силѣ **).

Восемнадцатому вѣку пришлось возобновить немало ста-

*) *Préface sur le traité du vide. Pensées*. Ed. Paris. 1876, 589.

***) Perrault. *Parallèle des anciens et des modernes en se qui regarde les arts et les sciences*. Nouvelle édition. Amsterdam 1693. 33—234—5 etc.

рыхъ идей и иносказаній и привести ихъ въ стройную логическую систему.

Прежде всего представлялся вопросъ вообще о возможности систематизаціи историческихъ явленій. Въ виду признанной аналогіи прогресса съ развитіемъ личности вопросъ сводился къ задачѣ—вообще систематизировать нравственныя явленія, т. е. подыскивать имъ точныя опредѣленія, строгія логическія доказательства и классифицировать ихъ. Возможно ли это въ области психологіи и морали?

Утвердительный отвѣтъ мы слышали отъ Кондильяка. Онъ находилъ, что „въ метафизикѣ и въ морали можно рассуждать съ такой же точностью, какъ и въ геометріи“ и достигать очевидныхъ результатовъ даже можетъ быть еще легче. Это рассужденіе, какъ и вообще философія Кондильяка,—преувеличенное заимствованіе изъ Локковского *Опыта о человѣческомъ разумѣ*. Локкъ убѣжденъ, что нравственныя идеи подлежатъ такой же доказательности, какъ и идеи количества, т. е. математическія: надо только заниматься нравственными изслѣдованіями „съ тѣмъ же безпристрастіемъ, съ какимъ ищутъ математическихъ истинъ“. Величайшее препятствіе на пути къ нравственнымъ истинамъ—партиійность. Разъ она будетъ устранена и „партии предоставятъ истинѣ вести открытую игру“, немедленно установятся мѣры правды и неправды изъ предложенной самоочевидныхъ путемъ выводовъ необходимыхъ и столь же бесспорныхъ, какъ выводы математики“. И Локкъ приводит нѣсколько такихъ моральныхъ аксіомъ, распространяющихся одинаково на личную и социальную жизнь человѣка *).

Легко видѣть, — перенесеніе математическаго метода въ область духа должно лежать въ основѣ всякой философіи исторіи и, слѣдовательно, теоріи прогресса, притязающей на логическую убѣдительность. А что именно такая теорія заключаетъ въ себѣ боевой философскій смыслъ,—

*) Опытъ о чел. разумѣ, кн. IV, гл. III, русск. перев. стр. 549—551.

тѣ же писатели XVIII-го вѣка представляли столь же ясно и вѣровали вполнѣ откровенно. Мы знаемъ, Даламберъ самымъ дѣйствительнымъ оружіемъ противъ „суевѣрія“ считалъ философію на почвѣ физики и геометріи, т.-е. разработку нравственныхъ и, слѣдовательно, социальныхъ явленій по математическому методу. Мы могли оцѣнить чрезвычайную философскую осторожность Даламбера, знакомы также съ профессиональной непослѣдовательностью Кондильяка, общеизвѣстны и уступки Локка воззрѣніямъ, заставившимъ и его французскаго ученика круто измѣнить своей системѣ,—и эти именно писатели, менѣе всего отличавшіеся философскимъ энтузіазмомъ и смѣлостью воображенія, дали ключъ къ самымъ рѣшительнымъ системамъ. Доказать возможность точнаго изслѣдованія вопросовъ морали и политики и, слѣдовательно, исторіи, значить всю духовную жизнь человѣка и человѣчества поставить въ условія естественнаго, органическаго развитія, сообщить исключительно историческій характеръ отдѣльнымъ событіямъ и цѣлымъ періодамъ,—въ результатѣ устранить идею чудеснаго и сверхъестественнаго и отнять убѣдительный смыслъ въ оговоркахъ Локка, Кондильяка и Даламбера. Именно въ ихъ увѣренности—видѣть мораль систематизированной по методу алгебры — заключалось настоящее торжество естественнаго надъ сверхъестественнымъ, неизмѣримо болѣе грозное для *l'infâme*, чѣмъ остроумные памфлеты Вольтера и матерьялистическіе восторги Дидро. Замѣчательно, тотъ же Локкъ и открылъ неограниченную перспективу успѣховъ человѣческой мысли въ изученіи нравственныхъ отношеній: эти „дальнѣйшія усовершенствованія опредѣлить нелегко“ *). Болѣе опредѣленной темы нельзя было дать самому отважному энтузіасту естественнаго прогресса—Кондорсе. Но и независимо отъ энтузіазма—идея не могла не вызвать практическихъ слѣдствій именно въ XVIII-мъ вѣкѣ, знавшемъ по части ученія о прогрессѣ—

*) *ib.*

вполнѣ авторитетныхъ предшественниковъ еще изъ классической эпохи.

Ея историческимъ продолжателемъ въ этой области явился писатель, имѣвшій среди просвѣтителей мало соперниковъ по глубинѣ и разносторонности ума, по строгой вдумчивости мысли, по истинно-философской широтѣ культурныхъ воззрѣній. Философскія произведенія Тюрго, нерѣдко—только *планы, проекты, наброски*—должны считаться классическими по продуманности тона и послѣдовательности идей. Во французской философіи исторіи онъ истинный родоначальникъ не только философскаго отношенія къ историческимъ явленіямъ, но и руководящихъ идей позднѣйшей позитивной системы, легшей въ основу позитивизма какъ философіи и какъ религіи. Онъ, слѣдовательно, виновникъ дѣйствительно новой научно-нравственной системы, обѣщавшей болѣе или менѣе цѣльное и жизненное развитіе—не въ примѣръ логической и „натуральной“ метафизикѣ его современниковъ.

А между тѣмъ, Тюрго далеко уступаетъ имъ и силой языка и смѣлостью заключеній. Онъ — вполнѣ *умѣренный* мыслитель. Онъ, разумѣется, противникъ беллетристическаго матеріализма, въ книгахъ Гельвеція не находитъ ни логики, ни вкуса, ни даже добропорядочности въ нравственныхъ идеяхъ. Но этого мало: Тюрго не во всемъ согласенъ и съ философскимъ апостоломъ эпохи—съ Кондильякомъ. Онъ не способенъ въ качествѣ философа признать одинъ принципъ, а въ качествѣ вѣрующаго — подписаться подъ истинной, необъяснимой философскимъ принципомъ. Поэтому Тюрго отказывается всю духовную жизнь человѣка свести къ ощущеніямъ и ихъ комбинаціямъ. Есть нѣчто независимое отъ внѣшнихъ чувствъ и впечатлѣній, — именно идея причинности, — принципъ, по мнѣнію Тюрго, апріорный, и потомъ идея существованія личности и внѣшняго ей міра, т.-е. идея сущностей, основанная на сознаніи или внутреннемъ чувствѣ *). Эта идея не представляла исключитель-

*) Turgot. *Oeuvres*. P. 1808, III, 106—7, 122.

наго достоянія Тюрго. Она буквально встрѣчается въ *Prospectus*'ѣ *Энциклопедіи*: здѣсь она выражена Даламберомъ, — но и Дидро по временамъ готовъ былъ исповѣдовать ее. Когда Тюрго нравственныя отличія людей приписываетъ *дѣйствительному неравенству душъ* — *une inégalité réelle* — намъ *нездомому*, — припоминается тожественное возраженіе Дидро на чрезвычайно простое рѣшеніе вопроса Гельвеціемъ *). Но Дидро только въ гнѣвѣ на опаснаго союзника могъ сознаться въ необходимости ограничить матеріалистическій всеобъясняющій принципъ; у Тюрго это сознание — результатъ обдуманнаго философскаго воззрѣнія.

Еще любопытнѣе другое отступленіе Тюрго отъ прямолинейной современной философіи. Онъ вмѣстѣ съ другими врагъ духа систематизаціи, понимаетъ вредъ, причиняемый имъ наукѣ. Тюрго обращаетъ свои упреки не только противъ старыхъ метафизическихъ, но и современныхъ матеріалистическихъ системъ — всякій разъ, когда встрѣчается съ *esprit de système* и весьма рѣзко выражается о „вкусѣ къ аналогіямъ“, дѣйствительно, какъ намъ извѣстно, весьма распространеннымъ среди новыхъ философовъ. Все это говорили и сами философы, — но нападки на системы не помѣшали имъ создавать свои собственныя при помощи даже старыхъ средствъ. Тюрго и здѣсь остается послѣдовательнымъ. Онъ подробно выясняетъ, что такое вредоносный духъ системъ: пренебреженіе къ наблюденію, стремительность увлекаться отдаленными аналогіями и путемъ ихъ частный фактъ преобразовывать въ общій принципъ, о необъятномъ цѣломъ судить на основаніи поверхностнаго взгляда, брошеннаго на одну его часть; слѣпое притязаніе пока еще неизслѣдованное приурочить къ немногому извѣстному и всюду видѣть излюбленную идею, все объяснить, все расположить въ стройномъ порядкѣ, все не-

*) *Prospectus*. Diderot. *О. с.* XIII, 148: „L'Homme qui est sûr de son existence par conscience du sens interne“. *Réfutation*. II, 327. — Turgot. *Ebauche du second Discours dont l'objet devait être les progrès de l'esprit humain*. *О.* II, 263.

исчерпаемое разнообразіе природы подчинить произвольнымъ и ограниченнымъ методамъ, ограничить безконечное затѣмъ, чтобы объять его *).

Болѣе мѣткой и пронизательной критики не представилъ ни одинъ писатель XVIII-го вѣка; но зато ни у одного изъ признанныхъ истребителей систематизирующаго духа не хватило искренности или глубокомыслія признать значеніе системъ, построенныхъ изъ другого не метафизическаго матеріала. Философы поступали еще нелогичнѣе: возмущаясь сооруженіями изъ произвольно-опредѣляемыхъ отвлеченныхъ понятій и аналогій, они въ то же время соперничали другъ съ другомъ въ подобномъ же творествѣ. Тюрго мыслилъ какъ истинный философъ и ученый, и только Даламберъ можетъ стоять здѣсь рядомъ съ нимъ. Энциклопедистъ также указалъ на разницу *духа системы* и *систематическаго духа*: одинъ дѣйствительно методъ противонаучный и не философскій, другой — свидѣтельствуетъ о вѣрномъ направленіи въ ученое изслѣдованіи, стремится накоплять возможно большее количество фактовъ и располагать ихъ со всевозможной осторожностью въ наиболѣе естественномъ порядкѣ, сводя группы къ принципамъ и продолжая путь обобщенія на самыхъ принципахъ **).

Тотъ же методъ имѣетъ въ виду и Тюрго, защищая систематическое направленіе мысли. Система — мнѣніе принятое по зрѣломъ размышленіи, основанное на доказательствахъ и проверенное въ своихъ слѣдствіяхъ. *Такой* системой обладаетъ каждый мыслящій человекъ, и кто не имѣетъ никакой системы, т.-е. никакой связи въ своихъ идеяхъ, тотъ или глупецъ или сумашедшій ***).

И Тюрго далекъ отъ мысли осуждать системы во что бы то ни стало. Каждая изъ нихъ — шагъ къ истинѣ, хотя иногда невѣрный и колеблющійся. Онѣ вызываютъ новыя изслѣдованія и этимъ приносятъ положительную пользу, —

*) *Eloge de Gournay. Oeuvres* III, 366.

***) *Discours Préliminaire. Bibl. Nat.* 23—4.

***) *Eloge de Gournay. Ib.* 36, 7—8.

такъ же, какъ и гипотезы. При извѣстномъ положеніи знанія онѣ представляютъ истину, хотя по необходимости несовершенную. Но вновь добытые факты внесутъ дополненія и поправки и ложную систему замѣнятъ болѣе правильной. „Первый шагъ, — говоритъ Тюрго, — открыть систему, второй — разочароваться въ ней“ *). Слѣдовательно, прогрессъ, по представленію Тюрго, смѣна міросозерцаній, общихъ философскихъ и нравственныхъ принциповъ: идея, которой предстоялъ самый почетный приѣмъ въ философіи будущаго вѣка.

Естественно, личныя воззрѣнія Тюрго облеклись въ стройную и всеобъемлющую систему. Такъ его психологію и понималъ Кондорсе, составляя его жизнеописаніе, „его генія обширнаго и глубокаго“. Онъ „во всѣхъ отрасляхъ знанія создалъ себѣ прочныя и точныя принципы; къ нимъ онъ приурочивалъ всѣ свои мнѣнія и ими руководился во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ“. Ни одинъ государственный человѣкъ, прибавляетъ Кондорсе, не достоинъ раздѣлить этой славы съ Тюрго **).

И не только государственный человѣкъ, но и ни одинъ философъ въ XVIII-мъ вѣкѣ. Философія исторіи у Тюрго единственная въ эту эпоху по полнотѣ и по положительности идей. Прежде всего Тюрго самый прогрессъ понимаетъ иначе, чѣмъ другіе защитники той же идеи. Для Вольтера и Кондорсе прогрессъ — не что иное какъ программа будущаго, начертанная по идеаламъ XVIII-го вѣка и они вѣрятъ въ него не столько на основаніи уроковъ прошлаго, сколько подъ вліяніемъ восторга предъ современнымъ „пробужденіемъ разума“. Это ясно изъ приѣма исторической критики: она цѣликомъ состоитъ изъ сравненія событій и эпохъ прошлаго съ идеаломъ философскаго просвѣщенія, и факты восхваляются или порицаются сообразно съ ихъ соотвѣтствіемъ или противорѣчіемъ этому идеалу. Въ результатѣ выходитъ не столько картина *прогресса*, сколько пере-

*) *Ebauche du second Discours*. .O. II, 292—3.

**) *Vie de Voltaire. Oeuvres*. P. 1804. VI, 214.

численіе *прогрессовъ*, перемежающихся съ *регрессами*, картина свѣтлыхъ и темныхъ моментовъ. И вполнѣ понятно, почему сочиненіе Кондорсе въ рукописи называется не *Esquisse*, а *Programme*, *Программа исторической картины прогрессивныхъ движеній человѣческаго ума* *). Такое заглавіе можно толковать не только въ смыслѣ подготовительнаго наброска обдуманной работы, но и въ соотвѣтствіи съ самой сущностью ея. Просвѣтитель не изслѣдовалъ законовъ исторіи, а самъ предписывалъ ей таковыя, произнося безпощадный приговоръ надъ ея преступленіями и составляя для нея точную почти математическую программу дѣйствій въ будущемъ. И главнѣйшій интересъ разсужденій Кондорсе именно въ этой программѣ: она—истинное идейное завѣщаніе XVIII-го вѣка, во многихъ пунктахъ воспринятое и по крайней мѣрѣ теоретически выполненное позднѣйшей эпохой. Какъ идеаль, эта программа примыкаетъ и къ системѣ Тюрго; но философіи Кондорсе чуждо дѣйствительно систематическое обоснованіе идеала, т.-е. объективное осмысливаніе культурныхъ судебъ человѣчества. Эта заслуга принадлежитъ исключительно Тюрго. Было справедливо указано превосходство историческаго мышленія знаменитаго министра надъ исторической философіей двухъ популярнѣйшихъ французскихъ историковъ XVIII го вѣка—Монтескье и Вольтера **). Одинъ также стремился отдать себѣ отчетъ въ каждомъ историческомъ фактѣ, но не представлялъ ясно общаго движенія цивилизациі, т.-е. прогресса; другой проповѣдовалъ царство разума, какъ цѣль прогресса, но не понималъ значенія прошлыхъ стадій въ движеніи человѣчества къ этой цѣли. Только Тюрго сумѣлъ оцѣнку прошлаго связать съ идеаломъ будущаго.

VIII.

Тюрго предназначался родителями къ духовному званію и прошелъ духовную школу, изучалъ въ Сорбоннѣ бого-

*) Robinet. *Condorcet, sa vie, son oeuvre*. 301.

**) Mastier. *Turgot, sa vie et sa doctrine*. Paris 1862, 411.

словскія науки. Можетъ быть отчасти это обстоятельство заставило будущаго государственнаго дѣятеля глубже вдуматься въ вопросъ, чрезвычайно рѣзко и односторонне разрѣшавшійся въ современной философской литературѣ. Тюрго единственный среди первостепенныхъ писателей эпохи могъ отдать себѣ отчетъ въ исторической роли христіанства, какъ религіи и какъ церкви, — и не по догадкамъ только разграничить развитіе католичества и культурный смыслъ евангельскаго ученія. Еще только Руссо, повидимому, искренно былъ готовъ на это разграниченіе, но оно не внесло ни малѣйшаго свѣта въ своеобразную культурную философію женевскаго гражданина. Энциклопедисты въ общемъ были согласны съ мнѣніемъ Дидро, возмущеннаго замѣчаніемъ Гельвеція о разницѣ между религіей Иисуса Христа и религіей священника. На взглядъ Дидро, это — „легкомысленное разграниченіе“: въ дѣйствительности все одно и то же *).

Отсюда — гоненіе на христіанство изъ-за католичества. Кондорсе прошелъ общій путь. Въ молодости страстный полемистъ противъ духовенства, онъ задумалъ оригинальный *Противорелигіозный календарь*. Это исторія — по днямъ года — суевѣрій и жестокостей католической церкви **). Кондорсе остался вѣренъ этому настроенію до конца дней, осудилъ безповоротно не только католичество и христіанство, но и вообще религію, вычеркнулъ изъ программы прогресса средніе вѣка, призналъ великимъ успѣхомъ разума „равнодушіе къ религіямъ, помѣщеннымъ въ число суевѣрій или политическихъ изобрѣтеній“, вообще безрелигіозность отождествилъ съ просвѣщеніемъ ***).

Другой взглядъ у Тюрго. Его убѣжденіе: „разумъ говорить, но дѣйствовать заставляетъ религія ****). Опять идея,

*) О. с. II, 448.

**) *Almanach antisuperstitieux* остался недоконченнымъ и неизданнымъ. Robinet. О. с. Annexes, 329.

***) *Esquisse d'un tableau historique*. О. с. 1804. VIII, 257, 329.

****) О. II, 32.

долженствующая создать своимъ общимъ смысломъ одинъ изъ основныхъ принциповъ будущаго научно-философскаго міросозерцанія. Тюрго въ рѣчи, произнесенной въ Сорбоннѣ, примѣнилъ ее цѣликомъ къ христіанству. Онъ исторически доказывалъ необходимость появленія новой религіи одинаково для знатныхъ и бѣдныхъ языческаго міра, для философовъ и для народа. Дальнѣйшая исторія христіанства столь же важна въ послѣдовательномъ развитіи человечества. Даже схоластикъ европейская философія обязана благодареніями: пока это — защита христіанства. Съ теченіемъ времени Тюрго создаетъ цѣльную картину прогресса, и опять средніе вѣка, столь презираемые просвѣтителями, найдутъ почетное мѣсто. Попутно мусульманская культура будетъ оцѣнена весьма высоко: новый существенный фактъ въ исторіи идеи прогресса. Онъ также сполна воспримется наслѣдниками XVIII-го вѣка и именно съ тѣмъ значеніемъ, какое опредѣлитъ ему Тюрго. Арабы распространили математическія науки, химію, механическія искусства, и историкъ перечисляетъ изобрѣтенія и открытія, завѣщанныя потомству „варварскими вѣками“. На всевозможныя заблужденія, смуты, революціи, періоды упадка Тюрго смотритъ совершенно спокойно: не заблужденія вредятъ прогрессу, а изнѣженность, духъ рутины, отсутствіе энергии, поэтому полезны даже сильныя и опасныя страсти: онѣ—начало дѣятельности и, слѣдовательно, прогресса. Борьба съ преступленіями и зломъ упрочиваетъ познаніе добра и будитъ совѣсть. Вообще, „міръ, разсматриваемый съ высшей точки зрѣнія въ его неразрывномъ цѣломъ и на всемъ пространствѣ его прогрессивнаго развитія, представляетъ зрѣлище достославнѣйшее для мудрости имъ управляющей“.

Въ окончательномъ выводѣ Тюрго свою теорію считаетъ „не оскорбительной для провидѣнія“. Это несомнѣнно: теорія полна вѣры и оптимизма, — авторъ ея — человекъ XVIII-го вѣка, вѣрующій въ торжество разума и, слѣдовательно, истины и блага. Но Тюрго во имя своего идеала не насилуетъ фактовъ. Онъ признаетъ и зло, и заблужденія, и упа-

докъ, и даже въ весьма широкихъ размѣрахъ; онъ только думаетъ, что при наличности нравственной энергіи и органической жизненности у людей, тьма непременно уступаетъ мѣсто свѣту, все болѣе яркому. Вѣра въ нравственную силу человѣка — аксіома для Тюрго, и онъ находитъ, что при объясненіи культурныхъ явленій слишкомъ большое значеніе придаютъ влиянію внѣшнихъ условий, напримѣръ, климата. Онъ желаетъ центръ тяжести перенести на „нравственныя причины“ и только необъяснимое ими относить къ „физическимъ причинамъ“ *). Это—единственный *догматъ* Тюрго, не столько философскій, сколько психологическій, не помѣшавшій самой полной и объективной теоріи прогресса за весь французскій XVIII-й вѣкъ.

Это соединеніе психологическаго анализа съ историческимъ изслѣдованіемъ привело Тюрго къ замѣчательному обобщенію. Установивъ непрерывную послѣдовательность прогрессивныхъ моментовъ, признавъ идеи наслѣдіемъ одного поколѣнія въ пользу другого, философъ намѣтилъ знаменитый впослѣдствіи законъ трехъ стадій. Славой этотъ законъ обязанъ Конту, полагавшему въ открытіи его одну изъ своихъ главнѣйшихъ заслугъ. Послѣдователямъ Конта пришлось упорно и долго защищать права своего учителя, и врядъ ли вопросъ можетъ считаться поконченнымъ въ его пользу. Самъ Контъ, называя однимъ изъ своихъ предшественниковъ Кондорсе, не упоминаетъ о Тюрго. Этотъ фактъ кажется вполне убѣдительнымъ даже для наименѣ порабощенныхъ послѣдователей философа,—въ дѣйствительности онъ не имѣетъ никакого значенія **). Мы увидимъ впослѣдствіи, какъ основатель позитивизма понималъ, прественность своихъ идей и съ какимъ безпристрастіемъ оцѣнивалъ своихъ предшественниковъ. Именно самые внушительные и *естественные* среди нихъ не попали въ списокъ Конта. Тюрго подвергся остракизму наравнѣ съ Сень-Си-

*) *Ib.* 23, 24, 83—4, 225—6, 227—8, 267—8, 343.

**) *Littre. Auguste Comte et la philosophie positive.* P. 1864, 39.

мономъ. Это совпаденіе несравненно значительнѣе, чѣмъ почести Кондорсе рядомъ съ Деместромъ.

Фанатическіе контисты употребили всѣ усилія доказать бесполезность для Конта „замѣчанія“ Тюрго. Смысла его нельзя было отвергнуть: Тюрго, оказывается, дѣйствительно понималъ сущность трехъ стадій, но онъ „не почувствовалъ всей важности своего представленія, потому что никогда не возвращался къ нему, не расширилъ его и не дополнилъ“, а въ особенности—ни разу не упомянулъ о немъ въ перепискѣ съ Кондорсе, а Кондорсе въ свою очередь, *кажется*, не понялъ идеи Тюрго и не воспользовался ею *).

Относительно Кондорсе даже нечего и употреблять осторожныя выраженія: мы знаемъ, онъ *не могъ* раздѣлять идеи Тюрго по самому ея существу, такъ какъ его *профессъ* не знаетъ принципа послѣдовательности и историческое прошлое Кондорсе не анализировалъ, какъ постепенное и преемственное накопленіе умственного и нравственного свѣта. Прогрессъ у Тюрго принимаетъ форму эволюціи, совершающейся въ извѣстномъ порядкѣ,—Контъ въ послѣдствіи заключаетъ этотъ ясно намѣченный порядокъ въ законы, — воззрѣніе Кондорсе на исторію чуждо какой бы то ни было планомѣрной идеи; для него исходный пунктъ—XVIII-й вѣкъ, и онъ не философъ прошлаго, а творецъ надеждъ на будущее. Естественно, эволюціонное ученіе Тюрго прошло для него или незамѣченнымъ или даже неудобопріемлемымъ для ума и сердца.

Ученіе это излагается такъ:

„Раньше чѣмъ узнать взаимную связь физическихъ явленій, естественнонѣ всего предположить, что они производятся разумными существами, невидимыми, подобными намъ, потому что, на кого же еще имъ походить? Все что совершалось и въ чемъ человѣкъ не принималъ участія—имѣло

*) Robinet. *Notice sur l'oeuvre et la vie d'Auguste Comte*. P. 1891, 142. Ср. E. Semérie—*La loi des trois états*, P. 1875. По тому же вопросу Renouvier въ *Critique philosophique*, 1881, I, 361 и отвѣтъ на книгу Литтре *Essai critique sur la philosophie positive*, par Charles Pellarin, Paris. 1864, 112.

своего бога; страх или надежда скоро создавали въ честь его культъ и культъ этотъ создавался соотвѣтственно уваженію, какое люди питали къ людямъ могущественнымъ, такъ какъ и боги были не что иное какъ люди болѣе могущественные и болѣе или менѣе совершенные, сообразно съ тѣмъ какъ эпоха, ихъ создававшая, понимала истинныя совершенствова человѣческой природы.

„Когда философы признали нелѣпость этихъ басенъ, но въ то же время не приобрѣли правильныхъ понятій о естественной исторіи, они вздумали объяснять причины явленій отвлеченными выраженіями, — въ родѣ *сущности* и *способности*. Выраженія эти однако ничего не объясняли и о нихъ разсуждали будто они были *существа*, новыя божества, замѣнившія старыя. Аналогіи развивались; количество *способностей* умножалось, чтобы подыскать основаніе каждому явленію.

„Только очень поздно, наблюдая механическое воздѣйствіе однихъ тѣлъ на другія, люди вывели изъ этой механики другія гипотезы, которыя математика можетъ развить и опытъ провѣрить. Вотъ почему физика перестала вырождаться въ плохую метафизику только послѣ того, какъ продолжительный прогрессъ искусствъ и химіи умножилъ сочетанія тѣлъ, благодаря болѣе тѣсному общенію людей расширились географическія знанія, факты получили болѣешую достовѣрность и сами искусства стали развиваться подъ наблюденіемъ философовъ. Книгопечатаніе, литературныя и ученые журналы, записки академій до такой степени упрочили достовѣрность свѣдѣній, что въ настоящее время только подробности вызываютъ сомнѣнія“ *).

Разсужденіе Тюрго соотвѣтствуетъ соціологическому закону Конта трехъ стадій: теологическая, метафизическая и позитивная. У Тюрго встрѣчается только одинъ изъ этихъ терминовъ—второй; первая стадія не расчленена, какъ у Конта, на различныя формы теологіи—фетишизмъ, полите-

*) О. II, 294—5.

измъ, монотеизмъ; третья очерчена въ томъ же смыслѣ, какъ и у Конта: стадія *научная*. Но сущность не въ терминахъ и не въ подробностяхъ, а въ магистральной идеѣ. Въ этомъ отношеніи Контъ ничего не могъ прибавить къ концепціи Тюрго. Идея Тюрго имѣла всѣ свойства *вдохновляющаю* принципа—тѣ именно свойства, какими обладали для того же Конта и идеи Сень-Симона,—и позднѣйшему философу оставалось только размаковать чужую мысль и представить ее въ логической и фактической оправѣ. Это именно и сдѣлалъ авторъ позитивной философіи, своимъ умолчаніемъ только подчеркнувши неотразимое господствующее значеніе „арегси“ Тюрго для его „курса“. Кондорсе называлъ Тюрго однимъ изъ „первыхъ апостоловъ“ ученія о „неограниченномъ совершенствованіи“ челоѣчества, и это ученіе признавалъ послѣднимъ рѣшительнымъ ударомъ „колеблющемуся зданію предразсудковъ“ и все-таки не обратилъ вниманія на самыя боевыя идеи Тюрго *). Именно благодаря систематическому освѣщенію прогрессивнаго содержанія всѣхъ эпохъ исторіи, низведенію теологическаго и метафизическаго возрѣнія на степень *состояній* челоѣческаго духа и провозглашенію научнаго изслѣдованія современной и исторически-необходимой стадіей, цивилизаціи — „суевѣрія“ теряли почву для своего роста и утрачивали право на существованіе. Кондорсе заявлялъ, что ученіе о прогрессѣ „принадлежитъ десятой эпохѣ“, т.-е. будущему, и философъ обязанъ *пространно* развить „доктрину“ именно для этого будущаго. Кондорсе выполнилъ обѣщаніе, составлявшее основную задачу его предсмертнаго труда.

„Десятая эпоха“ Кондорсе—необходимое дополненіе къ „рѣчамъ“ Тюрго, завершеніе намѣченнаго имъ зданія—въ духѣ XVIII-го вѣка. Философъ берется за предсказанія,—какія у него основанія? Отвѣтъ Кондорсе сначала тотъ самый, какимъ впоследствии будутъ пользоваться созидатели

*) Condorcet. O. c. 259—260.

позитивнаго міросозерцанія. Разъ извѣстны законы явленій, — можно предсказывать ихъ будущее. Но у Кондорсе *нѣтъ* законовъ историческаго развитія: онъ будетъ прозрѣвать будущее на основаніи опытовъ прошлаго. Позитивисты позаботятся непременно установить законы. Кондорсе удовлетворится „опытомъ“ и притомъ весьма кратковременнымъ—второй половиной XVIII-го вѣка и въ особенности революціей. Уже девятую эпоху онъ закончилъ рѣшительнымъ предсказаніемъ: современные успѣхи просвѣщенія обезпечиваютъ человѣчество противъ реакціи и варварства. Людямъ остается только философскій свѣтъ разума распространять на весь земной шаръ. Свѣтъ этотъ философъ считаетъ непогрѣшимымъ, т.-е. идеи французскаго просвѣщенія, — и „десятая эпоха“ не что иное какъ послѣдовательное осуществленіе ихъ. Идеаль будущаго—водвореніе равенства между націями и между членами каждой націи отдѣльно и „дѣйствительное совершенствованіе чело-вѣка“. Любопытно эту программу сопоставить съ „интересами націй“—какъ ихъ понималъ Тюрго: „они сводятся къ религіозному почтенію предъ свободой личностей и труда, къ ненарушиму охраненію правъ собственности, къ справедливости относительно всѣхъ“. Революціонно-теоретическое настроеніе философа и практической взглядъ политика и психолога ясно сказались въ этихъ надеждахъ на будущее. Правда, Кондорсе спѣшитъ оговориться: онъ не мечтаетъ совершенно уничтожить неравенство, источники его коренятся въ самой природѣ, — онъ желаетъ только „уменьшать его непрестанно“ разными экономическими мѣропріятіями и особенно распространеніемъ просвѣщенія. Философа все время не покидаетъ самый вѣрующій оптимизмъ: „если образованіе болѣе равномерно, создается больше равенства въ промышленности и, слѣдовательно, въ матеріальныхъ состояніяхъ“; „хорошо направленное образованіе исправляетъ естественное неравенство способностей...“

*) Condorcet. 320; Turgot. 351.

Послѣдняя истина находить опроверженіе у самого Кондорсе, настаивающаго на учрежденіи всемірной республики ученыхъ, такъ какъ между искателями истины и народомъ всегда будетъ существовать „громадное разстояніе“ и надежда проникнуть въ тайны природы навсегда останется „несбыточной мечтой“, пока выдающіеся умы не выдѣлятся изъ среды заурядныхъ людей въ особое общество. Очевидно, какъ разъ высшая культура обусловливаетъ неравенство и ея интересы связаны именно съ неравенствомъ способностей и аристократизмомъ умственной дѣятельности. Кондорсе, какъ вообще философы XVIII-го вѣка, не представлялъ съ полной ясностью всей громадной, нравственной и политической трудности вопроса о совмѣщеніи равенства со справедливостью, правъ личности и массы. Философъ высоко ставилъ индивидуальную свободу и въ то же время сѣтовалъ на пристрастіе исторіи политической и научной къ избраннымъ личностямъ и равнодушіе къ рабочей массѣ, „на самомъ дѣлѣ составляющей родъ человѣческій“. Но эта благородная защита массы встрѣчается съ разсужденіемъ мальтузіанскаго характера; философъ не можетъ себѣ и представить, какихъ предѣловъ достигнетъ искусство превращать „элементы въ продукты потребленія“; но въ то же время онъ разсчитываетъ и на другой прогрессъ въ области разума и нравственныхъ воззрѣній. Люди должны понять слѣдующую истину: если на нихъ лежатъ обязательства предъ будущимъ еще не народившимся поколѣніемъ, обязательства эти состоятъ въ томъ, чтобы дать этому поколѣнію не жизнь, а счастье. Цѣль людей—общее благосостояніе человѣческаго рода или общества, среди котораго они живутъ, семья, къ которой они принадлежатъ, а не „дѣтская задача, обременять землю существами бесполезными и несчастными“ *).

Кондорсе не касается вопроса, какъ раньше столь идеального развитія самосознанія и соціальной мудрости въ

*) Condorcet. 339—340, 519—521, 314, 350—1.

массахъ примирить его крайній демократическій принципъ съ разумными „обязательствами“. Очевидно, планы философа на будущее не успѣли подчиниться одному строго-опредѣленному принципу, предъ нами безпрестанно разгорающаяся борьба между чувствительнымъ сердцемъ идеолога XVIII-го вѣка и невольнымъ вмѣшательствомъ въ идеальныя построения реального ума, воспитаннаго на точныхъ наукахъ. Сущность явленія сводится къ самому простому факту: Кондорсе вздумалъ опредѣлить социальную систему будущаго независимо отъ результатовъ, какіе должны получиться на основаніи имъ же предложеннаго метода изученія вопроса. Философъ поспѣшилъ оставить завѣщаніе современникамъ и потомству и предвосхитилъ *выводы*, только намѣтивши *путь* къ нимъ.

Кондорсе ясно представлялъ слѣдующія истины. Одна—многочисленность чрезвычайно сложныхъ вопросовъ, подлежащихъ рѣшенію раньше созиданія новой системы. До сихъ поръ анализъ умственныхъ и нравственныхъ способностей человѣка крайне несовершененъ; социальныя отношенія мало изслѣдованы съ цѣлью точно опредѣлить объемъ личныхъ правъ человѣка и правъ, какими онъ можетъ обладать какъ членъ общества по отношенію къ другимъ. Самые способы рѣшать эти вопросы не удовлетворительны: Кондорсе желалъ въ области политики примѣнить теорію вѣроятностей, т.-е. сообщить характеръ математической достовѣрности нравственнымъ и социальнымъ задачамъ. Путь въ этомъ направленіи предстоить громаднѣйшій, начиная съ усовершенствованія самихъ терминовъ и кончая логическимъ влияніемъ общихъ фактовъ морали на практическую нравственность и политику. Кондорсе поторопился изобразить цѣли, къ какимъ долженъ привести этотъ путь. Онъ не могъ, разумѣется, ни представить ихъ въ формѣ цѣльной, всеобъемлющей системы, ни еще менѣе доказать ихъ: предъ нами рядъ отрывочныхъ идеальныхъ пожеланій и надеждъ. Научно-философское значеніе разсужденій Кондорсе не въ этихъ мечтахъ, а въ другой истинѣ, имъ освѣщенной, въ

анализъ пути, какой, по его мнѣнію, будущимъ поколѣніямъ предстоитъ совершить къ идеальному соціальному строю. Здѣсь именно Кондорсе — продолжатель идей Тюрго и одинъ изъ плодотворнѣйшихъ предшественниковъ позднѣйшихъ философскихъ и философско-религіозныхъ системъ.

Кондорсе по излюбленному предмету занятій и по таланту — математикъ, и приемы математическаго ума лежать въ основѣ его возрѣній. Въ этомъ единственная существенная разница между *научными* идеями Кондорсе и Тюрго и здѣсь же лежитъ разгадка великаго значенія его построений для будущихъ попытокъ французской мысли систематизировать мораль и политику въ широкомъ смыслѣ. Въ разсужденіяхъ *Объ общественномъ просвѣщеніи* Кондорсе усердно защищалъ необходимость „изученія политической ариѣметики“. Политическіе факты должны быть сводимы въ таблицы; къ нимъ долженъ быть примѣняемъ приемъ комбинацій, законъ вѣроятностей. Кондорсе различаетъ логическое и математическое объясненіе фактовъ — *une explication raisonnée, une explication calculée*: одно можетъ привести къ ошибкѣ, другое дастъ положительные результаты. Въ области политики, кромѣ того, по мнѣнію Кондорсе, помощь „разума“ ограничена; въ будущемъ она будетъ окончательно исчерпана и единственнымъ средствомъ останется математическій методъ, т. е. собираніе фактовъ, классификація ихъ, объединеніе общими идеями и приложеніе выводовъ на основаніи прошлаго къ событіямъ будущаго, по теоріи вѣроятностей *). Легко видѣть, что самъ Кондорсе въ своихъ „результатахъ“ примѣнялъ *une explication raisonnée* — относительно данныхъ современности и, можетъ быть, только смерть помѣшала философу воспользоваться другимъ методомъ въ философіи исторіи. Во всякомъ случаѣ, онъ достаточно установилъ его въ любопытнѣйшемъ отрывкѣ *Объ Атлантидѣ*. Эту Атлантиду слѣдуетъ считать первообразомъ перваго научно-философскаго и философско-религіоз-

*) *Mémoires sur l'instruction publique*. O. c. IX, 160—1, 576—7, 566—7.

наго міросозерцанія, возникшаго на почвѣ XVIII-го вѣка и революціонныхъ событій.

Атлантида — это общество людей, посвятившихъ всю жизнь свою поискамъ за истиной. Они возвышаются надъ общимъ уровнемъ человѣчества—просвѣщеніемъ, гениемъ, силой разума, добровольнымъ единоклюіемъ во взглядахъ и принципахъ, постоянствомъ въ безпристрастномъ и самоотверженномъ преслѣдованіи идейныхъ цѣлей. Духъ партій, тщеславіе, мелкое самолюбіе должны отсутствовать въ работахъ и взаимныхъ отношеніяхъ членовъ этого общества. Единственна цѣль ихъ „прогрессъ наукъ“. Исчезнетъ и тщеславное соревнованіе между отдѣльными науками,— не будетъ ни почитаемыхъ, ни презираемыхъ отраслей знанія. Всѣ онѣ составляютъ одну тѣсно сплоченную цѣпь: математика неразрывно связана съ физикой, социальныя науки и съ той и съ другой, естественная исторія съ метафизикой. Ни одной изъ наукъ нельзя удалить изъ общей связи, не причинивъ вреда другимъ наукамъ. Слѣдовательно, и работа ученыхъ должна отличаться единствомъ, взаимной освѣдомленностью въ открытіяхъ и методахъ другъ друга. Это не значитъ, будто каждый ученый съ одинаковыми подробностями долженъ знать всѣ науки; ему достаточно внимательно слѣдить за „важными выводами, полезными примѣненіями“.

Единство работы „всемирной республики наукъ“ должно быть обеспечено прежде всего „общимъ планомъ наблюдений“, *хорошо обдуманной системой* изслѣдованія. Слѣдуетъ точно установить, какія наблюденія произвести, какіе опыты и кому поручить,—и Кондорсе предлагаетъ примѣрную программу ближайшихъ изслѣдованій, на примѣръ, въ естественной исторіи человѣка. Всюду на первомъ планѣ должны стоять таблицы фактовъ. На примѣръ, въ медицинѣ и въ гигиенѣ—статистика—основа всѣхъ выводовъ объ умственномъ и нравственномъ развитіи человѣка, объ его социальномъ благосостояніи. Результаты этого метода неограничены въ матеріальной и нравственной области.

Путемъ изслѣдованій мы можемъ оцѣнить сравнительное вліяніе различныхъ дѣятелей на человѣческую природу, — наслѣдственности, воспитанія, образованія, законодательства, профессій, привычекъ и даже развлеченій. Если мы точно установимъ разницу и предѣлы всѣхъ этихъ вліаній, развѣ намъ не откроется возможность нравственно и даже физически совершенствовать человѣческую расу? Научный анализъ и всестороннія наблюденія должны просвѣтить насъ на счетъ труднѣйшаго вопроса — о связи физической организаціи съ духовными способностями и рѣшить задачу: нельзя ли, совершенствуя органы, совершенствовать и эти способности? Естественно, столь основательное знакомство съ физической и нравственной природой человѣка должно отразиться на его долговѣчности: Кондорсе готовъ вѣрить въ способность будущей науки, продлить столь краткую въ настоящее время жизнь людей.

Но и самъ философъ эту надежду склоненъ считать „несбыточной мечтой“; для него гораздо важнѣе логическіе результаты его метода. Они — совершенно ясны. Если науки будутъ разрабатываться по общему плану и духовно-объединеннымъ обществомъ ученыхъ, онѣ должны привести научно-развитую мысль къ великой цѣли — *philosophie générale*. Эта идея заслуживаетъ всего нашего вниманія: ея настойчивые отголоски надолго водворятся во французской мысли XIX-го вѣка. Что же Кондорсе понималъ подъ именемъ *общей философіи*? То же самое, что впослѣдствіи Сень-Симонъ и его школа будутъ развивать подъ именемъ *общей науки* — *la science générale*. „Эта общая философія, — говоритъ Кондорсе, — обнимающая въ своихъ возрѣніяхъ, въ своихъ стремленіяхъ, въ своихъ комбинаціяхъ принципы, слѣдствія и содержимое всѣхъ человѣческихъ знаній, — она не что иное какъ расширенный разумъ, вооруженный изслѣдованіемъ, и она неизбежно станетъ общимъ достояніемъ просвѣщенныхъ людей во всѣхъ странахъ, гдѣ человѣческій умъ завоюетъ свои права и свободу“.

Подобная *философія тождественна наукѣ*, потому что она

добыта строгимъ научнымъ методомъ. Ей въ то же время можно присвоить позднее ея наименование, установленное Сень-Симономъ и окончательно использованное Контомъ— *позитивная философія*. Наконецъ, ее можно приравнять къ религиозному ученію, въ которомъ догматы не преподаются, а доказываются, т.-е. къ религіи въ смыслѣ тѣхъ же сень-симонистовъ. Кондорсе вполне опредѣленно указываетъ именно на этотъ характеръ результатовъ, полученныхъ послѣ научныхъ изслѣдованій по его плану и методу. Онъ надѣется на исчезновеніе въ будущемъ духа партій, секты и школы послѣ того, какъ будутъ открыты и приняты „истинные методы“. Между учеными водворится „общее мнѣніе“, „признанные принципы“ — *une opinion commune, des principes avoués*, и ученые не будутъ имѣть возможности отступать отъ нихъ, *не измѣняя своему внутреннему чувству*, не подвергаясь опасности быть обвиненными въ невѣжествѣ или въ недобросовѣстности. При такихъ условіяхъ философу возможно предполагать, что современемъ и своекорыстные интѣресы и страсти будутъ оказывать столь же мало вліянія на волю, какъ въ настоящее время на чисто научныя мнѣнія. Подобнаго ждетъ отъ будущаго и Тюрго. Онъ надѣется, что хаотическое состояніе понятій экономическихъ и политическихъ прекратится и „правительственная наука станетъ легка и доступна для людей, одаренныхъ простымъ здравымъ смысломъ“. Кондорсе желаетъ систематизировать этотъ смыслъ въ формѣ научныхъ идей, понимая его съ точки зрѣнія науки, какъ удостовѣренный философскій разумъ и слѣлать его общимъ достояніемъ—въ формѣ таблицъ безусловно доказанныхъ истинъ. Таблицы эти, разумѣется, должны быть составлены „нѣсколькими людьми, основательно знакомыми со всѣми отраслями знанія“ и съ достаточно развитымъ философскимъ воззрѣніемъ, чтобы отличать истины отъ мнѣній, факты отъ гадательныхъ объясненій. Это будутъ періодическіе катехизисы научно-философскаго міросозерцанія—и воображеніе философа отказывается намѣтить предѣлъ, когда должна возникнуть окончательно формулиро-

ванная *общая философія*. Каждое десятилѣтіе таблицы должны исправляться и доводиться до общаго свѣдѣнія.

Мы оцѣнимъ въ послѣдствіи всю культурную важность этой программы, этого „чистаго культа истины“,—какъ называетъ самъ Кондорсе свою систему. Для насъ также выяснится существенная разница въ великомъ вопросѣ объ *авторитетѣ*, разрѣшаемомъ различными способами мыслителемъ XVIII-го вѣка и его пореволюціонными преемниками. Кондорсе остается до конца вѣренъ идеалистическому настроенію: онъ изгоняетъ всякій авторитетъ изъ жѣдръ своей республики, оставляетъ мѣсто лишь изслѣдованію и разуму. *Правительство*, т.-е. власть, стоитъ внѣ общества ученыхъ и даже слѣдовало бы, чтобы оно не помогало научной работѣ матеріальными средствами,—они должны быть добыты подпиской на ученые труды ассоціаціи. Общественной власти предоставляется судить, что въ проектахъ общества заслуживаетъ поощренія и щедрости. Философъ питаетъ надежду, что со временемъ этотъ вопросъ будетъ разрѣшаться по внушеніямъ одного лишь разума. *).

Легко видѣть,—такая постановка дѣла грозитъ на неопредѣленное время осудить культъ истины на практическую бесплодность. Даже если бы ассоціація ученыхъ успѣла добыть научные принципы нравственности и политическихъ и социальныхъ отношеній, общественная власть могла бы слѣдовать своимъ „интересамъ и страстямъ“. Истина, вполне убѣдительная для разума, можетъ быть лишена всякаго значенія для эгоизма, вооруженнаго силой. Истребить же окончательно въ человѣческой природѣ эгоистическія побужденія Кондорсе врядъ ли могъ съ увѣренностью рассчитывать. Даже у высшихъ геніевъ онъ признаетъ „много самолюбія“ и достойнѣйшихъ оберегаетъ отъ интригъ вмѣшательствомъ третьестепенныхъ талантовъ, неспособныхъ будто бы притязать на первыя мѣста и всегда готовыхъ по

*) О. с. VIII—*Fragment sur l'Atlantide* 521—9, 531—9, 542—3, 548, 550—4, 557, 582, 588—9, 594—8. Turgot, 351.

справедливости рѣшить споръ между первыми и вторыми величинами. Разсчитываетъ Кондорсе и на другое средство. Идея распространить господство всѣхъ наукъ до такой степени велика и возвышена, что должна одушевить энтузіазмомъ истинно-философскія головы и явиться противовѣсомъ эгоистическимъ наклонностямъ. Значеніе энтузіазма въ торжествѣ научнаго міросозерцанія будетъ оцѣнено и преемниками Кондорсе, но они поймутъ также, что далеко не вездѣ можно разсчитывать одинаково на способность людей усваивать очевидныя истины и приходиться отъ нихъ въ энтузіазмъ. Вопросъ объ авторитетѣ остается открытымъ. Мыслитель, одержимый „революціоннымъ духомъ“ *) и восторженными надеждами, не представлялъ всего психологическаго и политическаго значенія этой задачи, а между тѣмъ именно она потребовала отъ поздѣйшихъ созидателей научно-философскаго міросозерцанія сильнѣйшаго напряженія изобрѣтательности, логики и социальной проникательности, и она же преимущественно сообщила оригинальный, независимый характеръ по—революціонному движению мысли сравнительно съ идеями XVIII-го вѣка. Мы хотимъ сказать, — вопросъ о комбинаціи общественной власти и выработаннаго наукой и философіей воззрѣнія, далъ новое содержаніе умственной и политической дѣятельности наслѣдниковъ просвѣтительной и революціонной эпохи. Этимъ фактомъ опредѣляется взаимное отношеніе того и другого теченія и освѣщается *положительное* значеніе философіи XVIII-го вѣка въ великомъ культурномъ стремленіи просвѣщеннаго человѣчества—открыть новый символъ вѣры на мѣсто традиціоннаго. Мы могли убѣдиться—это значеніе далеко не исчерпывается одной критикой, разсудочнымъ, политическимъ или болѣе или менѣе научнымъ разрушеніемъ стараго міросозерцанія. Попытки созиданія были неменѣе настойчивы, разнообразны и весьма часто

*) Выраженіе Конта о построеніи Кондорсе—автора *Esquisse. Cours de la philosophie positive*. IV, 258.

страстны, чѣмъ чисто-критическая борьба, и безъ этихъ попытокъ позднѣйшая созидательная дѣятельность философской мысли явилась бы своего рода чудеснымъ откровеніемъ, исключительно личнымъ вдохновеніемъ отдѣльныхъ пророковъ неожиданнаго ученія.

На самомъ дѣлѣ—произошло и должно было произойти нѣчто другое, понижающее блескъ оригинальности единичныхъ мыслителей, но зато упрочивающее историческій закономѣрный смыслъ всего явленія.

IX.

Представленіе о XVIII вѣкѣ, какъ эпохѣ исключительно критической, до такой степени оказалось неотразимымъ для исторической и философской литературы слѣдующаго столѣтія—одинаково и враждебной и дружественной, что оно возникаетъ неминуемо даже послѣ самыхъ, повидимому, краснорѣчивыхъ оговорокъ. Эти оговорки должны встрѣчаться преимущественно у писателей, заинтересованныхъ какимъ-либо положительнымъ вѣрованіемъ, религіознымъ или философскимъ. Самый естественный пріемъ—доказать необходимость и разумность такого вѣрованія, прослѣдить историческую судьбу созидательныхъ наклонностей человѣческаго ума и показать непрерывность ихъ развитія. Такъ поступаетъ самый страстный защитникъ вѣры въ началѣ пореволюціонной эпохи—Ламеннэ. Онъ неутомимоссылается прежде всего на Руссо, нѣсколько разъ пользуется его изреченіемъ изъ *Общественнаго договора*: „Ни одно государство не было основано безъ того, чтобы религія не служила ему основой“. Ламеннэ находитъ, что сердце влекло Руссо къ христіанству и только одна гордость удерживала его *), по Руссо не исключеніе. Ламеннэ готовъ распространить присутствіе вѣры на всѣхъ вождей философской партіи. Онъ въ ихъ перепискѣ находитъ идеи, явно противорѣча-

*) Lamennais. *Essais sur l'indifférence en matière de religion*. O. c. P. 1836—7. I. 21, 312, 342. *Mélanges religieux et philosophiques*. VI. 120.

Вопросы философіи, кн. 53.

шія ихъ открытому невѣрію. Ему *кажется*, будто Вольтеръ никогда не отвергалъ верховнаго существа, и это даже единственная истина, оставшаяся непоколебимой при его „подвижномъ воображеніи“. Ламеннэ ссылается на выходку Вольтера противъ атеистовъ-правителей, этихъ „исчадій ада“. Даже у Дидро Ламеннэ находитъ мысли, враждебныя атеистическому обществу. И все-таки философія XVIII-го вѣка, на его взглядъ, *разрушительная философія*, и онъ взываетъ: *écrasez cette philosophie destructive!* *).

Другой, не менѣ рѣшительный защитникъ религіи—только философской — сенъ-симонистъ Пьеръ Леру, повидимому, ближе всѣхъ подошелъ къ истинѣ. „Жалко становится слушать,—говоритъ онъ,—будто философія XVIII-го вѣка желала ниспровергнуть всякую религію. Философы XVIII-го вѣка, съ цѣлью разрушить христіанство, безраздѣльно завладѣвшее, въ глазахъ всѣхъ, именемъ и идеей религіи, принуждены были воздвигнуть другое знамя и напасть на христіанство подъ именемъ религіи. Большая часть противорелигіозныхъ произведеній, написанныхъ ими въ этомъ смыслѣ, относятся къ религіи прошлаго. Но гдѣ же былъ бы источникъ ихъ генія, ихъ энтузіазма и ихъ власти надъ народами, если бы они не нашли въ сердцѣ зародыша новой религіи челоуѣчества?“

Леру ссылается на Руссо и приводит длинную выдержку изъ доклада Кондорсе объ общественномъ просвѣщеніи, какъ первоисточникъ одного изъ основныхъ положеній сенъ-симонистской школы: „всѣ соціальныя учрежденія должны имѣть цѣлью нравственное, умственное и физическое улучшение класса наиболѣе многочисленнаго и наиболѣе бѣднаго“. И все-таки въ результатѣ онъ находитъ, что восемнадцатый вѣкъ не зналъ „философіи исторіи“; а она именно въ союзѣ съ естественными науками и должна привести къ „великимъ задачамъ“ **).

*) *Réflexion sur l'état de l'église en France pendant le XVIII s.* VI, 35—6; I, 337, 22; VI, 37.

**) *Aux politiques. De la politique sociale et religieuse qui convient à notre époque.* *La Revue Indépendante.* 1841. I, 127, 97, 129, 327—8.

Мы знаемъ, насколько точно это заключеніе. Ни одинъ писатель просвѣтительной эпохи не имѣлъ отдѣльно философіи исторіи,—это справедливо, но столь же несомнѣнно, что идеи Тюрго и Кондорсе положили главныя основы будущей науки. Тюрго намѣтилъ тотъ самый законъ, къ какому позитивная философія XIX вѣка постарается свести развитіе человѣчества, а Кондорсе указалъ, въ чемъ долженъ заключаться наиболѣе прогрессивный моментъ этого развитія, и сдѣлалъ это съ такими подробностями, что позднѣйшимъ философамъ исторіи пришлось исчерпывать весь его планъ. „Великая проблема“, слѣдовательно, была поставлена и, что особенно важно, объясненъ методъ ея разрѣшенія и идеаль окончательнаго результата. Мы встрѣтимся съ сень-симонистской философіей исторіи, т.-е. съ той самой, которая вдохновила самого Леру на религіозную проповѣдь, и убѣдимся, что выводы Тюрго совсѣмъ не подвергались критикѣ, а Кондорсе былъ опровергаемъ съ успѣхомъ тамъ, гдѣ нельзя видѣть его силу философа исторіи, гдѣ онъ только публицистъ-просвѣтитель.

Наконецъ, существуетъ взглядъ, повидимому, самый естественный, внушаемый однимъ изъ самыхъ вліятельныхъ писателей XVIII-го вѣка. Руссо считалъ себя по преимуществу защитникомъ Бога, Провидѣнія и, слѣдовательно, религіи, и на этой почвѣ велъ борьбу противъ „пошлой философіи“. Нѣкоторые новѣйшіе историки признали это исключительное положеніе женевского философа и увидѣли въ немъ *созидателя* не въ примѣръ его современникамъ. Луи Бланъ выразилъ этотъ взглядъ съ особенной горячностью. По его мнѣнію, вся философская работа прошлаго столѣтія рѣзко распредѣляется между двумя направленіями—*разума* и *чувства*. Одна—дѣло энциклопедистовъ, другая—Руссо. Одна—раціонализмъ, союзъ для разрушенія, ведущій къ „умственной анархіи“; противоположную задачу взялъ на себя Руссо: „превозносили разумъ, который раздѣляетъ,—онъ указывалъ на чувство, которое сближаетъ и объединяетъ“. И Луи Бланъ пишетъ восторженно чувствительный портретъ Жань-

Жака— „безсмертнаго и несчастнаго“. Эти опредѣленія— безспорны, но объединительныя свойства чувствительности Руссо подлежат сильному сомнѣнiю. Луи Бланъ считаетъ аксіомой, будто „разумъ разъединяетъ, а вѣра сплачиваетъ“. Если это такъ, у Руссо не было именно сплывающей вѣры, по многимъ причинамъ. Прежде всего, вѣра Руссо не столько органическое, неизмѣнно живое чувство, сколько поэтическое настроенiе; потомъ, самъ же онъ призналъ необходимымъ сообщить своей вѣрѣ *извнѣ* сплывающую силу, въ формѣ законодательныхъ постановленiй и, наконецъ, всякое единство требуетъ извѣстной идейной опоры и извѣстнаго созерцанiя, своему же *чувству* Руссо отказывался придать общiй философскiй смыслъ, пока оно не выходило за предѣлы „внутренняго голоса“: оно—чисто-субъективное явленiе и поэтому не можетъ быть *преподано*, а только *изложено*. Когда же „вѣра“ Руссо становится дѣйствительно *связью*, она по существу является политическимъ и на практикѣ принудительнымъ ученiемъ. Въ созданiи миро-созерцанiя на основанiи чувства авторъ *Эмилля* имѣлъ не больше удачи, чѣмъ авторъ *Философскаго словаря* на основахъ разума, и мы указывали тождественность логическихъ положенiй религiи у Руссо и у Вольтера. Нѣтъ, слѣдовательно, данныхъ противопоставлять Руссо-созидателя энциклопедистамъ-разрушителямъ. И самъ Луи Бланъ неоднократно оговаривается въ пользу положительнаго и творческаго элемента въ энциклопедической философiи. Въ намѣренiяхъ энциклопедистовъ, говоритъ онъ, не было завѣщать будущимъ поколѣнiямъ только разрушенiе и мракъ. „Они непоколебимо и неустанно поражали древнiя вѣрованiя, потому что рассчитывали оставить книгу съ матеріалами для преобразованiя знанiй и воображали, что послѣ потопа человѣческихъ воззрѣнiй ихъ ковчегъ всплыветъ, наполненный всѣмъ необходимымъ для возсозданiя умственнаго міра“. Это объясненiе гораздо ближе къ истинѣ, чѣмъ выдѣленiе организующаго чувства Руссо изъ хаоса, создаваемого разумомъ. Наконецъ, революціонную борьбу Луи

Бланъ сводитъ къ „философской борьбѣ доктринъ“, къ реализаціи наслѣдства Дидро, Вольтера и Жанъ Жака *). Это справедливо — въ отношеніи доктрины ставить рядомъ представителей рационализма и чувствительности. Всѣ одинаково были заинтересованы въ возсозданіи міра идей, и всѣ одинаково тщетно старались ограничиться чисто-идейной созидательной работой, и въ одной логикѣ, въ данныхъ науки или во внушеніяхъ сердца и сознанія отыскать цѣльный объединительный символъ. Луи Бланъ, закрывая глаза на внутреннюю разногласицу религиознаго проповѣдничества Руссо—автора *исповѣди Савойскаго викарія* и уложенія *О гражданской религіи* — обходитъ молчаніемъ глубокой культурный смыслъ идей Тюрго и Кондорсе, таящихъ въ себѣ болѣе очевидные мотивы идейнаго объединенія и принципиальной вѣры, чѣмъ вдохновенныя, но разрозненныя изліянія и настроенія Руссо.

Наиболѣе поучительное сужденіе вообще о борьбѣ міросозерцаній высказалъ Жуффруа въ знаменитой статьѣ: *Какимъ образомъ разрушаются догматы?* Здѣсь очень картинно въ общихъ чертахъ представлена борьба, пережитая восемнадцатымъ вѣкомъ и вѣчно переживаемая человечествомъ въ прогрессивныя эпохи умственнаго бытія. Но картинность вышла слишкомъ архитектурной, логически разчлененной, въ дѣйствительности событія совершаются не съ такой послѣдовательностью, не идутъ другъ за другомъ будто посылки силлогизма, а заключаютъ въ себѣ самыя разнообразныя теченія и критическія, и творческія.

Жуффруа полагаетъ, что во время разрушенія изжитого догмата, само отрицаніе замѣняетъ вѣру: вѣрить, что прежняя доктрина ложна, уже значить вѣровать во что-то, и отрицаніе сначала одушевляетъ людей усердіемъ и жаромъ. Но когда положеніе вполне доказано, и врагъ сраженъ, остается только смѣяться надъ его нелѣпостью, усердіе падаетъ

*) Louis Blanc. *Histoire de la revolution française*. P. 69. I. 362—9, 371—5, 377, 382—8, 398; VI, 312; IX, 464.

за отсутствіемъ оппозиціи; кругомъ оказывается пустыня; люди утратили старую вѣру и не приобрѣли новой; они пользуются совершенной свободой духа: она имъ льститъ и нѣкоторое время ихъ тѣшитъ; но наконецъ настаетъ усталость, такъ какъ слабость человѣческой природы не выносить сомнѣнія. По мнѣнію Жюффрау, скептицизмъ разрушаетъ старину и переживаетъ свою жертву. Онъ уступаетъ мѣсто догматизму на основаніи непреложнаго психологическаго закона. „Мы нуждаемся въ вѣрѣ, такъ какъ знаемъ, что существуетъ истина. Сомнѣніе есть состояніе духа, которое можетъ увлекать насъ только какъ свобода отъ ложной доктрины. Когда это удовлетвореніе исчерпано, мы стремимся къ новому вѣрованію; лишь только ложь разрушена, мы желаемъ истины“. Тогда, думаетъ Жюффрау, выполняется *вся* задача — создать новое міросозерцаніе на мѣсто стараго,—и это выпадаетъ на долю уже другого поколѣнія, дѣтей скептиковъ - отцовъ, „видѣвшихъ только первую половину задачи“ *).

Но это разсужденіе слишкомъ стройно, чтобы вполне соответствовать исторической дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, чистый скептицизмъ, неограниченно - царствующая критика не являются культурнымъ теченіемъ именно накануне смѣны одного вѣрованія другимъ,—развѣ только у отдѣльныхъ личностей. Большинство въ интересахъ убѣдительности критики принуждено критиковать во имя какого-либо положительнаго принципа. Объявить какое-нибудь ученіе нелѣпымъ значитъ сопоставить его съ другимъ, по мнѣнію критика, истиннымъ, потому что нелѣпость—контрастъ чего-либо очевидно разумнаго. Это—элементарная психологія всякаго *серьезнаго отрицанія*, о каковомъ именно и говоритъ Жюффрау. Понятіе зла непременно предполагаетъ понятіе добра и наоборотъ, слѣдовательно „вѣра въ зло заблужденія“ ни что иное, какъ тавтологическій пери-

*) *Comment les dogmes finissent. Globe* 24 mai 1825. Перепеч въ *Mélanges philosophiques*. P. 1833, 12—3, 22.

фразъ выраженія „вѣра въ благо истины“. И мы снова повторяемъ: идеально-критическихъ эпохъ не существуетъ, критическое теченіе непремѣнно несетъ съ собой матеріалы для предстоящей постройки. Такъ это и было, между прочимъ, въ XVIII вѣкѣ, и мы знаемъ и убѣдимся впослѣдствіи, какое цѣнное положительное наслѣдство скептики завѣщали организаторамъ.

„Необходимость истины“ чувствуютъ не только наслѣдники „скептиковъ“, но и сами скептики; только практическая возможность открыть ее не одинакова у обоихъ поколѣній. У скептиковъ истина по необходимости пребываетъ въ области теоретическаго идеала, и остается въ такомъ положеніи, пока между „ложью“ и „истиной“ не возгорится общественная борьба, и этой борьбой не будутъ провѣрены и дополнены новые идеалы. Тогда новымъ поколѣніямъ остается создавать новое вѣрованіе не только на основаніи разума и совѣсти, но и по указаніямъ историческаго опыта.

Эту существенную стадію — практическаго приложенія и развитія идеала, возникающаго еще въ эпоху скептицизма — пропустилъ Жуффура, а именно она и установила основное психологическое и культурное различіе между отрицателями XVIII-го вѣка и вѣрующими дѣятелями пореволюціоннаго періода. Революція подвергла практическому испытанію старое и новое ученіе, попыталась приложить къ жизни готовые элементы философскаго міросозерцанія и, естественно, снабдила современныхъ и позднѣйшихъ работниковъ на томъ же поприщѣ краснорѣчивыми указаніями на жизнеспособность того или другаго воззрѣнія.

Взаимное отношеніе идейнаго содержанія революціи къ движенію XVIII-го вѣка прекрасно опредѣлилъ одинъ изъ ея восторженныхъ и искреннихъ историковъ — Мишле. „Революція не увеличивала наслѣдія жизненныхъ идей, которое завѣщала ей современная философія. Она осуществляла въ учрежденіяхъ часть этихъ идей, но прибавляла къ нимъ мало. Обильная законами, она бѣдна догматами; она не удо-

влетворяла вѣчнаго голода человѣческой души, всегда жаждущей и алчущей Бога *).

Послѣднія слова неточны: революція весьма усердно стремилась къ догматамъ и даже къ удовлетворенію „вѣчнаго голода“. Если ей не удалось достигнуть цѣли, причина лежитъ не въ недостаткѣ догматизма революціи. Леру ближе къ истинѣ; онъ находитъ, „революція во всемъ своемъ развитіи кипитъ религіозной идеей“ **). Точнѣе — вопросъ о социальномъ-религіозномъ доктринѣ присутствуетъ въ важнѣйшихъ событіяхъ революціи. Стоитъ припомнить простую хронологію фактовъ, чтобы убѣдиться въ громадномъ, часто исключительномъ значеніи вопроса о міросозерцаніи — отъ начала переворота до возникновенія на его почвѣ новыхъ идеаловъ.

Въ началѣ революція не обнаруживала ни радикализма, ни страстности предъ той самой задачей, какую даже политически-одаренный Вольтеръ выражалъ рѣзко и безпошадно *ecrasez l'infâme!* Революція, преобразовывая государство и общественныя отношенія, не желала касаться священныхъ догматовъ и рѣшила удовлетвориться только перемѣнами въ церкви, какъ учрежденіи. Рѣшеніе — послѣдовательное; разъ оказалось возможной замѣна старой монархіи новой — конституціонной, и съ точки зрѣнія именно конституціи должны были измѣниться отношенія духовенства, какъ сословія, къ государству. Отсюда идея гражданскаго устройства духовенства. Въ основѣ ея лежатъ двѣ задачи — огражденіе новаго государственнаго строя отъ сословныхъ посягательствъ и практическое обезпеченіе вѣротерпимости. Обѣ задачи разрѣшались единственными средствами — подчиненіемъ духовенства общему гражданскому порядку и уничтоженіемъ монополнаго политическаго положенія католицизма.

Духовенство, разумѣется, не могло согласиться на такую участь и такъ какъ вопросы католической церкви, какъ

*) Michelet. *Hist de la rev. fr.* Ed. définitive. VI, 459.

**) *Aux Politiques. R. Indép.* 1841, № 99.

организаціи, искони и неразрывно переплетались съ вопросами о доктринѣ, борьба изъ-за общественнаго положенія духовенства неминуемо вызвала догматическую, принципиальную полемику. И первое же революціонное собраніе—учредительное—превращается въ соборъ всякій разъ, когда на очереди вопросъ о духовенствѣ и церкви, а ораторы волей-неволей становятся историками церкви и даже ея „отцами“ и „первосвященниками“, по ядовитому, но вѣрному замѣчанію защитниковъ старины. Рѣчь о вѣротерпимости непосредственно переходитъ въ вопросъ о совѣсти, о „величіи религіи“: именно такъ ставитъ его Мирабо. Вопросъ объ имуществѣхъ духовенства становится каноническимъ вопросомъ, такъ какъ влечетъ за собой вѣковую задачу объ отношеніяхъ религіи къ свѣтской власти, о правахъ государства надъ церковью, о различіяхъ между первобытной христіанской общиной и позднѣйшей іерархіей. Уже Мирабо говоритъ объ одинаковой необходимости Бога и свободы, разбираетъ сущность христіанства, противорѣчащую идеѣ національной религіи, разбираетъ психологію религіознаго чувства и религіозной совѣсти, говоритъ о „безконечномъ существѣ“, о „міровомъ духѣ“, о „божественной мысли“, разбираетъ смыслъ евангельскихъ завѣтовъ, какъ исключительно духовный, отнюдь не политическій. Подлинное богословіе и собраніе восторженно ему рукоплещетъ. Печать, разумѣется, отражаетъ этотъ духъ и щеголяетъ статьями-проповѣдями, историко-церковными изслѣдованіями и богословскими трактатами. Достойный соревнователь Мирабо—Камилль Демулэнъ, уличающій епископовъ примѣрами Спасителя, апостоловъ, древнихъ архипастырей. Не остается въ забвеніи ни одного мотива изъ многовѣковой исторіи христіанства и церкви, изъ эпохъ Римской имперіи, средневѣковой борьбы папства съ свѣтской властью, изъ воспоминаній о смутахъ реформаціи. Легко представить, къ какому результату должна придти борьба. Противъ католиковъ одновременно сражались бойцы, вооруженные небывало разнообразнымъ оружіемъ: свободомыслящіе ученики

философіи, ясенисты, протестанты и, можно сказать, предъ учредительнымъ собраніемъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ разыгралась дополненная и усовершенствованная тяжба двухъ міросозерцаній, до тѣхъ поръ въ теченіе вѣковъ разгоравшаяся періодически и по разрозненнымъ поводамъ. Но въ законодательство революція пока не рѣшалась внести противохристіанскій духъ, и правовѣрные католики называли собраніе только „схизматическимъ и пресвитеріанскимъ“ *).

Гражданская организація духовенства рѣзко двинула борьбу дальше—по пути радикализма. Защитники этой организаціи указывали первообразъ ея въ первобытной христіанской церкви, когда епископы и священники выбирались народомъ. Указаніе не вполне точное: въ новой демократической церкви ея служителей могли выбирать всѣ политическіе избиратели, т. е. иновѣрные и иноисповѣдные. Избранные приносили присягу въ вѣрности націи, закону, королю и конституціи. Имъ предоставлялось опредѣленное жалованье и весьма слабая іерархическая зависимость низшихъ отъ высшихъ. Для правовѣрныхъ епископовъ это значило: „религія уничтожена, ея служители низведены къ прискорбному положенію приказчиковъ на жалованьѣ у разбойниковъ“. А въ собраніи въ то же время раздавались слова: „Церковь въ государствѣ, а не государство въ церкви. Мы—національный конвентъ; мы несомнѣнно имѣемъ власть измѣнить религію“ **).

Мирнаго разрѣшенія такой коллизіи не существовало, и началась междоусобная война старой церкви съ новымъ государствомъ и съ новой церковью. Новое духовенство избиралось торжественно, нерѣдко съ патріотическимъ энтузіазмомъ ***). Даже позднѣйшіе жирондисты, завѣдомые фи-

*) Pressensé. *L'église et la révolution française*. P. 1890. 112, 121, 128, 131, 170—3.

**) Слова одного бретонскаго епископа и депутата Камюса. *Ib.* 138, 133.

***) Bertrand Robidou. *Historie du clergé pendant la révolution française*. P. 1889. II, 23.

лософы, въ эпоху „гражданской конституціи“ принимаютъ дѣятельное участіе въ торжествахъ по случаю церковныхъ выборовъ, и Верньо, Гаде, Жансоннэ произносятъ рѣчи во славу „нашей святой религіи“, „вѣры нашихъ отцовъ“, желаютъ чествовать совмѣстно религію и отечество *). Впослѣдствіи эти же ораторы усвоятъ другой языкъ, и не только они. Вопросъ о судьбѣ новаго устройства церкви превращается въ вопросъ о безопасности отечества, такъ какъ духовенство распадается на два непримиримо враждебныхъ лагеря — присягнувшихъ конституціи и неприсягнувшихъ, и среди послѣднихъ многіе вспоминаютъ старое средство католичества добиваться своихъ цѣлей — политическую смуту. Только четыре епископа рѣшаются присягнуть, другіе присоединяются къ эмиграціи или ведутъ борьбу противъ революціи внутри страны. При такихъ условіяхъ учредительное собраніе смѣняется законодательнымъ; оно уноситъ съ собой укоризну Андре Шенье за то, что члены его оказались болѣе способными быть богословами, чѣмъ законодателями. Новое собраніе гораздо больше заслуживаетъ подобнаго упрека. При немъ разыгрывается кровавая трагедія, карающая представителей непокорной церкви съ безпощадной жестокостью. Сначала *veto*, наложенное королемъ на рѣшенія собранія противъ неприсягнувшихъ священниковъ, явилось однимъ изъ источниковъ униженій монархіи и ея паденія, привело ко 2-му іюня и 10-му августа и, наконецъ, та же религіозная междоусобица разожгла ярость сентябрьскихъ дней. Ей предшествовалъ рядъ постановленій, дышавшихъ фанатизмомъ религіозныхъ войнъ. Въ собраніи раздавались требованія объявить преступныхъ священниковъ „вне общества“, т. е. съ буквальной точностью выполнить предписаніе Руссо о „гражданской религіи“; свобода вѣроисповѣданія отмѣнялась постановленіемъ пользоваться церквами для культа только присяг-

*) Aulard. *Les orateurs de la Législative et de la Convention*. P. 1885. I 171—2.

нувшимъ священникамъ, причемъ революціонные ораторы доказывали законность—лишить свободы тѣхъ, кто всегда гналъ ее. Революція, очевидно, готовилась вступить на путь своего собственнаго религіознаго фанатизма. Король съ своимъ *veto* являлся представителемъ терпимости и свободы предъ инквизиторами философіи, требовавшими и вскорѣ осуществившими средневѣковые ужасы надъ виновными и невинными. Сентябрьскіе дни должны занять мѣсто варееоломеевской ночи въ исторіи революціонной борьбы съ католичествомъ, и якобинское сравненіе священниковъ съ гусеницами, подлежащими истребленію,—достойный противовѣсъ громамъ старой инквизиціи противъ еретиковъ *).

Такую форму приняла борьба доктринъ уже при второмъ революціонномъ собраніи. Оно почти ежедневно занималось религіознымъ и церковнымъ вопросомъ и вносило въ него всю страсть и гнѣвъ, воспламеняемые въ народныхъ представителяхъ внутренними и внѣшними событіями. На сцену выступили наиболѣе нервные темпераменты и партійныя крайности. Съ этихъ поръ великая культурная задача попадаетъ въ руки отдѣльныхъ группъ, единичныхъ личностей. Преобразовательная политика окончательно превращается въ сѣтъ революціонныхъ заговоровъ и центральное собраніе безпрестанно оказывается только партеромъ или хоромъ въ зрѣлищахъ, задуманныхъ и поставленныхъ на сцену клубами, комитетами или даже просто случайными депутаціями и импровизированными любителями-артистами. Но въ высшей степени замѣчательнъ фактъ: самыя шумныя пьесы—неизмѣнно на тему религіознаго вопроса; партійная междоусобица создаетъ фарсы и драмы на той же почвѣ; возникаютъ и падаютъ вліянія и диктатуры среди религіозно-политическихъ ненавистей и увлеченій. Третье революціонное собраніе — конвентъ — не столько участвуетъ въ накопленіи капитала, полученнаго отъ предшественника, сколько присутствуетъ при событіяхъ.

*) О религіозномъ характерѣ сентябрьскихъ убійствъ.—Pressensé, 284—5. Robidou. II, 250, 285—7.

Они заключаются въ междоусобной борьбѣ *философскихъ партій*. Учредительное собраніе возбудило вопросъ о церковной практикѣ; онъ немедленно слился съ вопросомъ о церковной догмѣ и о католическомъ ученіи, и подъ влияніемъ вызванныхъ событій перешель, наконецъ, въ чисто-религіозный. Кровавый расколъ, оказавшійся неизбѣжнымъ при устройствѣ и воззрѣніяхъ католической церкви, привелъ наиболѣе рѣшительные умы не къ реформаторской, а къ революціонной программѣ въ области самой догмы и вдохновилъ на попытки замѣнить вообще традиціонную религію новой, откровеніе—философіей, св. писаніе—*Философскимъ словаремъ, Общественнымъ договоромъ*, или даже *Системой природы*. Уже въ учредительномъ собраніи Робеспьеръ обнаружилъ завѣтную мечту—поступить съ католичествомъ по правиламъ Руссо о гражданской религіи,—законодательное собраніе расчистило путь и этому, и другимъ „философскимъ“ идеаламъ.

Въ Конвентѣ умѣренное свободомысліе, вольтерьянское сомнѣніе представляли жирондисты; нѣкоторые склонялись къ полному скептицизму и были бы довольны, если бы вопросъ о религіи совершенно сошелъ со сцены *). Монтаньяры очень близко принимали его къ сердцу, хотя далеко не въ одномъ и томъ же смыслѣ. Здѣсь можно было найти поклонниковъ мірового разума, природы, Верховнаго существа и просто человѣческаго разсудка,—фанатическихъ сектантовъ, въ духѣ Робеспьера, беззаботныхъ материалистовъ дантоновскаго типа и мистическихъ жрецовъ „идеи человѣчества“, вродѣ пророка „Господа нашего рода человѣческаго“—Анахорсиса Клоотца. Міросозерцаніе всѣхъ этихъ пророковъ отнюдь нельзя признать ни яснымъ, ни устойчивымъ. Жирондистъ Гаде, свидѣтельствовавшій раньше о своемъ католичествомъ на выборахъ епископа въ Бордо, теперь возставалъ противъ Робеспьера даже за идею Провидѣнія. Радикалы также никакъ не могли согласиться на-

*) Aulard. *Les Orateurs*. I, 190—2.

счетъ понятія разума, то отождествляя его съ Божествомъ и переходя въ католицизмъ, то ограничивая его простымъ здравымъ смысломъ, то, наконецъ, ища его воплощенія въ философіи и въ наукѣ. Смута религиозныхъ идей, царствовавшая въ Конвентѣ, увеличилась еще благодаря бурнымъ вторженіямъ извнѣ. За стѣнами собранія также создавали доктрины и учреждали культы—въ комитетахъ, въ парижской коммунѣ и, наконецъ, въ департаментахъ. Вандейское возстаніе, рѣзко окрашенное въ религиозный цвѣтъ, служило неисчерпаемымъ источникомъ новыхъ пророческихъ вдохновеній, даже болѣе стремительныхъ, чѣмъ въ Парижѣ. По крайней мѣрѣ, пламя атеизма разгорѣлось раньше въ провинціи, благодаря усердію комиссаровъ Конвента.

Они первые объявили войну католицизму во имя *разума* и явились инициаторами перваго революціоннаго культа. Больше всѣхъ отличался Фуше: его дѣятельность служила образцомъ. Онъ объявилъ своей задачей всѣ „суевѣрные и лицемѣрные культы“ замѣнить однимъ „культомъ республики и естественной нравственности“, перемѣнить священниковъ, получающихъ содержаніе отъ правительства; а пока онъ лично крестилъ своего новорожденнаго сына, издавалъ декреты и устраивалъ церемоніи въ духѣ новой религіи. Начиналось раскатоличиваніе Франціи словомъ и дѣйствіемъ. Оно быстро приняло формы дикой расправы съ беззащитнымъ противникомъ. Современники,—въ особенности два изъ двухъ различныхъ лагерей, радикальный писатель Мерсье и „гражданскій“ епископъ Грегуаръ, оставили въ высшей степени яркія изображенія бурныхъ событій, знаменовавшихъ войну философіи съ откровеніемъ. Всевозможныя кощунства, маскарадныя зрѣлища—съ богинями разума, актрисами, пѣвицами и просто свободными красивыми женщинами, съ ослиами въ священническихъ облаченіяхъ, съ символическими горами въ церквахъ, съ алтарями отечеству, природѣ, свободѣ, равенству, „всеобщей нравственности“, со статуями философовъ и даже Марата; все это свидѣтельствовало о довольно богатой разруши-

тельной и сатирической фантазіи *). Но въ чемъ же заключалось положительное ученіе новаго культа?

У насъ два главныхъ источника рѣшить вопросъ: заявленія католическихъ священно-служителей, отрекавшихся отъ своей старой вѣры во имя новой, и гимны, катехизисы, рѣчи пророковъ и жрецовъ разума.

Отреченія, несомнѣнно, самая эффектная сцена въ исторіи „Разума“. Въ Парижѣ священники являются въ Конвентъ во главѣ съ парижскимъ епископомъ Гобелемъ. Епископъ отказывается отъ своего сана и признаетъ только культъ свободы и святою равенства **). Заявленія другихъ отступниковъ, принесшихъ отреченіе въ разное время въ Парижѣ и въ провинціи, составлены также въ общихъ выраженіяхъ: говорится о „философіи“ побѣдительницѣ фанатизма, о „соціальныхъ добродѣтеляхъ“, о „философской морали“, о „шарлатанствѣ жрецовъ“, о „нелѣпости догматовъ, унижавшихъ величіе Бога“, упоминается и Верховное существо рядомъ съ разумомъ ***). Всѣ эти рѣчи сильно походятъ на формулы и менѣе всего свидѣтельствуютъ о личномъ участіи, сердечномъ или умственномъ, самихъ авторовъ въ представляемомъ текстѣ. Несомнѣнно, весьма часто онъ составлялся подъ давленіемъ страха или матеріальнаго разсчета и отступники иногда отдѣльвались просто крѣпкими словами, въ родѣ—*обманщикъ, шарлатанъ*—по адресу своего сана и здѣсь же ходатайствовали о вещественной наградѣ, представляя въ то же время собранію своихъ молодыхъ женъ „добрыхъ республиканокъ“. Впослѣдствіи Дантонъ потребовалъ, чтобы Конвентъ запретилъ въ залѣ своихъ засѣданій „противорелигіозныя маскарады“ ****).

*) Mercier. *Paris pendant la Révolution ou le Nouveau Paris*. I. 1862. II. 92. Grégoire.—*Histoire des sectes religieuses*. P. 1828. I, chap. V.

***) Mercier. II, 97. Grégoire. I, chap. IV. Авторъ приписываетъ отреченіе епископа Гобеля отъ сана, а не отъ догмы—„ужасу“ предъ парижской думой и предъ Шометгомъ. Ср. Aulard. *Le Culte de la Raison et le Culte de l'Être Suprême*. P. 1892, 45.

****) Образчики отреченій въ *La Révolution française*. 1882, 14 avril, 878 etc.

*****) Aulard. *Le Culte*....221—2. Ср. Louis Blanc. *Hist. de la rev.* IX, 477.

Весь интерес опредѣлить новую вѣру былъ на сторонѣ ея основателей, и они дѣйствительно усердно старались это сдѣлать. Прежде всего необходимо создать новую св. исторію, такъ какъ св. писаніе уже имѣется въ произведеніяхъ философіи. Конвентъ постановляетъ напечатать официальный сборникъ героическихъ и гражданскихъ подвиговъ французскихъ республиканцевъ. Есть, слѣдовательно, новые святцы, должны быть и праздники въ честь ихъ. Изобрѣтается республиканскій календарь. Идея его всецѣло покоится на борьбѣ съ христіанствомъ, что видно изъ доклада Ромма: уничтоженію подлежитъ христіанская эра и особенно христіанское воскресенье. Мѣсяцы сначала предполагается назвать принципами и событіями революціи, потомъ имъ даются имена изъ круговорота природы подъ широтой Парижа. Воскресенье замѣняется декадой, и христіанскій счетъ иначе не называется какъ „стиль рабскій“, „стиль суевѣрія“. Календарь, несомнѣнно, важнѣйшій творческій актъ въ культѣ Разума: онъ увѣковѣчиваетъ обожаніе явленій природы, идей и фактовъ революціонной политики.

Учредители культа стараются набрать побольше отвлеченныхъ и аллегорическихъ укоризнъ католичеству. На праздникъ 20 брюмера въ соборѣ Парижской Богоматери была воздвигнута гора, на ней храмъ въ греческомъ стилѣ съ надписью *A la philosophie*, у дверей храма бюсты четырехъ философовъ—эпохи просвѣщенія. Въ честь богини Разума пѣлся гимнъ о „святой свободѣ—дочери природы“ и раздавались крики — *да здравствуетъ Республика! да здравствуетъ Гора!* Изъ философовъ больше всего почестей досталось на долю Руссо; упоминается и Иисусъ Христосъ, но только какъ „честный санкюлотъ“, „лучшій якобинецъ“. Вышло нѣсколько катехизисовъ. Здѣсь крещеніемъ называется 14-е іюля, миропомазаніемъ открытіе Конвента, исправившаго многочисленныя ошибки двухъ первыхъ собраний, т.-е. окон-

*) Grégoire, I, chap. VI.

чательно уничтожившаго монархію и учредившаго республику. Въ гимнахъ занималъ почетное мѣсто Марать рядомъ съ Брутомъ. Его имя дается новорожденнымъ при гражданскомъ крещеніи наравнѣ съ именемъ Муція Сцеволы; взрослые также присваиваютъ его, подписываясь „Марать—*бывшій* такой-то“. Пытаются заключить новый культъ въ одну опредѣленную форму; издается книга *Обряды въ честь равенства, свободы и Разума*; подробно излагается устройство храма, ходъ богослуженія; печатаются проповѣди для декадъ; проектируется цѣлая іерархія священнослужителей. Въ провинціи появляется даже періодическое изданіе, посвященное новому культу—*les Documents de la Raison*. Издатель—ревностный почитатель Вольтера, а также и Руссо; онъ излагаетъ критику философа и религію савойскаго викарія; его остроуміе заимствовано изъ *Кандида*, паеосъ изъ *Эмиля* и слова *la religion naturelle* пестрятъ его страницы *).

По этимъ даннымъ можно опредѣлить философскій и политическій смыслъ религіи Разума. Философскій исчерпывается самой стремительной оппозиціей христіанству, черпавшей свои вдохновенія изъ идей Руссо, Вольтера, отчасти Мабли—онъ иногда упоминается рядомъ съ ними—и отнюдь не изъ произведеній матеріалистовъ. Гольбахъ и Гельвецій будто не существуютъ для поклонниковъ Разума, какъ религіи,—похвалу Гельвецію мы слышимъ изъ устъ Бриссожирондиста, не намѣреннаго „изобрѣтать Бога“. Но это единственное вполнѣ точное заключеніе, какое можно сдѣлать о догматѣ новаго культа. Во всемъ остальномъ онъ—смутнаго и пестраго состава. Самое понятіе *Разума* остается до такой степени неопредѣленнымъ, что даже въ парижской думѣ—очагѣ новой религіи, не понимаютъ, разумѣтъ ли міровой или человѣческой разумъ? Нѣкоторые просла-

*) О празднествахъ Разуму—книга Aulard'a, очень подробно у Grégoire'a I, chap. VIII—XIII и статьи въ *La Rev. française*. 1881, 14 oct. 1887, XIII 146, 406—(въ провинціи). О *Documents de la Raison* и издателѣ ихъ—*La Rev. fr.* 1887, XIII, 311 etc. Очень живое изображеніе парижскихъ празднествъ у Mercier. II, 99 etc.

вляють одновременно *Разумъ и Верховное Существо*— „Бога свободныхъ людей“. Издатель *Документовъ Разума* признаеть также оба вѣроисповѣданія. Но главные пророки философскаго культа—Шометтъ и Геберъ въ глазахъ апостола *Верховнаго Существа*—Робеспьера, атеисты, подлежащіе карѣ именно за это преступленіе.

Политическій характеръ культа, напротивъ, совершенно ясенъ. Это—якобинская вѣра, якобинская война противъ не только монархическихъ, но и умѣренно-республиканскихъ общественныхъ отношеній. Именно якобинство превратило Разумъ въ одно изъ самыхъ жестокихъ божествъ, когда-либо созданныхъ льдами. Якобинство сообщило инквизиціонный характеръ борьбѣ міросозерпаній. „Учредители культа Разума,—говорить очевидецъ,—не имѣли въ своихъ идеяхъ и планахъ ничего опредѣленнаго, кромѣ страстнаго желанія искоренить католичество и его слугъ“ **). Къ цѣли, разумѣется, можно было придти скорѣе политическимъ путемъ, чѣмъ философскимъ, и исторія „Разума“ не что иное какъ исторія философскаго фанатизма, вполне откровенно объявившаго себя карой и возмездіемъ католикамъ за ихъ нетерпимость. Только эта задача и объединяла новыхъ пророковъ и ихъ послѣдователей и если они не прославляли Ламетри, Гольбаха, Гельвеція, какъ своихъ учителей, то единственно потому, что изъ ихъ ученія нельзя было бы извлечь никакого *культа* и никакого *символа* для толпы послѣдователей. Чистый матеріализмъ въ религіозномъ и просто въ политическомъ смыслѣ бесплоденъ, какъ математическая или химическая формула, и такими атеистами не желали быть ни Клоотцъ, ни Геберъ, ни Шометтъ. Робеспьеръ въ ихъ Разумѣ видѣлъ атеизмъ, потому что у нихъ не было никакого положительнаго символа вѣры, не было догматовъ о Провидѣніи и безсмертіи души. Но эти догматы въ глазахъ не только Шометта, но и Гаде являлись

*) Grégoire, I, 106—7; ср. Aulard, 121.

***) Grégoire, I, 48—9.

„суевѣріемъ“, такъ какъ входили въ составъ католической доктрины. Когда ихъ исповѣдовалъ Робеспьеръ, и якобинецъ и жирондистъ были правы: Робеспьеру требовалась не столько доктрина, сколько ея *дисциплинирующія*, непрекословно властныя свойства, требовалась не религія, а своего рода теократія. На этой почвѣ, не религіозно-философской, а религіозно-политической, разыгралась двухъактная драма якобинства.

Первый актъ — гибель „атеизма“ въ лицѣ основателей культа Разума; второй—однодневное торжество „Верховнаго Существа“ и гибель его пророка.

Ив. Ивановъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Нѣсколько замѣчаній о теоріи историческаго познанія.

Эта наука (исторія) идетъ тѣмъ же методомъ, какъ и геометрія, потому что она создаетъ изъ самой себя міръ величинъ, строитъ сама себя изъ собственныхъ элементовъ. (Вико, Новая наука, кн. I).

Въ современномъ движеніи философской мысли все болѣе выступаютъ на передовое мѣсто вопросы теоріи познанія. Интересъ къ нимъ заключаетъ въ себѣ начало крупнаго и глубокаго кризиса въ общемъ научномъ методѣ, въ научномъ анализѣ и пониманіи явленій. Характеръ этого кризиса, этой перемѣны очень отчетливо оттъняется тѣми научно-познавательными приѣмами, которые господствовали въ періодъ, лежащій позади насъ, періодъ „позитивизма“.

Если можно говорить очень обще, позитивное направленіе мало интересовалось самимъ научно-мыслящимъ субъектомъ; молчаливо позитивизмъ принималъ человѣческой умъ за аппаратъ, за группу средствъ, служащихъ для простаго и чистаго отраженія внѣшнихъ фактовъ. Наши умственные опредѣленія вещей онъ склоненъ былъ отождествлять съ сущностью вещей; въ нашихъ схемахъ, рубрикахъ, классификаціяхъ, періодизаціяхъ позитивизмъ склоненъ былъ видѣть истинный порядокъ вещей, реальныя соотношенія самихъ вещей; наконецъ, въ повторяющихся впечатлѣніяхъ смѣны или одновременности явленій позитивизмъ думалъ

найти ни что иное, какъ отраженіе законовъ движенія и со-существованія самихъ явленій.

Общее философское настроеніе въ настоящее время становится инымъ. Оно характеризуется стремленіемъ прежде всего дать себѣ отчетъ, опредѣлить, что мы сами вносимъ въ воспріятіе, въ наблюденіе фактовъ; съ какими категоріями подступаемъ мы къ нимъ; какіе элементы нашей психики мы вводимъ напередъ при всякомъ приступѣ нашемъ къ предмету изученія. Оно хочетъ опредѣлить, какова во всемъ нашемъ знаніи о мірѣ доля необходимыхъ и неизбѣжныхъ предрасположеній нашей мысли. Оно хочетъ знать тѣ психическія условія, въ которыхъ образуются наши представленія о реальномъ мірѣ, въ которыхъ происходитъ установленіе фактовъ и классификація ихъ. Оно хочетъ знать, каковъ психологическій смыслъ нашихъ заключеній о взаимной связи явленій реального міра, о ихъ закономерности и т. д. Оно требуетъ, если можно такъ выразиться, чтобы мы были судьями нашихъ собственныхъ научныхъ запросовъ.

Для отдѣльныхъ группъ наукъ эти общія теоретико-познавательныя задачи, выдвигаемая новѣйшей философіей, получаютъ особый, спеціальнѣйшій характеръ. Историческая наука, нѣтъ сомнѣнія, выставитъ свою *теорію историческаго познанія*. Я не увѣренъ, существуетъ ли уже и примѣнялся ли такой терминъ. Но соответствующій запросъ во всякомъ случаѣ ясно опредѣлился. Назову только имена Зиммеля, Штаммлера, Дюркгейма, недавно появившуюся книгу Ксенополя *), чтобы указать на интересъ къ теоретико-познавательнымъ проблемамъ въ области общественныхъ наукъ.

Въ чемъ состоитъ въ настоящее время задача этого направления? Безъ сомнѣнія, — въ анализѣ, въ пересмотрѣ установившихся въ исторіи и социологіи рубрикъ и терминовъ, схемъ и подраздѣленій, приемовъ и методовъ. Такой пересмотръ очень важенъ.

*) Xenopol, Principes fondamentaux de l'histoire 1899.

Въ способѣ нашихъ разсужденій, въ постановкѣ вопросовъ, въ нашихъ сравненіяхъ и аналогіяхъ, во всей нашей терминологіи мы вполне еще подчинены „реализму“ позитивной науки, мы дѣйствуемъ по ея традиціямъ. Мы говоримъ о вліяніи личности на общество и о вліяніи среды на личность; говоримъ о смѣнѣ общественныхъ состояній общественными катастрофами и о вліяніи событій на состоянія или состояній на событія; говоримъ о толчкахъ впередъ и вызываемыхъ ими реакціяхъ, о паденіяхъ и возрожденіяхъ, о торжествѣ нравственныхъ силъ надъ физическими или обратно — физическихъ надъ нравственными, о живучести и непобѣдимости идеи и т. п.

Въ популярномъ сознаніи всѣ эти названія отвѣчаютъ твердымъ фактамъ или группамъ фактовъ, которые предполагаются существующими внѣ насъ въ отчетливыхъ очертаніяхъ, все равно „даже если бы мы на нихъ не смотрѣли“. Наше дѣло, какъ будто бы состоитъ только въ томъ, чтобы открыть ихъ, воспринять въ существенныхъ чертахъ, схватить въ точныхъ опредѣленіяхъ и затѣмъ разъяснить ихъ отношенія. Въ популярномъ сознаніи едва ли есть подозрѣніе, что всѣ эти факты, группы и ряды составляютъ наши умственные разрѣзы, наши умственные опыты, что наше „простое воспріятіе“, простое наблюденіе явленій прошлаго, составляетъ сложную комбинаціонную и творческую работу. Позитивизмъ, игнорируя это условіе, поддерживалъ популярное заблужденіе. Анализъ историческихъ и соціологическихъ терминовъ и формулъ съ точки зрѣнія теоріи познанія долженъ будетъ прежде всего опредѣлить, въ чемъ состоитъ эта комбинаціонная работа, какими началами руководимся мы въ нашихъ наблюденіяхъ.

Одинъ примѣръ, взятый изъ исторіи нашей науки, покажетъ намъ, въ какой мѣрѣ факты перестанавливаются, мѣняются цвѣтъ и форму, исчезаютъ и вырастаютъ въ зависимости отъ перспективы нашей, отъ угла зрѣнія.

Господствовавшая когда-то теорія историческаго круговращенія представляла нормой въ историческихъ судьбахъ

человѣчества смѣну двухъ движеній, движенія культуры вверхъ отъ нѣкотораго исходнаго пункта и движенія ея внизъ, назадъ къ исходу; смѣну подъема отъ нѣкотораго первоначальнаго уровня и обратно паденія къ этому уровню; послѣ чего долженъ наступить опять новый и равный прежнему подъемъ и т. д. Теорія круговращенія считала нормой въ историческомъ ходѣ раздробленіе основной цѣльной формы жизни и исходной цѣльной вѣры людей на самостоятельныя существованія и индивидуальныя мнѣнія, а потомъ возвращеніе отъ анархіи и раздробленности къ прежнему единству.

Подъ влияніемъ этого общаго представленія размѣщались факты исторіи Рима, исторіи христіанской церкви, исторіи новоевропейскихъ государствъ. По этой перспективѣ Римъ шель отъ монархіи черезъ аристократію и демократію опять къ монархіи; церковь отъ католическаго единства вѣры и строя черезъ ереси, черезъ анархію сектъ и понятій, черезъ отрицаніе идетъ къ новому объединенію, новому торжеству единого міровоззрѣнія; варварство смѣняется общественной организаціей, культурностью, которая въ свою очередь, утончаясь, ведетъ къ моральному упадку и создаетъ условія новаго одичанія, новаго варварства. Такимъ образомъ факты размѣщались, такъ сказать, по кривымъ линіямъ, концы которыхъ опять встрѣчались на извѣстномъ протяженіи, факты получали своеобразныя отмѣтки, связанные съ понятіями повышенія или пониженія, цѣльности и дробленія, гармоніи и анархіи. Наблюденію историка такимъ образомъ былъ данъ какъ бы основной руководящій чертежъ; у него былъ въ рукахъ и опредѣленный типъ, образецъ, съ котораго онъ могъ копировать всѣ свои картины: это была исторія Рима.

Совершенно иначе пошло наблюденіе, когда утвердилась теорія безконечнаго и послѣдовательнаго прогресса. Руководящая линія представляла теперь не кривую, а непрерывную восходящую прямую. Шаги впередъ, этапы слѣдованія по этой линіи назывались „улучшеніе“, „усовершен-

ствование". Наблюденіе должно было отнестись болѣе чутко къ однимъ фактамъ, чѣмъ къ другимъ, выдѣлять тѣ, у которыхъ можно было поставить отмѣтку „лучше, шире, человѣчнѣе“ и т. д., и игнорировать другіе, гдѣ подобная отмѣтка оказывалась неприложимой. Или же тамъ, гдѣ подобные признаки не открывались сразу, наблюденіе искало „скрытыхъ“ положительныхъ сторонъ; посредствомъ субституціи, подстановки искомага, оно сознательно или безсознательно спасало вѣрность общаго закона.

Соотвѣтственно этой общей тенденціи типомъ, образцомъ для наблюденія служила другая реальная исторія; это была не исторія Рима, свершившая по прежней теоріи полный кругъ, такъ или иначе закончившая свой пробѣгъ, но исторія новой Европы въ послѣдніе 4—6 вѣковъ съ ея непрерывнымъ накопленіемъ богатствъ, ростомъ народонаселенія и обмѣна, быстро развивающейся техникой и наукой, — исторія, обѣщавшая, повидимому, много успѣховъ впереди.

При такомъ общемъ истолкованіи наблюденіе видѣло другіе факты на мѣстѣ тѣхъ, какіе получались съ точки зрѣнія старой теоріи. Такъ, напримѣръ, оно не видѣло теперь возврата къ варварству, къ первобытному состоянію въ эпоху 300—800 гг. нашей эры. Для теоріи прогресса не могло быть полныхъ пробѣловъ, полныхъ потерь въ движеніи человечества. На мѣстѣ предполагавшагося ранѣе факта погруженія общества въ исходную дикость наблюденіе видѣло теперь совершенно другой фактъ: германскую свободу, мораль христіанства, культурно-воспитательную организацію церкви; вотъ великія положительныя данныя, которыя заступили мѣсто отжившей культуры, основанной на рабствѣ и подчиненіи личности государству, на морали патріота, а не на любви къ человѣку и т. д. (я воспроизвожу только обычную терминологию философско-историческихъ построеній съ точки зрѣнія теоріи прогресса). вмѣсто паденія новая теорія видѣла выступленіе новыхъ свѣжихъ началъ, дополненіе старой несовершенной культуры элементами, которые должны были привести ее къ новой высшей ступени.

То, что размѣщается такимъ образомъ въ группахъ нашихъ наблюденій, нельзя назвать прямымъ и простымъ отраженіемъ дѣйствительности. Группы, которыя мы называемъ фактами, не составляютъ чего-либо намъ даннаго, что пассивно нами усваивается или просто открывается. Сознаніе извѣстнаго факта прошлаго есть результатъ прежде всего нашей способности, нашей привычки воспринимать впечатлѣнія въ извѣстной группировкѣ, въ извѣстномъ сѣпленіи, связи. Представленія наши о фактахъ зависятъ отъ тѣхъ рамокъ, въ которыя мы вводимъ отрывочныя данныя традиціи и остатковъ прошлаго. „Факты“ появляются и исчезаютъ въ различныхъ историческихъ представленіяхъ и картинахъ. Факты существуютъ для одного глаза и отсутствуютъ для другого.

Напримѣръ, о фактѣ „промышленной революціи“ въ Англіи конца XVIII в. въ наукѣ стали говорить сравнительно очень недавно. Составныя части этого представленія — явленія успѣховъ техники машинъ и путей сообщенія, уходъ населенія съ земли и движеніе его въ фабричныя центры, расширеніе торговыхъ связей и колоній Англіи, сокращеніе мелкаго ремесла и развитіе домашней индустріи и фабричнаго производства — все это было извѣстно и замѣчено раньше, прежде чѣмъ стали говорить о „фактѣ промышленнаго переворота“; эти явленія не—вновь, недавно открытые моменты. Но моментовъ этихъ не связывали прежде въ одну группу, въ нихъ не видѣли одного факта; того факта, какой мы сейчасъ себѣ представляемъ подъ этимъ собирательнымъ именемъ, не существовало въ умахъ.

Обратно, мы не видимъ теперь болѣе факта, который признавался въ наукѣ раньше и назывался „вліяніемъ на Европу крестовыхъ походовъ“. Это была также группа разнообразныхъ явленій: сюда относили паденіе папства, ростъ городовъ, развитіе рыцарства, отрицаніе аскетическаго идеала и т. п. Группы эти раньше связывали вмѣстѣ подъ однимъ знакомъ. Для насъ, благодаря другой планировкѣ, составныя части этого „факта“ оказались явленіями

различныхъ рядовъ и даже различныхъ эпохъ, явленіями, которыя, какъ намъ представляется, ошибочно были сдвинуты въ одну плоскость, сложены въ общую перспективу.

На первый взглядъ кажется, что путь историческаго изученія и обобщенія идетъ отъ вскрытія, накопленія, описанія и классификаціи новаго матеріала къ общимъ сужденіямъ на основаніи этого матеріала. Всмотриваясь глубже, мы должны признать, что идемъ въ данномъ случаѣ почти обратнымъ путемъ: все равно, сознательно или нѣтъ, но мы приступаемъ къ дѣлу самаго описанія или анализа матеріала съ опредѣленнымъ планомъ дѣйствія, который въ концѣ концовъ сводится на цѣлое міровоззрѣніе. Подъ вліяніемъ такого плана происходитъ невольный, но опредѣленный подборъ фактовъ, ихъ постановка въ извѣстный уголь зрѣнія: одни проходятъ мимо нашего вниманія, не отлагаются въ нашихъ представленіяхъ, какъ факты; другіе выступаютъ на первый планъ или освѣщаются опредѣленной стороной своей. Если выражаться строже,—подъ вліяніемъ такого плана происходитъ даже и не подборъ, а *созданіе фактовъ* въ умѣ нашемъ, ихъ формировка по чертежу, по архитектурнымъ линіямъ извѣстной системы. Но мы замѣчаемъ это обстоятельство, мы схватываемъ систему, которой служатъ факты, лишь когда стоимъ внѣ ея.

При анализѣ историческихъ и социологическихъ методовъ съ точки зрѣнія теоріи познанія придется обратить вниманіе на роль этихъ сложившихся системъ въ процессѣ историческаго изученія. Наша работа движется въ рамкахъ традиции, готовыхъ схемъ, которыя направляютъ, регулируютъ наше дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ стѣсняють свободу нашей мысли. Когда мы приступаемъ къ изученію, матеріаль фактовъ уже разложенъ по отдѣламъ и разрѣзамъ; надъ отдѣлами уже стоятъ заголовки и памятные знаки; новые факты, новый матеріаль сначала приходится помѣщать въ затвердѣвшія схемы, приспособлять ихъ къ готовымъ формамъ и тонамъ.

Схемы и пскрывающіе ихъ термины неизбѣжно отстаютъ отъ происходящаго въ наукѣ движенія. Вначалѣ символы живыхъ комбинацій мысли, они надолго переживаютъ общее возрѣніе, которое ихъ вызвало. Достаточно вспомнить, что распредѣленіе историческаго матеріала по эпохамъ 4 монархій пророка Даниила, распредѣленіе, сложившееся подъ вліяніемъ іудейско-христіанскихъ ожиданій конца міра въ рамкахъ еще живой подлинной Римской имперіи въ эпоху Августа и Нерона, что это раздѣленіе историческихъ эпохъ просуществовало до конца XVII в. Разъ укрѣпившись, термины получаютъ какую-то особенную жизнь: первоначально простыя имена, простые знаки, они какъ будто превращаются въ умахъ въ неоспоримые общіе факты. Въ нихъ стараются открыть новый смыслъ, имъ даютъ новыя истолкованія.

Въ результатѣ термины, можно бы сказать, начинаютъ тираннизировать живой матеріалъ. Здѣсь сказывается особое свойство нашей психики—возводитъ въ неподвижныя абстрактныя величины формулы и системы предшествовавшей работы, забытой въ своихъ деталяхъ и въ своемъ реальномъ ходѣ: это черта, которая выражается, на примѣръ, въ исканіи таинственнаго смысла и глубокаго поученія среди символовъ и предразсудковъ, оставшихся отъ старины, или въ возвеличеніи традиціоннаго языка надъ конкретными потребностями живой рѣчи и мысли (какъ это было, на примѣръ, у представителей романтизма въ началѣ XIX в.), или въ обоготвореніи „нерукотворнаго“ государства (какъ опять таки это случилось съ реакціонерами начала XIX в.).

Силою такихъ символовъ обладаютъ прежде всего обозначенія „вѣковъ“, понимаемъ-ли мы ихъ въ смыслѣ столѣтій, или вообще хронологически приблизительно отграниченныхъ эпохъ. Мы очень хорошо знаемъ, что между числовыми періодами и смѣнами настроеній, понятій, или культурныхъ, экономическихъ состояній нѣтъ никакой связи, и тѣмъ не менѣе, разъ установилась характеристика вѣка, на примѣръ XVIII, или вѣка Людовика XIV, или вѣка

Возрожденія — такой вѣкъ принимаетъ въ воображеніи внѣшнія твердыя очертанія.

Представимъ себѣ, что открываются новые факты, не подходящіе къ тѣмъ титуламъ и эпитафамъ, которые закрѣпились за извѣстнымъ вѣкомъ. Что происходитъ тогда? Мы рѣже признаемся, что наша характеристика вѣка была неполна, ошибочна. Сложенный раньше, рѣзко начерченный названіемъ заголовокъ его давить насъ; и мы говоримъ о новыхъ фактахъ или новыхъ чертахъ: „это не идетъ въ такой-то вѣкъ, напимѣръ, вѣкъ XVIII, хотя и принадлежитъ ему хронологически“, или „это—черта въ вѣкѣ запоздалая“, или напротивъ, „скороспѣлая“, или: „это—черта, чуждая остальнымъ явленіямъ, не связанная съ остальнымъ органически“.

То, что легко поддается припискѣ въ извѣстный типъ, то мы обыкновенно относимъ въ опредѣленный, уже раньше фиксированный вѣкъ. Что производитъ впечатлѣніе колеблющееся, неустойчивое, что дробится между двумя уже сложившимися въ нашихъ представленіяхъ типами, то очень легко мы склонны относить въ рубрику „переходныхъ эпохъ“. Станнымъ образомъ это ничего не выражающее опредѣленіе „переходной эпохи“, въ которомъ сказывается только извѣстная безпомощность объясняющаго—это опредѣленіе какъ будто способно удовлетворить нѣкоторый запросъ, что-то объяснить въ историческихъ построеніяхъ. Разъ оно прикрѣплено къ той или другой эпохѣ, оно уже потомъ участвуетъ въ нашемъ дальнѣйшемъ истолкованіи названной такимъ образомъ эпохи. Оно заставляетъ насъ всякій разъ искать въ такой эпохѣ какой-то особой смуты, какихъ-то особенныхъ противорѣчій, страданій, неясности, двойственности и т. д., хотя въ сущности смута, неясность и противорѣчія были только въ нашихъ понятіяхъ о ней.

Для того, чтобы иллюстрировать вліяніе на насъ заголовковъ, классификацій, категорій и названій, можно было бы указать на роль терминовъ „реакція“, „возрожденіе“, „индивидуализмъ“, „античное міровоззрѣніе“, „германская идея

свободы“ и т. п. Разъ, напримѣръ, индивидуализмъ—терминъ впрочемъ до крайности неясный и растяжимый—присвоенъ былъ въ качествѣ характерной черты Новому времени, въ предшествовавшей эпохѣ, въ силу противоположности, стали искать началъ принудительно-общественныхъ, социалистическихъ: ихъ искали въ гильдіи, цехѣ, въ общемъ городскомъ строѣ, въ церкви. Исслѣдователь навязывалъ цеху, корпорации, городу коммунистическіе принципы, чтобы представить потомъ въ видѣ протеста имъ взрывъ индивидуализма.

Сколько восторженныхъ фантазій вызвало одно полумистическое слово „возрожденіе“, приуроченное къ XIV—XVI вѣкамъ. Слово, опять-таки, какъ „индивидуализмъ“ гибкое и многосмысленное, подъ которое удобно подставляется что угодно — и понятіе жизнерадостности, и понятіе свободы духа, и образъ горячей жизни общества, и идея возвращенія человѣка къ запросамъ будто бы отгѣсненной и задавленной его природы и т. п. А добросовѣстный изслѣдователь потомъ долженъ былъ искать точной границы, перваго луча этого неуловимаго и многозначнаго „духа“, который вычитывали и воображали подъ красивымъ словомъ „возрожденіе“.

Всѣ эти формулы и заголовки давали не только рамки, но вызывали также извѣстныя ассоціаціи, возбуждали поиски въ извѣстномъ направленіи или задерживали напротивъ развитіе мысли въ другомъ направленіи.

Остановлюсь на одномъ характерномъ примѣрѣ. Долго держался и до сихъ поръ не исчезъ терминъ „античное міровоззрѣніе“. Подъ этимъ названіемъ собственно скрывалась весьма произвольная характеристика понятій и настроеній грека приблизительно въ V вѣкѣ: она была составлена изъ лоскутовъ, изъ гомеровскаго поэтическаго изображенія боговъ, изъ опредѣленія художественныхъ тенденцій временъ Фидія, изъ картины гимнастическаго воспитанія, наконецъ немного изъ примѣровъ городскаго патріотизма грековъ. На основаніи этой амальгамы получилось

распространенное представлѣніе о какой-то особенной жизнерадостности древняго человѣка вообще, о гармоничности его сознанія, о равновѣсіи въ немъ духа и тѣла, о центральномъ для него значеніи культа красоты и т. д.

Въ данную минуту нѣтъ нужды критиковать это представлѣніе, которое опиралось на мозаику фикцій. Достаточно сказать, что если бы оно было даже и вѣрно для извѣстнаго историческаго момента, то его не слѣдовало отрывать отъ опредѣленнаго географическаго и хронологическаго мѣста. А это именно и случилось потому съ приведенной характеристикой культурнаго грека V столѣтія, когда совокупность этихъ понятій обозначили именемъ „античнаго міровоззрѣнія“. Она стала служить характеристикой грека вообще всѣхъ временъ, а потомъ и римлянина, потому развѣ, что римляне вѣдь читали греческую литературу, имѣли греческихъ учителей и отождествили иныхъ своихъ боговъ съ греческими. Наконецъ, вся эпоха старой средиземно-морской культуры и вся ея территорія покрыты были условнымъ символомъ, который заключается въ словахъ „античное міровоззрѣніе“, и терминъ воцарился.

Между тѣмъ для изслѣдователя сталъ обнаруживаться цѣлый рядъ историческихъ явленій, противорѣчившихъ этому условному представлѣнію. Вглядываясь ближе, мы замѣчаемъ, напримѣръ, до извѣстной степени въ центрѣ того самаго вѣка въ греческой исторіи, который послужилъ опорой характеристики, такіе факты, какъ аскетическое и мистическое направленіе, замѣчаемъ видную роль пророческаго сектанства. Безъ этихъ явленій нельзя понять даже такія „нормально античныя“ фигуры, каковы Сократъ и Платонъ. Дальше, въ этой эпохѣ можно отмѣтить черты пессимизма, настроеніе покаянія, напримѣръ въ циникахъ, напоминающихъ во многихъ сторонахъ средневѣковое аскетическое монашество. Какое мѣсто приходилось отвести этимъ чертамъ, разъ онѣ были констатированы внутри самой основной эпохи „античнаго міровоззрѣнія?“

Прежде всего стоитъ остановить вниманіе на томъ об-

стоятельствѣ, что изслѣдователю очень трудно просто констатировать противорѣчащія черты, разѣ извѣстный историческій догматъ закрѣпленъ именемъ и символомъ. Мысль его невольно робѣетъ и сбивается. Вотъ однако фактъ констатированъ и признанъ. Онъ еще не получаетъ нужной, приходящейся ему пропорціи и перспективы въ общей постановкѣ. Его сначала относятъ въ курьезы, въ странности эпохи, во второстепенныя, „добавочныя“ явленія.

Но, скажемъ, количество подобныхъ фактовъ растетъ при дальнѣйшемъ изученіи. Они образуютъ въ картинѣ прошлаго особую нить, особую группу, которая тянется черезъ нѣсколько вѣковъ, повидимому, все усиливаясь. Тогда стараются помочь новой формулой. Приходится признать отмѣченныя явленія мистицизма, пессимизма и т. д. за нарушение, и весьма серьезное нарушение „античнаго міровоззрѣнія“. Да, говорятъ во вниманіе къ нимъ, это—черты, признаки начинающагося упадка. Орфики, Сократъ, циники и т. д. это, говорятъ теперь, —предшественники паденія язычества и подготовленія христіанства.

Уступка сдѣлана большая, но перспектива все еще подѣ господствомъ стараго термина. Упадокъ растянулъ на 6—8 вѣковъ. Но, спрашивается, долго ли длилось процвѣтаніе, нормальное состояніе? И вотъ, оказывается, оно чуть ли не должно быть ограничено однимъ V вѣкомъ, потому что предшествующіе моменты мало извѣстны и неясны. Что же это, однако, за упадокъ, что это за болѣзненный кризисъ, который по продолжительности своей самъ обращается въ норму? Несмотря на эти несообразности, терминъ продолжаетъ свое воздѣйствіе. Разѣ эпоха отъ Сократа до Юліана Отступника считается эпохой „упадка“ или „переходной“, на нее переносятъ опредѣленныя психологическія комбинаціи, которыя мы привыкли связывать съ явленіями болѣзни, страданія, тяжелаго ожиданія, душевныхъ сомнѣній и т. д.

Главный результатъ господства укрупнившихся терминовъ состоитъ въ томъ, что они сдвигаютъ явленія и характер-

ныя черты какъ бы на одну плоскость, въ неподвижную, фиксированную картину. Благодаря господству термина „античное міровоззрѣніе“ на протяженіи всей греческой исторіи искали какого-то идеальнаго эллина съ основною нотой настроенія и основнымъ принципомъ мысли. Въ явленіяхъ разныхъ моментовъ этой исторіи старались открыть какія-то логическія сцѣпленія, какую-то гармонію качествъ и т. п.

То, что случилось съ формулой „античнаго міровоззрѣнія“, произошло также съ понятіемъ „античнаго хозяйства“, и тѣмъ легче установилась здѣсь систематическая картина, что внѣшнія рамки „античной эпохи“ были готовы, и по аналогіи казалось естественнымъ найти въ нихъ также однородныя хозяйственныя условія, и притомъ родственныя, соотвѣтствующія культурнымъ. Отсюда получилась условная группа хозяйственныхъ признаковъ и образовъ, сдвинутыхъ въ одно цѣлое на протяженіи отъ временъ Пріама и Одиссея до вступленія въ предѣлы имперіи варваровъ въ IV и V вв. послѣ Р. Х. Рабскій трудъ, презрѣніе свободныхъ къ индустріальной работѣ, слабость обмѣна и самодовлѣніе домашнихъ хозяйствъ, такъ называемыхъ ойковъ, приготовлявшихъ все необходимое въ своей средѣ, вотъ черты, которыя относили, какъ типичныя и притомъ тѣсно связанныя между собой, въ одну систематическую картину.

Лишь въ послѣднее время стали разрушать эту ложную картину. Главное усиліе такихъ ученыхъ, напримѣръ, какъ Эд. Мейеръ, направлено къ тому, чтобы разъединить несуществующую въ дѣйствительности, но стянутую въ представленіяхъ систему фактовъ, чтобы локализовать факты по мѣсту и времени, различить, когда и гдѣ было рабство и въ какой формѣ, когда и гдѣ былъ натурально-хозяйственный ойкосъ и сталъ развиваться капитализмъ; чтобы разсѣять опять таки прицѣпившееся къ термину „античная жизнь“ представленіе о какихъ-то неповторяемыхъ своеобразностяхъ этой жизни, чтобы показать многочисленныя ея аналогіи съ новоевропейской культурой. Уже по тому не-

обыкновенному интересу, съ какимъ встрѣчены были брошюры и рефераты Эд. Мейера, по рѣзкимъ, оживленнымъ возраженіямъ, которыя они вызвали, можно судить, какова сила унаслѣдованныхъ рубрикъ, какъ существенно направляють онѣ и регулируютъ работу историка.

Мы видѣли, что въ запасѣ примѣняемыхъ нами группировокъ фактовъ, постановокъ вопросовъ есть формулы необыкновенно старыя, далеко пережившія то настроеніе, которое ихъ вызвало. Между ними могутъ оказаться такія, которыя удержались отъ давно исчезнувшихъ уже міровоззрѣній, удержались въ качествѣ старыхъ символовъ и реликвій, по инерціи. Анализъ вскрыетъ ихъ несоотвѣтствіе другимъ нашимъ запросамъ.

Въ качествѣ примѣра подобныхъ уцѣлѣвшихъ обрывковъ старыхъ религіозныхъ и философскихъ системъ можно было бы привести весьма еще распространенныя формулы о роли въ исторіи великихъ личностей.

Достаточно немного взглядѣться въ эти опредѣленія, чтобы видѣть, что они представляютъ развитіе традиціонной идеи о герояхъ. Это—старое, очень старое понятіе о великихъ чудодѣяхъ, оставившихъ по себѣ сильное впечатлѣніе, фигуры которыхъ нужны потомству, чтобы объяснить важныя эпохи и повороты исторіи. Нетрудно замѣтить, въ какой мѣрѣ крупныя, „великія“ личности въ обычныхъ историческихъ характеристикахъ похожи на мифологическихъ героевъ. Находимъ ли мы у иныхъ людей еще подлинную вѣру въ необычайную роль гениальныхъ дѣятелей, или встрѣчаемъ въ историческихъ схемахъ болѣе замаскированное выраженіе этой идеи въ видѣ раціоналистической оцѣнки мѣста и вліянія геніевъ въ исторіи—все равно, предъ нами остатокъ стараго мифологическаго міровоззрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ: мы имѣемъ здѣсь тотъ же приѣмъ олицетворенія въ одной творящей или мыслящей личности—момента, массоваго дѣла, совокупности идей, поступковъ, учреждений, — ту же привычку отыскивать для сложной дѣйствительности одну простую и притомъ живую олице-

творенную причину; ту же мысль, что эпоха или движение должны имѣть своего родоначальника, своего эпонима. У насъ теперь въ этомъ отношеніи лишь подновлена терминологія; но по существу точка зрѣнія не далека отъ какой-нибудь гомеровской. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ еще среди историческихъ истолкованій нѣчто равное по своей архаичности знаменитому флогистону, посредствомъ котораго объясняли прежде горѣніе, или не менѣе знаменитой „боязни пустоты“, которая приписывалась физическимъ тѣламъ.

Анализъ съ точки зрѣнія теоріи познанія долженъ открыть намъ наличность въ нашихъ историческихъ разсужденіяхъ цѣлаго ряда предвзятыхъ комбинацій, относительно которыхъ намъ, можетъ быть, долго не пришло бы въ голову подумать, почему мы считаемъ ихъ нормальными. Эти комбинаціи, по канвѣ которыхъ мы строимъ перспективы фактовъ, нерѣдко всего лишь сравненія, метафоры, тропы, риторическіе обороты. Въ концѣ концовъ онѣ ничто иное, какъ объективированные моменты нашей психики. Раздѣленіе всего человѣчества на эллиновъ и іудеевъ или на Донъ-Кихотовъ и Гамлетовъ, конечно,— лишь остроумная игра поэзіи, но въ томъ же направленіи составляются цѣлыя разсужденія о дѣятеляхъ исторіи, объ историческихъ націяхъ и эпохахъ. Въ основѣ подобныхъ историческихъ характеристикъ лежитъ представленіе о свойствахъ личности, о психологическихъ моментахъ, которые раздвинуты на цѣлыя группы, претворены въ краски эпохъ.

Если бы мы захотѣли примѣнять къ подобнымъ комбинаціямъ мысли терминъ *idola*, которымъ Бэконъ обозначалъ обычныя предвзятости въ составленіи научныхъ сужденій, мы бы могли собрать нѣсколько типовъ психологическихъ *idola*.

Очень распространено, на примѣръ, разсужденіе по типу *психологическаго параллелизма*. Въ общихъ характеристикахъ эпохи реформаціи можно найти такое объясненіе связи между религіозными и политическими направленіями XVI

и XVII вв.: протестантизмъ представляетъ собою индивидуализмъ въ религіи, принципъ личной свободы и самоопредѣленія въ области вѣры и теоретической мысли; слѣдовательно онъ долженъ былъ по необходимости вести къ требованію и къ развитію политической свободы, свободнаго права личности въ государствѣ и т. п. Отсюда дальше строился выводъ, что корни европейской революціи лежатъ въ реформаціи. Въ основѣ этого построенія лежитъ, безъ сомнѣнія, мысль о психическихъ аналогіяхъ и ихъ взаимодѣйствіи: свободѣ вѣры аналогична свобода политическая, какъ представленіе, и *потому* одна вызываетъ другую и въ историческомъ ходѣ вещей.

Собственно говоря, факты не даются въ эту схему. Франція, эта главная арена политической революціи, осталась въ огромной массѣ своего населенія вѣрной католичеству. Наоборотъ въ Германіи, главномъ полѣ реформаціи, до XIX вѣка не наблюдается движенія къ политической свободѣ. Противники парламентаризма и политической свободы, Стюарты склонны были къ политикѣ религіозной свободы и т. п. Но, чтобы выйти изъ всѣхъ этихъ затрудненій, сторонники вышеприведенной схемы помогали себѣ разными комбинаціями. Предполагаемая причина должна же была такъ или иначе сойтись съ предполагаемымъ слѣдствіемъ: идеи—такъ гласило добавочное, вспомогательное объясненіе—могутъ дѣйствовать на разстояніи, съ пропускомъ болѣе или менѣе значительнаго промежутка; онѣ переходятъ изъ одной страны въ другую и пускаютъ корни, продолжаютъ свою работу на новой почвѣ.

Примѣромъ натяжки въ угоду разъ принятой психологической комбинаціи можетъ служить истолкованіе слѣдующаго частнаго факта въ духѣ приведенной выше параллели. Въ эпоху религіозныхъ войнъ во Франціи протестанты и католики, по очереди, по мѣрѣ того, какъ вступали въ оппозицію правительству, выдвигали революціонную программу и защищали теоріи политической свободы. Въ публицистикѣ обѣихъ религіозныхъ партій было ученіе

объ общественномъ договорѣ и ограниченіи договоромъ авторитета монарха, о правѣ народнаго сопротивленія незаконной или тираннической власти вплоть до оправданія политическаго убійства, ученіе о представительствѣ и парламентарномъ строѣ управления; выставялись, наконецъ, радикальные республиканскіе и федералистическіе планы и проекты. По своей настойчивости и рѣзкости гугенотскіе и католическіе публицисты были почти равны, можетъ быть, даже послѣдніе были рѣзче. Между тѣмъ, разъ находясь подъ вліяніемъ вышеприведенной политической характеристики протестантизма, новые историки по большей части потратили много усилій на то, чтобы у гугенотовъ найти болѣе радикальные, рѣшительные и послѣдовательные политическіе принципы, чѣмъ у ихъ религіозныхъ противниковъ.

На такой же комбинаціи историческаго параллелизма основаны, повидимому, стремленія историковъ найти въ ранней христіанской эпохѣ, въ предѣлахъ принявшей христіанство Римской имперіи новый социальный строй, болѣе мягкой и гуманный, чѣмъ въ предшествовавшую языческую эпоху. Въ этомъ смыслѣ, напримѣръ, любопытны были усилія многихъ историковъ истолковать явленія крѣпостного колониата, связаннаго съ большими вотчинами, какъ фактъ социальнаго прогресса, какъ фактъ „роста социальной справедливости“ въ сравненіи съ рабовладѣльческимъ плантаціоннымъ хозяйствомъ конца республики и начала имперіи. Сколько было написано теплыхъ словъ по поводу отдачи рабу избы и семьи, двора и очага, сколько декламаций о томъ, что во имя оздоровленія массъ не должно жалѣть о гибели культуры и крушеніи „10,000 человекъ высшаго слоя“—и все это подъ вліяніемъ той мысли, что новой этикѣ должны были отвѣчать новыя аналогичныя социальныя черты.

Здѣсь нѣтъ нужды критиковать это воззрѣніе и указывать, напримѣръ, на то, что крѣпостной колонатъ вобралъ не столько бывшихъ рабовъ, сколько свободный мелкій людъ, крестьянъ и арендаторовъ, что большія рабовладѣльческія хозяйства не были и раньше общераспростра-

ненной формой, а съ другой стороны, сохранились и позднѣе, въ христіанскую эпоху. Нѣтъ нужды останавливаться и на тяжелыхъ отрицательныхъ сторонахъ благословляемаго крѣпостного строя, на явленіяхъ иммобилизаціи лица, на явленіяхъ новаго патріархализма и произвола сеньеровъ. Намъ важно теперь отмѣтить лишь зависимость недавняго еще толкованія колоната отъ нѣкоторой типичной схемы, которую можно подвести подъ понятіе параллелизма.

Пріемъ историческаго параллелизма, очень распространенный, смѣняется по временамъ другимъ, до извѣстной степени противоположнымъ, который основанъ на понятіи, такъ сказать, *историческаго уравновѣшенія*, возмѣшенія. Вотъ примѣръ его примѣненія. Первая половина Среднихъ вѣковъ въ средней Европѣ характеризуется сильнымъ развитіемъ соціальной іерархіи, сеньората и патронажа, приниженіемъ соціально слабыхъ, которые закладываются за сильныхъ и т. д. Историкъ какъ будто старался найти этому факту противовѣсъ: онъ точно силился отыскать въ современной этимъ явленіямъ обстановкѣ уравновѣшивающіе, утѣшающіе элементы. Такие элементы онъ отыскивалъ въ церкви; онъ говорилъ, что среди военно-аристократическаго феодальнаго общества церковь оставалась демократичной, что ея составъ въ Средніе вѣка былъ плебейскій, что она была великой уравнительницей. Эти разсужденія еще болѣе какъ будто подкрѣплялись той общей мыслью, что христіанство—но существу демократическое ученіе. Иллюстраціей служили два, три примѣра, два, три выходца изъ низшихъ классовъ, которые дошли въ церковной средѣ до положенія крупныхъ іерарховъ. Эти примѣры подъ вліяніемъ разъ сложившагося понятія, какъ бы возводились въ правило и закрывали собою массу другихъ, противоположныхъ.

Мы склонны думать теперь скорѣе, что церковь никогда не стояла въ сторонѣ отъ другихъ соціальныхъ формъ; что церковь въ каждую эпоху воспроизводила и повторяла въ своей средѣ современное ей общество въ его экономиче-

скихъ и культурныхъ чертахъ. Церковный строй былъ магнатскій и феодально-крѣпостной въ эпоху сеньората; въ немъ выдвинулись демократическіе элементы и формы денежнаго хозяйства въ эпоху городского развитія и т. п. Но не въ критикѣ дѣло. Намъ опять важно въ данную минуту отмѣтить лишь вліянія своеобразной психической комбинаціи, которая заставляла современнаго ученаго искать въ историческихъ картинахъ элементовъ „уравновѣшенія“.

Внимательно присматриваясь къ тѣмъ исходнымъ представленіямъ, которыя направляютъ ту или другую постановку, размѣщеніе, освѣщеніе фактовъ для цѣлыхъ группъ или эпохъ, мы замѣчаемъ среди нихъ нерѣдко простыя *метафоры*. Вотъ, напримѣръ, обычное сужденіе объ основномъ мотивѣ средневѣковаго готическаго искусства: „готическій соборъ,—читаемъ мы,—выражаетъ собой религіозный духъ Среднихъ вѣковъ, стремленіе въ высъ, въ безконечность“. Не очевидно-ли, что здѣсь все разсужденіе возникло изъ двойного смысла слова „высота, высокій“, что простая игра словъ обратилась въ теорію? Изъ подобнаго же словеснаго сопоставленія возникла обычная характеристика настроенія средневѣковаго человѣка, которое привыкли сводить на особенно тяжелое душевное состояніе, на разладъ и внутреннюю борьбу. Гдѣ у насъ опора для такого описанія психологіи средневѣковаго человѣка? Кажется, болѣе всего въ простомъ звукѣ словъ „два“, „двойственный“, „раздвоеніе“. Историкъ повторяетъ выраженія: „дуализмъ въ понятіяхъ о духовномъ и матеріальномъ началѣ жизни“, „борьба двухъ универсальныхъ притязаній—панской и императорской власти“, повторяетъ эти слова и начинаетъ говорить о какой-то особой раздвоенности средневѣковаго человѣка, современнаго этимъ двойственностямъ.

Въ сущности, на метафорѣ основывается и такъ называемая органическая теорія развитія государства и общества, органическая теорія вообще въ социологіи. Сравненіе общества съ организмомъ, терминъ „органическая связь

личности съ обществомъ“, употребляемый въ противоположность понятію о механическихъ связяхъ—всѣ эти сравненія, формулы и антитезы были брошены въ ходъ реакціонной публицистикой начала XIX в. Противопоставляя организмъ механизму, эта публицистика имѣла въ виду рѣзко отдѣлить свои требованія отъ просвѣтительныхъ и революціонныхъ началъ предшествующаго вѣка.

„Государство — организмъ“ значило въ ея терминологіи: равныя права лицъ, въ своей совокупности представляющихъ верховный народъ, „государство—организмъ“ значило: распредѣленіе людей по старинной социальной іерархіи, подчиненіе лица своей „естественной“ группѣ, т. е. подчиненіе каждаго своему старому социальному авторитету. Органическія связи въ переводѣ на болѣе конкретный языкъ означали: крѣпостное право, цеховая регламентація, подчиненіе рабочихъ патрону, охрана дворянской чести и дворянскихъ привилегій и т. п. Въ прямой рѣчи это звучало грубо; зато въ высшей степени удачно было придуманное слово, потому что оно напоминало о какихъ-то кровныхъ, неразрывныхъ отношеніяхъ, о взаимномъ питаніи, о цѣлости жизни общества при взаимодействіи клѣточекъ-личностей, въ отдѣльности ничтожныхъ и неизбежно гибнущихъ.

Сравненіе имѣло поразительный успѣхъ и дало толчокъ очень продолжительный, который выразился въ различныхъ органическихъ теоріяхъ, въ послѣдствіи уже отрѣшившихся отъ реакціонной тенденціи. У сторонниковъ органическаго взгляда всѣ явленія общественнаго развитія, образованіе классовъ, торговый обмѣнъ, политическое управленіе и т. д. находятъ себѣ аналогію въ явленіяхъ органической жизни животныхъ, въ развитіи у послѣднихъ кровеносной, нервной и костяной системъ, въ обмѣнѣ и циркуляціи питательныхъ веществъ и т. д. Всѣ эти детальныя опредѣленія органической школы составляютъ только продолженіе основной метафоры, они—частныя, раздробленныя метафоры въ томъ же направленіи. Другой вопросъ, въ какомъ смыслѣ органическія теоріи помогли отыскать новые факты, клас-

сифицировать ихъ; работа могла быть очень плодотворна; но исходный мотивъ ея остается все же лишь поэтическимъ или риторическимъ оборотомъ.

Общія комбинаціи, подобныя тѣмъ, которыя были только что приведены, связаны извѣстною нитью съ общественными направленіями, хоть иногда и очень отдаленною. Есть цѣлый рядъ приемовъ, которые зависятъ отъ нашихъ болѣе общихъ, болѣе длительныхъ психическихъ привычекъ, которыя трудно свести на политическія и социальныя теченія и воздѣйствія опредѣленныхъ эпохъ. Такіе приемы могутъ быть важны, какъ извѣстные толчки къ наблюденію, къ классификаціи, какъ способы совершать разрѣзы матеріала; не надо только забывать, что они составляютъ рамки для воспріянія впечатлѣній, что они представляютъ наши мысленные опыты, а не реальныя отношенія самихъ вещей.

Къ такимъ приемамъ относится, напримѣръ, обычное раздѣленіе историческаго матеріала на *событія* и *состоянія*.

Группировка эта очень естественна. То мы стараемся собрать разрозненныя въ нашей традиціи, но одновременныя въ дѣйствительности явленія въ одну картину, на одну плоскость, на протяженіи пространственномъ; тогда мы получаемъ состоянія. Тогда мы говоримъ, напримѣръ, о средневѣковой церкви, о крѣпостномъ правѣ, о старомъ режимѣ и т. д. Ради яркости и цѣльности мы при этомъ обыкновенно раздвигаемъ хронологическія рамки; беремъ явленія болѣе раннія и болѣе позднія, такъ что вмѣстѣ у насъ въ представленіяхъ встрѣчаются черты и явленія, которыя не были со-существующими въ дѣйствительности. То мы стараемся размѣстить обрывки исторической традиціи, сохранившіеся въ историческихъ свидѣтельствахъ, слѣдуя другому приему: а именно, группируя ихъ въ порядкѣ слѣдованія на протяженіи времени. Тогда мы получаемъ событія: событія, напримѣръ, перваго крестоваго похода, событія англійской революціи 1642 г., эпохи національнаго собранія во Франціи 1789 г., событія городской борьбы классовъ въ Средніе вѣка и т. д. Между непрерывно идущими

событіями, которыя иногда мы могли бы рассказывать или регистрировать день за днемъ, мы выдѣляемъ нѣкоторыя, на нашъ взглядъ особенно яркія группы, гдѣ смѣна быстрѣе, гдѣ захвачена большая масса людей. Мы называемъ ихъ великими событіями, событіями въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Ясно, что въ этихъ формахъ событій и состояній мы имѣемъ лишь два возможныхъ мысленныхъ разрѣза явленій, лишь два возможныхъ способа наблюденія и классификаціи. Разъ они заключаютъ въ себѣ для насъ извѣстное удобство, мы можемъ, конечно, далѣе распредѣлять весь матеріалъ явленій по двумъ группамъ, смѣняя по очереди примѣненіе двухъ способовъ. Тогда историческое изложеніе получаетъ приблизительно такой видъ: сначала идетъ характеристика господства извѣстнаго состоянія, напри- мѣръ, стараго режима, за нею слѣдуетъ изображеніе катастрофы, ряда событій, это — революція; потомъ составляется новая характеристика состоянія изъ элементовъ другой эпохи, доводящая насъ до изображенія новаго событія, новаго кризиса. Если мы совершаемъ такое распре- дѣленіе матеріала, то это не значитъ, что во время ката- строфы, событій не длилось извѣстныхъ состояній, или чтобы въ эпоху, захваченную нашей характеристикой состоянія, не совершалось событій или дѣйствій. Нисколько. Дѣло лишь въ томъ, что мы сами, наблюдатели, по очереди перемѣщаемся на другое мѣсто зрѣнія.

Казалось бы, условія этой перестановки матеріала не- трудно замѣтить. А между тѣмъ это постоянно происхо- дить: состоянія противопоставляются событіямъ, но не въ качествѣ двухъ нашихъ умственныхъ разрѣзовъ, а какъ противоположныя реальныя вещи или реальныя отношенія; историки нерѣдко склонны искать между ними причинной связи, спрашивать, почему и какъ такое-то состояніе вы- звало такое-то событіе: а вѣдь это значитъ искать причин- ной связи между результатами двухъ способовъ нашего на- блюденія.

Ошибка идетъ дальше: событія и состоянія разсматриваются, какъ различные, независимые другъ отъ друга реальные ряды связанныхъ между собой причинною связью явленій или отношеній; для каждаго ряда явленій предполагается особый законъ или особые законы. На такомъ различеніи построена одна изъ знаменитыхъ частей теоріи Конта.

У Конта раздѣленіе социологіи на статику и динамику основывается на двухъ совершенно разныхъ принципахъ: во-первыхъ, на томъ, что въ человѣческомъ обществѣ можно различать строеніе и отправленіе, анатомію его и его физиологію, при чемъ первую изучаетъ статика, вторую динамика. Это различіе касается метода, оно имѣетъ въ виду уголь зрѣнія наблюдающаго. Каково бы ни было содержаніе того, что происходитъ въ изучаемомъ обществѣ, наблюдатель разсматриваетъ его со стороны его строения или его функционированія.

Но это дѣленіе для Конта вполнѣ совпадаетъ съ другимъ, въ которомъ приняты во вниманіе реальные отношенія. Общество, думаетъ онъ, можетъ находиться въ покоѣ или въ движеніи; оно можетъ подчиняться порядку или прогрессу. Порядку общественному свойственна система, гармонія, согласіе всѣхъ одновременно существующихъ частей, прогрессу свойственна смѣна, кризисы. Это уже различія въ самомъ предметѣ, это—разные характеры самихъ эпохъ.

Однако первое и второе различіе тождественны для Конта. Изучать общественную гармонію, по его мнѣнію, есть то же, что изучать строеніе общества; изучать общественные кризисы — то же, что изучать функционированіе общества. Законы общественной гармоніи не тѣ, что законы общественныхъ кризисовъ. Но первые получаются изъ изученія общественной анатоміи, вторые изъ изученія общественной физиологіи. Слѣдовательно, напримѣръ „старый порядокъ“ во Франціи до революціи въ одно и то же время составляетъ нашъ анатомическій разрѣзъ, сдѣланный надъ опре-

дѣленнымъ обществомъ въ опредѣленный моментъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ это — сама Франція въ состояніи покоя и социальной гармоніи, Франція до разрыва, до кризиса, съ котораго только и начинается функционированіе общества.

Ошибка Конта, очень характерная для позитивизма, продолжается подъ другими терминами и въ наше время. Вотъ напримѣръ, дѣленіе исторіи на прагматическую и культурную, или на исторію политическихъ дѣяній и исторію социальныхъ состояній. Если бы это была простая справочная группировка матеріала, нечего было бы и возражать противъ такого дѣленія. Но нѣтъ, многіе съ нею связываютъ представленіе о двухъ разныхъ рядахъ явленій, въ которыхъ господствуютъ два разныхъ закона. При этомъ лишь въ исторіи состояній допускается влияніе массоваго фактора, дѣйствіе неизбежной силы коллективнаго движенія, въ прагматической же предполагаютъ наличность или даже преобладаніе личнаго фактора, инициативы личности, влиянія крупныхъ людей и т. д. Въ состояніяхъ, рассуждаетъ, напримѣръ, Лампрехтъ, наблюдается лишь необходимое слѣдованіе ступеней развитія социального типа, и личность безсильна; она лишь носитель, показатель теченія; другое дѣло — кризисы, событія, дѣйствія; здѣсь личность выступаетъ активно и направляетъ ихъ ходъ.

Подобное рассужденіе было бы немыслимо, если бы съ самаго начала была ясно опредѣлена роль, положеніе самаго наблюдателя. Представимъ, что передъ нами происходило бы какое-нибудь быстрое движеніе массы существъ, напримѣръ, бѣгъ солдатъ или всадниковъ, въ которомъ бы сливались очертанія отдѣльныхъ фигуръ и чувствовалась бы только масса; допустимъ далѣе, что мы имѣли бы моментальныя фотографіи частей, группъ и моментовъ бѣга, въ которыхъ мы, вглядываясь, узнавали бы ясно отдѣльныя лица. Придетъ ли намъ въ голову говорить, что именно въ моменты, схваченные фотографіей, и въ тѣхъ частяхъ, гдѣ, благодаря снимку, выступаютъ отдѣльныя лица, сильно сказывалось влияніе личности, что напротивъ въ моменты или

въ частяхъ, гдѣ передъ глазами нашими мелькали краски и лица были неузнаваемы, значеніе личностей именно поэтому было слабѣе или отсутствовало? А между тѣмъ различіе „законовъ событій“ и „законовъ состояній“ именно основано на такомъ смѣшеніи понятій.

Болѣе всего, можетъ быть, приходится считаться въ историческихъ построеніяхъ съ воздѣйствіемъ одной глубоко намъ привычной общепсихической комбинаціи; это — тотъ приемъ, который Авенаріусъ и его школа назвали *интроспекціей*. Интроспекція встрѣчается въ нашихъ разсужденіяхъ на каждомъ шагѣ. Она состоитъ вообще въ томъ, что позади предметовъ, которые мы воспринимаемъ въ ихъ движеніи, смѣнѣ, мы подставляемъ понятіе нѣкоей „внутренней“ силы и приписываемъ ей толчокъ, источникъ движенія и перемѣны. Въ видимыхъ намъ, обрывочно данныхъ актахъ и моментахъ мы предполагаемъ результаты дѣйствія нѣкоторой силы, и по этимъ результатамъ заключаемъ о невидимомъ, но необходимо существующемъ, какъ намъ кажется, факторѣ; чтобы связать обрывки, данные намъ во впечатлѣніи, мы вводимъ мысленно среди нихъ лицо, творческую энергію.

Самая обычная форма интроспекціи, это — олицетвореніе. Интроспекція можетъ принимать разнообразныя и сложныя виды. Но ея особенностью всегда является расчлененіе, производимое нами въ группѣ воспринятыхъ моментовъ: расчлененіе это состоитъ въ томъ, что мы различаемъ въ такой группѣ элементы творящіе и творимые, начало активное и пассивное, матерію и духъ.

Интроспекція лежитъ, напримѣръ, въ основѣ представленія о душѣ человѣка, отдѣльной отъ тѣла. У живого человѣка мы видимъ и слышимъ одни движенія. Мы производимъ среди нихъ мысленно дѣленіе, начинаемъ различать въ нихъ какое-то движущее начало и что-то движимое. Такъ какъ результатомъ смѣны является передвиженіе руки, ноги, языка, губъ и т. д., т.-е. того, что раньше представлялось спокойнымъ или находилось въ другомъ положеніи, то дви-

жимое мы отождествляемъ съ видимымъ и называемъ его тѣломъ, матеріей; двигателя приходится уже отнести куда-то внутрь, объявить невидимымъ, духовнымъ началомъ, а между тѣмъ и другимъ мы ставимъ знакъ причины, формулу прямого воздѣйствія одного на другое.

Подобное расчлененіе мы постоянно производимъ среди данныхъ, которыя заключены въ нашихъ историческихъ свидѣтельствахъ. Такъ возникаютъ, напримѣръ, сужденія о вліяніи идей на общество или о вліяніи крупной личности на эпоху.

Въ сущности, источники, историческія свидѣтельства заключаютъ въ себѣ лишь обрывочныя указанія на извѣстные акты, отношенія, мнѣнія прошлаго. Личности, и какъ разъ наиболѣе выдающіяся, наиболѣе ярко выражающія извѣстныя тенденціи, служатъ для насъ единственными показателями общественныхъ теченій, настроеній, идей, дѣятельности учреждений прошлаго. Это—единственные наши свидѣтели, но мы хотимъ также сдѣлать ихъ объектами своего разсмотрѣнія, своего суда, и вотъ мы расчленяемъ группу воспринятыхъ историческихъ впечатлѣній: мы начинаемъ выдѣлять извѣстныя намъ личности въ качествѣ творящихъ, воздѣйствующихъ, отъ остальной неизвѣстной намъ массы, которой мы приписываемъ лишь пассивное восприниманіе. Однако, характеристику массы мы составляемъ по тѣмъ же самымъ даннымъ жизни и мысли извѣстныхъ намъ личностей, потому что иныхъ данныхъ нѣтъ: мы только стираемъ нѣсколько оригинальныя черты, разницу между личностями, чтобы изъ суммы стертыхъ фигуръ получить „среду“. Мы какъ бы два раза эксплуатируемъ однихъ и тѣхъ же свидѣтелей, заставляя ихъ выступать то какъ факторъ воздѣйствія, то какъ объектъ воздѣйствія. По однимъ и тѣмъ же людямъ мы судимъ о характерѣ, силѣ полученнаго вліянія, и о характерѣ, силѣ оказаннаго вліянія.

Примѣромъ могутъ служить обычныя сужденія, напримѣръ, о благотворномъ вліяніи гуманизма на европейское общество или объ опасномъ воздѣйствіи на умы католиче-

скаго возрожденія XIX вѣка. Какъ получились эти сужденія? Мы имѣемъ въ историческихъ свидѣтельствахъ факты увлеченія людей извѣстной эпохи нѣкоторыми формулами, догматами, символами, факты повторенія людьми нѣкоторыхъ аргументовъ, сравненій и т. д. Между ними есть болѣе яркія, болѣе мотивированныя и болѣе блѣдныя, отрывочныя выраженія настроеній и мыслей. Вотъ на этихъ различіяхъ, а съ другой стороны на хронологической послѣдовательности манифестацій и строится то раздвоеніе матеріала, которое обращается у историка въ картину „воздѣйствія“, „вліянія“ того или другого теченія на умы. Въ одну сторону отходятъ болѣе раннія, болѣе яркія группы умственныхъ манифестацій. Это — само „теченіе“, „направленіе“, на примѣръ гуманизма, реформаціи, романтизма. Въ другую сторону отходятъ болѣе позднія, менѣе связныя, менѣе яркія выраженія. Это — „общество“, „умы“, „среда“, которые испытали воздѣйствіе. Между тѣмъ и другимъ ставится знакъ интроекціи, выражаемый въ сущности непонятнымъ, почти мистическимъ словомъ „вліяніе“.

Мало того. Мы склонны переносить различіе активныхъ и пассивныхъ элементовъ во внутреннюю жизнь личности. Очень распространенъ способъ разсматривать историческаго дѣятеля, скажемъ для примѣра, Лютера, въ двухъ фазисахъ жизни, страдательномъ и творческомъ: до извѣстнаго момента этой жизни (на примѣръ, у Лютера до 95 тезисовъ или до Вормскаго сейма) мы разбираемъ направлявшіяся на историческаго дѣятеля вліянія, т. е. предшествующія идеи, полученныя имъ впечатлѣнія отъ окружающаго, которыя какъ бы должны были формировать, опредѣлить личность; затѣмъ далѣе, начиная съ такого момента и въ предположеніи, что процессъ образованія, формировки личности кончился, — мы разсматриваемъ личность уже въ ея творящей, комбинирующей дѣятельности, какъ готовую силу, вносящую свое начало кругомъ; мы разсматриваемъ въ этомъ второмъ фазисѣ реагированіе личности на другихъ, на окружающія отношенія, которыя въ свою очередь пред-

ставляются въ видѣ чего-то неготоваго, бродящаго, ожидающагося властной, организаторской руки.

Здѣсь интродукція распространена до размѣровъ обширной картины. Но основной приѣмъ крайне простъ: рядъ впечатлѣній, рядъ моментовъ разложенъ на двѣ группы по тому же типу, по которому проявленія жизни отдѣльнаго чело-вѣка разлагаются нами на явленія тѣла и духа.

Предшествующія замѣчанія имѣли цѣлью указать лишь на общій характеръ надвигающихся теоретическихъ проблемъ въ области исторіи. Если эти проблемы дѣйствительно важны и будутъ настойчиво поставлены, теорія исторической науки вступитъ въ новый крупный періодъ развитія. Эпохи этого развитія естественно примыкаютъ къ большимъ моментамъ философскаго, т.-е. общаго научнаго движенія и вмѣстѣ съ тѣмъ къ большимъ смѣнамъ социаль-но-политическихъ судебъ культурнаго общества.

Съ середины приблизительно XVIII в. историческая мысль направлялась по преимуществу въ рамкахъ особой системы понятій, за которой осталось названіе „*философіи исторіи*“. Въ философіи исторіи былъ заключенъ сильный религіозный порывъ, и она сама служила замѣтнымъ продолженіемъ церковной системы міровоззрѣнія, особенно въ ея католической формѣ. Въ философіи исторіи можно видѣть результатъ до извѣстной степени посмертнаго вліянія католицизма, поскольку онъ пересталъ быть живой вѣрой для культурнаго общества и остался лишь традиціонной системой для отстающихъ массъ.

Философія исторіи предполагала чистоцерковную идею объединенія на землѣ спасеннаго человѣчества въ одну общину съ земнымъ раемъ впереди, съ предтечами торжества человѣческой культуры въ началѣ, съ единой линіей все-спасающаго прогресса посрединѣ. Не даромъ же представители философіи исторіи говорили иногда о прежнихъ дѣятеляхъ человѣчества, какъ о святыхъ въ его вѣчно живомъ, подобномъ церкви, прошломъ (Контъ); или развивали мечту

о предстоящемъ переходѣ рода человѣческаго въ новую ангельскую или вообще сверхземную форму (Гердеръ); или приближались къ представлению о конечномъ тысячелѣтнемъ царствѣ на землѣ (Гегель съ его идеей блаженной старости „духа“, Контъ съ его ученіемъ о „финальномъ“ состояніи, въ которое вступаетъ человѣчество). По концепціи философіи исторіи великая община человѣчества живетъ въ каждый данный моментъ всею своей традиціей заразы; она вырабатываетъ въ своей средѣ новые пути, новыя задачи, новыя блага логически и цѣлесообразно, какъ будто бы все глубже раскрывая смыслъ нѣкоего основного догмата.

Въ философско-историческихъ построеніяхъ, въ сущности, не было выясненія причинной связи, закономерности явленій. Изображались фазы единственного явленія, метаморфозы, ступени торжества общечеловѣческой культуры, крестный ходъ, триумфальное шествіе всемірной исторіи. Чудесный путь раскрытъ передъ людьми: должно понять его направленіе, его темпъ, его результаты и тогда намъ озарятся новыя, можетъ быть, послѣднія на землѣ перспективы—вотъ что хотѣла сказать восторженная, полная вѣры философія исторіи.

Второй періодъ, идущій приблизительно съ окончанія первой четверти XIX в., періодъ, который можно бы назвать *соціологическимъ*—открывается настроеніемъ разочарованія, резигнаціи и въ политическомъ, и философско-религіозномъ отношеніи. Поколѣнія, пережившія революцію и реакцію, видѣли въ историческихъ судьбахъ много возврата, паденій, соціальныхъ „смертей“. У нихъ пошатнулась вѣра въ непрерывность прогресса. Для нихъ выдвинулась на первое мѣсто жизнь составныхъ единицъ, отдѣльныхъ націй и обществъ вмѣсто неопредѣленнаго цѣлага, человѣчества. Такимъ образомъ намѣтилась новая научная цѣль: разбить это цѣлое на нормальныя, живучія группы, отыскать пути развитія отдѣльныхъ группъ, сравнить ихъ другъ съ другомъ, найти между ними сходство, аналогичныя ступени и на основаніи ихъ отыскать въ развитіи группъ дви-

жуція, возобновляющіяся дѣятельныя силы, „причины“ явленій, „факторы“ явленій. Установленіе причинной связи, причинныхъ рядовъ путемъ, главнымъ образомъ, сравнительнаго изученія, открытіе „законовъ“ смѣны и движенія— вотъ формулировка основныхъ задачъ исторической науки въ этомъ періодѣ.

Соціологическое направленіе внесло въ представленія объ историческомъ процессѣ рѣзкую классификацію; оно видѣло въ этомъ процессѣ эволюціонныя „ряды“ твердаго очертанія, каковы—право, хозяйство, государственная и общественная организація, культура и т. д. Между этими рядами предположены были опредѣленныя отношенія причинъ и слѣдствій, основныхъ и производныхъ группъ и т. д. Господство этого направленія до извѣстной степени совпало и стояло въ связи съ преобладаніемъ матеріалистической философіи. Оно вмѣстѣ съ тѣмъ находило себѣ поддержку въ великихъ успѣхахъ эволюціонной теоріи въ области естественныхъ наукъ.

Возникающее на нашихъ глазахъ новое направленіе въ области общей исторической мысли стоитъ въ связи съ критическимъ направленіемъ въ философіи и съ успѣхами опытной психологіи. Его можно бы назвать *теоретико-познавательнымъ критицизмомъ*.

Въ какомъ направленіи могутъ развиваться его задачи, объ этомъ уже было сказано. Оно ставитъ себѣ цѣлью выдѣлить отчетливо тѣ элементы нашей психики, которыми опредѣляется толкованіе историческихъ явленій, и съ этой точки зрѣнія провѣрить нашу терминологію, классификацію явленій, наши комбинаціи, построенія фактовъ. Эта работа не ограничится однимъ анализомъ. Она должна раскрыть не только возникновеніе, способъ образованія нашихъ историческихъ и соціологическихъ категорій; она можетъ опредѣлить ихъ внутреннюю цѣну, если установитъ значеніе нашихъ научныхъ запросовъ съ точки зрѣнія психическихъ условій, лежащихъ въ ихъ основаніи, если установитъ съ этой точки зрѣнія степень взаимнаго соотвѣтствія элемен-

товъ, входящихъ въ кругъ всякаго научнаго истолкованія, всякой научной системы.

Предшествующая эпоха въ научной мысли слишкомъ настаивала на „объективномъ“ характерѣ фактовъ, подлежащихъ нашему изученію: „объективные факты“ представляли въ ея глазахъ твердую группу, которая лишь дожидается, чтобъ ее открыли. Новый критицизмъ напоминаетъ о существованіи цѣлаго ряда предварительныхъ условій при изученіи, въ силу которыхъ то, что мы называемъ объективной дѣйствительностью, должно быть признано одной изъ субъективныхъ категорій, и притомъ категорій измѣнчивыхъ по своему содержанію. Каждое поколѣніе или рядъ поколѣній, связанныхъ общими идеями, каждая интеллектуальная группа неизбѣжно приспособляетъ къ себѣ, къ своимъ нуждамъ, къ своимъ симпатіямъ, къ своимъ гаданіямъ о будущемъ, къ своимъ психическимъ предрасположеніямъ всю традицію о прошломъ, весь историческій матеріаль, можно бы сказать препарируетъ для себя всю исторію, творить для себя идеальное прошлое, набрасываетъ для себя свою собственную историческую картину. Дѣло идетъ о томъ, чтобы держать въ своихъ рукахъ планъ, руководящія линіи, по которымъ творится эта картина.

Вико со своею восторженностью платоника выразилъ эту мысль въ такой парадоксальной формѣ: „Эта наука (исторія) идетъ тѣмъ же методомъ, какъ и геометрія, потому что она создаетъ изъ самой себя міръ величинъ, строить сама себя изъ собственныхъ элементовъ“.

Р. Випперъ.

Физическія страданія и чувство страха.

(Психо-біологическій очеркъ.)

Г л а в а I.

Человѣкъ, никогда не испытывавшій операции, боится ея иногда гораздо болѣе, чѣмъ потомъ, когда съ нею познакомится; боится вслѣдствіе идеи о тягостномъ ощущеніи, которое ему придется испытать отъ этой предстоящей ему операции, и которая часто сильно преувеличиваетъ дѣйствительность. Отсюда связь эмоціи страха съ чувствомъ боли. Что же представляютъ они собою по своей внутренней природѣ? въ какихъ явленіяхъ выражаются, и гдѣ искать основаній ихъ истиннаго взаимоотношенія?

Что представляютъ собою физическія страданія по своему существу? какими явленіями они сопровождаются у безпозвоночныхъ животныхъ въ отличіе отъ позвоночныхъ и, наконецъ, аналогичны ли эти страданія первыхъ и вторыхъ *въ смыслѣ психологическомъ?*

Что касается до вопроса о существѣ физическихъ страданій, то онъ на пути къ своему рѣшенію встрѣчаетъ огромныя трудности, такъ какъ, во-1-хъ, мы не знаемъ, какую роль играютъ въ этомъ процессѣ нервныя окончанія (нервы глубокихъ органовъ и развѣтвленія главнаго симпатическаго нерва не имѣютъ окончаній спеціальной структуры).

Затѣмъ, во-2-хъ, мы не знаемъ, существуютъ ли спеціальныя нервы для передачи ощущеній страданія или, вѣрнѣе, знаемъ только гипотезы по этому вопросу.

По мнѣнію Фрея, ему удалось доказать экспериментальнымъ путемъ, что существуютъ спеціальныя нервы, воспринимающіе

боль, и спеціальныя у нихъ для этого окончанія. Правда, дальнѣйшіе опыты доказали, что его изслѣдованія были неточны и Рибо, у котораго я заимствую сдѣланную ссылку, утверждаетъ, что въ настоящее время ничто не устанавливаетъ существованія такихъ нервовъ.

Тѣмъ не менѣе, вопросъ этотъ еще далекъ отъ своего окончательнаго разрѣшенія.

Далѣе, въ-3-хъ, условившись по предшествующему пункту и признавъ, что болевья ощущенія, какъ всякія другія, передаются нервами общей чувствительности, — передъ нами возникаетъ новое затрудненіе: мы не знаемъ, какимъ образомъ слѣдуетъ болевое ощущеніе къ высшимъ центрамъ послѣ того, какъ оно вступило въ спинной мозгъ задними корешками.

Шифръ полагаетъ, что для явленій чувственныхъ существуетъ одинъ, а для ощущеній въ собственномъ смыслѣ — другой путь.

Вундтъ полагаетъ тоже, что путемъ для умѣренныхъ раздраженій служить бѣлое вещество спинного мозга, а сѣрое вещество представляетъ собою путь вторичный, отводящій, когда эти раздраженія сильны.

Рибо признаетъ за гипотезами, предполагающими двойственность путей для передачи болевыхъ и чувствительныхъ ощущеній, долю истины, потому что онѣ согласуются съ фактами, доказывающими, что передача боли является уже позднѣе передачи чувствительной. Мои наблюденія надъ обезглавленными суставчатоногими доказываютъ справедливость этого положенія съ совершенною очевидностью.

Съ другой стороны, Леманъ, признавая указанную одновременность въ передачѣ боли и чувства, отрицаетъ двойственность путей этой передачи и т. д. и т. д.

Таковы затрудненія, встрѣчающія насъ на пути рѣшенія вопроса по его существу.

Оставляя поэтому въ сторонѣ ту часть предмета, которая трактуетъ вопросъ на почвѣ этихъ вопросовъ, мы остановимся лишь на физиологическихъ явленіяхъ, *сопровожающихъ физическія страданія*.

Сравнивая физиологическія явленія, сопровождающія боль у безпозвоночныхъ съ тѣмъ, что эти явленія представляютъ у животныхъ позвоночныхъ, мы не только можемъ констатировать ихъ различіе между собою въ этомъ отношеніи, но и подойти

къ пониманію тѣхъ процессовъ, которые насъ здѣсь интересуютъ.

Мы обойдемъ молчаніемъ группу общеполостныхъ животныхъ, у которыхъ самыя тяжкія пораненія, повидимому, не влекутъ за собою никакихъ страданій. Гидра, если мы искрошимъ ее на десятки частей, кончаетъ тѣмъ, что каждый изъ отрѣзковъ доразовѣетъ себѣ то, чего ему не достаетъ, чтобы сдѣлаться гидрой и ничѣмъ не обнаруживаетъ физическихъ страданій.

Что касается червей, то достаточно упомянуть здѣсь о слѣдующихъ опытахъ, чтобы доказать, что пораненія у нихъ ведутъ за собою очень слабыя болевья ощущенія, если только они вообще вызываютъ ихъ.

Уже Дарвинъ дѣлалъ съ дождевымъ червемъ такіе опыты: онъ перерѣзалъ его пополамъ, потомъ сшивалъ отрѣзанныя половины, которыя послѣ этого реагировали, какъ цѣлое животное съ полною координированностью движеній. Аналогичныя наблюденія надъ пиявками доказываютъ, что физическая боль ими ощущается очень слабо.

У насѣкомыхъ чувство физическаго страданія безспорно; у нѣкоторыхъ оно очень сильно, и тѣмъ не менѣе, судя по сопровождающимъ его явленіямъ, существенно отличается отъ того, что мы видимъ у животныхъ позвоночныхъ *).

Вотъ что мы читаемъ въ главѣ о физическомъ страданіи у высшихъ позвоночныхъ въ интересной книгѣ Рибо «Психологія чувства». Измѣненія въ организмѣ, сопровождающія физическое страданіе, сводятся къ слѣдующему: страданіе дѣйствуетъ на сердечныя движенія: вообще оно *замедляетъ ихъ частоту*; въ крайнихъ же случаяхъ замедленіе можетъ дойти до такой степени, что вызываетъ *обморочное состояніе*. У животныхъ, надъ которыми производились лабораторныя опыты, даже послѣ вырѣзыванія мозга болевья ощущенія вызывали уменьшеніе числа сердечныхъ сокращеній. У человѣка, при замѣчающемся хотя бы иногда увеличеніи частоты пульса, всегда наблюдается, подъ той или другой формой, измѣненіе ритма его, ощущимое для сфигмографа».

У безпозвоночныхъ животныхъ, которыхъ Рибо не имѣлъ въ виду вовсе, мы наблюдаемъ нѣчто иное.

*) См. В. А. Вагнеръ: «Вопросы зоопсихологіи».

Такъ у пауковъ, напримѣръ, надъ нѣкоторыми изъ которыхъ дѣлать требуемыя наблюденія очень удобно, такъ какъ сердце у нихъ помѣщается тотчасъ же подъ тонкою кожицей авдотепа и ясно просвѣчивается, мы наблюдаемъ слѣдующее:

Сердце послѣ продолжительнаго покоя (5—7 часовъ подрядъ) бьется около 40 разъ въ минуту; малѣйшее движеніе повышаетъ число ударовъ очень значительно. Достаточно пауку пройти нѣсколько шаговъ, чтобы сердце его *тотчасъ же* начало биться со скоростью около 120 разъ въ минуту. Болѣе энергичныя движенія поднимаютъ пульсъ до 170, 200 и 230 разъ въ минуту; и подъемъ этотъ совершается съ удивительной скоростью почти моментально. Но успокаивается пульсъ и возвращается къ нормальной дѣятельности довольно медленно *).

Физическое страданіе, которое влечетъ за собою совершенно аналогичныя измѣненія въ біеніи сердца, по своимъ послѣдствіямъ на процессъ кровообращенія очевидно не присоединяетъ ничего новаго къ тому, что мы знаемъ изъ наблюденій этихъ животныхъ въ нормальныхъ условіяхъ жизни. Біеніе сердца ускоряется почти моментально и вслѣдъ за движеніемъ паука, и вслѣдъ за причиненіемъ ему боли въ обоихъ случаяхъ и совершенно одинаково можетъ достигнуть крайнихъ предѣловъ напряженія.

У личинокъ насѣкомыхъ мы наблюдаемъ нѣчто подобное.

Далѣе Рибо, говоря объ измѣненіяхъ въ организмѣ, сопровождающихъ физическое страданіе у высшихъ позвоночныхъ, отмѣчаетъ *вліяніе на дыханіе*, которое становится менѣе правильнымъ и постояннымъ; ритмъ становится ненормальнымъ, то быстрое, то медленнѣе; вздохи послѣдовательно, то поверхностнѣе, то глубже; но въ конечномъ результатѣ мы получаемъ замѣтное *увеличеніе выдыхаемой угольной кислоты*.

У безпозвоночныхъ животныхъ мы встрѣчаемъ это не всегда; а тамъ, гдѣ встрѣчаемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаемъ и нѣкоторыя особенности.

Такъ мои наблюденія надъ осами съ полною очевидностью удостовѣряютъ тотъ фактъ, что операція временно нарушаетъ правильность дыхательныхъ движеній животнаго. Но, во-1-хъ,

*) См. мою статью «Activité du coeur des Araignées», въ Annal. de. Sc. Nat. XV. 21.

это нарушеніе *ничьмъ* не отличается отъ того, которое вызывается у животнаго всякимъ возбужденіемъ вообще, хотя бы это было простымъ движеніемъ полета, ходьбы и т. п.; а, во-2-хъ, по прошествіи трехъ, четырехъ минутъ, правильность, какъ послѣ боли, такъ и послѣ возбужденія восстанавливается такъ же, какъ и послѣ обычнаго возбужденія.

Присоединю къ этому, что среди тѣхъ же перепончатокрылыхъ насѣкомыхъ, къ которымъ относятся осы, мы встрѣчаемъ такихъ, которыя, какъ напримѣръ, ксилокопа, за обезглавленіемъ не проявляютъ почти никакихъ перемѣнъ въ состояніи дыхательнаго процесса.

Далѣе, по наблюденіямъ Монтегацца, *температура* животнаго, испытывающаго физическія страданія, понижается приблизительно на 2° Цельсія. Говорить объ этихъ явленіяхъ для животныхъ съ холодною кровью, каковы безпозвоночныя, нѣтъ, разумѣется, никакого основанія.

Затѣмъ, слѣдуя перечню Рибо, физическія страданія вліяютъ на *пищеварительныя* функціи; вліяніе это выражается въ замедленіи ихъ дѣятельности или въ разстройствѣ: уменьшеніи аппетита, задержкѣ отдѣленій, несвареніи, рвотѣ, діарреи и т. д.

У безпозвоночныхъ мы не встрѣчаемъ этихъ явленій, за сомнительнымъ исключеніемъ у *Stomachus colcitrans*. Аппетитъ у нихъ не пропадаетъ; 5—6 минутъ спустя послѣ того, какъ животному отрѣзали половину головы (а иногда въ періодъ времени и еще болѣе короткій), оно уже либо пытается ѣсть подходящій для него пищевой матеріалъ, бесплодно работая уцѣлѣвшею у него на одной сторонѣ челюстью, либо сосать кровь, также бесплодно стараясь проткнуть кожицу предлагаемой ему добычи сдѣлавшимися для этой цѣли негодными частями рта и т. д. Несваренія пищи какъ это доказываютъ наблюденія надъ обезглавленными животными тоже не наблюдается.

Двигательныя функціи выражаютъ страданіе у высшихъ животныхъ главнымъ образомъ двумя различными путями: *форма пассивная*, съ подавленіемъ, задержкой или полнымъ прекращеніемъ движеній; *активная форма*, сопровождающаяся возбужденіемъ, судорогами, конвульсіями, криками.

У безпозвоночныхъ животныхъ мы на этотъ разъ встрѣчаемъ аналогичныя, но не тождественныя явленія. При обезглавленіи, а равно и послѣ частичныхъ операций, у *червей* наступаетъ возъ

бужденная, *вся сплошь*, однако, *цѣлесообразная* дѣятельность, которой смыслъ: освободиться отъ доставляющаго боль раздражителя. У многоножекъ наблюдается тоже самое.

У насѣкомыхъ мы наблюдаемъ или а) состояние, напоминающее какъ бы общій параличъ, или б) параличъ частичный (конечностей), или с) усиленное движеніе *съ явными признаками защиты*, или d) усиленную дѣятельность со смѣшаннымъ признакомъ защиты и бѣгства и наконецъ е) усиленную дѣятельность безъ признаковъ указаннаго ихъ значенія и близкую къ тому, что называется дрожаніемъ всѣмъ тѣломъ.

Такимъ образомъ у *насекомыхъ* мы видимъ цѣлую гамму явленій. Ея центральная часть подъ рубрикой *c* представляетъ собою то именно, что долженъ представлять собою нормально приспособленный отвѣтъ на раздраженіе. Отъ этого нормального пункта въ одну сторону пойдутъ—усиливающийся параличъ, въ другую—усиленное возбужденное состояніе, доходящее, въ концѣ концовъ, вслѣдствіе упадка силъ, до совершенно «безсмысленнаго» дрожанія.

Сначала обезглавленное животное дѣлаетъ цѣлый рядъ либо смѣняющихъ другъ друга, либо одновременно совершающихъ безъ всякаго порядка, безъ всякой связи, безъ опредѣленной послѣдовательности дѣйствій: оно кувyrкается черезъ голову, оно двигаетъ ножки, которыя у него дрожатъ; оно расправляетъ крылья, какъ будто собирается летать, иногда взлетаетъ; падаетъ, опрокидывается на спину и т. д.

Несмотря на краткость, отрывочность и совершенно очевидную «нелѣпость» такихъ движеній, здѣсь еще бываетъ возможно для каждаго изъ нихъ въ отдѣльности доказать цѣлесообразность и совершенно опредѣленный смыслъ и значеніе.

То и другое заключается въ томъ, что животное «старается» уйти отъ причиняющаго боль раздражителя; каждое его движеніе имѣетъ цѣлью рѣшеніе этой задачи. Но такъ какъ ни одно изъ этихъ движеній не продолжается дольше секунды, а иногда и менѣе, такъ какъ движенія эти совершаются безъ всякой связи другъ съ другомъ, иногда же одновременно и такимъ образомъ взаимно уничтожаютъ значеніе другъ друга, то совокупность того, что представляетъ собою движеніе обезглавленныхъ животныхъ этой категоріи, представляется совершенно безсмысленнымъ.

Наконецъ *крайняя степень возбужденія* вслѣдствіе физическихъ страданій ведетъ за собою иногда такую беспорядочную груду одновременно совершающихся движеній, которыя производятъ впечатлѣніе скорѣе конвульсивнаго *дрожанія* всѣмъ тѣломъ, чѣмъ комплекса отдѣльныхъ движеній. Что принципиально, однако, оно представляетъ собою комплексъ цѣлесообразныхъ движеній, это слѣдуетъ изъ того между прочимъ, что, по мѣрѣ успокоенія животнаго, дрожаніе распадается на отдѣльныя движенія все болѣе и болѣе явственныя и обособленныя.

Принимая во вниманіе, что эта форма выраженія возбужденія представляетъ собою не нѣчто самостоятельное, а лишь конечную форму активнаго выраженія возбужденія, мы имѣемъ право утверждать, что и причины этихъ движеній одни и тѣ же: то-есть что ихъ источникъ лежитъ въ инстинктивныхъ дѣйствіяхъ самозащиты. Все дѣло въ томъ лишь, что животное, лишенное головного мозга, вслѣдствіе крайней степени нервнаго возбужденія отъ физической боли, производитъ движенія въ своей основѣ вполнѣ цѣлесообразныя безъ порядка и «безъ толку». Ничего загадочнаго въ этихъ движеніяхъ нѣтъ; ихъ источникъ, равно какъ и источникъ причинъ, обусловливающихъ разнообразіе проявленій высшаго нервнаго возбужденія, лежитъ въ совокупности инстинктовъ нормальнаго животнаго. *Физическія страданія вызываютъ вездѣ крайнюю степень напряженія для борьбы съ причиной ихъ производящей.* У животнаго съ элементарной нервной системой дѣло никогда за эти предѣлы не заходитъ; у животныхъ съ нервной системой болѣе сложной возможно раздраженіе, выходящее за предѣлы *нормальныхъ границъ*, то-есть въ такой степени сильное, что обычныхъ путей нервныхъ процессовъ и координируемыхъ нервной системой движеній оказывается недостаточно. Наступаютъ другіе, которые вначалѣ еще напоминаютъ нормальные процессы, или, по крайней мѣрѣ, даютъ возможность видѣть ихъ въ беспорядочной дѣятельности страдающаго животнаго, а потомъ, наконецъ, исчезаетъ и самая возможность этого различенія.

Таковъ отвѣтъ на вопросъ о томъ, въ какихъ явленіяхъ выражаются физическія страданія животныхъ безпозвоночныхъ, и чѣмъ въ этомъ смыслѣ отличаются они отъ высшихъ позвоночныхъ животныхъ.

Намъ предстоитъ теперь отвѣтить на слѣдующій изъ постав-

ленныхъ нами выше вопросовъ: страданія безпозвоночныхъ въ психологическомъ отношеніи выполнѣ ли аналогичны физическимъ страданіямъ животныхъ позвоночныхъ? и если не выполнѣ, то въ какой степени, и почему именно?

Здѣсь прежде всего намъ надлежитъ рѣшать вопросъ о томъ, могутъ ли быть допущены безсознательныя чувствованія вообще, которыя были бы совершенно свободны отъ интеллектуальнаго элемента и не связаны ни съ какими воспріятіями и концепціями? Одни дають на этотъ вопросъ отрицательный, другіе—утвердительный отвѣтъ.

Леманнъ является сторонникомъ перваго изъ нихъ и полагаетъ, что удовольствіе и страданіе всегда связаны съ сознаниемъ. Другіе полагають иначе. Такъ, Рибо утверждаетъ, что чувствованія слѣдуетъ разсматривать, какъ имѣющія, по крайней мѣрѣ иногда, самостоятельное, независимое существованіе. «Несомнѣнно, что вообще состоянія эмоциональныя сопровождаютъ интеллектуальныя; но утвержденіе, что иначе быть не можетъ, что воспріятія и представленія составляютъ необходимое, абсолютное, безъ всякаго исключенія, условіе существованія чувствованій, это—я отрицаю», говоритъ ученый.

Въ доказательство этого Рибо ссылается на тотъ фактъ, что глубокія измѣненія во внутреннихъ ощущеніяхъ представляютъ собою не болѣе какъ органическія состоянія и переходятъ въ чувствованія не вызываясь никакими представленіями.

Монтегаша и Франсуа-Франкъ доказали, что сердечныя разстройства отъ физическихъ страданій наблюдаются какъ надъ нормальными животными, такъ и послѣ того, какъ у нихъ былъ удаленъ головной мозгъ, изъ чего очевидно слѣдуетъ, что либо страданія могутъ быть безсознательными, либо, что сознание можетъ быть и у лишенныхъ головного мозга; а изъ этого, въ свою очередь слѣдуетъ, что сознание для высшихъ животныхъ не можетъ считаться необходимымъ и неизбѣжнымъ спутникомъ страданія, хотя послѣднія отнюдь не исключаютъ перваго.

Что касается до низшихъ животныхъ, то опыты доказываютъ намъ, что дѣятельность нѣкоторыхъ изъ нихъ, послѣ глубокихъ пораненій, соотвѣтствуетъ дѣятельности высшихъ животныхъ съ искусственной аналгезіей (лишеніемъ мозга).

Извѣстно, что нѣкоторые пациенты послѣ захлороформированія производятъ различныя движенія, бранятся, кричатъ, разго-

вариваютъ. Рибо полагаетъ, что въ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ исчезновеніемъ не сознанія, а воспоминанія. Боль является какъ бы математическимъ моментомъ, не оставляющимъ за собою никакого слѣда.

Вотъ факты, имѣющіе для насъ особенно важное значеніе. Большой дѣлаютъ операцію трещины прямой кишки съ фистулой; она чувствуетъ прикосновеніе ножницъ, различаетъ даже, что ей дѣлали четыре разрѣза, она не можетъ говорить, но не страдаетъ. Другая больная отвѣчаетъ на вопросъ, сколько ей лѣтъ, ничего не чувствуя. Послѣ пробужденія она не вспоминаетъ ни о ранѣ, ни объ обжогахъ и жалуется, что ей не дѣлали операціи. Третью больную спрашиваютъ во время операціи, какъ она себя чувствуетъ и та отвѣчаетъ: недурно, въ то время, когда ей причиняется сильная боль. Одна паціентка, когда коснулись ея носа бородкой пера, сказала: «не шекочите же меня», въ то время когда ей перевязывали большія артеріи—моментъ очень болѣзненный. Наконецъ, одинъ субъектъ, находясь подъ хлороформомъ, въ то время, какъ ему дѣлали аналогичную операцію, сказалъ тихо, услышавъ бой часовъ: «уже половина двѣнадцатаго»; послѣ пробужденія онъ ничего не помнилъ.

Если мы сопоставимъ съ этими фактами многочисленныя данныя опытныхъ изслѣдованій надъ обезглавленными насѣкомыми, то увидимъ нѣкоторую аналогію явленій, а иногда и полное ихъ сходство между собою. Все дѣло въ томъ, что у высшихъ животныхъ сознаніе можетъ сопровождать и вызывать страданіе, тогда какъ у сказанныхъ безпозвоночныхъ сознаніе никогда физическихъ страданій не сопровождаетъ и никогда не можетъ такового вызвать, да въ томъ еще, что у высшихъ животныхъ съ искусственной аналгезіей «воспоминанія боли» являются до послѣдней степени краткими, тогда какъ у безпозвоночныхъ они сравнительно говоря длиннѣе и могутъ продолжаться нѣсколько минутъ; по истеченіи которыхъ эта боль сполна проходитъ *).

Такимъ образомъ конечнымъ заключеніемъ изъ всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній будетъ слѣдующее: физическія стра-

*) См. мою статью: Психологическая природа инстинкта въ журналѣ „Вопросы философіи и психологіи“ 1894 г.

данія безпозвоночныхъ выражаются въ дѣйствіяхъ, которыхъ источникъ лежитъ въ совокупности инстинктовъ самозащиты животнаго, сознаниемъ не сопровождаются и никогда таковымъ вызваны быть не могутъ.

У высшихъ позвоночныхъ животныхъ эта первопричина движеній, сопровождающихъ страданія, удержана по наслѣдственности въ крайней степени ихъ выраженія, вслѣдствіе чего обнаружить въ нихъ первоначальный смыслъ движеній самозащиты иногда бываетъ чрезвычайно трудно, если это вообще возможно; сознаниемъ страданія сопровождаться могутъ, но вызваны имъ быть не могутъ.

Г л а в а П.

Сдѣланныя по поводу физическихъ страданій заключенія ставятъ насъ лицомъ къ лицу съ другимъ вопросомъ: о причинѣ аналогичныхъ явленій, но уже въ связи не съ физическими страданіями, а съ эмоціями боязни и ужаса. Вопросъ этотъ чрезвычайно сложенъ и, несмотря на огромную литературу, до сихъ поръ еще очень далекъ отъ желательной ясности.

Онъ разбивается на четыре части, въ своемъ цѣломъ, его исчерпывающія.

1. Что такое страхъ, какъ явленіе психологическое.
2. Гдѣ искать источникъ его происхожденія.
3. Какими физиологическими явленіями эмоція страха сопровождается и, наконецъ,
4. Какъ объяснить, что чувство страха у животныхъ и чело-вѣка, доведенное до крайнихъ предѣловъ напряженія, влечетъ за собой въ моменты жизни, требующіе всего запаса психическихъ и физическихъ силъ, — полную прострацію, или рядъ бесполезныхъ и лишенныхъ всякаго смысла движеній.

Что касается до перваго изъ этихъ вопросовъ, то въ немъ еще много гипотетичнаго и потому я ограничусь здѣсь приведеніемъ мнѣній Ланге и Сержи, какъ наиболѣе компетентныхъ ученыхъ.

По мнѣнію Ланге, процессы въ человѣческомъ тѣлѣ, являющіеся непосредственными антицедентами эмоціональныхъ состояній, распадаются на двѣ категоріи: реакціи мышечныя и вазомоторныя. Онѣ измѣняютъ состояніе нервныхъ центровъ, обуславливаютъ всѣ остальные и даже опредѣляютъ большую часть же-

лезистыхъ и секреторныхъ реакцій, которыя въ извѣстныхъ случаяхъ присоединяются къ реакціямъ, имѣющимъ своей основой мышцы и сосуды. Истинная причина этихъ самотическихъ явленій, составляющихъ эмоцію, лежитъ въ возбужденіи центровъ головного мозга, въ зависимости отъ котораго стоитъ вазомоторная иннервація.

Итакъ, реакціи мышечныя и вазомоторныя, вызванныя соответствующими центрами головного мозга, со всѣми тѣми послѣдствіями, которыя онѣ влекутъ за собою въ организмѣ, и составляютъ эмоцію, которой характеръ и свойство опредѣляются характеромъ и свойствомъ самыхъ реакцій.

Сержи думаетъ, что эмоція страха есть не что иное, какъ сознание того возбужденія въ жизненныхъ и особенно дыхательныхъ и сердечныхъ функціяхъ, которыя имѣютъ своимъ источникомъ периферическіе нервы или центры головного мозга.

Въ другомъ мѣстѣ (*La Psychologie physiologique*) авторъ пишетъ, что эмоціи, которыя вызваны какимъ-нибудь образомъ или идеей, производятся тѣмъ же механизмомъ, какъ и страданіе (и удовольствіе), получившее начало отъ периферической нервной системы; онѣ имѣютъ ту же защитительную функцію, какъ и физическія страданія (и физическое удовольствіе). Каждая изъ такихъ эмоцій образуетъ то, что авторъ называетъ *психическимъ организмомъ*. Интересно, что эти эмоціонныя реакціи авторъ считаетъ аналогичными реакціямъ инстинктивнымъ; первыя, какъ и послѣднія являются результатомъ органическихъ и соціальныхъ условий, какъ они были утверждены въ борьбѣ за существованіе.

По вопросу объ источникѣ страха укажу на мнѣніе Рибо.

Психологія боязни, говоритъ ученый, заключаетъ въ себѣ два различныхъ момента, подлежащихъ изученію. Существуетъ боязнь первичная, инстинктивная, бессознательная, предшествующая всякому индивидуальному опыту, и боязнь вторичная, сознательная, разумная, являющаяся продуктомъ опыта.

Вполнѣ присоединяясь къ этому тезису, я не могу признать справедливой ту часть аргументаціи автора, которая касается происхожденія бессознательнаго страха.

Его утвержденіе о томъ, что «сознательная боязнь встрѣчается чаще бессознательной», справедливо для человѣка. У животныхъ въ подавляющей массѣ случаевъ мы наблюдаемъ боязнь унаслѣ-

дованную, прирожденную и отъ индивидуальнаго опыта зависящую у немногихъ.

Признавая существованіе такой унаслѣдованной боязи, Рибо доказываетъ это однако способомъ, который не столько убѣждаетъ читателя въ справедливости этого положенія, сколько разубѣждаетъ его въ этомъ.

Такъ авторъ ссылается на опыты Спальдинга и Прейера, которыми будто бы устанавливается прирожденная боязнь соколовъ цыплятами, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, какъ это съ полною убѣдительною доказалъ Морганъ: цыпленокъ опытнымъ путемъ (наблюденія и указанія старыхъ птицъ), не познакомившись съ соколомъ, его не боится, и инстинктивно боится всякаго быстро движущагося въ воздухѣ предмета.

Рибо полагаетъ далѣе, что взрослый человѣкъ, хотя его боязнь приобрѣтена опытомъ, проявляетъ иногда (въ особенности невѣжды и первобытные люди) неопредѣленную, бессознательную боязнь неизвѣстнаго, темноты, таинственныхъ силъ, порчи, колдовства, магіи и т. д.

Другими словами, что такой страхъ къ темной комнатѣ и таинственнымъ силамъ *унаслѣдованъ*, тогда какъ онъ всегда только благоприобрѣтенъ и ничего инстинктивнаго въ себѣ не заключаетъ.

Далѣе Рибо, вслѣдъ за Прейеромъ, Дарвиномъ и Спенсеромъ повторяетъ ихъ ошибочное толкованіе о развитіи инстинктивнаго страха у островныхъ птицъ, и присовокупляетъ къ сказанному, что это положеніе «отвергается тѣми, которые не допускаютъ наследственной передачи приобрѣтенныхъ качествъ; но они не предлагаютъ вмѣсто этого чего-либо болѣе удовлетворительнаго».

Утвержденіе это обнаруживаетъ крупныя и коренныя различія во взглядахъ Рибо на инстинктъ со сторонниками новой школы ученыхъ сравнительной психологіи.

Извѣстно, что птицы острововъ, никогда не видавшія человѣка, сначала его не боятся, а потомъ инстинктивно его избѣгаютъ.

Дарвинъ такъ объясняетъ это явленіе: обдуманная дѣйствія, которыми онъ считаетъ первыя попытки дикихъ птицъ избѣгать человѣка, «будучи повторяемы нѣсколькими поколѣніями, превращаются, наконецъ, изъ привычки въ инстинктъ».

Вейсманъ, который, принимая вслѣдъ за Дарвиномъ, что островныя птицы сначала не боятся человѣка, а потомъ инстинктивно его избѣгаютъ, даетъ этому факту иное объясненіе, чѣмъ Дарвинъ. Онъ полагаетъ, что между птицами, о которыхъ идетъ рѣчь, существовали особи, отъ природы одаренныя различною степенью пугливости.

Съ появленіемъ человѣка начинается истребленіе птицъ, при чемъ менѣе пугливыя отъ природы истребляются съ большею успѣшностью, а болѣе пугливыя оставляютъ потомство. Другими словами, указываемый Дарвиномъ фактъ объясняется отнюдь не образованіемъ съ появленіемъ человѣка новаго инстинкта у дикихъ островныхъ птицъ путемъ разумной дѣятельности, подражанія и передачей по наслѣдству благопріобрѣтеннаго, а просто переживаніемъ особей, наиболѣе одаренныхъ чувствомъ осторожности.

Возрѣніе Вейсмана, вытекаая непосредственно изъ ученія Дарвина о естественномъ подборѣ и борьбѣ за существованіе, ни въ одномъ моментѣ не нуждается въ предположеніяхъ субъективнаго характера и въ догадкахъ, ни на чемъ не основанныхъ. Что птицы одного вида, равно какъ и представители всякаго другого вида животныхъ, обладаютъ не тождественными психологическими способностями, это признаетъ и Дарвинъ; это доказывается и безчисленнымъ количествомъ фактовъ, изученныхъ методомъ объективнымъ. Что такія уклоненія и особенности наслѣдственны, объ этомъ было сказано выше.

Дѣло такимъ образомъ оказывается совершенно простымъ: инстинктъ островныхъ птицъ измѣняется согласно тѣмъ самымъ законамъ, которые Дарвинъ положилъ въ основу своего ученія о генезисѣ той части инстинктовъ, которые Роменсъ называетъ первичными, и не нуждается ни въ какихъ дополнительныхъ соображеніяхъ.

Въ иныхъ условіяхъ оказывается вопросъ, если мы признаемъ инстинкты островныхъ птицъ редукаціей разумныхъ дѣйствій. Такое признаніе обязывало бы насъ допустить, во-1-хъ, что тѣ немногія островныя птицы, которыя выказывали недовѣріе къ человѣку, поступали обдуманно, и что такія обдуманная дѣйствія перешли у нихъ въ привычку; во-2-хъ, что привычка эта оказалась одною изъ тѣхъ, которыя наслѣдуются (Дарвинъ считаетъ не всѣ привычки способными передаваться по наслѣдству),

и, наконецъ, въ-3-хъ, что онѣ, передаваясь изъ поколѣнія въ поколѣніе, превратились въ инстинктъ.

Такимъ образомъ, для того, чтобы объяснить измѣненіе инстинкта островныхъ птицъ этимъ послѣднимъ путемъ, потребовалось три положенія, изъ которыхъ ни одно не можетъ считаться установленнымъ строго-научно.

Я полагаю въ виду сказаннаго, что приводимый Дарвиномъ примѣръ доказываетъ прежде всего, что въ изысканіи другого способа возникновенія инстинктовъ, кромѣ указаннаго имъ для группы первичныхъ инстинктовъ, нѣтъ надобности, и что Рибо дѣлаетъ другую ошибку, утверждая, что взамѣнъ возрѣній Дарвина, на которыя ссылается, не предложено ничего болѣе удовлетворительнаго.

Такимъ образомъ, будучи правымъ въ томъ, что необходимо различать боязнъ инстинктивную отъ сознательной, Рибо въ сущности очень далекъ отъ выясненія значенія этой теоріи, такъ какъ самое представленіе объ инстинктивномъ страхѣ и его генезисѣ имъ устанавливается невѣрно.

Впрочемъ, онъ и самъ это чувствуетъ и, приведя рядъ соображеній о томъ, какъ могло возникнуть инстинктивное чувство страха, заключаетъ свое разсужденіе слѣдующими словами: этотъ вопросъ о происхожденіи можетъ быть оставленъ въ сторонѣ экспериментальной психологіей, не считающей себя въ этомъ компетентной.

Что касается до источника *страха сознательнаго*, то по этому пункту мы имѣемъ слѣдующее:

«Попытки первыхъ сторонниковъ ассоціаціи идей, пишетъ Рибо, которые пытались объяснить явленіе боязни ассоціаціей (Джемсъ Милль, опредѣлялъ ее, какъ идею тягостнаго ощущенія, ассоциированнаго съ идеей его будущаго воспроизведенія), были напрасны, ибо онѣ исключали существенный факторъ—элементъ чувствованій, органическое потрясеніе. Боятся извлеченія зуба, по ихъ мнѣнію, можно только тогда, когда воспроизводится воспоминаніе предшествовавшей операциі, хотя бы въ слабой формѣ со всѣмъ ея болѣзненнымъ тономъ. Если же сохранилось одно голое воспоминаніе безъ физиологическаго резонанса, то боязнъ не возродится».

Рибо находитъ эту точку зрѣнія авторовъ очень односторонней и не соотвѣтствующей истинѣ.

Извѣстны случаи, говоритъ онъ, когда люди несравненно сильнѣ боялись извлечь зубъ въ первый разъ, *до опыта*, чѣмъ во второй, послѣ опыта. Боялись именно вслѣдствіе идеи о тягостномъ ощущеніи, которое имъ придется испытать отъ ожидающей ихъ операциі. Элементъ чувствованія стоитъ на второмъ планѣ, если только стоитъ, что весьма сомнительно для многаго множества случаевъ страха.

Не вдаваясь въ разсмотрѣніе соображеній, которыми аргументируются указанныя точки зрѣнія, я ограничусь указаніями на то, во 1-хъ, что положеніе, по которому страхъ можетъ быть безсознательнымъ, инстинктивнымъ. Установлено въ такой же степени прочно, какъ и положеніе о томъ, что всякій страхъ, какъ безсознательный, такъ и сознательный, представляетъ психологическое состояніе, которое слагается изъ возбужденія соотвѣтствующихъ центровъ головного мозга и стоящей въ зависимости отъ нихъ вазомоторной иннервациі. Далѣе, во 2-хъ, что если справедливы соображенія, по которымъ сознательное чувство страха можетъ быть слѣдствіемъ *идеи*, независимо отъ чувствованія, которое идеѣ можетъ и не предшествовать, то нѣтъ основанія отрицать въ этой эмоціи и значенія ассоціацій.

Такъ какъ для нашей цѣли нѣтъ надобности останавливаться далѣе на этой сторонѣ вопроса, то мы перейдемъ теперь къ третьему изъ четырехъ выше намѣченныхъ пунктовъ, т.-е. къ фізіологическимъ процессамъ, совершающимся у высшихъ животныхъ, переживающихъ эмоцію страха.

Систематическія наблюденія въ этой области впервые были сдѣланы Дарвиномъ.

Въ своей книгѣ «О выраженіи ощущеній у человѣка и животныхъ» ученый не только указалъ фізіологическія проявленія страха, главнымъ образомъ у человѣка, но сдѣлалъ попытку и къ выясненію этихъ проявленій.

Вотъ тѣ изъ этихъ проявленій, которыя имѣютъ къ предмету нашего разсмотрѣнія ближайшее отношеніе. Рѣчь идетъ о человѣкѣ.

Волосы на кожѣ становятся дыбомъ и поверхностныя мышцы дрожать. Отъ разстроенной дѣятельности сердца дыханіе учащается. Слюнныя железы дѣйствуютъ несовершенно, ротъ высыхаетъ, и человѣкъ непрерывно то открываетъ, то закрываетъ его. Одинъ изъ лучшихъ симптомовъ есть, конечно, дрожаніе

всѣхъ мышцъ тѣла, и это часто прежде всего можно замѣтить на губахъ.

По мѣрѣ того, какъ страхъ доходитъ до крайняго ужаса, онъ производитъ на насъ, подобно всѣмъ сильнымъ ощущеніямъ, весьма различное вліяніе. Сердце бьется дико, или дѣятельность его можетъ быть такъ ослаблена, что наступаетъ обморокъ; лицо покрыто смертельною блѣдностью, дыханіе затруднено; ноздри широко раздуваются; «губы, какъ будто схватываютъ воздухъ и судорожно двигаются, впалыя щеки дрожатъ, въ горлѣ появляются глотающія и удушливыя движенія». Всѣ мышцы тѣла оконченѣваютъ или приходятъ въ судорожное сокращеніе. Пальцы рукъ то сжимаются, то раскрываются; человѣкъ часто ломаетъ ихъ. Руки вытянуты впередъ, какъ будто съ тѣмъ, чтобы отвратить какую-то страшную опасность. Въ другихъ случаяхъ наступаетъ внезапное и непреодолимое стремленіе къ бѣгству.

Когда страхъ дойдетъ до степени крайняго ужаса, раздается ужасный крикъ. На кожѣ появляются большія капли пота, всѣ мышцы тѣла опускаются, вскорѣ наступаетъ полный упадокъ силъ, и умственныя способности перестаютъ дѣйствовать. Вліяніе распространяется и на кишечный каналъ: его запирательныя мышцы ослабляются *).

Къ этому описанію Дарвинъ присовокупляетъ, что страхъ у разныхъ племенъ обнаруживается тѣми же признаками, какъ и у европейцевъ.

Остается послѣдній четвертый пунктъ: какимъ образомъ, сло-

*) Ланге систематизировалъ эти данныя и характеризуетъ фізіологическое проявленіе боязни слѣдующимъ образомъ:

Во-1-хъ, относительно иннерваціи мускуловъ воли: болѣе сильное расслабленіе, чѣмъ при печали, конвульсивное дрожаніе, въ крайнихъ случаяхъ уничтоженіе всякаго движенія: чувствуешь себя точно пригвожденнымъ къ мѣсту; охрипшій и разбитый голосъ, или полное онѣмѣніе; словомъ, болѣе или менѣе замѣтный параличъ произвольнаго двигательнаго аппарата.

Во-2-хъ, относительно мускуловъ органической жизни: задержка молочныхъ секретій, менструацій, слюнныхъ секретій, сухость во рту, прилипаніе языка къ небу, холодный потъ, гусиная кожа, волосы становятся дыбомъ, задержка дыханія, стѣсненіе, сдавленіе въ глоткѣ. Боязнь также оказываетъ очень замѣтныя вліянія на кишечныя секретіи.

Во-3-хъ, относительно вазомоторнаго аппарата: спазматическое сокращеніе сосудовъ, дрожь, сильныя сердечныя удары и, если впечатлѣніе было сильно, параличъ, могущій причинить смерть, блѣдность и периферическую анемію.

жилая вредная для животныхъ и человѣка въ борьбѣ за существованіе особенность, благодаря которой они въ наиболѣе рѣшительные моменты жизни, когда имъ необходимъ весь запасъ ихъ психическихъ и физическихъ силъ, оказываются либо парализованными, либо примѣняютъ ихъ способами, при которыхъ изъ нихъ ничего для своей пользы извлечь не могутъ.

Правда, Мантегацца утверждаетъ, что трепетъ очень полезенъ, ибо вызываетъ теплоту и согрѣваетъ кровь, которая подъ вліяніемъ страха остываетъ; но Массо съ большою убѣдительностью доказываетъ несправедливость этого положенія и считаетъ «катаплекцію», которой сопровождаются крайнія формы боязни, очень серьезнымъ несовершенствомъ организма. «Можно бы сказать, что природа для созданія головного и спинного мозга не могла скомбинировать очень легко возбудимую субстанцію, которая въ то же время была бы способна переступить въ своихъ реакціяхъ границы, полезныя для сохраненія животнаго», говоритъ ученый. Въ общемъ, онъ считаетъ ужасъ и страхъ болѣзненными явленіями.

Рибо полагаетъ, что основы боязни существуютъ въ организмѣ, что онѣ составляютъ часть конституціи человѣка и животнаго и что путемъ полезнаго въ большинствѣ случаевъ приспособленія помогаютъ въ жизни. Что же касается темнаго механизма этой инстинктивной боязни, то можно предположить, что нѣкоторыя ощущенія вызываютъ болѣзненные потрясенія, возбуждающія органическія, двигательныя, вазомоторныя реакціи, составляющія эмоцію; что инстинктъ самосохраненія, съ цѣлью избѣжать дѣйствительнаго страданія, реагируетъ слѣпо, не всегда съ успѣхомъ, что дѣлаетъ нѣкоторыя формы прирожденной боязни необъяснимыми для разума.

Я полагаю, однако, что лучшее изъ соображеній, объясняющихъ данныя явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, принадлежитъ все же Дарвину.

Одни изъ нихъ, говоритъ ученый, можно объяснить на основаніи начала привычки, ассоціаціи и наслѣдственности, какъ-то: широкое раскрываніе рта и глазъ съ приподнятыми бровями, что бы какъ можно быстрѣе обозрѣть все кругомъ и повнимательнѣе разслышать всякій звукъ, доходящій до нашего уха. Движенія эти тѣ же самыя, которыя употребляются нами для открытія и отраженія грозящей опасности. Нѣкоторые изъ другихъ призна-

ковъ страха можно тоже, по крайней мѣрѣ отчасти, объяснить на основаніи тѣхъ же началъ. Люди въ теченіе безчисленнаго ряда поколѣній старались спастись отъ своихъ враговъ бѣгствомъ сломя голову или жестокою борьбою съ ними, а всѣ подобныя энергическія усилія заставляли сердце биться быстрее, ускоряли дыханіе, при чемъ грудь расширялась и ноздри раздувались. Такъ какъ эти усилія продолжались иногда до послѣдней крайности, то конечнымъ результатомъ ихъ являлись полный упадокъ силъ, блѣдность, потъ, дрожаніе всѣхъ мышцъ и совершенное ослабленіе ихъ. И въ настоящее время, какъ только мы сильно почувствуемъ ощущеніе страха, хотя бы онъ даже и не вызывалъ насъ къ дѣятельности, то по силѣ ассоціаціи и наслѣдственности мы непроизвольно стремимся произвести тѣ же движенія.

Тѣмъ не менѣе, полагаетъ Дарвинъ, весьма вѣроятно, что многіе или даже большинство симптомовъ ужаса, какъ, наприкладъ, бѣненіе сердца, трепетаніе мышцъ, холодный потъ и т. д., въ значительной степени зависятъ отъ нарушенія или расстройства въ передачѣ нервной силы черепоспинной системы въ различныя части тѣла, вслѣдствіе потрясенія, нанесеннаго нашему уму страхомъ. Мы можемъ съ достовѣрностью считать такое потрясеніе, независимо отъ привычки и ассоціаціи, за причину измѣненнаго отдѣленія пищеварительнаго канала и остановки выдѣленій нѣкоторыхъ железъ. Что касается непроизвольнаго ошестиниванія волосъ, то мы имѣемъ достаточно причинъ принимать, что у животныхъ, какимъ бы образомъ привычка эта ни зародилась, она служитъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими произвольными движеніями, для того, чтобы показаться страшнѣе въ глазахъ враговъ; а такъ какъ тѣ же произвольныя и непроизвольныя движенія совершаются животными близко сродными человѣку, то мы приходимъ къ заключенію, что человѣкъ удержалъ, въ силу наслѣдственности, остатки такой привычки, которая совершенно бесполезна для него въ настоящее время.

Таковы объясненія явленій, о которыхъ идетъ рѣчь, Ч. Дарвина. Къ нимъ считаю нужнымъ присоединить слѣдующее.

Что касается до безпозвоночныхъ, то прежде всего необходимо имѣть въ виду, что страха, какъ явленія психическаго, сознательнаго, т.-е. сопровождающагося опредѣленнымъ представленіемъ предмета, служащаго его источникомъ, у нихъ не существуетъ, а стало быть, не существуетъ и движеній, которыми бы онъ вы-

ражался; еще того менѣ такихъ, которыя представлялись бы бессмысленными, не цѣлесообразными. То что у этихъ животныхъ описывается какъ страхъ, есть не болѣе какъ проявленіе приспособительныхъ дѣйствій по отношенію къ извѣстнымъ опасностямъ. Кстати скажу, что даже Роменсъ не отмѣчаетъ его, хотя въ своей книгѣ объ умѣ животныхъ надѣляется безпозвоночныхъ (особенно муравьевъ) почти всѣми извѣстными для человѣка чувствами и способностями, кромѣ страха. Далѣе, эти данныя удостовѣряютъ, что продолжительная, необычная и чрезмѣрно-напряженная дѣятельность безпозвоночныхъ животныхъ очень скоро приводитъ ихъ къ полному расслабленію и производству такихъ же беспорядочныхъ и бессмысленныхъ движеній, которыя мы видимъ при физическихъ страданіяхъ, тогда какъ источникъ ихъ ничего общаго съ этими послѣдними не имѣетъ.

Г л а в а III.

Въ первой главѣ настоящей статьи были указаны явленія, стояція въ связи съ физическими страданіями; во второй—явленія, стояція въ связи съ эмоціей страха. Намъ остается изъ сопоставленія той и другой категоріи явленій сдѣлать нѣкоторыя общія заключенія на почвѣ ихъ взаимоотношеній.

На низшей ступени животной жизни мы, повидимому, не встрѣчаемъ физическихъ страданій, не встрѣчаемъ и чувства страха.

На дальнѣйшихъ ступеняхъ развитія мы встрѣчаемся съ явленіемъ болевыхъ ощущеній, которыя первоначально поразительно скоропроходящи; у суставчатоногихъ, на примѣръ, продолжаются отъ 3—10 минутъ, по истеченіи которыхъ вполнѣ исчезаютъ.

Движенія, которыми сопровождаются физическія страданія, представляютъ собою совершенно очевидныя приспособительныя цѣлесообразныя движенія защиты. Въ крайнихъ предѣлахъ интенсивности они переходятъ въ судорожныя сокращенія, напоминающія параличное состояніе; съ другой стороны, быстрый упадокъ силъ, слѣдующій за усиленнымъ напряженіемъ и дѣятельностью животного, влечетъ за собою дрожаніе тѣла, которое представляетъ собою укороченные до *minimum*'а (и въ пространствѣ, и во времени) цѣлесообразныя движенія защиты.

Чувство страха у этихъ животныхъ, если и можетъ быть допущено, что болѣе чѣмъ сомнительно, не имѣетъ никакой

связи и никакого отношенія къ чувству страданія, ибо оно, во-1-хъ, бываетъ независимо отъ наблюдений и опыта, являясь инстинктивнымъ, и, во-2-хъ, не сопровождается представленіемъ тѣхъ страданій, которыя животному предстоитъ испытать. Наблюдения надъ жизнью суставчатоногихъ удостовѣряютъ только наличность у нихъ осторожности по отношенію къ предметамъ быстро двигающимся и большого размѣра, и то не у всѣхъ.

Слѣдующая ступень въ эволюціи этихъ чувствованій у животныхъ позвоночныхъ представляетъ собою наличность чувства страданій; у высшихъ изъ нихъ это чувство, принимая во вниманіе строеніе нервной системы, близко къ тому, которое испытываетъ человѣкъ; но эти чувства рѣдко бываютъ сознательными и никогда не бываютъ слѣдствіемъ идеи.

Чувство страха у высшихъ позвоночныхъ животныхъ является совершенно очевидно связаннымъ съ представленіями; а сопровождающія его движенія суть приспособительные инстинкты, направленные къ устраненію опасности, хотя не всегда легко въ этомъ смыслѣ различимыя.

Наконецъ, человѣкъ является существомъ, способнымъ испытывать чувство физической боли отъ созданныхъ его собственной мыслью образовъ и представленій, бояться этихъ образовъ и представленій, какъ предметовъ реальныхъ, переживая физическія страданія, которыя онъ работою той же мысли приурочилъ къ ожидающей его возможности.

Въ этой способности созидать новыя области и новые источники страданій и его сила, и его слабость. Сила постольку, поскольку источниками этихъ страданій являются все ширящіеся предѣлы любви къ человѣку и человечеству, а съ этимъ вмѣстѣ, и вслѣдствіи этого, стремленіе устранить, или, по крайней мѣрѣ, облегчить страданія. Слабость постольку, поскольку источникомъ страданія является невѣжество.

Остается сказать, что въ то время, какъ страданіе невѣжества, всегда сопровождающееся чувствомъ страха, иногда безконечно мучительнаго, является безнадежнымъ; чувство страданія первой категоріи облегчается вѣрой въ конечное торжество добра; и вѣра эта тѣмъ сильнѣе подавляетъ чувство страха, чѣмъ она глубже, чѣмъ опредѣленнѣе руководящая идея и яснѣе путеводная мысль.

Владимиръ Вагнеръ.

О взаимной связи душевных свойств и способах ее изучения *).

I.

Современная психологія, если взять ее въ цѣломъ, со всѣми ея развѣтвленіями, вмѣщаетъ въ себѣ весьма значительное количество знаній. Мы обладаемъ весьма тонкими анализами и обстоятельными классификаціями различныхъ психическихъ процессовъ; многіе изъ умственныхъ актовъ уже сдѣлались доступны измѣренію, при чемъ можно измѣрять какъ скорость ихъ, такъ и относительную силу, степень ихъ напряженности; фізіологическая подкладка различныхъ психическихъ явленій выясняется все болѣе и болѣе; изучены многія патологическія ихъ видоизмѣненія; индивидуальная психологія пытается приложить упомянутыя свѣдѣнія къ изученію отдѣльныхъ типовъ, создавая классификаціи характеровъ. Наконецъ, отъ изученія отдѣльнаго взрослого человѣка психологія начинаетъ переходить къ изученію народовъ, толпы, дѣтей, даже животныхъ. Но отчего вся эта сумма знаній, чрезвычайно цѣнныхъ, добытыхъ съ такими усиліями, все-таки остается въ значительномъ большинствѣ случаевъ совершенно отвлеченной и очень мало приложимой къ жизни? Наиболѣе близко къ дѣйствительной жизни, со всѣмъ ея разнообразіемъ, стоитъ индивидуальная **) психологія; предоставляя общей

*) Докладъ, читанный въ Спб. Философскомъ Обществѣ 2 марта 1900 г.

**) Подъ этимъ терминомъ, еще не вошедшимъ во всеобщее употребленіе, но уже довольно часто встрѣчающимся въ иностранной литературѣ, мы будемъ подразумѣвать психологію отдѣльныхъ личностей въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова; сюда войдутъ не только изученіе различныхъ характеровъ и темпераментовъ, но также и изученіе характерныхъ признаковъ,

психологии заниматься такими вопросами, какъ вопросъ о познаниі, о природѣ чувствованій, объ ассоціаціи идей, она посвящаетъ себя исключительно разсмотрѣнію конкретныхъ, сложныхъ явленій психической жизни, изучая отдѣльныя личности и типы. Казалось бы, здѣсь должны быть детально выработаны методы того, какъ изучать душевную жизнь каждаго отдѣльнаго человѣка, какъ сравнивать между собой и группировать полученные наблюденія; какъ, наконецъ, объяснить и связать между собой отдѣльныя черты, замѣченныя нами у наблюдаемаго субъекта. На дѣлѣ это далеко не такъ. Индивидуальная психология даетъ намъ нѣсколько классификацій характеровъ, болѣе или менѣе похожихъ одна на другую; всѣ онѣ замѣчены лишь въ самыхъ общихъ чертахъ и представляются очень мало пригодными для того, кто захотѣлъ бы, пользуясь ими, наблюдать людей вокругъ себя. Не даромъ эти классификаціи не нашли себѣ примѣненія даже въ наукахъ, родственныхъ психологии, какъ педагогика и психіатрія; не даромъ лучшей школой для изученія характеровъ и до сихъ поръ является чтеніе произведеній беллетристовъ, какъ Л. Толстой, Достоевскій, Шекспиръ и др. И все это, несмотря на то, что классификаціи характеровъ вышли изъ пера такихъ талантливыхъ авторовъ какъ: А. Bain, *) Th. Ribot, **) А. Fouillée ***) Paulhan ****), В. Perez *****).

Намъ кажется, столь слабый сравнительно успѣхъ зависитъ оттого, что большинство упомянутыхъ авторовъ, при составленіи своихъ классификацій, шли почти исключительно дедуктивнымъ путемъ. Они брали важнѣйшія стороны душевной дѣятельности (напр., умъ, чувство и волю) и сообразно этому дѣлили людей на группы, смотря по преобладанію въ нихъ того или иного качества. Такъ, Ribot дѣлитъ людей на чувствительныхъ (эмоціональныхъ), активныхъ и апатичныхъ (съ преоблада-

особенностей, отличающихъ даннаго человѣка или данный типъ отъ всѣхъ остальныхъ; сюда же въ значительной степени должно быть отнесено и изслѣдованіе тѣхъ причинъ, тѣхъ внѣшнихъ условий, которыя такъ или иначе вліяютъ на образованіе психической личности, формируя ее въ томъ или иномъ направленіи.

*) Bain. Объ изученіи характера. Переводъ съ англійскаго. Спб., 1866.

**) Th Ribot. Les diverses formes du caractère. Revue philosoph. vol. XXXIV.

***) Fouillée. Tempérament et caractère. Paris, 1895.

****) Fr. Paulhan. Les caractères. Paris, 1894.

*****) В. Perez. Le caractère de l'enfant à l'homme. Paris, 1892.

ніемъ умственной дѣятельности); такъ какъ уже a priori очевидно, что у одного человѣка могутъ встрѣтиться два основныхъ качества въ одинаковой степени развитія, то и въ классификаціи Ribot мы встрѣчаемъ «сложные» типы: чувствительно-дѣятельные, апатично-активные и т. д. Fouillée—также дѣлитъ людей на *sensitifs, intellectuels et volontiers*. В. Perez—кладетъ въ основаніе дѣленія различіе въ двигательныхъ проявленіяхъ личностей—быстроту, медленность и энергію движеній и соотвѣтственно этому различаетъ характеры: живые, пылкіе и медленные, а также смѣшанные: *vifs—arolents* и *lents—arolents*. Та же апіористичность при составленіи классификацій свойственна почти всѣмъ крупнымъ работамъ по индивидуальной психологіи *).

Такимъ образомъ трудъ несомнѣнно облегчается; авторъ сразу получаетъ то, что должно было бы явиться только конечнымъ выводомъ изъ большого числа наблюденій, послѣ продолжительной кропотливой подготовительной работы. Но зато классификація его страдаетъ общими недостатками большинства системъ, созданныхъ исключительно дедуктивнымъ путемъ: она чересчуръ схематична, во многомъ не согласуется съ дѣйствительностью и поэтому очень мало приложима къ жизни; наконецъ, она сразу является уже совершенно законченной и недоступной измѣненіямъ: новый изслѣдователь долженъ либо принимать ее цѣликомъ, либо совершенно отвергать и создавать свою новую. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Въ результатѣ мы имѣемъ рядъ системъ, изъ которыхъ можемъ выбрать любую; зато совсѣмъ нѣтъ того, что можно видѣть въ точныхъ наукахъ, гдѣ работа каждаго послѣдующаго автора служитъ провѣркой или же непосредственнымъ продолженіемъ и дальнѣйшей разработкой трудовъ предыдущаго; между тѣмъ безъ этого послѣдняго условія прогрессъ науки положительно не возможенъ.

Но существуетъ ли вообще для индивидуальной психологіи какой-нибудь другой путь? Другими словами, возможно ли здѣсь примѣнить во всей полнотѣ объективное наблюденіе и индукцію, благодаря которымъ достигнуты такіе богатые результаты въ другихъ, родственныхъ психологіи наукахъ, хотя бы, напр., въ психіатріи?

*) См. по этому поводу нашу статью: «Современное состояніе индивидуальной психологіи». «Обозр. Психіатр. за 1897 г.».

На основаніи наблюденій нѣкоторыхъ авторовъ (Prayer, Perez и др.), а также отчасти и своихъ собственныхъ, мы думаемъ, что такой методъ изслѣдованія не только вполне примѣнимъ въ индивидуальной психологіи, но можетъ казаться полезнымъ даже и для общей психологіи, способствуя выясненію весьма важнаго вопроса о взаимной связи душевныхъ явленій.

Посмотримъ, какъ ведется наблюденіе въ точныхъ наукахъ.

Когда клиницистъ приступаетъ къ изученію какой-нибудь группы болѣзней, то онъ прежде всего собираетъ возможно большее количество подходящихъ больныхъ. Затѣмъ онъ изслѣдуетъ каждого отдѣльнаго больного самымъ тщательнымъ образомъ и притомъ всего, съ головы до ногъ, отмѣчая не только тѣ симптомы, которые ему кажутся важными, но и самыя мелкія подробности.

При этомъ изслѣдованіе непременно производится по опредѣленному, заранее выработанному плану, безъ котораго невозможно сравненіе отдѣльныхъ случаевъ и дальнѣйшая группировка собраннаго матеріала: такъ, вначалѣ изслѣдуются общіе покровы, затѣмъ кости, мышечная система, органы грудной и брюшной полости, нервная система и т. д.

Когда такимъ образомъ всѣ больные будутъ изслѣдованы и получится рядъ подробныхъ исторій болѣзни, то остается только разбираться въ полученномъ матеріалѣ, сличать отдѣльныя исторіи и группировать похожіе другъ на друга случаи. Подобнымъ путемъ должна идти и психологія, по крайней мѣрѣ индивидуальная.

Необходимо на основаніи уже имѣющихся данныхъ составить по возможности подробный списокъ всѣхъ извѣстныхъ намъ душевныхъ свойствъ *) чловѣка, который и будетъ служить про-

*) Во избѣжаніе недоразумѣній здѣсь необходимо сдѣлать одну очень важную оговорку.

Говоря о душевныхъ „свойствахъ“ или „качествахъ“, мы вовсе не думаемъ возвращаться къ старому, давно всѣми справедливо осужденному ученію о „способностяхъ“, когда отдѣльныя, часто весьма сложныя сочетанія психическихъ явленій (напр., любовь къ дѣтямъ, благоговѣніе и т. д.) разсматривались, какъ совершенно самостоятельные элементы психической жизни. Для насъ же, при наблюденіи отдѣльныхъ людей, важно отмѣтить у каждаго изъ нихъ присутствіе именно тѣхъ элементовъ, изъ сочетанія которыхъ складывается его индивидуальная личность. Такимъ образомъ планъ изслѣдованія долженъ состоять изъ простѣйшихъ элементарныхъ психическихъ актовъ или

граммой для изслѣдованія; затѣмъ, выбравши подходящихъ для наблюденія объектовъ, изучить психическую сферу каждаго изъ нихъ во всѣхъ подробностяхъ, стараясь отвѣтить такъ или иначе на каждый вопросъ программы.

Такимъ образомъ получится цѣлый рядъ подробныхъ характеристикъ, составленныхъ по общему плану и легко доступныхъ сравненію. Этому-то пути и старались придерживаться мы въ своихъ наблюденіяхъ. Прежде чѣмъ приступить къ наблюденіямъ, мы долго искали въ психологической литературѣ чего-нибудь похожего на подобную программу изслѣдованія; но ничего не нашли. Въ книгѣ В. Perez'a *) есть нѣсколько обстоятельныхъ характеристикъ, но онѣ составлены почти безъ всякаго плана и служатъ скорѣе иллюстраціей къ его классификаціи характеровъ, чѣмъ матеріаломъ годнымъ для обобщеній. Психіатры давно уже составили себѣ подобныя схемы для наблюденій, и почти въ каждомъ учебникѣ по психіатріи можно найти планъ изслѣдованія психической сферы, предлагаемой авторомъ; но, во-первыхъ, всѣ эти перечни слишкомъ коротки, элементарны, и, во-вторыхъ, первенствующее мѣсто у нихъ занимаютъ чисто патологическіе признаки, какъ галлюцинаціи, бредъ, разстройство сознанія и т. п.; остальнымъ же сторонамъ душевной жизни, какъ менте важнымъ для діагноза, отводится сравнительно небольшое мѣсто. Такимъ же точно образомъ и педагоги въ своихъ характеристикахъ обращаютъ вниманіе почти исключительно на такія качества, какъ послушаніе, правдивость, прилежаніе, память, почти игнорируя все остальное.

Пришлось намъ самимъ взяться за составленіе подобнаго пла-

явленій. Но наблюдая людей, мы видимъ, что у одного изъ нихъ особенно часто и съ особенною силою возникаетъ и наблюдается, напримѣръ, явленіе ассоціаціи по сходству; у другого большинство полученныхъ впечатлѣній доходитъ до сознанія, тогда какъ у третьяго явленіе апперцепціи сознательнаго воспріятія можно наблюдать гораздо рѣже и т. д. Вотъ эту-то присущую каждому человѣку склонность къ проявленію именно тѣхъ, а не иныхъ психическихъ актовъ, мы и будемъ называть душевными свойствами даннаго человѣка.

Такимъ образомъ, душевныхъ свойствъ у человѣка будетъ столько же, сколько психическихъ актовъ доступно ему; кромѣ того, какъ психическія явленія бывають весьма различны по своей сложности, такъ и „душевные качества“ могутъ быть простыми или сложными.

*) В. Perez, loco cit.

на. Сначала мы ограничились тѣмъ, что, воспользовавшись различными классическими трактатами по психологіи, собрали изъ нихъ списокъ всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ психическихъ явленій, свойственныхъ человѣку; въ особенности много можетъ дать въ этомъ отношеніи А. Bain, этотъ тонкій и обстоятельный наблюдатель душевной жизни человѣка. Всего набралось 30—40 рубрикъ. Имѣя въ рукахъ этотъ списокъ, мы попробовали составить съ его помощью характеристики дѣйствующихъ лицъ «Анны Карениной» Л. Н. Толстого и «Преступленія и наказанія» Ф. М. Достоевскаго. Казалось бы, что отмѣчать находженіе того или иного качества у даннаго лица не представитъ никакой трудности. Однако на дѣлѣ это оказалось далеко не такъ легко.

Возникло одно чрезвычайно важное затрудненіе, которое обыкновенно и является камнемъ преткновенія для всѣхъ, желающихъ изучать психическую сферу другихъ людей.

Дѣло въ томъ, что психическія явленія до сего времени, какъ извѣстно, изучались почти исключительно путемъ самонаблюденія. На другихъ людяхъ вы не увидите ни ощущеній, ни чувства радости или печали, ни желаній; вы видите только рядъ поступковъ, движеній, слышите возгласы или разговоры и по всему этому косвеннымъ путемъ, на основаніи прежняго опыта, заключаете о тѣхъ субъективныхъ ощущеніяхъ, которыя испытываетъ объектъ вашего наблюденія.

Такимъ образомъ тотъ способъ наблюденія, о которомъ мы говорили выше, оказывается какъ будто бы совершенно невыполнимымъ: мы наблюдаемъ совсѣмъ не то, что имѣется въ нашей программѣ; только весьма сложнымъ путемъ, посредствомъ умозаключеній и анализа мы приходимъ наконецъ къ возможности предположить у человѣка присутствіе того или иного качества и заполнить такимъ образомъ ту или иную рубрику нашей программы.

Естественно, что тамъ, гдѣ имѣется такой сложный путь, всегда будетъ множество противорѣчій. И дѣйствительно, когда мы перенесли наши наблюденія на живыхъ людей, руководствуясь при этомъ обыкновеннымъ субъективнымъ перечнемъ психическихъ свойствъ и прилагая его непосредственно къ наблюдаемымъ явленіямъ, намъ тотчасъ же пришлось убѣдиться въ томъ, какъ много неопредѣленности во всѣхъ подобныхъ сужденіяхъ, относительно внутренняго, субъективнаго міра другихъ людей:

постоянныя разногласія въ оцѣнкѣ и объясненіи поступковъ, самыя разнорѣчивыя, а иногда и противорѣчивыя предположенія о мотивахъ дѣйствія,—все это совершенно лишало возможности сдѣлать какія-либо научные выводы изъ подобнаго рода наблюдений. И въ этомъ то, по нашему мнѣнію, заключается главная причина того, что научная психологія при столкновеніи съ обыкновенной жизнью сплошь и рядомъ оказывается не въ состояніи не только предсказывать поступки человѣка, но даже и объяснить ихъ. Между тѣмъ обыденный житейскій опытъ, идущій, какъ мы увидимъ ниже, нѣсколько инымъ путемъ, справляется съ этой задачей гораздо успѣшнѣе и очень часто даетъ вѣрныя характеристики и правильныя объясненія поступковъ. Какимъ же образомъ надо производить наблюденія? Какой программой надо руководствоваться? Или, можетъ быть, указанныя препятствія сдѣлають точное, объективное наблюденіе совершенно невозможнымъ?

Намъ кажется, что препятствіе это можно преодолѣть и что достигнуть этого можно двумя способами, весьма впрочемъ близкими другъ другу по своей природѣ. Первый способъ состоитъ въ тщательномъ изученіи внѣшнихъ проявленій каждаго душевнаго свойства въ собираніи діагностическихъ признаковъ (да простятъ мнѣ читатели этотъ медицинскій терминъ), которые всегда съ достовѣрностью указывали бы намъ на тѣ или иные субъективные процессы, происходящіе въ наблюдаемомъ человѣкѣ. Руководящимъ планомъ здѣсь останется тотже чисто субъективный перечень важнѣйшихъ душевныхъ явленій, о которомъ мы говорили выше; но если заранѣе въ точности будутъ изучены внѣшнія проявленія, соотвѣтствующія каждому изъ этихъ душевныхъ свойствъ, то уже не представитъ особыхъ трудностей констатировать присутствіе или отсутствіе даннаго качества въ объектѣ нашего наблюденія.

Я чувствую, что многіе при чтеніи этихъ строкъ недовѣрчиво качаютъ головой; читателю сейчасъ же приходятъ на умъ обычныя возраженія, повторяющіяся рѣшительно всѣми, что человѣкъ можетъ притворяться, утаивать свои мысли, «чужая душа—потемки», что «языкъ данъ человѣку для того, чтобы скрывать свои мысли» и т. д.

Приведемъ выдержку изъ одной статьи покойнаго Н. Я. Грота, гдѣ эти возраженія развиты весьма обстоятельно и со свойствен-

ными автору ясностью и краснорѣчіемъ. «Важнѣ всего то, что человѣкъ, въ большей или меньшей степени развитой, научается не только отчетливо выражать, но и скрывать свои душевныя состоянія—ощущенія, мысли, чувства, эмоціи, стремленія, желанія, намѣренія. Слово, какъ самое важное орудіе выраженія душевныхъ состояній, есть въ то же время лучшее орудіе лжи, притворства, скрытности. *L'art ole la parole*—справедливо замѣчаетъ Даламберъ, *est si près ole l'art olu mensonge*.—«Чужая душа—потемки», если только человѣкъ самъ желаетъ, чтобы она была потемками для окружающихъ. Очевидно, для наблюденія чужой душевной жизни необходимо, чтобы другой человѣкъ добровольно и искренно допустилъ насъ къ этому наблюденію; и тамъ, гдѣ мы наблюдаемъ душевную жизнь другихъ существъ безъ ихъ согласія, тайкомъ, урывками, мы въ состояніи приходимъ только къ догадкамъ и къ самымъ общимъ и приблизительнымъ выводамъ, могущимъ имѣть только практическое, а не теоретическое, т.-е. научное, значеніе. Оттого люди обыкновенно такъ плохо понимаютъ другъ друга, такъ мало знаютъ, такъ невѣрно толкуютъ, приписывая другимъ не тѣ мысли, чувства, мотивы дѣятельности, которые дѣйствительно ихъ одушевляютъ». И далѣе: «Психологическое наблюденіе надъ другими, безъ ихъ участія, по остроумному выраженію Достоевскаго, даетъ въ результатъ «психологію о двухъ концахъ» *). Подобныя же мнѣнія высказываются Wundt'омъ **), Mandsley ***) (даже Maysley!), Тиченеромъ ****) и др.

Изъ приведеннаго ниже протокола веденныхъ нами наблюдений читатель можетъ убѣдиться, что всѣ подобныя опасенія являются въ значительной мѣрѣ преувеличенными и что систематически произведенныя наблюденія могутъ дать намъ ясное представленіе о психической личности даннаго человѣка. Теперь постараемся выяснитъ, поскольку представляющіяся для внѣшняго наблюденія препятствія дѣйствительно непреодолимы.

*) См. стр. XXXII—XXXIII статьи Н. Я. Грота: „Основаніе экспериментальной психологіи“, напечатанной въ видѣ вступленія къ русскому переводу „Очерковъ психологіи“ В. Вундта.

**) Wundt. *Hypnotismus und Suggestion*. Leipzig, 1892. p. 83—84.

***) Mandsley. *Физиологія и патологія души*. Перев. съ англ. И. Исаина. Спб., 1871 г. Стр. 7—8.

****) Тиченеръ. *Очерки психологіи*. Перев. съ англ. 1898 г., стр. 98.

1) Когда стараются показать, какъ трудно по внѣшнимъ признакамъ угадывать психическія явленія, происходящія въ человѣкѣ, то въ доказательство обыкновенно приводятъ какое-нибудь весьма сложное и запутанное происшествіе изъ жизни человѣка и побѣдоносно указываютъ на чрезвычайную трудность разобратъся въ мотивахъ, которые руководили поступками человѣка въ это время; такъ одинъ изъ моихъ знакомыхъ привелъ въ примѣръ испанско-американскую войну и предложилъ мнѣ опредѣлить, которая изъ воюющихъ сторонъ при объявленіи войны руководилась болѣе нравственными побужденіями! Нечего и говорить, что никто не станетъ предлагать такихъ сложныхъ явленій человѣческой жизни въ качествѣ діагностическихъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить о внутренней жизни наблюдаемаго объекта; для этого нужно брать по возможности простые, несложные, часто весьма маловажные, но тѣмъ не менѣе характерные поступки человѣка. Нѣчто подобное мы имѣемъ въ психіатріи: въ то время, какъ психіатръ уже давно по мелкимъ, повидимому незначительнымъ, проявленіямъ опредѣлить, положимъ, начинающуюся хроническую паранюю, публика не обращающая вниманія на эти мелочи, еще долго продолжаетъ считать этого человѣка здоровымъ, пока онъ не убьетъ кого-нибудь, или не сдѣлаетъ какого-нибудь другого экстраординарнаго поступка. Происшествіе это привлечетъ всеобщее вниманіе, и на основаніи подробностей его будутъ судить о характерѣ и душевныхъ способностяхъ убійцы; а такъ какъ очень часто при этомъ можно подыскать и мотивы для совершеннаго убійства, то публика становится втупикъ и не знаетъ, считать ли человѣка преступникомъ или душевно-больнымъ. Такимъ образомъ, разсмотрѣніе одного только факта убійства, даже съ его подробностями, не даетъ намъ возможности опредѣлить, имѣемъ ли мы дѣло съ больнымъ или здоровымъ человѣкомъ. Между тѣмъ никто не подумаетъ на основаніи этого говорить о безполезности и недостовѣрности психіатрическаго наблюденія, такъ какъ упомянутые выше мелкіе, но характерные признаки всегда рѣшатъ вопросъ въ ту или другую сторону.

2) Не слѣдуетъ отождествлять роль психолога - наблюдателя съ ролью сыщика, какъ это неволью дѣлаютъ всѣ, говоряшіе о неточности объективнаго наблюденія въ психологіи. Когда психологъ старается опредѣлить мотивы того или иного поступка,

то это важно для него лишь постольку, поскольку можетъ разъяснить ему характеръ и наклонности наблюдаемаго человѣка; если данный поступокъ слишкомъ сложенъ, такъ что нельзя съ достовѣрностью разобраться въ немъ, то психологъ оставляетъ его и переходитъ къ другимъ, болѣе характернымъ и болѣе легкимъ для анализа. Между тѣмъ для сыщика, какъ и для суда, конечная цѣль состоитъ именно въ томъ, чтобы разъяснить данный, весьма запутанный поступокъ. Когда присяжные рѣшали вопросъ о томъ, убилъ или не убилъ Дмитрій Карамазовъ (см. выше выписку изъ статьи Грота), то характеръ Дмитрія и безъ того былъ уже вполне ясенъ для всѣхъ; для всѣхъ было ясно, что неуравновѣшенный и необузданный въ своихъ порывахъ Дмитрій могъ убить отца, и присяжнымъ предстояло рѣшить вопросъ, имѣющій для психолога уже частное значеніе: произошелъ ли въ данномъ случаѣ фактъ убійства.

То же самое можно сказать и о тѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ скрываетъ тѣ или иныя событія своей жизни; для насъ въ большинствѣ случаевъ не важно знать, что именно онъ скрываетъ, а важно только опредѣлить, скрытенъ онъ или нѣтъ (такъ какъ скрытность есть одно изъ весьма важныхъ, хотя и сложныхъ душевныхъ качествъ), а это мы почти всегда можемъ опредѣлить съ несомнѣнностью. Я не говорю уже о томъ, что подобныя наблюденія, конечно, лучше всего производить не на преступникахъ, которые имѣютъ много причинъ скрытничать, а на хорошо знакомыхъ людяхъ, которые не имѣютъ никакихъ причинъ опасаться посторонняго наблюденія. Наконецъ, людей слишкомъ трудныхъ для пониманія можно оставить въ сторонѣ, подобно тому, какъ медики-клиницисты при изученіи новой формы болѣзни оставляютъ подъ сомнѣніемъ слишкомъ запутанные случаи, выбирая для своихъ наблюденій болѣе простые и характерные примѣры.

3) Когда на основаніи наиболѣе простыхъ случаевъ, а также на основаніи наблюденій надъ дѣтьми и душевно-больными будутъ точно установлены взаимныя связи отдѣльныхъ душевныхъ свойствъ (см. ниже), то знаніе этихъ связей значительно облегчить для насъ производство наблюденій.

Всѣ эти соображенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что опасенія передъ неточностью объективнаго наблюденія являются чрезмерно преувеличенными, и что тщательное изученіе внѣшнихъ проявле-

ній можетъ дать намъ въ руки весьма дѣйствительное средство для изученія душевной жизни другихъ людей.

Не слѣдуетъ только черезчуръ суживать понятіе «внѣшнія проявленія»; часто подъ этимъ терминомъ склонны подразумѣвать исключительно только фізіологическіе признаки какой-либо эмоціи: блѣдность или краснота лица, напряженіе мышцъ, мимическія движенія, измѣненіе пульса, дыханія и т. д.; эти признаки и въ настоящее время изучены уже весьма обстоятельно, и можно было бы перечислить множество работъ, посвященныхъ данному вопросу (Vaschide, Lehmann, Binet et Courtier, Féré и мн. др.).

Однако въ качествѣ діагностическихъ признаковъ гораздо большее значеніе имѣютъ другого рода внѣшнія проявленія, давно уже получившія оцѣнку и значительную разработку со стороны психіатровъ, но до сихъ поръ находящіяся въ пренебреженіи у научной психологіи; сюда относятся всевозможные поступки человѣка, отношеніе его къ окружающей средѣ, разговоры, словомъ, все поведеніе наблюдаемаго лица, все, что доступно наблюденію.

Все это надо изучить систематически, стараясь найти простѣйшіе признаки различныхъ душевныхъ качествъ, какъ психіатръ старается найти (и часто весьма успѣшно) простѣйшіе признаки, которые позволяли бы опредѣлить у больного расстройство памяти, сужденія, нравственнаго чувства и т. д.

Для того, чтобы лучше пояснить, что именно подразумѣваемъ мы подъ «внѣшними проявленіями», приведемъ нѣсколько примѣровъ.

Возьмемъ хотя бы одну изъ простѣйшихъ эмоцій—чувство гнѣва, который Vaïn опредѣляетъ какъ «удовольствіе, испытываемое отъ причиненія страданій другимъ живымъ существамъ». Внѣшнія проявленія этой эмоціи чрезвычайно разнообразны и иногда бываютъ весьма сложны, но мы выберемъ изъ нихъ сравнительно простѣйшія: правда, даже эти простѣйшія проявленія заключаютъ въ себѣ каждое по нѣсколько психическихъ элементовъ; но первенствующимъ, наиболѣе рѣзко выраженнымъ въ каждомъ изъ нихъ является элементъ гнѣва. Здѣсь же мы кстати приведемъ и обстоятельства, способствующія возникновенію каждой изъ разновидностей гнѣва, хотя болѣе подробное разъясненіе ихъ читатель найдетъ ниже. Такъ какъ цѣль наша въ данную минуту

заключается только въ томъ, чтобы представить примѣры внѣшнихъ проявленій и внѣшнихъ обстоятельствъ-возбудителей, то мы ограничимся самыми краткими описаніями; при детальной же научной разработкѣ вопроса какъ проявленія, такъ и обстоятельства, ихъ сопровождающія, должны сдѣлаться предметомъ весьма обстоятельнаго описанія и анализа. Со временемъ мы постараемся сдѣлать это, здѣсь же ограничимся краткими примѣрами.

Названія. Внѣшнія проявленія. Обстоят. возбудители.

1. *Злоба.* При видѣ врага или не- Окружающіе люди
пріятнаго человѣка — злое и обстоятельства не-
выраженіе лица, блѣднѣть, благопріятны ему; отъ
сжимаетъ кулаки и т. д. всего, отъ всѣхъ тер-
Охотнопричиняетъ другимъ пить только лишения,
зло, непріятности (безъ поль- непріятности.
зы для себя), охотно смот-
реть на чужія страданія.
2. *Язвитель- Постоянно оскорбляетъ, Окружающіе дер-
ность.* унижаетъ другихъ, при жатся по отношенію
этомъ выбираетъ самые чув- къ нему недруже-
ствительные для нихъ во- любно, высокомѣрно;
просы и темы. притомъ сами они
очень обидчивы.
3. *Мститель- За нанесенную обиду, ли- Обида (лишеніе)
ность.* шеніе старается причинить была слишкомъ вели-
обидчику какъ можно боль- ка; обидчикъ остался
шій вредъ, непріятности. не наказанъ и поль-
зуется плодами обиды.
4. *Злорадство.* При чужихъ неудачахъ Потерпѣвшій чело-
высказываетъ признаки ра- вѣкъ былъ ему вре-
дости, хотя бы для него вы- денъ, превосходилъ
годы отъ этого не было и его въ глазахъ дру-
т. д. гихъ своими качества-
ми, мѣшалъ его пла-
намъ и т. д.

Обратимся теперь ко второму способу производить наблюденія надъ другими лицами, способу, который гораздо въ большей

степени, чѣмъ первый, заслуживаетъ названія «объективное наблюденіе». Когда мы наблюдаемъ дѣтей раньше, чѣмъ они научились выражать словами свои ощущенія, или когда мы наблюдаемъ животныхъ, то въ нѣкоторыхъ случаяхъ мы не можемъ сказать, сопровождаются ли наблюдаемые нами у нихъ проявленія какими-либо субъективными процессами и если сопровождаются, то какими именно; недаромъ такъ часты между психологами споры о томъ, какое различіе между разумомъ людей и инстинктомъ животныхъ; возможны ли вообще у животныхъ высшіе логическіе процессы, или мы имѣемъ здѣсь только цѣпь ассоціаций и т. д. Несмотря на такія разногласія въ психологической оцѣнкѣ наблюдаемыхъ нами проявленій, сами эти проявленія и ихъ взаимная связь настолько хорошо изучены, что люди, долго занимавшіеся подобными наблюденіями, безошибочно могутъ предсказывать поступки какъ у дѣтей, такъ и у животныхъ, между тѣмъ какъ научная психологія, какъ мы уже видѣли выше, еще не обладаетъ возможностью дѣлать предсказанія. Мало того: нѣкоторые зоопсихологи настаиваютъ, какъ извѣстно, на томъ, что психологія животныхъ должна быть изучаема исключительно по ихъ внѣшнимъ проявленіямъ и что при изученіи ея надо совершенно забыть о фактахъ человѣческой психологіи, т. е. о данныхъ самонаблюденія *). Кто знаетъ, не будетъ ли возможно со временемъ примѣнить тотъ же методъ — конечно въ качествѣ вспомогательнаго средства, также и къ изученію людей и ихъ поступковъ? Можетъ быть, можно будетъ на примѣръ, замѣтивши, что человѣкъ «при чужихъ неудачахъ высказываетъ признаки радости, хотя бы для него выгоды отъ этого не было» (злорадство), предсказать заранѣе что «за нанесенную ему обиду, лишеніе, онъ постарается причинить обидчику какъ можно больше вреда, неприятностей» (мстительность).

Я не рѣшаюсь навѣрное утверждать, что при изслѣдованіи взрослыхъ людей можно пользоваться исключительно только объективнымъ наблюденіемъ, такъ какъ самъ пользовался преимущественно смѣшаннымъ методомъ; протоколы наблюдений велись мною, правда, съ соблюденіемъ строгой объективности, но при оцѣнкѣ и сопоставленіи полученнаго матеріала принимались

*) См., напр., статью В. Вагнера: „Психологія насѣкомыхъ“. „Вопр. фил. и псих.“. 1898 г., кн. 45 (V).

во вниманіе также и данныя самонаблюденія. Однако, я не рѣшился бы также съ увѣренностью отрицать возможность изученія чисто-объективнымъ путемъ если не всѣхъ, то по крайней мѣрѣ весьма многихъ психическихъ явленій.

Интересно прослѣдить, какимъ путемъ идетъ въ изученіи психическихъ явленій повседневный опытъ, который, какъ мы уже видѣли, часто оказываетъ намъ при изученіи людскихъ характеровъ гораздо большія услуги, чѣмъ научная психологія.

Для рѣшенія этого вопроса полезно было бы разобрать происхожденіе словъ, обозначающихъ названія различныхъ психическихъ качествъ, какъ простыхъ, такъ и сложныхъ; многія изъ нихъ называются, повидимому, исключительно по своимъ внѣшнимъ проявленіямъ (дѣятельность⁴—отъ «дѣлать», общительность—отъ «общать, общій», требовательность—отъ «требовать», угодливость—отъ «угодить» и т. д.) *). Очень можетъ быть, что первоначально была замѣчена и изучена людьми не внутренняя, субъективная сторона этихъ явленій, а ихъ внѣшній симптомокомплексъ; сообразно этому было дано названіе, которое затѣмъ было перенесено и на субъективную сторону этихъ явленій. Не будучи филологомъ, я не рѣшусь дѣлать экскурсій въ эту невѣдомую мнѣ область; ограничусь лишь указаніемъ на то, что подобный анализъ могъ бы намъ выяснить, дѣйствительно ли въ практическомъ знаніи людей и ихъ характеровъ данныя самонаблюденія и внутренняго опыта играютъ такую важную роль, какую имъ приписываютъ психологи.

Я позволю себѣ припомнить здѣсь же ходъ развитія клинической медицины. Еще задолго до того времени, когда были разработаны физиологія, патологія и патологическая анатомія, т. е. когда были выяснены причины болѣзней, наблюдательные врачи изучали проявленія различныхъ заболѣваній и, сопоставляя эти, чисто внѣшніе признаки, описывали отдѣльныя формы болѣзней, классифицировали ихъ, предсказывали ихъ теченіе и т. д. Когда развитіе патологической анатоміи дало намъ возможность установить анатомо-патологическіе типы болѣзней, то оказалось, что многія клиническія подраздѣленія совершенно совпали съ патолого-анатомическими. И теперь еще есть цѣлыя отдѣлы патологіи, въ которыхъ болѣзни описываются и классифи-

*) В. Даль. Толковый словарь великорусскаго языка. Изд. 1879—82.

цируются исключительно на основаніи своихъ внѣшнихъ проявленій (симптомовъ), тогда какъ патолого-анатомическія измѣненія, т. е. главная причина, основа болѣзни, представляются намъ неизвѣстными. Такова, напр., группа такъ называемыхъ неврозовъ: истерія, неврастенія, хорей и т. д.; и тѣмъ не менѣе, возможно не только точное распознаваніе этихъ болѣзней и классификація ихъ, но также предсказаніе и лѣченіе.

Конечно, такой методъ изученія можно назвать грубо-эмпирическимъ; но въ психологіи, гдѣ еще такъ мало изучена взаимная связь и взаимодействіе отдѣльныхъ психическихъ явленій, эмпиризмъ можетъ принести большую пользу, намѣчая въ грубыхъ, общихъ чертахъ тотъ путь, которымъ затѣмъ должно идти болѣе детальное изученіе.

Дальнѣйшія наблюденія должны показать, насколько въ психологіи примѣнимо такое параллельное, но совершенно независимое другъ отъ друга изученіе субъективныхъ психическихъ явленій и внѣшнихъ ихъ признаковъ.

Но если даже при сопоставленіи и анализѣ полученнаго матеріала окажется неизбѣжнымъ обратиться къ даннымъ самонаблюденія, то во время производства наблюденій необходимо быть строго объективнымъ.

Для поясненія того, какимъ образомъ мы вели собственныя наблюденія, приведемъ отрывокъ изъ одного протокола.

Предварительныя свѣдѣнія.

Дѣвочка около 8 лѣтъ. Совершенно здорова, слегка лишь малокровна. Имѣетъ 5 братьевъ и сестеръ, почти всѣ моложе ея. Родители—люди не особенно состоятельные, но особенной нужды не испытываютъ, и все необходимое для дѣтей (включая книги и игрушки) есть. Все время проживали либо въ деревнѣ, либо въ небольшомъ уѣздномъ городѣ; лѣтомъ, а въ хорошую погоду и зимой постоянно на воздухѣ. Дѣтское общество всегда есть. Воспитаніе не особенно строгое, но и не балуютъ чрезмерно; систематически еще не учится, но уже читаетъ по печатному, хотя довольно плохо. Въ данное время вмѣстѣ съ матерью и 9-лѣтней сестрой гоститъ въ губернскомъ городѣ у бабушки, гдѣ уже не разъ бывала и гдѣ ей такъ же свободно, какъ и дома.

Наблюденіе.

Утро. Встала въ 10 часовъ, хорошо выспалась, ничѣмъ не больна; сестра еще спала; когда вышла въ столовую, взрослые (человѣкъ 5, почти всѣ близкіе родственники) сидѣли за чайнымъ столомъ и разговаривали. У ней немного заспанный видъ.

Молча постояла, посмотрѣла нѣсколько времени на новое лицо (которое вчера видѣла только мелькомъ), потомъ посмотрѣла нѣсколько времени на говорившаго, затѣмъ молча стала умываться (никто не заговаривалъ съ ней и не обращалъ на нее вниманія; и ей также нечего было сказать, такъ какъ для умыванья все было готово). Всего молчала минутъ 5.

Умывалась довольно аккуратно, но недолго; среди умыванья стала потягиваться, зѣвать; услышавъ шумъ въ коридорѣ (ничего особеннаго въ этомъ не было), тотчасъ обернулась, стала смотрѣть. Когда другіе упомянули въ разговорѣ о лото (не обращаясь къ ней), она закричала, что умѣетъ играть въ лото, бросила умываться (никто въ данную минуту не мѣшалъ ей и не заставлялъ окончить умываться), схватила лото и босая, въ рубашкѣ побѣжала ко мнѣ: «дядя, давайте играть!»

На слова бабушки: «Маня, умойся сначала»,—послушалась, наскоро окончила умываться, потомъ взяла лото изъ картинокъ и стала сама играть имъ, хотя другихъ игрушекъ было много.

Играла одна въ лото около 25 минутъ, хотя чай былъ готовъ, партнера не было и никто не смотрѣлъ.

Вначалѣ сидѣла молча и совершенно спокойно; минутъ черезъ 8—10 встала, подошла къ общему столу, посмотрѣла на говорившихъ, затѣмъ опять сѣла играть. Изрѣдка говорила вслухъ (сама про себя): «Есть слонъ? Есть.» и т. д. Иногда тянула «е-е-е-есть», начинала мычать, напѣвать негромко что-нибудь неопредѣленное, какую-нибудь пѣсню (простую, несложную), не фальшивѣла, пѣла правильно. По окончаніи партіи: «Дядя я всѣ накрыла!»—хотя я ходилъ молча, не обращая на нее вниманія, и слушалъ общій разговоръ. Подъ конецъ начала двигаться, стала колѣнями на стуль, наконецъ бросила игру.

Почти не сидитъ спокойно: то побѣжитъ, затопаетъ ногами, то закричитъ, захохочетъ по малѣйшему поводу (напр., когда сказали «маленькая Маня»), то начнетъ разсматривать передвижной календарь на столѣ, то качаетъ игрушечныя качели.

О всемъ новомъ занимающемъ ее кричитъ другимъ (кто бы ни былъ около нея) «тетя А—та, посмотрите, какъ качается!» (хотя та уже видѣла.) Расшалилась со мной (хотя я на этотъ разъ былъ не расположенъ шалить и отстранялъ ее, да и всѣ кругомъ вообще вели серьезный разговоръ), не давала мнѣ пройти въ дверь, тащила меня за сюртукъ и т. д. При этомъ хохотала, визжала. Затѣмъ довольно быстро успокоилась, когда я все-таки не хотѣлъ шалить съ ней.

Наскоро выпила чай: «дядя, я вамъ что-то покажу»,—и подводитъ къ календарю, на который смотрѣла минутъ 5 тому назадъ: «Отчего тутъ среда, когда теперь уже суббота?» (никто ей на календарь не указывалъ; календарь ничѣмъ не выдавался среди другихъ предметовъ на столѣ). Я отнесся довольно равнодушно, и она оставила календарь. Минутъ черезъ 10—15 его исправили; она увидѣла и бѣжитъ ко мнѣ: «теперь суббота».

Устроила красивую группу изъ кукольной посуды, игрушекъ, зажженныхъ восковыхъ свѣчей, тянучекъ (никого здѣсь не было, никто не показывалъ, не одавалъ ей мысли).

Тотчасъ побѣжала звать: «Бабушка, дядя, посмотрите, какъ красиво!»

Прежде чѣмъ указать, какъ производился анализъ получаемыхъ данныхъ, сдѣлаемъ нѣсколько предварительныхъ замѣчаній насчетъ способа составленія протокола. Какъ уже сказано выше, кромѣ поведенія и мимики мы относили къ числу внѣшнихъ проявленій, а слѣдовательно и записывали, рѣчь и разговоры. Однако отсюда безусловно исключались такіе случаи, когда наблюдаемый человѣкъ высказывая тѣ или иныя сужденія о своихъ поступкахъ, старается анализировать свой характеръ и т. д.; всѣ подобныя заявленія представляются уже результатомъ чистаго самонаблюденія и обладаютъ нѣкоторыми существенными недостатками, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда наблюдаемый человѣкъ мало интеллигентный или не привыкъ къ самоанализу. Напротивъ, мы записывали только тѣ разговоры, когда человѣкъ прямо, непосредственно выражаетъ свои ощущенія въ данную минуту или передаетъ возникающія въ его умѣ мысли («ой, больно!» «посмотрите, какъ красиво!» «не хочу» и т. д.). Эти непосредственныя заявленія казались намъ болѣе надежными, чѣмъ подробное описаніе субъектомъ происходившихъ въ немъ психическихъ процессовъ, сплошь и рядомъ невѣрное, неточное, а иногда и завѣдомо ложное.

Кромѣ того, во время самаго веденія наблюденій мы старались по возможности быть объективными; мы записывали только то, что можно было видѣть, слышать, — тщательно избѣгая дѣлать *прежде времени* какіе бы то ни было выводы или предположенія относительно внутреннихъ психическихъ процессовъ, происходившихъ въ объектѣ нашего наблюденія. Идеаломъ подобнаго наблюденія былъ бы непрерывный рядъ моментальныхъ фотографій и фонограммъ, который бы шагъ за шагомъ рисовалъ намъ все поведеніе наблюдаемаго въ теченіе извѣстнаго періода времени. Поэтому мы старались тщательно избѣгать такихъ выраженій, какъ: «повидимому, она почувствовала страхъ», или «она молчала, нахмуривъ брови и что-то соображая» и т. д. Ниже мы будемъ имѣть случай подробно говорить о томъ, почему мы стараемся такъ строго отдѣлять объективныя наблюденія отъ всякихъ субъективныхъ предположеній, здѣсь же только отмѣчаемъ этотъ фактъ, обращая на него вниманіе читателя. Замѣтимъ только, что подобнымъ правиломъ руководствуются и клиницисты въ своихъ наблюденіяхъ. Далѣе, мы не довольствовались наблюденіемъ надъ даннымъ человѣкомъ, но записывали

по возможности подробно условия его жизни (отмѣчались также главнѣйшіе факты изъ его прежней жизни—то, что медики называютъ анамнезомъ) всю окружающую обстановку, всѣ событія, въ которыхъ онъ принималъ какое-либо участие,—словомъ, все то, что такъ или иначе могло вліять на его поведеніе. Внѣшнія условия, внѣшнія обстоятельства (въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ употреблять оба эти термина въ одномъ и томъ же смыслѣ) имѣютъ настолько важное значеніе какъ во время производствъ наблюдений, такъ и при оцѣнкѣ полученныхъ результатовъ, что мы должны остановиться на нихъ подробнѣе. Всякій поступокъ человѣка, всякій его шагъ совершается въ той или иной обстановкѣ, среди тѣхъ или иныхъ обстоятельствъ. Возьмемъ хотя бы первыя строчки приведеннаго выше протокола: «Молча постояла, посмотрѣла нѣсколько времени на новое лицо (которое видѣла вчера только мелькомъ), потомъ.... стала умываться». Обстоятельства здѣсь слѣдующія: ярко освѣщенная комната послѣ полутемной спальни, общество, разговоры (послѣ тишины въ спальнѣ), присутствіе новаго, мало знакомаго лица, утрення пора (необходимость умыться), готовый уже чай на столѣ и т. д. Кромѣ того, извѣстное значеніе при оцѣнкѣ поступковъ наблюдаемой дѣвочки имѣли также предшествовавшія обстоятельства: она хорошо выспалась; ее приучали постоянно умываться по утрамъ; послѣ умыванья она всегда пила чай и т. д.

Читатель уже могъ замѣтить, что, перечисляя обстоятельства, сопровождавшія извѣстный поступокъ наблюдаемаго лица, мы упомянули только объ очень немногихъ, обойдя молчаніемъ остальные (напр., желтый деревянный полъ, кушетка, стоявшая въ углу, муха, жужжавшая у окна и т. д.). Это было сдѣлано нами не только вслѣдствіе невозможности записать во всѣхъ подробностяхъ окружающую обстановку, но также и потому, что для оцѣнки отмѣченныхъ нами поступковъ всѣ эти мелочи не представляли особенно важнаго значенія.

Разсматривая подробнѣе обстоятельства, среди которыхъ проявилось у наблюдаемаго то или иное качество, мы убѣждаемся, что ихъ можно раздѣлить на 4 категоріи: 1) Обстоятельства, непосредственно вызывающія данный поступокъ (или данное проявленіе); такъ, присутствіе въ обществѣ новаго незнакомаго лица заставило наблюдаемую остановить на немъ подольше свой взглядъ.

2) Обстоятельства, способствующія проявленію данного качества. Такъ, когда наблюдаемая бросила умыванье и полуодѣтая побѣжала играть въ лото, то непосредственнымъ возбудителемъ явился здѣсь разговоръ взрослыхъ о лото, напомнившій ей эту новую, интересную игрушку; но отсутствіе лица, которое бы немедленно удержало ее и не позволило отойти отъ умывальника, несомнѣнно способствовало данному поступку.

3) Обстоятельства индифферентныя, почти или совершенно не вліявшія на данный поступокъ. Такихъ—огромное большинство (желтый цвѣтъ пола, муха на оконномъ стеклѣ, кушетка въ углу и т. д.).

4) Обстоятельства препятствующія. Такъ, наблюдаемая играла въ лото почти $\frac{1}{2}$ часа, несмотря на то, что у нея не было партнера (обстоятельство, уменьшавшее интересъ игры) и что ее звали пить чай (обстоятельство отвлекавшее ее отъ игры).

Всякое душевное свойство имѣетъ, повидимому, свои специфическія обстоятельства, всегда вызывающія проявленія именно данного качества, а не какого-либо иного; въ то же время обстоятельство это служитъ препятствующимъ къ возникновенію противоположнаго качества. Такъ, событіе, наносящее ущербъ интересамъ субъекта, нарушающее его потребности, вызываетъ угнетенное настроеніе и препятствуетъ возникновенію веселости (если только сюда не примѣшиваются различныя побочныя вліянія, о которыхъ мы сейчасъ скажемъ). Такимъ образомъ, неудачи, невозможность удовлетворить потребности будутъ прямымъ непосредственнымъ возбудителемъ (1-я рубрика) для угнетеннаго настроенія и прямымъ же препятствіемъ (4-я рубр.) для веселости. Дѣйствіе такого прямого возбудителя всегда имѣетъ въ результатѣ проявленіе—въ большей или меньшей степени именно данного (а не какого-нибудь иного) качества, если конечно другія, противоположныя обстоятельства не окажутся настолько сильными, чтобы парализовать произведенный эффектъ.

Но кромѣ указаннаго прямого дѣйствія, всегда присущаго ему, каждое данное обстоятельство можетъ оказывать еще тѣ или иныя побочныя вліянія (т.-е. быть способствующимъ обстоятельствомъ—2-я рубр.), въ зависимости отъ комбинаціи съ другими обстоятельствами. Такъ, тѣ же неудачи, если ихъ виновниками являются другія лица, могутъ вызвать чувство гнѣва; если свидѣтелями неудачъ являются другія лица, то сюда можетъ при-

мѣшаться оскорбленное самолюбіе; если же неудача была неизбежна, то можетъ возникнуть прямо противоположное чувство—чувство смиренія, покорности судьбѣ.

Такимъ образомъ побочныя вліянія одного и того же обстоятельства могутъ быть самыя разнообразныя, иногда даже прямо противоположныя, чѣмъ они и отличаются отъ непосредственнаго дѣйствія (непосредственнаго возбужденія), которое во всѣхъ случаяхъ бываетъ идентично.

Для каждаго душевнаго качества необходимо стараться найти непосредственный возбудитель, такъ какъ это имѣетъ очень важное значеніе для наблюденія: только этимъ путемъ можно опредѣлить степень того или иного качества. Опредѣленіе степени развитія душевныхъ свойствъ имѣетъ огромное значеніе для производства наблюденій; очень часто два человѣка по своимъ душевнымъ свойствамъ близко подходятъ другъ къ другу, но рѣзко различаются по силѣ, съ которой выражены тѣ или иныя качества. Великіе люди во всей полнотѣ ихъ психической организаціи часто встрѣчаются вокругъ насъ, но только въ гораздо меньшемъ масштабѣ.

Между тѣмъ въ этомъ отношеніи до сихъ поръ сдѣлано все еще очень немного. Правда, экспериментальная психологія доказала возможность съ большей точностью измѣрять если не абсолютную, то по крайней мѣрѣ относительную силу воспріятія памяти и нѣкоторыхъ другихъ умственныхъ процессовъ. Но огромная область эмоций, волевыхъ актовъ, а также и высшіе, наиболее важныя умственные процессы остались недоступными измѣренію. Было не мало попытокъ измѣрять степень чувствованій путемъ точной записи измѣненій пульса, дыханія, реакціи зрачка, игры вазомоторовъ и т. д.; но всѣ эти методы либо неточны и недостаточны для опредѣленія того, какое чувство имѣется въ данномъ случаѣ, либо чрезвычайно кропотливы и совершенно непримѣнимы на практикѣ.

Всѣ эти трудности при измѣреніи степени развитія различныхъ душевныхъ свойствъ являются причиной того, что даже въ такой сравнительно разработанной наукѣ, какъ психіатрія, приходится ограничиваться выраженіями въ родѣ: «довольно значительное ослабленіе памяти», «рѣзкое ослабленіе логической сферы»; во многихъ же случаяхъ довольствуются тѣмъ, что констатируютъ у больного присутствіе того или иного душевнаго ка-

чества (или разстройства), даже не пытаюсь опредѣлить его степень: «по временамъ бываетъ бредъ, галлюцинаціи», или: «у больной замѣчается непостоянство характера, измѣнчивость настроенія» и т. д.

Если мы обратимся къ обыденной жизни, то и здѣсь увидимъ, къ своему удивленію, что повседневныя наблюденія шагнули гораздо дальше впередъ, чѣмъ современные научныя приемы.

Человѣкъ, сколько-нибудь наблюдательный, уже съ перваго взгляда различаетъ тупоумнаго, неспособнаго субъекта отъ лица развитого, интеллигентнаго, или же нетерпѣливаго, раздражительнаго человѣка отъ болѣе спокойнаго и равнодушнаго, хотя бы во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ эти два лица были совершенно сходны между собой. Мало того: сплошь и рядомъ мы бываемъ въ состояніи производить гораздо болѣе тонкую оцѣнку; нерѣдко можно слышать, какъ, говоря о двухъ лицахъ, окончившихъ курсъ въ одномъ и томъ же высшемъ учебномъ заведеніи, по одной и той же специальности, успѣшно занимающихся однимъ и тѣмъ же дѣломъ, тѣмъ не менѣе одного изъ нихъ въ умственномъ отношеніи ставятъ гораздо ниже другого. Очевидно, существуютъ какіе-то способы путемъ наблюденія опредѣлять и притомъ довольно точно степень развитія того или иного душевнаго свойства у наблюдаемыхъ субъектовъ. Въ повседневной жизни мы пользуемся этими способами ощупью, безсознательно и можетъ быть не всегда съ одинаковымъ успѣхомъ; задача науки состоитъ въ томъ, чтобы выяснить эти способы, дать возможность примѣнять ихъ вполне сознательно, что, конечно, должно сдѣлать ихъ еще болѣе плодотворными. Если подробнѣе разобраться въ томъ, какимъ образомъ производится сравнительная оцѣнка одного и того же свойства у разныхъ людей, то нетрудно убѣдиться, что главную роль здѣсь играетъ во-первыхъ, подробное разсмотрѣніе обстоятельствъ, сопровождавшихъ тотъ или иной поступокъ человѣка, во-вторыхъ, результаты совершеннаго субъектомъ поступка, и въ-третьихъ, наконецъ результаты столкновенія 2-хъ противоположныхъ качествъ или склонностей.

Мы не назовемъ человѣка храбрымъ, если онъ катается по морю въ лодкѣ въ тихую погоду; но мы будемъ удивляться его смѣлости, если онъ рѣшится во время волненія повторить ту же прогулку; и если всѣ прочія условія останутся тѣ же, то оче-

видно, что чѣмъ больше волны, т.-е. чѣмъ больше опасность утонуть, тѣмъ выше мы будемъ цѣнить его смѣлость.

Мы знаемъ случай, когда воспитанникъ одного заведенія ночью не побоялся спуститься по водосточной трубѣ съ 4-го этажа, чтобы достать себѣ какую-то запрещенную вещь; если бы онъ спустился со 2-го этажа, то конечно смѣлости его никто особенно не удивлялся бы.

Уже изъ этихъ примѣровъ можно видѣть, что если мы стараемся установить болѣе или менѣе точную градуировку обстоятельствъ, вызывающихъ то или иное качество, то можно надѣяться такимъ путемъ опредѣлять хотя бы приблизительно степень этого качества.

Я слышу возгласъ, вырывающійся у многихъ: «да развѣ можно зарегистрировать всѣ окружающія насъ обстоятельства? Вѣдь это значитъ, пытаться занести на страницы протоколовъ всю жизнь, всю окружающую насъ природу, взаимныя отношенія людей со всѣмъ ихъ разнообразіемъ; что, конечно неосуществимо!»

И здѣсь затрудненія далеко не такъ непреодолимы, какъ это кажется съ перваго взгляда.

Всякая группа явленій кажется чрезвычайно сложной, запутанной и неподдающейся анализу, если приниматься за изученіе ея безъ системы, безъ опредѣленнаго, заранѣе выработаннаго плана. Въ нашемъ случаѣ такой руководящей нитью долженъ служить перечень важнѣйшихъ душевныхъ свойствъ человѣка, который, какъ мы уже говорили выше, служить въ то же время планомъ для изслѣдованія психической сферы.

Фармакологія, изучающая дѣйствіе различныхъ лѣкарствъ на человѣка, дѣлитъ лѣкарственные вещества на группы въ зависимости отъ того, на какой органъ или на какую систему они дѣйствуютъ; такъ, одни средства дѣйствуютъ на головной мозгъ, другія—на органы кровообращенія, третьи—на желудочно-кишечный трактъ и т. д. Такого же метода, намъ кажется, долженъ придерживаться и психологъ, изучая обстоятельства, вліяющія на различныя стороны душевной жизни человѣка.

Уже одно это условіе значительно облегчитъ для насъ изученіе указанной области явленій и укажетъ, на какія явленія надо обращать особое вниманіе и какія можно игнорировать. Такъ, выше мы сказали, что для каждого душевнаго качества имѣются 4 рода обстоятельствъ: вызывающія, способствующія,

индифферентныя и препятствующія. Индифферентныя конечно не могутъ насъ интересовать и ихъ сразу можно отбросить; обстоятельства, способствующія данному качеству, являются въ то же время препятствующими для противоположнаго качества; что опять таки значительно облегчаетъ дѣло; взаимная связь обстоятельствъ (о чемъ сказано будетъ ниже) также значительно облегчить нашу задачу. Въ концѣ концовъ все дѣло сведется къ тому, чтобы найти непосредственныя возбудители (т. е. 1-ую группу — обстоятельства вызывающія) для каждаго душевнаго свойства. Задача наша еще болѣе облегчится, если мы вспомнимъ, что намъ нѣтъ надобности описывать во всѣхъ подробностяхъ рѣшительно *всѣ* условія, возбуждающія данное качество: надо только привести наиболѣе типичныя и затѣмъ въ общихъ чертахъ характеризовать всю группу; вѣдь и ботаникъ не описываетъ каждой отдѣльной особи, каждаго отдѣльнаго растенія, а приводитъ описанія только типичныхъ экземпляровъ, характеризующихъ цѣлую разновидность. Такимъ образомъ, хотя изученіе обстоятельствъ и представляетъ извѣстныя трудности, но намъ кажется, что эти трудности далеко не будутъ такъ велики и непреодолимы, какъ это кажется съ перваго раза. Примѣры такихъ непосредственныхъ возбудителей для различныхъ разновидностей чувства гнѣва были уже приведены выше при описаніи внѣшнихъ проявленій.

Не надо думать, что способъ измѣрять степень качествъ путемъ разсмотрѣнія окружающихъ обстоятельствъ представляетъ что-нибудь новое, необыкновенное; напротивъ, способъ этотъ постоянно употребляется какъ въ обыденной жизни, такъ и въ наукѣ. Когда психіатръ видитъ, что больной, положимъ, постоянно находится въ угнетенномъ настроеніи, тоскуетъ, плачетъ, онъ прежде всего освѣдомляется, не случилось ли съ нимъ какого-нибудь большого несчастія (потеря близкихъ людей, потеря имущества и т. д.); и если ничего подобнаго не произошло или же если причины, вызвавшія у больного тоску, были ничтожны, маловажны, то психіатръ заключаетъ о присутствіи въ данномъ случаѣ чрезмѣрно повышеннаго тоскливаго настроенія, что служитъ, какъ извѣстно, главнымъ симптомомъ меланхоліи. Такимъ же путемъ судятъ психіатры о степени развитія у человѣка веселости, подвижности (при маніи), подозрительности (при рагапіа) и т. д.

Даже въ экспериментальной психологіи, которая довела точ-

ность измѣренія въ иныхъ случаяхъ до тысячныхъ долей секунды видоизмѣненіе и градуированіе именно внѣшнихъ условій составляетъ главный и необходимый пріемъ для измѣренія. Положимъ, что экспериментаторъ, накладывая одну за другой гирьки на руку изслѣдуемаго, убѣждается въ томъ, что одно лицо замѣчаетъ прирость въ 0,5 mgr., а другое, при томъ же грузѣ, можетъ замѣтить прирость только въ 1,0 mgr.; отсюда онъ заключаетъ, что у перваго лица ощущеніе давленія болѣе тонко развито. Мы видимъ здѣсь совершенно тотъ же способъ измѣренія путемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, о какомъ говорили выше. Тяжесть, лежащая на поверхности кожи, является какъ разъ обстоятельствомъ, вызывающимъ чувство давленія (непосредственнымъ возбудителемъ—1-ая рубр.); если этотъ возбудитель былъ малъ, а ощущеніе давленія все-таки появилось, значитъ, качество это у даннаго лица развито хорошо.

Вся разница состоитъ въ томъ, что при экспериментахъ изслѣдуемый самъ заявляетъ о возникшемъ у него ощущеніи, при наблюденіи же мы судимъ о возникшемъ у наблюдаемаго субъекта чувствѣ по внѣшнимъ его проявленіямъ; а послѣднее, какъ я уже говорилъ, можетъ давать намъ не менѣе точные результаты, чѣмъ первое. Другой примѣръ. Если мы заставимъ изслѣдуемаго субъекта въ теченіе 1—2 часовъ производить рядъ сложений и вычитаній или же выбирать какую-нибудь букву въ каждой строчкѣ (методы, разработанные преимущественно Краерелін'омъ и его учениками), то черезъ извѣстное время начинаетъ сказываться утомленіе, выражающееся извѣстными опредѣленными признаками; при этомъ у одного субъекта утомленіе наступаетъ раньше, у другого позже, изъ чего мы и заключаемъ о сравнительной утомляемости того и другого, конечно, по отношенію къ данному роду умственной работы. Здѣсь обстоятельствомъ, вызвавшимъ утомленіе, является болѣе или менѣе длинный рядъ чиселъ, простыхъ или сложныхъ, надъ которыми производились ариметическія дѣйствія; если этотъ рядъ былъ длиненъ и сложенъ, то даже хорошій работникъ могъ утомиться; если же рядъ былъ, наоборотъ, простъ и несложенъ, то очевидно утомляемость въ данномъ случаѣ очень велика.

Такимъ образомъ, и въ экспериментальной психологіи господствуетъ тотъ же принципъ измѣренія, который мы пытаемся примѣнить ко всѣмъ душевнымъ качествамъ.

Другой способъ измѣренія, находящійся въ связи съ первымъ, но на нашъ взглядъ менѣе существенный, это—измѣреніе душевнаго свойства по количеству и по качеству достигнутыхъ результатовъ. Такъ поступаетъ, напр., экспериментаторъ, когда читаетъ вслухъ изслѣдуемому субъекту рядъ бессмысленныхъ слоговъ и затѣмъ заставляетъ его воспроизвести эти слоги въ томъ же порядкѣ, въ которомъ они были прочитаны; по числу пропущенныхъ и перевернутыхъ слоговъ судятъ о степени развитія памяти. При производствѣ наблюденій способъ измѣренія по результатамъ также примѣнимъ, хотя и рѣже, чѣмъ предыдущій; такъ, напр., мы судимъ о способности человѣка разсуждать по правильности его логическихъ построеній, о подвижности человѣка по числу и разнообразію совершенныхъ имъ въ 1 мин. движеній и т. д.

Наконецъ, третій способъ, имѣющій почти такую же важность, какъ и первый, это—измѣреніе качествъ путемъ ихъ столкновенія. Положимъ, напр., мы убѣдились такъ или иначе, что у даннаго человѣка эгоизмъ, забота о своихъ интересахъ, достигаетъ хотя бы 3-й степени; но вотъ мы видимъ, что въ случаѣ необходимости тотъ же человѣкъ не задумывается для добраго дѣла пожертвовать всѣми тѣми выгодами и удобствами, ради которыхъ онъ сейчасъ еще такъ старался, хотя для всѣхъ вполнѣ ясно, что вслѣдствіе этого онъ самъ остается безъ гроша. Отсюда мы заключаемъ, что нравственное чувство у него развито больше, чѣмъ эгоизмъ (во всякомъ случаѣ не ниже 4-й степени), такъ какъ при обстоятельствахъ, одинаково благопріятныхъ для возникновенія и другого чувства, эгоистическія соображенія уступаютъ мѣсто требованіямъ нравственной идеи. Нетрудно видѣть, однако, что данный способъ даетъ намъ возможность опредѣлить только относительную степень двухъ различныхъ качествъ у одного и того же субъекта; для опредѣленія же сравнительнаго развитія того или иного качества у различныхъ субъектовъ необходимо обратиться къ первому способу—измѣренію посредствомъ обстоятельствъ.

Всѣми этими способами измѣренія я пользовался въ своихъ наблюденіяхъ. При этомъ, такъ какъ преобладающимъ способомъ измѣренія являлся все-таки 1-й (путемъ обстоятельствъ), то мною и были приняты для каждаго качества 7 степеней:

- 1-я степень (самая слабая). Данное качество проявляется только тогда, когда способствующія обстоятельства очень сильны, а препятствующія отсутствуют.
- 2-я и 3-я степени. Какъ способствующія, такъ и препятствующія качества имѣются налицо; но способствующія преобладаютъ.
- 4-я степень. Вліяніе тѣхъ и другихъ обстоятельствъ приблизительно одинаково.
- 5-я и 6-я степени. Данное качество проявляется, несмотря на то, что препятствующія обстоятельства преобладаютъ.
- 7-я степень (наиболѣе высокая). Несмотря на значительныя препятствія и на полное отсутствіе способствующихъ обстоятельствъ, человѣкъ все же проявляетъ данное качество.

При этомъ примѣнялся также и 2-й способъ (измѣреніе посредствомъ результатовъ): если при извѣстныхъ обстоятельствахъ данное качество не только проявлялось, но проявленіе происходило съ значительной силой (о чемъ судили по ближайшимъ результатамъ), то при оцѣнкѣ его степень, найденная путемъ разсмотрѣнія обстоятельствъ, повышалась еще на единицу. Для иллюстраціи всѣхъ нашихъ разсужденій вернемся къ приведенному выше протоколу и попробуемъ анализировать полученныя данныя, обозначая въ каждомъ случаѣ приблизительную степень, силу, съ которой проявилось то или иное качество.

«Молча постояла, посмотрѣла нѣсколько времени на новое лицо (которое вчера видѣла только мелькомъ), потомъ посмотрѣла нѣсколько времени на говорившаго, затѣмъ молча стала умываться (никто не заговаривалъ съ ней и не обращалъ на нее вниманія; и ей также нечего было сказать, такъ какъ для умыванья все было готово). Всего молчала минутъ 5».

Здѣсь можно отмѣтить прежде всего почти 5-ти минутное молчаніе, отсутствіе рѣзкихъ, порывистыхъ движеній, оживленной мимики, возгласовъ и т. д., т. е. признаки, по которымъ мы обыкновенно судимъ о слабомъ развитіи у даннаго субъекта внѣшнихъ проявленій чувства (малая склонность къ проявленію своихъ чувствъ и сдержанность). Однако, посмотримъ, въ какой степени проявилось здѣсь это качество. Когда она вошла въ комнату, никто изъ присутствовавшихъ не обратилъ на нее вниманія и не заговорилъ съ нею; ей самой говорить было нечего: никакими новыми, свѣжими впечатлѣніями, которыя хотѣлось бы

сообщить, она еще не успѣла запасть, ничего у ней не болѣло, сновъ особенныхъ не видѣла, для умыванія все было готово. Все это—обстоятельства, въ значительной степени способствовавшія ей молчанію. Къ тому же она имѣла заспанный видъ, т. е. не вполне еще оправилась послѣ сна; а это состояніе также всегда способствуетъ малосообщительности и молчаливости; наконецъ, ей надо было тотчасъ же начинать умываться, что было для нея довольно серьезнымъ дѣломъ и способствовало ей сосредоточенности. Такимъ образомъ, мы имѣемъ цѣлый рядъ обстоятельствъ, способствовавшихъ проявленію упомянутого качества (малая наклонность къ обнаруженію своихъ чувствъ) и ни одного препятствующаго. Справляясь съ приведенной выше схемой для опредѣленія степени при помощи разсмотрѣнія внѣшнихъ обстоятельствъ, мы опредѣляемъ развитіе даннаго качества въ 1-й, максимумъ во 2-й степени; за 1-ю степень говоритъ еще и то, что, несмотря на всѣ обстоятельства, способствовавшія сдержанности, наша дѣвочка едва выдержала 5 минутъ молчанія—срокъ, даже для дѣтей довольно короткій.

Конечно, для полной достовѣрности подобной оцѣнки необходимо не одинъ, а нѣсколько разъ наблюдать у одного и того же субъекта проявленіе того же качества. Другой примѣръ:

«Умывалась довольно аккуратно, но недолго, — среди умыванья стала потягиваться, зѣвать; услышавъ шумъ шаговъ въ коридорѣ (ничего особеннаго, необычнаго въ этомъ не было) тотчасъ обернулась, стала смотрѣть. Когда другіе упомянули въ разговорѣ о лото (не обращаясь къ ней), она закричала, что умѣетъ играть въ лото, бросила умываться (никто въ данную минуту не мѣшалъ ей и не заставлялъ окончить умыванье), схватила лото и босая, въ рубашкѣ, подбѣжала ко мнѣ: «дядя, давайте играть!»

Здѣсь слѣдуетъ обратить вниманіе на то, какъ живо наблюдаемая реагируетъ на всякое внѣшнее раздраженіе, на всякое происшествіе или разговоръ, происходившіе въ ея присутствіи: при малѣйшемъ шумѣ она оборачивается и смотритъ; одно напоминаніе объ интересующемъ ее предметѣ заставляетъ ее бросать свое занятіе и бѣжать за этой вещью. Всѣ эти проявленія указываютъ на значительную яркость, живость воспринимаемыхъ впечатлѣній и наклонность быстро, немедленно реагировать на нихъ (то, что называютъ «непосредственностью поступковъ»). Какъ опредѣлить въ данномъ случаѣ степень развитія обоихъ этихъ близко связанныхъ другъ съ другомъ качествъ? Здѣсь у

насъ имѣются какъ препятствующія, такъ и способствующія обстоятельства: шумъ шаговъ въ коридорѣ былъ обстоятельствомъ способствующимъ, но лишь въ незначительной степени, такъ какъ онъ повторялся довольно часто и не представлялъ изъ себя ничего необычайнаго; упоминаніе о лото, хотя и не обращенное именно къ ней, все же въ значительно большей степени способствовало проявленію упомянутаго качества, такъ какъ лото было подарено ей лишь наканунѣ и сильно привлекало ее своими картинками. Но если способствующія обстоятельства были довольно значительны, то препятствующія были еще больше. Во-первыхъ, она еще не окончила умываться (что считалось важнымъ дѣломъ, къ аккуратному выполнению котораго она была уже достаточно приучена); во-вторыхъ, она была еще не совсѣмъ одѣта, босая, почти въ одной рубашкѣ; наконецъ, тутъ же сидѣли мать и бабушка, которыя немедленно могли остановить ее (какъ это потомъ и случилось) и сдѣлать ей выговоръ. Такимъ образомъ, есть обстоятельства какъ способствующія, такъ и препятствующія проявленію непосредственности поступковъ, причемъ послѣднихъ (препятств.) нѣсколько больше; а это по нашей схемѣ соответствуетъ 5-й степени развитія даннаго душевнаго свойства. На 5-й степени (а не на 4-й) заставляетъ насъ остановиться также значительная сила проявленій: наблюдаемая не умывалась и 2-хъ минутъ и затѣмъ не только обернулась и стала слушать, но побѣжала въ другую комнату и, принеся лото, начала приставать къ взрослымъ съ просьбой, немедленно сыграть съ нею.

Такимъ же образомъ разбирали мы и всѣ остальные наши протоколы, стараясь вездѣ не только отмѣтить у даннаго субъекта присутствіе (вернѣе сказать—проявленіе) того или иного качества, но также и опредѣлить степень его развитія.

Въ числѣ матеріала, собраннаго путемъ наблюденій и служившаго для нашихъ выводовъ, были весьма подробно составленные дневники нѣкоторыхъ изъ воспитанниковъ «Врачебно-воспитательнаго заведенія» д—ровъ Маляревскихъ, любезно предоставленные въ мое распоряженіе Иваномъ Васильевичемъ и Екатериной Хрисанфовной Маляревскими. Такъ какъ каждый воспитанникъ обыкновенно живетъ въ заведеніи отъ 1 до 3-хъ и больше лѣтъ, то характеръ, привычки и наклонности его бываютъ изучены во всѣхъ подробностяхъ какъ самими содѣлателями

лями заведенія, такъ и воспитателями, постоянно находящимися при дѣтяхъ. Такимъ образомъ, составивши по дневнику характеристику какого-нибудь изъ воспитанниковъ съ обозначеніемъ степени развитія у него различныхъ качествъ, я имѣлъ возможность показывать ее лицамъ, гораздо ближе меня ознакомившимся съ этимъ воспитанникомъ, и долженъ сказать, что въ большинствѣ случаевъ наши мнѣнія насчетъ степени развитія того или иного душевнаго свойства совершенно сходились.

При этомъ выяснился также одинъ приемъ, который можетъ значительно помочь при наблюденіи; это—сравненіе наблюдаемыхъ субъектовъ другъ съ другомъ. Въ настоящее время, когда непосредственные возбудители и способствующія обстоятельства представляются еще совершенно неизученными, часто во время производства наблюденій приходится сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно ли данныя условія должны были способствовать проявленію даннаго качества, и велика ли была степень ихъ содѣйствія; а вѣдь въ зависимости отъ этого находится, какъ мы объяснили выше, оцѣнка степени замѣченнаго качества. Вотъ тутъ-то и является на помощь сравненіе. Обыкновенно въ однихъ условіяхъ съ наблюдаемымъ субъектомъ находятся нѣсколько другихъ людей (въ данномъ случаѣ воспитанниковъ заведенія), часто даже одинаковаго съ нимъ возраста, но различныхъ по характеру; и тогда гораздо легче замѣтить, что въ то время какъ одного, напр., интересуется всякое новое лицо, всякій новый предметъ, другой способенъ заинтересоваться только чѣмъ-нибудь чрезвычайнымъ, а третій всегда и ко всему останется равнодушенъ. Такимъ образомъ въ практическомъ отношеніи всегда удобнѣе—по крайней мѣрѣ въ настоящее время—производить наблюденія одновременно надъ нѣсколькими лицами.

Итакъ, мы очертили вкратцѣ принципы, которыми руководились въ своихъ наблюденіяхъ, и приемы, употреблявшіеся нами для того, чтобы, во-первыхъ, опредѣлить у наблюдаемаго субъекта присутствіе того или иного качества, во-вторыхъ, измѣрить это качество, опредѣливши приблизительно степень его развитія.

Конечно, внѣшнее наблюденіе въ психологіи далеко не въ состояніи достигнуть такой ясности, отчетливости и точности въ измѣреніи, какъ это возможно при изученіи внѣшней природы. Но не слѣдуетъ забывать, что это единственный, неизбѣжный путь какъ для практическихъ цѣлей обыденной жизни,

такъ и для научнаго изученія предмета; какъ бы ни казалось трудно для насъ изучать и записывать во всѣхъ подробностяхъ всевозможныя проявленія душевной жизни человѣка, какъ бы сложны и запутаны ни были внѣшнія условія и обстоятельства, среди которыхъ живетъ и дѣйствуетъ человѣкъ, все же только тщательное и полное изученіе того и другого можетъ намъ дать ключъ къ полному пониманію характеровъ другихъ людей; и если приемы, употреблявшіеся нами, являются еще грубыми и не особенно точными, то все же они лучше, чѣмъ совершенное отсутствіе всякихъ опредѣленныхъ приемовъ при наблюденіи такого сложнаго объекта, какъ психическая сфера другого человѣка.

II.

Итакъ, внѣшнее наблюденіе *) можетъ и должно быть первенствующимъ методомъ въ индивидуальной психологіи; только оно можетъ дать намъ возможность изучить жизнь людей во всемъ ея разнообразіи и вмѣсто сухихъ отвлеченныхъ классификацій доставить обильный матеріалъ, взятый прямо изъ жизни.

Но описанный методъ окажется плодотворнымъ не только для индивидуальной психологіи; не менѣе важныя услуги онъ можетъ оказать также общей психологіи. Дѣло идетъ о выясненіи вопроса, еще сравнительно мало разработаннаго, именно вопроса о родствѣ и взаимной связи отдѣльныхъ душевныхъ свойствъ. При сравненіи полученныхъ путемъ наблюденія характеристикъ, намъ тотчасъ же бросилось въ глаза, что нѣкоторыя душевныя качества обыкновенно попадаютъ вмѣстѣ; встрѣчая у наблюдаемаго субъекта одно изъ нихъ, мы почти можемъ быть увѣрены, что найдемъ у него и другое. При ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, что такимъ свойствомъ обладаютъ обыкновенно качества, родственныя по своему содержанію; такъ, напр., бодрость обыкновенно соединяется съ самоувѣренностью**), беззабот-

*) Терминъ «внѣшнее наблюденіе» мы вездѣ противопоставляемъ «внутреннему наблюденію», т.-е. чистому самонаблюденію.

**) Въ дальнѣйшемъ изложеніи, приводя примѣры отдѣльныхъ душевныхъ качествъ, мы всегда будемъ выбирать «простѣйшія изъ сложныхъ», т.-е. наиболѣе простыя изъ тѣхъ сложныхъ и разнообразныхъ формъ, въ которыхъ проявляется наружу душевная жизнь человѣка. Къ сожалѣнію, мы не можемъ здѣсь всякій разъ подробно описывать и анализировать каждое изъ такихъ

ность и легкомысліе (отсутствіе опредѣленной идеи, руководящей поступками) съ неспособностью къ систематическому мышленію и т. д.

Наоборотъ, качества, противоположныя другъ другу по своему содержанію, взаимно исключаютъ другъ друга; такъ, если человѣкъ отличается своею добротою, нѣжностью, то никогда не бываетъ, чтобы въ то же время, по отношенію къ тѣмъ же объектамъ, онъ былъ золь и рѣзокъ. Наконецъ, есть качества, индифферентныя другъ по отношенію къ другу; они могутъ встрѣчаться какъ вмѣстѣ, такъ и порознь; таковы, напр., память и скромность, трусость и остроуміе и т. д. Особенно ясно существованіе такой связи между отдѣльными душевными свойствами сказывается тогда, когда у человѣка, въ силу какой-нибудь перемѣны жизненныхъ условій, появляется въ значительной степени новое качество, котораго у него не было раньше; мы видимъ тогда, что наряду съ этой новой чертою характера у человѣка появились и другія, родственныя ей, хотя бы ихъ появленіе и не оправдывалось окружающими условіями. Такъ, подчиненность (отсутствіе самоувѣренности) обыкновенно идетъ рука объ руку съ трусостью и хитростью, властолюбіе—съ гордостью и самолюбіемъ.

Очень много подобныхъ сопоставленій можно найти въ книгѣ В. Perez *); такъ, у него мы находимъ разборъ отношеній между «основными формами самолюбія и основными волевыми и интеллектуальными чертами характера»; «отношенія между волей и основными интеллектуальными чертами характера»; «взаимныя отношенія между интеллектуальными чертами характера» и т. д. Къ сожалѣнію, такъ какъ авторъ нигдѣ не приводитъ примѣровъ и доказательствъ, то всѣ его разсужденія являются чисто теоретическими и ихъ приходится принимать на вѣру. Все же попытка его остается единственной въ своемъ родѣ. У другихъ авторовъ мы встрѣчаемъ только намеки на существованіе взаимной связи душевныхъ свойствъ, разбросанные тамъ и сямъ среди ихъ сочиненій. Такъ, по Bain'у, подражаніе, особенно непроизвольное, родственно симпатіи; гнѣвъ (у дѣтей) постепенно

«внѣшнихъ проявленій», но зато постараемся приводить настолько простые примѣры, чтобы читатели безъ объясненій поняли, о какомъ простѣйшемъ психологическомъ явленіи идетъ рѣчь.

*) В. Perez: loco cit. Главы IX—XV.

возникаетъ изъ сознанія силы; гордость, независимость, само-мнѣнiе несомнѣстимы съ чувствомъ страха и т. д. Lange на основаніи чисто фізіологическихъ признаковъ считаетъ гнѣвъ родственнымъ радости, страхъ — родственнымъ печали и т. д. *). Такихъ примѣровъ можно было бы привести еще много. Но никто—исключая развѣ упомянутой выше работы В. Perez'a—не пытался прослѣдить этой связи между всѣми важнѣйшими сторонами психической жизни человѣка. Между тѣмъ, задача эта представляетъ на нашъ взглядъ огромный интересъ, и притомъ какъ теоретическій, такъ и чисто-практическій. Такъ какъ настоящая статья имѣетъ цѣлью только изложить тѣ приемы, которыми мы пользовались при установленіи взаимной связи душевныхъ свойствъ, то, не пускаясь въ разборъ фактическаго матеріала, перейдемъ къ изложенію этихъ методовъ **).

Одно изъ простѣйшихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно вѣрныхъ средствъ найти близость между двумя душевными свойствами—это субъективная оцѣнка и сравненіе ихъ. Человѣкъ припоминаетъ, какъ эти процессы происходили въ немъ самомъ (или въ другихъ людяхъ—судя по ихъ разсказамъ), сравниваетъ ихъ и находитъ между ними извѣстное сходство.

Этотъ приемъ употребляется нами сплошь и рядомъ въ обыденной жизни; имъ по преимуществу руководствовались также и прежніе авторы, замѣчавшіе родство между нѣкоторыми психическими актами; это самый простой приемъ, не требующій почти никакой подготовительной работы, и естественно онъ прежде всего приходитъ въ голову какъ при установленіи, такъ и при провѣркѣ взаимнаго родства различныхъ качествъ. Но при всей своей простотѣ и удобопримѣнимости онъ имѣетъ также и многіе недостатки. Однимъ изъ главныхъ недостатковъ являет-

*) Ланге. Эмоціи. Русск. перев. 1896 г., стр. 32, 39—41.

***) Мы не приводимъ здѣсь демонстрированной нами въ Спб. Филос. Общ. схемы связей душевныхъ свойствъ, гдѣ родственныя качества были соединены чертами другъ съ другомъ, потому что безъ подробныхъ поясненій и мотивировки приведеніе ея не имѣло бы смысла и вызвало бы только рядъ недоумѣній (какъ это часто приходится испытывать при чтеніи упомянутыхъ главъ книги В. Perez'a); между тѣмъ напечатать всѣ протоколы и объясненія—это значило бы увеличить по крайней мѣрѣ вдвое нашу и безъ того не короткую статью. Когда наблюденія будутъ совершенно закончены, мы надѣемся привести какъ схему, такъ и матеріалы въ видѣ отдѣльныхъ протоколовъ наблюденій.

ся значительная неясность и неопредѣленность показаній, а также невозможность доказать справедливость своего взгляда; намъ лично этотъ методъ доставилъ много непріятныхъ минутъ, когда, руководствуясь исключительно имъ, приходилось вести нескончаемые споры чуть не изъ-за каждой черты, проведенной на схемѣ, и, чувствуя справедливость своихъ мнѣній, не имѣть возможности представить какія бы то ни было доказательства. Очень часто также мы оказывались въ большомъ затрудненіи, когда, не имѣя еще достаточно матеріала для установленія родства между двумя какими-нибудь душевными свойствами путемъ внѣшняго наблюденія, мы пытались предварительно намѣтить эти связи при помощи одного только самонаблюденія: сначала кажется будто связи надо установить въ такомъ-то направленіи, но потомъ начинаетъ казаться, что и нѣкоторыя другія качества также близко сюда подходятъ,—и въ концѣ концовъ самъ не знаешь хорошенько, куда же собственно надо проводить соединительную черту.

Всѣ эти затрудненія и были, вѣроятно, причиной того, что вопросъ о взаимныхъ связяхъ душевныхъ свойствъ является до сихъ поръ еще совершенно неразработаннымъ.

Значительно болѣе плодотворнымъ, по нашему мнѣнію, можетъ явиться въ данномъ случаѣ внѣшнее наблюденіе, систематически производимое надъ возможно большимъ количествомъ объектовъ; о чемъ мы уже подробно говорили выше. Приемъ, употреблявшійся нами для установленія взаимной связи душевныхъ свойствъ, можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

- Если два душевныхъ свойства всегда встрѣчаются вмѣстѣ, или же съ отсутствіемъ одного всегда отсутствуетъ и другое, то такія свойства мы считаемъ родственными, находящимися въ близкой связи; если же, наоборотъ, одно какое-нибудь качество у нѣсколькихъ субъектовъ выражено рѣзко, тогда какъ другое качество у этихъ же субъектовъ совершенно отсутствуетъ, то такія качества мы считаемъ другъ по отношенію къ другу совершенно индифферентными или даже противоположными.

Здѣсь мы должны будемъ коснуться одного очень важнаго вопроса—именно, о различіи между простыми и сложными душевными свойствами, такъ какъ всякій, кто пожелалъ бы на практикѣ примѣнить указанные нами сейчасъ приемы, неизбежно долженъ встрѣтиться съ этимъ вопросомъ. Дѣло въ томъ, что

въ своей схемѣ мы старались помѣщать только наиболѣе простыя явленія психической жизни, тѣ элементы, изъ которыхъ складываются характеры отдѣльныхъ людей. Но едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что въ психической жизни человѣка почти никогда не наблюдается совершенно простыхъ, однородныхъ явленій. Всѣ наши психологическія рубрики, подраздѣленія, какъ-то: ощущеніе, представленіе, чувствованіе и т. д., суть только отвлеченія, никогда почти не встрѣчающіяся въ чистомъ видѣ, а всегда въ комбинаціи съ другими элементами психической жизни. Извѣстно, что Helmholtz, такой казался бы несложный, элементарный актъ, какъ воспріятіе простого звука, расчленилъ на цѣлый рядъ одновременно воспринимаемыхъ ощущеній; Wundt, какъ извѣстно, видитъ во всѣхъ умственныхъ процессахъ, даже въ простомъ ощущеніи, весьма сложный психическій актъ, — именно сужденіе. Все это указываетъ на то, что если мы хотимъ быть близки къ дѣйствительной жизни, то неизбежно должны допустить въ своей схемѣ присутствіе сложныхъ психическихъ явленій, наблюдая только за тѣмъ, чтобы изъ сложныхъ выбирать по возможности болѣе простыя.

Но разъ мы допускаемъ въ планъ нашего изслѣдованія психической сферы присутствіе сложныхъ психическихъ явленій, то мы должны всякій разъ точно знать, съ чѣмъ мы имѣемъ дѣло, другими словами, должны умѣть подробно анализировать всякій сложный психическій актъ. Я не буду здѣсь говорить о субъективномъ анализѣ, который издавна практикуется въ психологіи; методъ этотъ представляется общеизвѣстнымъ, общеупотребительнымъ и въ настоящее время настолько разработанъ, что трудно прибавить къ нему что-нибудь новое.

Прекрасные образцы такого рода анализовъ можно найти у А. Вап'а, который расчленяетъ этимъ путемъ многія сложные душевныя явленія на ихъ составные элементы; такъ, напр., религиозное чувство, по его мнѣнію, «слагается изъ нѣжной эмоціи, соединенной со страхомъ и чувствомъ высокаго; составные элементы грусти—страданіе отъ потери предметовъ любви и нѣжная эмоція, доставляющая утѣшеніе; составные элементы негодованія—мстительность и нравственное чувство» и т. д. Но посмотримъ, нельзя ли попытаться произвести анализъ сложнаго психическаго явленія при помощи внѣшняго наблюденія, подобно тому, какъ выше мы старались при посредствѣ того же внѣш-

ного наблюденія находить въ данномъ человѣкѣ тѣ или инныя душевныя свойства, а также устанавливать родство между отдѣльными душевными качествами.

Возьмемъ, напримѣръ, весьма характеристическое, хотя довольно сложное душевное качество: способность заранѣе обдумывать каждый свой поступокъ. Субъективный анализъ этого качества въ общихъ чертахъ будетъ таковъ: во-первыхъ, представленіе о цѣли, соединенное съ желаніемъ достигнуть этой цѣли; во-вторыхъ, цѣльный рядъ представлений о средствахъ къ достиженію цѣли; сравненіе этихъ средствъ другъ съ другомъ и выборъ наиболѣе подходящаго при помощи цѣлаго ряда сужденій; въ-третьихъ, наконецъ, дѣйствіе, направленное къ достиженію цѣли; къ этому надо прибавить еще способность воспринимать ощущенія (зрительныя, слуховыя и т. д.), безъ которыхъ намъ почти невозможно познакомиться со средствами, ведущими къ достиженію намѣченной цѣли. Такимъ образомъ получилось очень сложное психическое явленіе, состоящее изъ большого числа элементовъ. Но тутъ возникаетъ другой вопросъ: всѣ ли указанные элементы въ одинаковой степени необходимы для составленія даннаго психическаго явленія? На дѣлѣ, какъ мы увидимъ ниже, для того, чтобы обладать рѣзко выраженною склонностью обдумывать поступки, человѣкъ долженъ имѣть въ значительной степени развитою только склонность къ разсужденію; представленіе же о цѣли, желаніе достигнуть этой цѣли и способность воспринимать внѣшнія ощущенія могутъ быть у него сравнительно менѣе развиты. Другими словами: въ составъ разсматриваемаго сложнаго качества («обдуманности поступковъ») способность разсуждать входитъ въ высокой степени—положимъ 5-й или 6-й, между тѣмъ какъ степень участія остальныхъ психическихъ элементовъ (представленіе о цѣли, желаніе достигнуть ея и т. д.) сравнительно не велики—не выше 1-й или 2-й.

Вотъ относительно этой-то степени развитія элементовъ, входящихъ въ составъ сложнаго психическаго явленія, методъ самонаблюденія даетъ намъ самыя смутныя указанія. Между тѣмъ вопросъ этотъ представляетъ изъ себя не одинъ только теоретическій интересъ, а можетъ имѣть очень важное практическое значеніе; вѣдь зная точно составные элементы какого-нибудь сложнаго качества и найдя у наблюдаемаго субъекта это качество, мы заранѣе уже знаемъ, на отысканіе какихъ основныхъ

чертъ мы должны обратить особое вниманіе въ данномъ случаѣ; съ другой стороны, установивши присутствіе у наблюдаемаго нѣсколькихъ простыхъ, элементарныхъ психическихъ свойствъ, мы можемъ предсказать, что встрѣтимъ у него всѣ сложныя свойства, составленныя изъ этихъ элементовъ. Намъ кажется, что внѣшнее наблюденіе можетъ намъ доставить и въ этомъ случаѣ весьма цѣнныя данныя.

Положимъ, что мы произвели обстоятельныя наблюденія надъ значительнымъ числомъ объектовъ, точно опредѣляя во всѣхъ случаяхъ степень развитія различныхъ душевныхъ свойствъ при помощи указанныхъ нами выше способовъ. Всѣ психическія качества, найденныя у каждаго отдѣльнаго лица, съ обозначеніемъ ихъ степени, наносятся на особую схему, представляющую собою планъ изслѣдованія; такимъ образомъ, мы получимъ цѣлый рядъ наглядно представленныхъ характеристикъ, которыя сразу покажутъ намъ, какими качествами и въ какой степени одно лицо отличается отъ другого *). Выберемъ отсюда всѣхъ тѣхъ лицъ, у которыхъ признаки обдуманности поступковъ (т.-е. сложнаго качества, которое надо анализировать) ясно выражены, и степень развитія этого качества также велика (5-я или 6-я). Разсматривая отдѣльныя схемы всѣхъ этихъ лицъ, мы убѣждаемся, положимъ, что у всѣхъ нихъ существуютъ признаки, указывающія на способность разсуждать (для краткости обозначимъ это простѣйшее качество буквой Р), и отчетливость представленій объ искомой цѣли (обозначимъ ее буквой П); при этомъ степень развитія обоихъ этихъ элементарныхъ качествъ не въ одномъ изъ приведенныхъ случаевъ не спускается ниже 5-й. Кромѣ того, положимъ, что во всѣхъ безъ исключенія приведенныхъ случаяхъ встрѣчаются также способность ощущать (О) и желать (Ж), но только у иныхъ субъектовъ оба эти качества сравнительно слабо развиты, достигая только 1-й—2-й степени. Всѣ же остальные качества у однихъ изъ приведенныхъ лицъ болѣе или менѣе ясно выражены, а у другихъ совершенно отсутствуютъ.

На основаніи всего этого, если только число приведенныхъ характеристикъ было значительно, мы можемъ съ большою до-

*) Къ сожалѣнію, мы не можемъ привести здѣсь этихъ характеристикъ, такъ какъ не считаемъ возможнымъ приводить самую схему (см. выше). Надѣмся, однако, что и безъ этого наши разсужденія будутъ достаточно ясны для читателей.

стовѣрностью вывести слѣдующее заключеніе: для того, чтобы получить анализируемое сложное психическое явленіе (или качество), т.-е. обдуманность поступковъ, необходимо присутствіе у даннаго субъекта Р и П не меньше 5-й и О и Ж не меньше 1-й степени. Слѣдовательно, обдуманность поступковъ можно представить въ такомъ видѣ: Р₅ П₅ О₁ Ж₁. Иногда, особенно если число субъектовъ было невелико, можетъ выйти такъ, что совершенно случайно у всѣхъ нихъ оказалось какое-нибудь качество, не имѣющее ни малѣйшаго отношенія къ разсудочности поступковъ; положимъ, напр., чувство гнѣва; руководствуясь нашими приемами, придется и его включить въ составъ анализируемаго сложнаго качества. Но дальнѣйшія наблюденія быстро убѣдятъ насъ въ противномъ, доставивши намъ такихъ субъектовъ, у которыхъ существуетъ сильно развитая обдуманность поступковъ безъ малѣйшихъ намековъ на чувство гнѣва. Жизнь со всѣмъ ея разнообразіемъ въ этомъ отношеніи доставляетъ намъ часто настоящіе эксперименты: стоитъ только внимательнѣе приглядываться къ ней.

Итакъ, для того чтобы анализировать сложное психическое явленіе, необходимо собрать по возможности больше характеристикъ субъектовъ, у которыхъ это сложное качество рѣзко выражено; при этомъ должны быть по возможности точно обозначены степени развитія всѣхъ душевныхъ свойствъ, имѣющихся у каждаго изъ этихъ субъектовъ. Затѣмъ выбираются всѣ тѣ простѣйшія качества, которыя имѣются во всѣхъ безъ исключенія данныхъ случаяхъ, при чемъ для каждаго изъ нихъ берется тотъ minimum, который имѣется во всѣхъ собранныхъ характеристикахъ.

Получившіяся въ результатѣ нѣсколько простѣйшихъ душевныхъ свойствъ (числомъ обыкновенно около 4—6), съ обозначеніемъ степени каждаго изъ нихъ, мы и должны считать составными элементами, необходимыми для полученія анализируемаго сложнаго психическаго явленія.

Конечно, такой способъ количественнаго анализа сложныхъ психическихъ явленій путемъ внѣшняго наблюденія не можетъ похвалиться особенной точностью; но все же онъ лучше, чѣмъ ничего; если бы намъ удалось анализировать такимъ образомъ, хотя бы приблизительно, хотя бы только установивши 5—7 степеней,—большинство сложныхъ психическихъ явленій, то и это

былъ бы уже большой шагъ впередъ въ сравненіи съ тою неопредѣленностью, которая и по сіе время господствуетъ въ этой сферѣ. Мы должны, впрочемъ, сказать, что для подобныхъ количественныхъ анализовъ слѣдуетъ брать преимущественно лицъ съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ, постояннымъ складомъ характера; если прибѣгнуть къ дѣленію Fr. Paulhan'a *), то наиболѣе пригодными для этихъ цѣлей являются натуры «уравновѣшенныя», «цѣльныя» и «владѣющія собою», тогда какъ противорѣчивыя натуры представляютъ постоянную смѣну самыхъ противоположныхъ качествъ, что можетъ повлечь за собою ошибки при производствѣ анализа.

Теперь намъ необходимо сдѣлать одну очень важную оговорку. Выше мы все время занимались почти исключительно методомъ внѣшняго наблюденія, стараясь найти приемы для приданія всѣмъ нашимъ наблюденіямъ и выводамъ возможно большей объективности. Такъ, мы указывали, какимъ образомъ можно производить наблюденія надъ другими людьми, съ приблизительнымъ опредѣленіемъ у нихъ степени развитія тѣхъ или иныхъ качествъ; далѣе, изложили приемы для нахождения родства между отдѣльными душевными свойствами и, наконецъ, пытались указать путь для качественного и количественного анализа сложныхъ психическихъ явленій. Но изъ всего этого вовсе не слѣдуетъ заключать, чтобы мы считали возможнымъ ограничиться однимъ только внѣшнимъ наблюденіемъ и совершенно исключить самообладаніе. Совсѣмъ нѣтъ. Самообладаніе, по нашему мнѣнію, также много можетъ дать и дало уже, для выясненія интересующихъ насъ въ данную минуту вопросовъ; если выше мы мало говорили о немъ, то только потому, что методъ этотъ является въ настоящее время общепризнаннымъ и общеупотребительнымъ, тогда какъ внѣшнее наблюденіе если иногда и примѣняется, то только мимоходомъ, безъ всякаго плана, безъ всякой опредѣленной системы. Между тѣмъ, чѣмъ больше дорогъ ведетъ къ одной и той же цѣли, тѣмъ лучше для самой науки и тѣмъ точнѣе будутъ полученные нами результаты. Возьмемъ, напримеръ, анатомію и физиологію: очень часто онѣ рѣшаются одинъ и тотъ же вопросъ совершенно независимо другъ отъ друга; положимъ, физиологъ, раздражая центральныя извилины мозго-

*) Fr. Paulhan. Les caractères. Paris, 1894.

вой коры, получаетъ сокращеніе мускуловъ конечностей; въ то же время анатомъ, иногда даже не зная физиологическихъ изслѣдованій, находитъ непрерывный путь, идущій отъ центральныхъ извилинъ къ переднимъ рогамаъ спинного мозга и дальше посредствомъ двигательныхъ нервовъ къ мышцамъ конечностей. Такимъ образомъ изслѣдованія, произведенныя отъ начала до конца по двумъ совершенно различнымъ методамъ, пришли къ одному и тому же результату,—о связи центральныхъ извилинъ съ мышцами конечностей; а это служитъ для насъ лучшимъ доказательствомъ того, что вопросъ рѣшенъ вѣрно.

Интересно здѣсь то, что каждый шелъ своей самостоятельной дорогой. Конечно, физиологическія указанія могутъ навести анатома на мысль искать связующія волокна именно между данными двумя органами; но ни одинъ анатомъ не удовольствуется физиологическими данными, а непременно станетъ доискиваться подъ микроскопомъ нервныхъ проводниковъ, идущихъ отъ мозговой коры къ мышцамъ конечности.

Подобно этому мы считаемъ и въ психологіи необходимымъ и въ высшей степени полезнымъ попытки рѣшать каждый вопросъ отъ начала до конца при помощи сначала одного только самонаблюденія, а потомъ одного только внѣшняго наблюденія. Очень можетъ быть, что нѣкоторые вопросы окажется возможнымъ разрѣшить только при помощи какого-нибудь одного изъ этихъ методовъ; зато, если въ обоихъ случаяхъ мы придемъ къ одному и тому же результату, то какъ точность, такъ и обстоятельность нашихъ изслѣдованій отъ этого только выиграютъ. Наконецъ, строгое разграниченіе обоихъ этихъ методовъ заставить насъ тщательно разрабатывать каждый изъ нихъ (въ особенности мало разработанное до сихъ поръ внѣшнее наблюденіе), добиваясь отъ каждаго изъ нихъ всѣхъ результатовъ, какіе только онъ можетъ дать, не пытаясь прикрыть прорѣхи одного заплатами, взятыми изъ другого; а это несомнѣнно окажется гораздо болѣе плодотворнымъ, чѣмъ постоянное перескакиваніе отъ самонаблюденія къ внѣшнему наблюденію и обратно.

Другое дѣло—критическое пользованіе данными, уже установленными путемъ научныхъ изслѣдованій. Врачъ-практикъ, которому необходимо опредѣлить болѣзнь, пользуется свѣдѣніями отовсюду, откуда только онъ можетъ ихъ почерпнуть; точно также и въ обыденной жизни, стараясь разгадать характеры

окружающих насъ людей, мы пускаемъ въ ходъ самые разнообразныя приемы, не заботясь объ особенной правильности и методичности. Но при изслѣдованіи новой, еще мало изученной области такая беспорядочность и смѣшеніе методовъ не приведутъ ни къ чему хорошему.

Послѣ этого необходимаго отступленія вернемся опять къ дальнѣйшему разсмотрѣнію взаимной связи душевныхъ свойствъ и способовъ ея изученія. Въ I главѣ мы подробно разбирали внѣшнія обстоятельства, въ особенности тѣ изъ нихъ, которыя всегда и во всѣхъ случаяхъ способствуютъ возникновенію въ человѣкѣ одного и того же опредѣленнаго душевнаго свойства; такія обстоятельства мы назвали непосредственными возбудителями, причѣмъ пытались отыскать для каждаго изъ элементарныхъ душевныхъ свойствъ свой особый возбудитель.

На основаніи нашихъ наблюденій мы можемъ сказать, — правда, только въ видѣ предположенія, за достовѣрность котораго еще трудно поручиться, — что непосредственные возбудители представляютъ между собою соотношенія, совершенно аналогичныя взаимнымъ связямъ душевныхъ свойствъ; другими словами, если мы возьмемъ два родственныя качества, то возбудители ихъ также оказываются родственными по своему содержанію; наоборотъ, индифферентныя или противоположныя другъ другу качества имѣютъ и возбудителей совершенно непохожихъ одинъ на другого. Примѣры подобныхъ отношеній можно видѣть на приведенныхъ выше (см. I гл.) проявленіяхъ гнѣва, гдѣ родственныя другъ другу душевныя свойства имѣютъ и возбудителей по существу своему весьма близкихъ другъ къ другу.

Если бы это положеніе подтвердилось дальнѣйшими наблюденіями, то мы нашли бы въ немъ новое средство для проверкѣ нашихъ выводовъ о родствѣ душевныхъ свойствъ; руководствуясь имъ, мы считали бы родство это доказаннымъ лишь въ томъ случаѣ, если бы и возбудители обоихъ качествъ оказались сходными между собою.

Наконѣцъ, возможенъ еще одинъ вспомогательный приемъ для установленія родства (или, вѣрнѣе, отсутствія родства) между отдѣльными душевными свойствами. Приемъ этотъ состоитъ въ слѣдующемъ. Всякія два элементарныя качества могутъ комбинироваться между собою, образуя сложное психическое явленіе; но такія комбинаціи могутъ происходить только между каче-

ствами родственными или индифферентными; качества же противоположны другъ другу не могутъ, повидимому, соединяться вмѣстѣ, а непременно вступаютъ между собою въ борьбу, при чемъ побѣждаетъ и слѣдовательно проявляется наружу то одно, то другое. Такъ, любопытство можетъ комбинироваться со страхомъ, съ любовью, съ ненавистью и т. д.; но мы не можемъ встрѣтить такого случая, когда бы человѣкъ проявлялъ любопытство и равнодушіе въ одинъ и тотъ же моментъ по отношенію къ одному и тому же объекту.

Этому положенію на первый взглядъ противорѣчить тотъ извѣстный фактъ, что иногда можно чувствовать одновременно по отношенію къ одному и тому же человѣку любовь и ненависть, страхъ и презрѣніе. Но здѣсь противорѣчіе только кажущееся. Дѣло въ томъ, что подобно душевнымъ качествамъ и обстоятельства—возбудители могутъ быть какъ простыми, такъ и сложными. Человѣкъ, со всѣмъ разнообразіемъ его поступковъ, представляетъ собою по отношенію къ другимъ людямъ, которые такъ или иначе соприкасаются съ нимъ, прекрасный примѣръ такого ложнаго обстоятельства—возбудителя: въ то время, какъ одни поступки его возбуждаютъ въ насъ гнѣвъ, негодованіе и даже ненависть, другіе могутъ вызвать въ насъ симпатію или любовь. Такимъ образомъ любовь и ненависть проявляются здѣсь, правда, одновременно, но по отношенію къ *различнымъ объектамъ*. Между тѣмъ одинъ и тотъ же объектъ одновременно не можемъ возбуждать двухъ противоположныхъ душевныхъ качествъ.

Изъ этого положенія вытекаетъ слѣдующій вспомогательный приемъ для установленія отношеній между отдѣльными психическими качествами: если всѣ наши наблюденія и анализы не укажутъ намъ на существованіе такого сложнаго проявленія, куда входили бы оба интересующія насъ качества (въ данномъ случаѣ любопытство и равнодушіе), то съ большимъ вѣроятіемъ можно предположить, что эти качества противоположны другъ другу и между ними не можетъ существовать взаимной связи. Этотъ приемъ еще лишній разъ указываетъ намъ на необходимость заняться обстоятельнымъ, какъ можно болѣе подробнымъ описаніемъ и анализомъ всевозможныхъ сложныхъ проявленій психической дѣятельности; только имѣя у себя подъ рукою подобный матеріалъ, мы можемъ судить о томъ, въ какія комбинаціи спс-

способно вступать данное элементарное качество и къ какимъ комбинаціямъ оно, наоборотъ, не способно.

Разсмотрѣвъ способъ изученія взаимной связи душевныхъ свойствъ, вполне естественно теперь задаться вопросомъ о томъ, какова же природа этой связи и въ чемъ собственно состоитъ ихъ родство между собою? Для того, чтобы придти къ окончательному выводу на этотъ счетъ, необходимо конечно еще много дальнѣйшихъ наблюдений; но уже и то, что мы знаемъ, позволяетъ намъ догадываться, что здѣсь дѣло обстоитъ не особенно просто. То, что мы называли выше «родствомъ» и «взаимной связью» душевныхъ свойствъ, повидимому, не вездѣ носитъ одинъ и тотъ же характеръ. Въ большинствѣ случаевъ дѣло идетъ здѣсь о весьма близкомъ сходствѣ между двумя простѣйшими психическими явленіями, причемъ сходство наблюдается какъ въ субъективныхъ ощущеніяхъ, такъ и во внѣшнемъ проявленіи этихъ родственныхъ качествъ; таковы, напримѣръ, нѣжность и благожелательность, гнѣвъ и склонность къ борьбѣ и другія; два такихъ среднихъ качества до того похожи другъ на друга, что трудно установить между ними границу, а между тѣмъ разница несомнѣнно существуетъ. Такія отношенія существуютъ между многими простѣйшими душевными качествами, и они-то главнымъ образомъ и заслуживаютъ названія взаимнаго родства душевныхъ свойствъ. Изрѣдка встрѣчаются случаи, когда два сосѣднихъ качества относятся одно къ другому, какъ причина къ слѣдствію; такъ, напримѣръ, обладаніе значительнымъ запасомъ энергіи обыкновенно вызываетъ самоувѣренность, такъ какъ человѣкъ постоянно убѣждается въ томъ, что онъ можемъ вполне осуществлять всѣ свои желанія.

Наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ два сложныхъ душевныхъ свойства кажутся родственными потому, что въ составъ какъ того, такъ и другого вошли совершенно случайно нѣсколько сходныхъ элементовъ. Такъ, научная любознательность и склонность къ сплетнямъ имѣютъ одинъ общій элементъ—интересъ къ новизнѣ; но если мы проанализируемъ ихъ, то убѣдимся, что остальные элементы, входящіе въ составъ этихъ двухъ качествъ въ меньшей, если не въ большей степени, чѣмъ интересъ къ новизнѣ, не имѣютъ между собой ничего общаго. Внѣшнее наблюденіе подтверждаетъ этотъ анализъ, указывая намъ, что сплошь и рядомъ у лицъ съ развитой склонностью къ сплет-

нямъ научная любознательность совершенно отсутствуетъ. Такимъ образомъ различіе между упомянутыми двумя сложными качествами не менѣе значительно, чѣмъ и сходство между ними. При установленіи взаимнаго родства между простѣйшими душевными свойствами, такого рода соотношенія могутъ играть лишь второстепенную роль.

Во всякомъ случаѣ, какъ бы ни были разнообразны связи и взаимоотношенія между различными душевными качествами, все же подробное выясненіе этихъ отношеній при помощи приѣмовъ, изложенныхъ нами выше, можетъ представить, какъ намъ кажется, весьма большой теоретическій и практический интересъ.

До сихъ поръ, говоря о взаимной связи различныхъ душевныхъ свойствъ, мы совсѣмъ не касались одной стороны вопроса, и именно тѣхъ анатомо-физиологическихъ процессовъ, которые являются постояннымъ спутникомъ всѣхъ или по крайней мѣрѣ огромнаго большинства извѣстныхъ намъ психическихъ явленій. Между тѣмъ въ высшей степени интересно было бы прослѣдить, насколько сходство, наблюдающееся между отдѣльными душевными свойствами, можно наблюдать также и въ отношеніи ихъ анатомо-физиологической подкладки этихъ свойствъ.

Уже à priori можно предполагать, что анатомо-физиологическія связи и отношенія въ общихъ чертахъ соотвѣтствуютъ психологическимъ отношеніямъ, а тѣ, правда не особенно многочисленные, свѣдѣнія о локализациі психическихъ процессовъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время, все же могутъ дать намъ матеріалъ для провѣрки высказаннаго нами сейчасъ предположенія. Мы видѣли выше, что Lange, напр., находитъ чисто физиологическое родство между гнѣвомъ и радостью, страхомъ и печалью. И если бы удалось установить подобныя же физиологическія связи и между другими психическими явленіями, то у насъ получился бы еще одинъ вспомогательный приѣмъ для установленія взаимной связи между психическими качествами: родство двухъ душевныхъ качествъ можетъ считаться вполне доказаннымъ лишь въ томъ случаѣ, если и соотвѣтствующіе имъ анатомо-физиологическіе процессы находятся между собой въ тѣсной связи и всегда сопровождаютъ другъ друга.

Теперь остается сказать нѣсколько словъ о матеріалѣ, наиболѣе пригодномъ для изученія родства душевныхъ свойствъ, а также

о томъ значеніи, которое могутъ имѣть для насъ подобныя изслѣдованія.

Кромѣ наблюденія надъ взрослыми здоровыми людьми (о чемъ мы уже подробно говорили выше), очень полезнымъ для нашихъ цѣлей можетъ оказаться наблюденіе надъ появленіемъ различныхъ психическихъ свойствъ у развивающагося ребенка: развитіе одного какого-нибудь качества непрѣмѣнно будетъ сопровождаться и развитіемъ другихъ, родственныхъ ему, а такъ какъ психическая сфера у ребенка вообще гораздо проще, чѣмъ у взрослого, то и родство это выступитъ съ большею ясностью.

Въ этомъ отношеніи возможна даже настоящая экспериментальная постановка вопроса: ребенку путемъ воспитанія прививаютъ какое-нибудь качество, отсутствовавшее у него раньше (конечно желательное въ педагогическомъ отношеніи) и наблюдаютъ, какія черты его характера измѣняются вмѣстѣ съ появленіемъ этого качества.

Большія услуги можетъ оказать также наблюденіе надъ душевно-больными, особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда душевное расстройство проявляется ненормально-сильнымъ развитіемъ одной какой-нибудь стороны душевной жизни человѣка: ненормальное возбужденіе или, наоборотъ, угнетеніе психической сферы, ненормальное ослабленіе воли, частичныя расстройства памяти и т. д.; тѣ психическія качества, которыя всегда, при всевозможныхъ формахъ болѣзней, поражаются вмѣстѣ (т.-е. при пораженіи одного всегда поражается и другое), можно съ большою вѣроятностью считать родственными другъ другу.

Далѣе, очень полезнымъ можетъ оказаться подробное обслѣдованіе психической сферы людей, одаренныхъ въ необыкновенной степени какой-нибудь способностью, напр., извѣстныхъ счетчиковъ (*calculateurs*), также нѣкоторыхъ знаменитыхъ дѣятелей, великихъ людей: наряду съ необычайнымъ развитіемъ у нихъ данной способности должно замѣчаться также значительное развитіе другихъ, близко соприкасающихся съ нею.

Наконецъ, интересно было бы также, изучивши подробно психическую личность какого-либо человѣка, наблюдать за тѣмъ, какъ дѣйствуютъ на него тѣ или иныя чрезвычайныя экстраординарныя событія и обстоятельства; при этомъ надо въ особенности слѣдить за дѣйствіемъ такихъ обстоятельствъ, которыя бы съ необычайной силой возбуждали одно какое-нибудь сравнительно

простое качество (гнѣвъ, страхъ, радость и т. д.); если только связь между отдѣльными душевными свойствами дѣйствительно существуетъ, то съ возникновеніемъ даннаго качества непременно должны появиться, хотя бы только на время, и другія родственныя.

Что касается до того, какое значеніе могло бы имѣть выясненіе вопроса о взаимномъ родствѣ психическихъ свойствъ, то на этотъ счетъ мы ограничимся здѣсь лишь самыми краткими указаниями. Во-первыхъ, знаніе родства различныхъ душевныхъ свойствъ значительно облегчитъ намъ наблюденіе и изученіе другихъ людей. Найдя у наблюдаемаго человѣка присутствіе въ значительной степени какого-нибудь качества, мы уже заранѣе ищемъ у него другихъ качествъ, родственныхъ найденному. Далѣе, воспитатель, имѣя передъ глазами подробную схему связи душевныхъ свойствъ, будетъ знать, что усиленно развивая въ своемъ воспитанникѣ одно какое-нибудь качество, онъ тѣмъ самымъ способствуетъ появленію въ немъ другихъ, сосѣднихъ, иногда вовсе для него нежелательныхъ. Наконецъ, въ приложеніи къ индивидуальной психологіи, знаніе родства душевныхъ свойствъ поможетъ намъ уяснить себѣ психическое строеніе каждаго отдѣльнаго характера, каждой отдѣльной личности; совершенно такимъ же образомъ химикъ, зная родство различныхъ простѣйшихъ химическихъ группъ, выясняетъ на основаніи этого родства строеніе сложныхъ химическихъ соединеній. Имѣя въ рукахъ упомянутую выше схему, мы, можетъ быть, убѣдимся, что каждая отдѣльная человѣческая личность не есть случайная комбинація тѣхъ или иныхъ психическихъ элементовъ, а подчиняется какъ въ своемъ развитіи, такъ и въ своихъ перемѣнахъ строго опредѣленнымъ законамъ, заставляющимъ отдѣльные психическіе элементы соединяться между собой именно такъ, а не иначе.

Резюмируемъ въ краткихъ словахъ содержаніе всей статьи.

Современная научная психологія, обладая ужъ большимъ количествомъ знаній, все-таки въ значительной степени остается еще отвлеченной и мало приложимой къ жизни; эта особенность присуща даже такой чисто практической отрасли ея, какъ индивидуальная психологія.

Одна изъ причинъ этого заключается въ томъ, что научно душевныя явленія изучались и изучаются почти исключительно путемъ самонаблюденія, между тѣмъ какъ на практикѣ при изуче-

нии людей первенствующую роль должно играть поневоле внѣшнее наблюдение.

Въ виду этого необходимо заняться подробнѣйшимъ изученіемъ внѣшнихъ проявленій психической жизни человѣка; надо только значительно расширить понятіе о внѣшнихъ проявленіяхъ. Далѣе, необходимо составить подробный планъ, общій для всѣхъ наблюдений, чтобы, пользуясь этимъ планомъ, всесторонне изучать каждый отдѣльный индивидуумъ, какъ это дѣлаютъ клиницисты при изслѣдованіи больныхъ. Такимъ образомъ получится матеріалъ въ видѣ множества обстоятельныхъ характеристикъ, составленныхъ по одному общему плану и поэтому весьма удобныхъ для сравненія.

Кромѣ внѣшнихъ проявленій, необходимо также подробно изучать внѣшнія условія (обстоятельства), способствующія или препятствующія проявленію каждаго даннаго душевнаго свойства этимъ путемъ мы можемъ производить приблизительную оцѣнку степени развитія того или иного качества у наблюдаемаго человѣка. Такой способъ измѣрять степень душевныхъ свойствъ посредствомъ разсмотрѣнія (или видоизмѣненія) обстоятельствъ-возбудителей давно уже примѣняется какъ въ обыденной жизни, такъ отчасти и въ точной наукѣ (психіатрія, экспериментальная психологія); тщательное изученіе обстоятельствъ сдѣлаетъ его болѣе сознательнымъ и точнымъ.

Кромѣ указаннаго способа можно изучать степень развитія отдѣльныхъ душевныхъ свойства въ каждомъ данномъ случаѣ путемъ ихъ взаимнаго столкновенія у наблюдаемаго человѣка, а также по степени внѣшнихъ проявленій (включая сюда и результаты поступковъ, дѣйствій).

Существуетъ взаимная связь, родство между отдѣльными душевными свойствами. Существованіе этого родства удостовѣряется: а) данными самонаблюдения, указывающими на близкое сходство родственныхъ душевныхъ свойствъ; б) путемъ сравненія характеристикъ, полученныхъ вышеописаннымъ путемъ, при чемъ оказывается, что родственныя качества всегда встрѣчаются вмѣстѣ.

Необходимо подробно описывать и анализировать возможно большее количество сложныхъ психическихъ качествъ, такъ какъ помимо важнаго практическаго значенія анализъ этотъ можетъ также способствовать выясненію взаимнаго родства душевныхъ свойствъ. Внѣшнее наблюдение можетъ въ значительной степени

способствовать этому анализу сложныхъ качествъ; кромѣ того, оно можетъ дать намъ приблизительное понятіе о степени участія различныхъ простѣйшихъ душевныхъ свойствъ въ образованіи того сложнаго психическаго явленія, которое подлежитъ анализу.

Есть основаніе думать, что обстоятельства-возбудители двухъ родственныхъ душевныхъ свойствъ, равно какъ и анатомо-физиологическій субстратъ каждаго изъ нихъ также находятся въ близкой связи между собою.

Природа взаимной связи душевныхъ свойствъ не во всѣхъ случаяхъ одинакова, такъ какъ взаимныя отношенія простѣйшихъ психическихъ явленій отличаются значительнымъ разнообразіемъ; полное и детальное выясненіе этихъ связей и отношеній представляется дѣломъ весьма важнымъ какъ съ теоретической, такъ и съ чисто практической точки зрѣнія.

А. Лазурскій.

Наблюденія и опыты по эстетикѣ зрительныхъ воспріятій.

II.

Наблюденія.

Зрительныя воспріятія обусловливаются свѣтовыми возбужденіями сѣтчатой оболочки въ тѣсной связи съ мышечными движеніями глазъ.

Выдающаяся роль этихъ двухъ факторовъ, въ особенности при воспріятіи очертаній окружающихъ насъ предметовъ, болѣе или менѣе признается всѣми психологами, къ какой бы изъ двухъ теорій о первоначальномъ происхожденіи пространственныхъ представленій—нативистической или генетической—они ни примыкали *). Естественная необходимость движенія глазъ въ процессѣ зрительныхъ и пространственныхъ воспріятій вытекаетъ, съ одной стороны, изъ анатомическаго ихъ устройства, съ другой—изъ волевыхъ импульсовъ, изъ стремленія организма приспособиться къ средѣ, вслѣдствіе котораго наиболѣе полезныя движенія становятся и самыми легкими и пріятными **).

Чтобы яснѣе представить себѣ это, стоитъ припомнить, что сѣтчатая оболочка обладаетъ наибольшею чувствительностью, способностью передавать наиболѣе ясныя свѣтовыя впечатлѣнія въ одной своей точкѣ, называемой центральною ямкою или желтымъ пятномъ (0,2 мм. въ діаметрѣ); по мѣрѣ удаленія отъ этой середины сѣтчатки ея способность различенія разстояній

*) Обзоръ и критика теорій: *Helmholtz* Optique physiologique § 33, стр. 999; *Вундт*: Осн. фізіол. псих., 1881 г., стр. 709.

**) *Helmholtz*, тамъ же, § 27, стр. 629 и § 33, стр. 1004.

и цвѣтовъ быстро уменьшается. Отсюда возникаетъ необходимость посредствомъ соотвѣтственныхъ движеній глазного яблока, поворачивающаго сѣтчатку, фиксировать всѣ точки того очертанія, которое мы желаемъ разсмотрѣть или, по крайней мѣрѣ, тѣ главныя точки, которыми привлекается наше вниманіе и опредѣляется направленіе очертаній. Движенія эти совершаются невольно, какъ унаслѣдованный или воспитанный рефлексъ на свѣтотыя раздраженія сѣтчатки, или произвольно, подъ вліяніемъ какихъ-либо внутреннихъ побужденій. Въ послѣднемъ случаѣ, преслѣдуя какую-нибудь внѣшнюю или внутреннюю цѣль, мы, большею частью, безсознательно пользуемся готовымъ механизмомъ глазныхъ движеній.

Поэтому, вся жизнь глаза кажется сосредоточенной въ его движеніяхъ, разнообразныхъ, независимыхъ и быстрыхъ. Изъ головного мозга направляется къ глазу три двигательныхъ нерва, изъ которыхъ одинъ, развѣтвляясь, управляетъ всѣми движеніями глазныхъ яблокъ; къ главному яблоку, имѣющему всего около семи граммовъ вѣса, прикрѣпляется шесть мускуловъ. Если предметъ не настолько малъ, чтобы его можно было разсмотрѣть при помощи однихъ глазныхъ движеній, тогда вступаютъ въ дѣйствіе мышцы шеи, туловища, наконецъ дѣлается поворотъ всего тѣла.

Изъ современныхъ психологовъ проф. Серджи больше другихъ обратилъ вниманіе на роль глазныхъ движеній въ воспріятіяхъ красивыхъ формъ.

«Красота формъ—говоритъ онъ въ отдѣлѣ своей психологіи, посвященномъ эстетическимъ чувствамъ,—состоитъ въ сочетаніи одновременныхъ и послѣдовательныхъ глазныхъ движеній. Пропорціональность и красота формъ зависятъ отъ того, насколько движенія глазъ, вызываемыя воспріятіями этого рода, выполняются безъ напряженія и утомленія, и насколько они соотвѣтствуютъ природѣ и анатомическому устройству самого глаза. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что это существующее анатомическое расположеніе, въ своемъ функціонированіи, должно быть воспитано и культивировано; подобно рукѣ живописца и скульптора, глазъ требуетъ навыка въ распознаваніи красоты и пропорціональности художественныхъ формъ. Тогда его движенія выполняются съ большею утонченностью и точностью; они постепенно умножаются и достигаютъ безконечной гибкости въ своихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ».

«Чтобы опредѣлить предметъ (въ пространствѣ)—продолжаетъ Серджи,—необходимо выполнить цѣлый рядъ глазныхъ движеній, большихъ и малыхъ, медленныхъ и быстрыхъ, въ одномъ или разнообразныхъ направленихъ, въ формѣ ломанной или изогнутой линіи большаго или меньшаго радіуса. При выполненіи этихъ движеній, мы испытываемъ соотвѣтствующее имъ чувство иннервации, энергія котораго соразмѣрна небольшой длинѣ и нѣжности этихъ мышцъ. Мускульныя ощущенія, которыми сопрождаются эти движенія, ничѣмъ не отличаются отъ ощущеній подобнаго рода, вызываемыхъ дѣятельностью всякихъ другихъ мышцъ» *). Нельзя однако не замѣтить, что въ справедливыхъ замѣчаніяхъ проф. Серджи о важной роли мышечныхъ движеній при эстетической оцѣнкѣ пространственныхъ формъ только указываются условія, среди которыхъ надо искать проявленій эстетическаго принципа; но опредѣленія самаго принципа въ нихъ нѣтъ: для выясненія природы эстетическаго чувства, порождаемаго зрительными воспріятіями, недостаточно знать, что мышечныя глазныя движенія играютъ большую роль въ зрительныхъ воспріятіяхъ,—необходимо еще опредѣлить, при какихъ именно условіяхъ эти разнообразныя движенія приобрѣтаютъ эстетическій характеръ. Кромѣ того, замѣчанія эти, высказанныя въ такой общей формѣ, требуютъ ограниченій.

Прежде всего, очевидно, что замѣчанія проф. Серджи применимы лишь къ простѣйшимъ геометрическимъ фигурамъ, какія встрѣчаются въ рисункахъ простаго орнамента или въ архитектурныхъ линіяхъ, т.-е. приложимы къ такого рода пространственнымъ воспріятіямъ, въ которыхъ ассоціація образовъ и побочныя вліянія не имѣютъ существеннаго значенія. Наши послѣдующія наблюденія посвящены изслѣдованію эстетическаго впечатлѣнія, производимаго такими фигурами.

Надо замѣтить затѣмъ, что мышечныя ощущенія, сопровождающія движенія глазъ, все-таки отличаются отъ другихъ подобныхъ ощущеній тѣмъ, что они менѣе замѣтны, въ большинствѣ случаевъ не доходятъ до сознанія и не соединяются съ ясными представленіями о соотвѣтствующихъ имъ органахъ движенія, какъ это бываетъ при движеніяхъ ногъ, рукъ, пальцевъ. Словомъ, въ приведенныхъ словахъ проф. Серджи дана лишь общая характе-

*) G. Serri: La psychologie physiologique, trad., p. Mouton, 1888, 382--383

ристика глазныхъ движеній при всякой дѣятельности, требующей изошреннаго зрѣнія; но изъ нихъ не видно, чѣмъ отличаются эти движенія въ процессѣ эстетическихъ воспріятій.

Наконецъ, этими замѣчаніями затронутъ интересный вопросъ о *соотвѣтствіи* участвующихъ въ эстетическихъ воспріятіяхъ движеній, *природѣ и анатомическому устройству* глазъ, безъ поясненія, однако, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать это соотвѣтствіе. Необходимость соотвѣтствія здѣсь можно понимать двояко.

Предположеніе первое. Оно должно состоять въ умѣренности движеній; энергія ихъ не должна превышать обычной работы этихъ мышцъ, не должна вызывать излишней непроизводительной траты физическихъ силъ, сопровождаемой непріятнымъ чувствомъ усилія, затрудненной дѣятельности; каждое движеніе должно вызываться «возможно простой иннервацией» (Вундтъ о глазныхъ движеніяхъ) или слѣдовать принципу «наименьшаго усилія» (Спенсеръ). Вѣрность и вмѣстѣ недостаточность этого взгляда состоитъ въ томъ, что онъ заключаетъ въ себѣ лишь отрицательное условіе. Подобно тому, какъ одно отсутствіе дрожаній при звучаніи двухъ звуковъ не можетъ обусловить ихъ гармоническаго соотношенія, такъ и одно только отсутствіе усилій въ движеніяхъ не можетъ обусловить ихъ эстетическаго достоинства. Нельзя отождествлять чувство легкости движеній съ чувствомъ ихъ эстетической пріятности. Тѣмъ не менѣе, слѣдуетъ признать, что излишнее нервное напряженіе, порождая непріятное чувство усилія, можетъ, вслѣдствіе антагонизма между чувствами удовольствія и страданія, не только понизить степень эстетическаго удовольствія, но и совершенно его подавить.

Предположеніе второе. Глазныя движенія въ воспріятіяхъ этого рода должны соотвѣтствовать, при разсматриваніи предметовъ, законамъ нормальныхъ глазныхъ движеній, извѣстныхъ подъ именемъ законовъ Листинга и Дондерса. Одинъ изъ нихъ состоитъ въ томъ, что движенія глазъ, исходя изъ первичнаго положенія, сохраняютъ постоянное перпендикулярное соотношеніе между линіей зрѣнія и осью вращенія глаза; другой—законъ постоянного ориентированія, заключается въ томъ, что горизонтъ сѣтчатки, исходя изъ какого бы ни было первоначальнаго положенія и переходя въ другое, сохраняетъ одно и то же положеніе по отношенію къ линіямъ ориентированія, какимъ бы образомъ

линія зрѣнія ни перемѣщалась изъ первоначальнаго положенія въ другое *).

Дѣйствіемъ этихъ законовъ устраняются колесообразныя вращенія глаза, которыя своимъ вліяніемъ могли бы нарушить правильность движеній глазъ при изученіи пространственныхъ отношеній; вертикальный и горизонтальный меридіаны сѣтчатки, пересѣкающіеся въ фиксаціонной точкѣ, пріобрѣтаютъ, благодаря этимъ законамъ, значеніе постоянныхъ линій ориентированія, при помощи которыхъ становится возможнымъ болѣе или менѣе точное сравненіе величины и положенія всѣхъ точекъ и протяженій зрительнаго поля: это достигается поочереднымъ и многократнымъ изображеніемъ этихъ величинъ на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ сѣтчатки.

Только тѣ протяженія зрительнаго поля могутъ подлежать точному сравненію между собою, изображенія которыхъ могутъ быстро приводиться къ однимъ и тѣмъ же мѣстамъ сѣтчатки посредствомъ простыхъ движеній глазъ. Каждый разъ, когда мы хотимъ сравнить между собою какія-нибудь величины зрительнаго поля—линіи, углы поверхности, мы прибѣгаемъ къ помощи движеній; если же точка фиксаціи остается все время неподвижною, то отъ насъ ускользаетъ много различій. Такимъ образомъ самый механизмъ устройства глазъ способствуетъ организаціи правильныхъ движеній, связанныхъ съ свѣтовыми воспріятіями сѣтчатки.

Эстетическая оцѣнка пространственныхъ отношеній тѣсно связана съ процессомъ сравненія этихъ отношеній, требующимъ правильно организованныхъ движеній; поэтому вліяніе указанныхъ законовъ здѣсь неизбѣжно. Оно выражается прежде всего въ томъ, что при оцѣнкѣ пространственныхъ формъ, фигуръ, рисунковъ, мы болѣе или менѣе сознательно пользуемся вертикальною и горизонтальною *линіями эстетическаго* ориентированія, соотвѣтствующими вертикальному и горизонтальному меридіанамъ сѣтчатки.

Эти линіи служатъ для опредѣленія какъ частей наблюдаемой фигуры, такъ и положенія относительно нея самого наблюдателя.

Разнообразныя движенія глазъ, при оцѣнкѣ какой-нибудь про-

*) Вундтъ, тамъ же, 614—618.

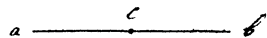
Helmholtz Opt. phys. 601—606, § 27.

странственной формы, не беспорядочны и не случайны: они подчиняются извѣстнымъ законамъ. Наблюдатель, прежде всего, ищетъ точки зрѣнія, выгодной для эстетической оцѣнки; потребность въ ней такъ настоятельна, что при значительныхъ размѣрахъ объекта (напримѣръ, фасадъ дома) онъ отдалается отъ него настолько, чтобы имѣть возможность, исходя изъ первичнаго положенія глазъ, окинуть однимъ взглядомъ всю плоскость, вверхъ и внизъ отъ горизонтальной линіи, фиксировать всѣ существенныя точки, вправо и влево отъ вертикальной, и прослѣдить очертанія, исходя изъ этого какъ бы центрального положенія и сохраняя въ моментъ сравненія одну и ту же точку зрѣнія.

Это положеніе глазъ наблюдателя, примѣнимое и къ оцѣнкамъ небольшихъ, начерченныхъ на бумагѣ фигуръ, требуетъ болѣе точнаго опредѣленія. Вертикальная, проходящая черезъ середину наблюдаемаго объекта, находится на продолженіи серединной плоскости нашего тѣла и перпендикулярна къ соединительной линіи глазъ; горизонтальная, пересѣкающаяся съ предыдущей приблизительно въ центрѣ наблюдаемаго объекта или въ серединѣ его основанія, параллельна соединительной линіи глазъ и находится, приблизительно, въ плоскости первичнаго положенія линій зрѣнія. Соотвѣтствующее указаннымъ условіямъ положеніе наблюдателя можно назвать нормальнымъ положеніемъ для эстетической оцѣнки данной фигуры, какъ наиболѣе соотвѣтствующее законамъ глазныхъ движеній.

Итакъ, оба предположенія, касающіяся зависимости глазныхъ движеній отъ анатомическаго строенія глазъ, должны быть приняты во вниманіе при изученіи зрительныхъ воспріятій съ эстетической точки зрѣнія. Чтобы перейти теперь отъ фізіологическихъ факторовъ къ психологическимъ, обратимся къ анализу впечатлѣній, производимыхъ нѣкоторыми элементарными геометрическими фигурами.

Прямая горизонтальная линія, параллельная къ соединительной линіи глазъ, раздѣленная точкою пополамъ (фиг. 1), производитъ эстетически-пріятное впечатлѣніе *); напротивъ, замѣтное отклоненіе дѣлящей точки въ ту или другую сторону вызываетъ непріятное, противо-эстети-

Фиг. 1.

*) Она производитъ то же впечатлѣніе, когда, вслѣдствіе оптическаго обмана, или неточности глазомера, только кажется раздѣленною пополамъ.

ческое чувство. Постараемся выяснить себѣ, на какомъ внутреннемъ процессѣ основывается этотъ простѣйшій случай эстетической оцѣнки пространственныхъ отношеній. Здѣсь, прежде всего, представляется вопросъ, какимъ путемъ убѣждаемся мы въ томъ, что точка дѣлитъ линію пополамъ. Не иначе, конечно, какъ путемъ сравненія одной части съ другою, которое можетъ быть двоякаго рода: или эмоціональное, непосредственное, быстрое, или интеллектуальное, логическое, медленное. Первый способъ сравненія самый обыкновенный, первоначальный, сравнительно простой; онъ называется глазомѣромъ; имъ пользуются всѣ. Второй, состоитъ ли онъ изъ ряда математическихъ сужденій, какъ въ геометрической теоремѣ, или изъ механическаго прикладыванія къ частямъ линіи какой-нибудь мѣрки, линейки, циркуля и т. п., употребляется рѣже перваго, какъ болѣе сложный; къ обыкновенной эстетической оцѣнкѣ воспріятій онъ совсѣмъ непримѣнимъ, и потому мы должны говорить здѣсь только о первомъ способѣ сравненія. Непосредственное сравненіе отождествляется иногда съ очевидностью; но такое отождествленіе неправильно, если оно предполагаетъ, что очевидность, въ данномъ случаѣ, нѣчто неразложимое. Непосредственный актъ сравненія разложимъ на свои составные элементы. Первоначальный случай эмоціональнаго сравненія вообще состоитъ въ переходѣ отъ одного состоянія сознанія (s) къ другому (d) и въ сопровождающемъ этотъ переходъ чувствѣ различія; или затѣмъ въ переходѣ отъ этихъ двухъ первоначальныхъ состояній къ третьему (s') и въ сопровождающемъ его чувствѣ сходства.

Психо-физическій процессъ сравненія двухъ половинъ линіи ab (фиг. 1) начинается свѣтовымъ впечатлѣніемъ, производимымъ линіей на сѣтчатку, при чемъ вниманіе привлекается точкою c . Если фиксированіе глаза остается неподвижнымъ въ точкѣ c , то всѣ остальные точки линіи ab , въ силу извѣстнаго намъ свойства сѣтчатки, отпечатлѣваются на ней менѣе отчетливо, нежели точка c . Отсюда возникаетъ потребность въ движеніи глазъ, въ перемѣщеніи точки фиксаціи, для болѣе отчетливаго сравненія.

Сравненіе посредствомъ послѣдовательныхъ перемѣщеній сѣтчатки, подъ вліяніемъ движеній глаза, можетъ быть исполнено двоякимъ путемъ.

Исходя изъ точки первоначальной фиксаціи c , мы можемъ пе-

редвигать линію зрѣнія рядомъ возобновляемыхъ движеній глазъ, отъ *c* по направленію къ *a* и обратно; затѣмъ отъ *c* по направленію къ *b* и обратно до тѣхъ поръ, пока не почувствуемъ опредѣленнаго отношенія между разстояніями *ac* и *cb*. Эстетическій вопросъ состоитъ въ томъ, на какой почвѣ можетъ выясниться и опредѣлиться это отношеніе между *ac* и *cb*? Замѣтимъ, что рядъ свѣтовыхъ воспріятій служитъ только опорой для этихъ движеній, такъ какъ извѣстно, что сравненіе разстояній, заполненныхъ опредѣленными свѣтовыми впечатлѣніями, сравнительно легче и менѣе подвержено ошибкамъ, чѣмъ сравненіе разстояній незаполненныхъ, опредѣляемыхъ только крайними точками. Но, независимо отъ свѣтовыхъ впечатлѣній, глазныя движенія могутъ быть источникомъ многихъ другихъ состояній; прежде всего, при движеніи глазъ мы ощущаемъ сопровождающее его волевое усиліе (иннервацію); затѣмъ степень напряженности и участія тѣхъ или другихъ мышцъ; наконецъ, иногда присоединяются осязательныя ощущенія отъ прикосновенія мышцъ къ кожѣ и костямъ. Среди этихъ состояній главная роль принадлежитъ чувству волевого усилія*). Эти состоянія, не совсѣмъ ясныя въ отдѣльности, ясно чувствуются въ окончательномъ итогѣ, послѣ многократно повторенныхъ движеній, въ актѣ ихъ эмоциональнаго сравненія между собой. Отсюда необходимость частаго возобновленія движеній въ моментъ эмоциональнаго сравненія, для полученія ожидаемаго эмоциональнаго итога. Если эти движенія, необходимыя для прослѣживанія разстояній *ac* и *cb*, вызывая къ дѣятельности сходныя группы мышцъ, требуютъ одинаковой энергіи, быстроты и времени для своего выполненія, то въ итогѣ глазныхъ движеній возникаетъ чувство сходства; въ противоположномъ случаѣ—чувство различія**). Такъ какъ мы не имѣемъ еще возможности, для болѣе точнаго изученія процесса, разложить движенія глазныхъ мышцъ, соотвѣтствующія опредѣленной длинѣ линій прослѣживанія, на опредѣленное число центральныхъ нервныхъ импульсовъ, то можемъ условно принять за единицу сравненія каждое изъ движеній соотвѣтствующихъ частямъ линіи, *ac* и *cb*. Въ виду нѣкоторой непрерывности процесса сравненія глазомъ, обозначимъ группу ощущеній, соотвѣтствующихъ

*) *Helmholtz. Opt. phys., 764 § 29.*

***) Въ этомъ эмоциональномъ процессѣ сравненія интеллектуальная дѣятельность не играетъ почти никакой роли.

каждому изъ движеній, буквами s, s', s'' ... и остановку между движеніями или промежутковъ—буквами d, d', d'' ...; тогда мы получимъ выраженіе элементарнаго ритмическаго процесса ($s+d++s'+d'+s''$...), обуславливающаго интенсивность возникающаго чувства подъ влияніемъ его постепеннаго нарастанія. Это постепенно нарастающее чувство и будетъ эстетическимъ показателемъ впечатлѣнія, въ немъ выразится степень эстетической его пріятности.

Другой способъ сравненія при помощи глазныхъ движеній, описанный Гельмгольцемъ, состоитъ въ томъ, что мы послѣдовательно переводимъ точку зрѣнія на середину каждой изъ половинъ ac и cb и фиксируемъ ихъ середины съ тѣмъ, чтобы эти предполагаемыя половины отпечатлѣвались поочередно на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ горизонтальнаго меридіана сѣтчатки. Говоря о процессѣ сравненія величинъ зрительнаго поля, Гельмгольцъ замѣчаетъ, что мы обладаемъ средствомъ сравненія лишь тогда, когда *расположеніе сравниваемыхъ величинъ допускаетъ послѣдовательное появленіе ихъ на одномъ и томъ же мѣстѣ сѣтчатки*, главнымъ образомъ, на ея серединѣ; такъ, напримѣръ, для сравненія глазомѣромъ длины двухъ прямыхъ взаимно параллельныхъ линій, мы поочередно и нѣсколько разъ переносимъ взглядъ на середину одной и другой линіи и стараемся опредѣлить, «получается ли въ обоихъ случаяхъ одно и то же ощущеніе, т.-е. затронуты ли однѣ и тѣ же точки сѣтчатки на томъ же протяженіи изображеніемъ этихъ линій. Очевидно, что для этого было бы бесполезно знать форму и длину изображенія на сѣтчаткѣ. Сѣтчатка подобна циркулю, ножки котораго мы послѣдовательно прикладываемъ къ концамъ разныхъ линій, желая убѣдиться, одинаковой ли онѣ длины; для этого намъ достаточно знать, что разстояніе между ножками и форма циркуля остаются неизмѣнными» *).

Но въ этомъ описаніи пріема сравненія, примѣнимаго къ небольшимъ разстояніямъ, недостаетъ разъясненія самаго существеннаго момента въ процессѣ эмоциональнаго сравненія. Свѣтотовыя ощущенія, сами по себѣ, не заключаютъ никакого указанія на сходство или различіе двухъ сравниваемыхъ протяженій; кромѣ того, когда отпечатокъ предыдущаго протяженія уже исчезъ съ сѣтчатки въ моментъ появленія на его мѣстѣ новаго, то

*) Opt. phys. § 28, 703.

самое точное знаніе формы и длины послѣдняго не могло бы подвинуть къ концу процесса сравненія, какъ справедливо указываетъ на это Гельмгольцъ. Но въ такомъ случаѣ въ теоріи Гельмгольца неясно, какимъ образомъ выражается въ сознаніи тотъ фактъ, что затронуты *однѣ и тѣ же точки стѣчатки*, или *друія*? Сравненіе стѣчатки съ циркулемъ, какъ признаетъ и самъ авторъ, не только не уясняетъ этого вопроса, но, наоборотъ, указываетъ лишь на большое различіе между искусственнымъ и естественнымъ актами сравненія: въ то время какъ циркуль оставляетъ на виду всякій излишекъ или недостатокъ измѣряемаго разстоянія сравнительно съ даннымъ, стѣчатка сдѣлать этого не въ состояніи. Ошибочно принимая такія явленія за *выводъ* сознанія, Гельмгольцъ относилъ ихъ къ «безсознательнымъ умозаключеніямъ». Но «безсознательное умозаключеніе» — понятіе неясное и противорѣчивое, отъ котораго Гельмгольцъ отказался в послѣдствіи. Мы предпочитаемъ, сообразно наблюденіямъ, признать въ этомъ процессѣ участіе чувствъ сходства и различія, какъ проявленій сознанія. Чувство сходства или различія возникаетъ какъ непосредственный спутникъ всѣхъ чувственныхъ впечатлѣній, и познаніе качества или отношенія въ этомъ случаѣ «мгновенно и совершенно свободно отъ всякой примѣси сознательнаго вывода» *).

Итакъ, процессъ сравненія, на которомъ основывается эстетическая оцѣнка раздѣленной пополамъ прямой линіи, обнимаетъ собой три главныхъ психическихъ момента: 1) рядъ свѣтовыхъ воспріятій, 2) связанный съ нимъ послѣдовательный рядъ нервно-мышечныхъ движеній глазъ, 3) возникающее подъ вліяніемъ двухъ предыдущихъ моментовъ чувство сходства или несходства отношеній.

Характеристика этого типическаго процесса эстетической оцѣнки, входящаго въ составъ болѣе сложныхъ случаевъ, должна быть дополнена еще нѣсколькими чертами.

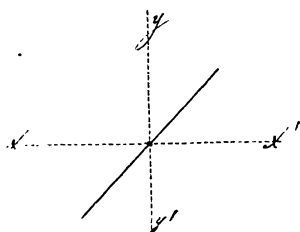
Разсматривая объектъ эстетической оцѣнки, мы не дѣлаемъ по поводу его никакихъ логическихъ умозаключеній, построеній: мы просто отдаемъ живому дѣйствію группы свѣтовыхъ впечатлѣній, реагируя на нихъ импульсами воли, продолжая и возобновляя глазныя движенія до тѣхъ поръ, пока не выяснимъ себѣ харак-

*) James Sully: Les illusions des sens et de l'esprit. 1883, 152.

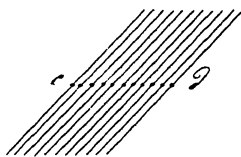
тера изучаемыхъ отношеній на основаніи вызываемыхъ этими отношеніями чувствъ сходства или несходства. Вотъ почему въ этомъ процессѣ всего болѣе обращаютъ на себя наше вниманіе его первый и послѣдній моменты, его начало и конецъ; между тѣмъ какъ внутренній, довольно сложный путь, какимъ мы приходимъ къ этому концу, остается едва замѣченнымъ; большинство наблюдателей даже не подозреваетъ въ моментъ оцѣнки существованія глазныхъ мышцъ и движеній, какъ необходимыхъ посредниковъ въ этомъ процессѣ. Необходимо также имѣть въ виду различіе между точнымъ, математическимъ и менѣе опредѣленнымъ, эстетическимъ характеромъ оцѣнки отношеній. Прямая линия, о которой идетъ рѣчь, можетъ оказаться, при повѣркѣ, неправильно раздѣленною и тѣмъ не менѣе удовлетворять эстетическимъ требованіямъ большинства; дѣло въ томъ, что предѣлъ неточности, допускаемый чувствомъ, гораздо шире того, какой допускается при измѣреніи съ практическими, научными и другими цѣлями. Поэтому недостатки индивидуальной чувствительности къ сходствамъ, неточности глазомѣра, дѣйствіе оптического обмана, естественное преувеличеніе однихъ разстояній на счетъ другихъ, всѣ эти условія, нарушающія математическую точность измѣренія, значительно сглаживаются и дѣлаются нечувствительными въ общемъ чувствѣ сходственного соотношенія частей, возбуждаемомъ пространственной формой.

Въ фиг. 2-й длина и соотношеніе частей линіи ab остаются прежними; но съ перемѣной положенія этой линіи относительно линій ориентированія xx' и yy' , отъ которыхъ мы исходимъ при измѣреніи глазомѣромъ, эстетическая пріятность впечатлѣнія понижается настолько, что въ этомъ положеніи раздѣленную пополамъ линію ab можно отнести или къ безразличнымъ, или къ эстетически непріятнымъ. Принявъ въ соображеніе, для объясненія этой перемѣны въ характерѣ воспріятія, двигательную роль глазныхъ мышцъ, мы увидимъ, что при новомъ положеніи линіи ab въ физиологическія условія воспріятія внесена существенная перемѣна. Для прослѣживанія и сравненія частей линіи ab въ фиг. 1-й, требовалось поочередное сокращеніе только одной пары глазныхъ мышцъ (внѣшнихъ и внутреннихъ прямыхъ); здѣсь же для соответственнаго прослѣживанія косыхъ линій ac и cb требуется одновременное сокращеніе трехъ паръ мышцъ, дѣйствующихъ въ различныхъ, неоднородныхъ направленіяхъ, при чемъ

часть нервно-мышечныхъ усилій расходуется непроизводительно, и непріятное чувство чрезмѣрнаго усилія и напряженія мышцъ становится здѣсь отрицательнымъ факторомъ, значительно понижающимъ степень пріятности впечатлѣнія. Линія *ab* сдѣлалась непріятной здѣсь не потому, что сходственное соотношеніе ея частей совсѣмъ утратило свое эстетическое значеніе, но лишь потому, что въ данномъ случаѣ отрицательный фізіологическій факторъ сильнѣе положительнаго, эстетическаго. Для восстановленія значенія эстетическаго фактора, достаточно присоединить къ данной линіи ритмическій рядъ сходныхъ съ ней параллельныхъ, какъ показано въ фиг. 3. Тогда при передвиженіи линіи зрѣ-

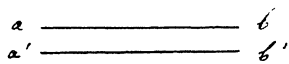
Фиг. 2.

Фиг. 3.

нія въ направленіи, напр., отъ *c* къ *d* или обратно, мы получимъ ритмическій рядъ воспріятій ($s + d + s' + d' \dots$), вслѣдствіе чего интенсивность эстетическаго чувства возрастетъ и получитъ преобладаніе надъ отрицательнымъ фізіологическимъ факторомъ. Такимъ образомъ, здѣсь происходитъ борьба противоположныхъ вліяній между фізіологическимъ условіемъ непріятнаго чувства и эстетическими условіями пріятности впечатлѣнія,—борьба, исходъ которой кажется еще нерѣшительнымъ, если провести только двѣ параллельныхъ косыхъ, и становится несомнѣннымъ послѣ проведенія большаго числа сходныхъ косыхъ линій.

Параллельность двухъ прямыхъ *ab* и *a'b'* (фиг. 4) обнаруживается прослѣживаніемъ сходныхъ разстояній или въ горизонтальномъ, или въ вертикальномъ направленіи. Въ первомъ случаѣ прослѣживаются всѣ точки линіи *ab* въ направленіи отъ *a* къ *b* и обратно; затѣмъ, послѣ нѣкотораго перемѣщенія плоскости зрѣнія внизъ (моментъ различія) до уровня линіи *a'b'*, повторяются тѣ же

Фиг. 4.

самыя движенія, при чемъ свѣтотворныя ощущенія $a'b'$ должны скользить по тѣмъ же самымъ точкамъ сѣтчатки, по какимъ прошли раньше свѣтотворныя ощущенія ab . Слѣдовательно, мы имѣемъ здѣсь условія, обезпечивающія намъ ритмическіе ряды свѣтовыхъ и двигательныхъ воспріятій. Во второмъ случаѣ послѣдовательно измѣряются незаполненныя разстоянія между линиями ab и $a'b'$, на всѣхъ точкахъ ихъ протяженія. Здѣсь моментами различія служатъ послѣдовательныя перемѣщенія плоскости зрѣнія справа налѣво и обратно *). Вообще, параллельность линій (дѣйствительная или кажущаяся), прямыхъ и кривыхъ, правильныхъ и неправильныхъ служитъ источникомъ эстетической организаціи отношеній и потому имѣетъ широкое примѣненіе въ орнаментѣ доисторическомъ, первобытномъ и современномъ.

Многими психологами было замѣчено, что повтореніе сходныхъ частей производитъ эстетически-пріятное впечатлѣніе. Дѣйствительно, нѣтъ уродливой и безформенной линіи, которая, будучи расширена достаточнымъ числомъ параллельныхъ къ ней такихъ же линій, не составила бы вмѣстѣ съ ними эстетически пріятной фигуры. Это объясняется тѣмъ, что повтореніемъ сходныхъ частей создаются условія эстетическаго ритма, увеличивается интенсивность чувства сходства. Такова, на примѣръ, фиг. 5.

Фиг. 5.

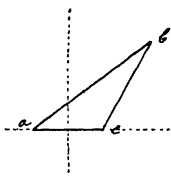
Несмотря на то, что въ ней направленіе основной линіи, состоящей изъ кривыхъ и ломаныхъ, производитъ непріятное впечатлѣніе своей аритмичностью, однако всякое пересѣченіе ея взглядомъ даетъ ритмическій рядъ сходственныхъ воспріятій, и этимъ сообщаетъ всей фигурѣ нѣкоторый уже эстетическій отпечатокъ.

«Если мы сравнимъ, — говоритъ Гроссе, — рисунокъ, украшающій андаманскій поясъ, съ узоромъ нашихъ обоевъ, то сквозь всѣ различія тотчасъ усмотримъ, что въ основѣ того и другого лежитъ одинъ и тотъ же принципъ. Ломаная линія на поясѣ точно такъ же, какъ букеты цвѣтовъ на обояхъ, повторяются черезъ правильныя промежутки: штрихи и букеты образуютъ ритмическіе ряды. Аналогія отнюдь не ограничивается однимъ этимъ

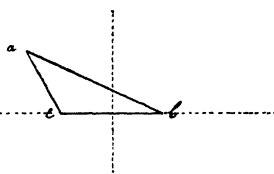
*) О сравненіи параллельныхъ линій, съ точки зрѣнія точности глазомѣра, см. Helmholtz, Opt. 703, § 28. Вундтъ. Осн. ф. пс. 627—628.

случаемъ; продолжая подобныя сравнительныя изслѣдованія, мы убѣждаемся, что принципъ ритмическаго порядка въ искусствѣ низшихъ племенъ выступаетъ не менѣе явственно, чѣмъ въ искусствѣ высшихъ цивилизованныхъ народовъ. Можно такимъ образомъ признать, что удовольствіе отъ ритма дѣйствительно составляетъ общечеловѣческое свойство. Сущность ритма состоитъ въ правильномъ повтореніи какого-либо единичнаго элемента: тона, движенія, въ данномъ случаѣ фигуры *)). Но вмѣсто того, чтобы искать объясненія этого всеобщаго принципа эстетическаго удовольствія въ анализѣ эстетическаго чувства, многіе этнографы, какъ и авторъ этой книги, предполагаютъ, что первобытный человѣкъ нашелъ этотъ принципъ «въ техникѣ плетенья» и внесъ его въ орнаментуку путемъ подражанія техническимъ мотивамъ **). При такомъ взглядѣ эмоциональное побужденіе къ подражанію остается невыясненнымъ.

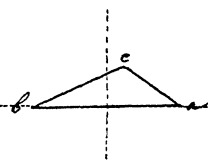
Какое положеніе ни придали бы мы разностороннему треугольнику abc съ тупымъ угломъ при c относительно линіи ориентированія, его очертанія во всѣхъ положеніяхъ производятъ эстетически-непріятное впечатлѣніе (фиг. 6, 7, 8). Линіи ориентиро-

Фиг. 6.

Фиг. 7.

Фиг. 8.

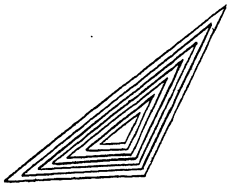
ванія не въ состояніи раздѣлить его на сходныя части; прослѣживая его очертанія во всѣхъ направленіяхъ, сравнивая верхнюю часть съ нижней, правую съ лѣвой, мы не встрѣчаемъ повторенія ни одной линіи сходной длины или сходнаго направленія; время и энергія для прослѣживанія разстояній, группировка мышцъ при угловыхъ поворотахъ въ одной половинѣ фигуры не совпадутъ ни разу съ соотвѣтствующими частями другой; въ соотношеніяхъ элементовъ такого треугольника встрѣчаются только различія, исключаютія возможность эстетическаго ритма. Вос-

*) Эрнстъ Гроссе. Происхожденіе искусства. Перев. А. Грузинскаго, стр. 140.

**) Тамъ же, стр. 142, 143.

пользоваться для орнамента такой фигурой можно было бы не иначе, какъ обративъ ее въ составной элементъ, въ единицу болѣе сложнаго ритмическаго сочетанія.

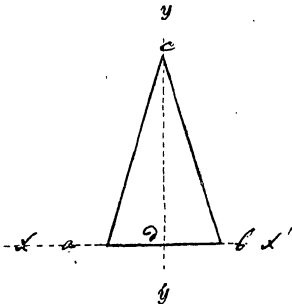
Однако же и этому треугольнику можно придать характеръ эстетически-пріятный, вписавъ въ него рядъ сходныхъ съ нимъ треугольниковъ, съ равномерно удаленными другъ отъ друга параллельными сторонами (фиг. 9).

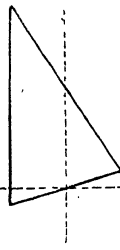
Фиг. 9.

Равнобедренный треугольникъ abc производитъ эстетически пріятное впечатлѣніе въ положеніи, представленномъ фиг. 10. Вертикальной линіей ориентированія онъ дѣлится на сходныя половины,

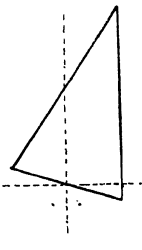
при сравненіи очертаній которыхъ мы встрѣчаемъ три условія сходства: $ac=bc$, $ad=bd$, $\angle a=\angle b$ и одно условіе различія: противоположность положенія этихъ частей. Но при незначительномъ даже отклоненіи въ сторону отъ линіи ориентированія yy' (фиг. 11 и 12), условія эстетической пріятности впечат-

Фиг. 10.

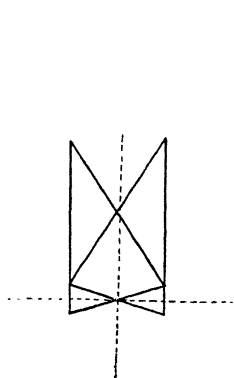
Фиг. 11.

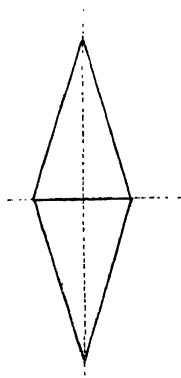
Фиг. 12.

лѣній исчезаютъ по тѣмъ же причинамъ, какія только что указаны нами въ характеристикѣ разносторонняго треугольника: при такихъ положеніяхъ фигуры относительно линій ориентированія утрачивается возможность получения, при обзорѣни фигуры, сходственныхъ воспріятій. Для объясненія непріятнаго характера впечатлѣнія, производимаго этими наклонными равнобедренными треугольниками, здѣсь можно предположить дѣйствіе новаго фактора: ассоціацію представленія о неустойчивости положенія, о падающемъ тѣлѣ. Однако рядъ слѣдующихъ фигуръ, состоя-

щихъ изъ сочетанія такихъ же болѣе или менѣе неустойчивыхъ треугольниковъ, показываетъ, что неустойчивость, сама по себѣ, хотя и составляетъ условіе, нарушающее эстетическую пріятность впечатлѣнія, все-таки принадлежитъ къ числу второстепенныхъ и только отрицательныхъ факторовъ. Фигуры 13, 14, 15 и 16 пред-

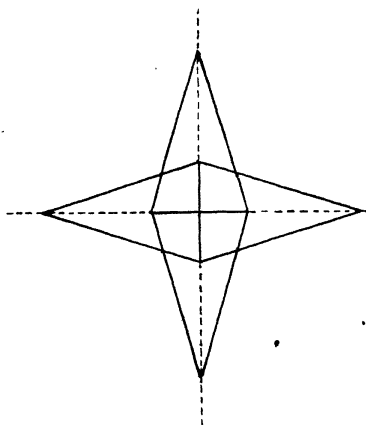

Фиг. 13.

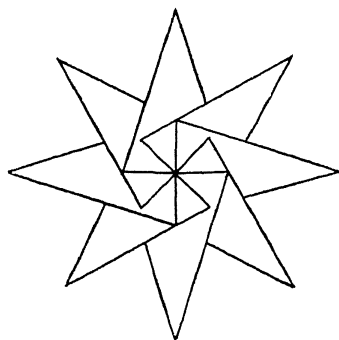

Фиг. 14.

ставляютъ собой постепенно усложняющіяся сочетанія изъ 2, 4 и 8 равнобедренныхъ треугольниковъ, въ которыхъ одинъ и тотъ

Фиг. 15.

Фиг. 16.

же основной элементъ, равнобедренный треугольникъ, измѣняя свои положенія, не нарушаетъ эстетической связи съ остальными,

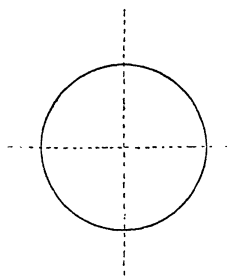
благодаря тому, что подчиняется положительному эстетическому фактору — принципу сходства отношений, какъ условію, возбуждающему интенсивное, пріятное чувство сходства.

Нельзя не замѣтить нѣкотораго повышенія интенсивности эстетическаго интереса, представляемаго фигурами по мѣрѣ усложненія ихъ состава, повышенія, зависящаго какъ отъ числа сходственныхъ элементовъ, входящихъ въ составъ каждой фигуры, такъ и отъ той полноты и многосторонности, съ какою выражается подчиненіе этихъ элементовъ общему принципу сходства. Такъ, наприм., фиг. 14, представляющая собой удлинненный ромбъ, соотношеніями своихъ частей полнѣе и многостороннѣе развиваетъ чувство сходства, нежели равнобедренный треугольникъ (фиг. 10).

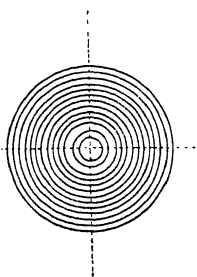
Въ этой послѣдней фигурѣ (фиг. 10) взглядъ нашъ встрѣчаетъ соотношенія сходства только въ двухъ направленіяхъ: вправо и влѣво отъ вертикальной линіи ориентированія, между тѣмъ какъ въ ромбѣ (фиг. 14) такихъ направленій, въ которыхъ мы можемъ встрѣтить сходственные соотношенія, можно указать не менѣе 6, а въ сложномъ сочетаніи изъ восьми треугольниковъ (фиг. 16) не менѣе 12.

Говоря о составленныхъ изъ треугольниковъ фигурахъ (13, 14, 15, 16), въ большей или меньшей степени удовлетворяющихъ требованіямъ эстетическаго чувства, необходимо отмѣтить въ нихъ два неблагопріятныхъ въ эстетическомъ отношеніи фактора, на которые до сихъ поръ мы не обращали вниманія. Одинъ изъ нихъ физиологическаго, другой—ассоціативнаго происхожденія. Всѣ эти фигуры угловаты и при томъ, въ составъ ихъ входятъ, большею частью, острые углы, требующіе постоянныхъ, рѣзкихъ перемѣнъ въ направленіи глазныхъ движеній, постоянной смѣны одной группы дѣйствующихъ мышцъ другою; это вызываетъ непроизводительную трату энергіи и непріятное чувство утомленія, напряженія. Съ другой стороны, эти угловатыя формы, дѣйствуя непосредственно на зрительныя ощущенія, способны, вмѣстѣ съ тѣмъ, пробуждать, въ силу ассоціаціи по сходству, отдаленныя воспоминанія о предметахъ острыхъ, колючихъ, причиняющихъ боль и вообще связанныхъ съ непріятными чувствами; конечно, это—второстепенный, прибавочный элементъ впечатлѣнія, скорѣе случайный, чѣмъ необходимый его спутникъ; тѣмъ не менѣе, для нѣкоторыхъ лицъ онъ достаточно силенъ, чтобы повліять на пониженіе эстетической пріятности впечатлѣнія.

Нѣкоторую противоположность, сравнительно съ только что разсмотрѣнными, представляетъ собой форма круга (ф. 17). Кругъ, разсматриваемый въ вертикальной плоскости, совмѣщаетъ въ свойствахъ своихъ очертаній какъ фізіологическія, такъ и эстетическія условія непосредственной пріятности. Онъ болѣе всѣхъ другихъ замкнутыхъ линій гармонируетъ съ формою глаза, съ сферическимъ полемъ его зрѣнія, въ центрѣ котораго совершаются его вращенія. При свободномъ перемѣщеніи точки фиксаціи глаза отъ одного пункта къ другому въ незаполненномъ пространствѣ, его движенія естественно выполняются по направленію кривой, слегка изогнутой линіи. «Исходя изъ своего первичнаго положенія, глазъ безъ труда слѣдуетъ по прямымъ линіямъ поля зрѣнія. Но если нужно пройти глазомъ по разстоянію между точками, то это движеніе глаза какъ изъ первичнаго, такъ еще болѣе изъ всякаго другого положенія совершается по дугѣ съ весьма слабымъ изгибомъ. Такимъ образомъ, слегка изогнутая линія есть линія, по которой всего легче совер-

Фиг. 17.

Фиг. 18.

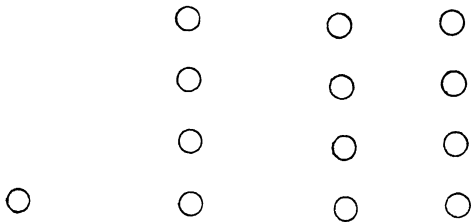
шается движеніе глаза» *). Небольшія части окружности круга, по которымъ движется глазъ, представляютъ собою именно такія слегка изогнутыя и при томъ, всѣ въ одинаковой степени изогнутыя линіи. Но, кромѣ того, съ эстетической точки зрѣнія, сравнивая верхнюю его половину съ нижней, правую съ лѣвой, нашъ взглядъ встрѣчаетъ сходныя части окружности, измѣряемая равномерной тратой энергіи и времени и сопровождаемая однородными впечатлѣніями на сѣтчаткѣ, смѣняющимися съ оди-

*) Вундтъ. Осн. фізіол. псих., 727.

наковой быстротой; при томъ же, очертанія круга представляютъ ту особенность, что точка пересѣченія линій ориентированія, сливающаяся съ его центромъ, находится на одинаковомъ разстоянн отъ всѣхъ точекъ окружности, что чувствуется при сравненн разстоянн, измѣряемыхъ радиусомъ круга.

Дальнѣйшее эстетическое осложненн формы круга, какъ и всякой другой замкнутой фигуры, можетъ быть выполнено двумя способами: включеннмъ въ ея предѣлы новыхъ ритмическихъ сочетанн, напримѣръ, концентрическихъ круговъ (фиг. 17, 18), или же развитнмъ изъ данной формы, какъ основного элемента, высшихъ, т. е болѣ сложныхъ ритмическихъ рядовъ.

Примѣромъ осложненн второго рода можетъ служить рисунокъ, заимствованный изъ простѣйшаго орнамента, покрывающаго нѣкоторыя части деревянной мебели (ф. 24). Анализируя составъ этой фигуры, мы можемъ разложить его на слѣдующн постепенно осложняющнся ряды сходственныхъ отношенн: 1) основная фигура—кругъ (ф. 19); 2) ритмическнй рядъ круговъ (ф. 20); 3) два параллельныхъ ритмическнхъ ряда (ф. 21); 4) ритмиче-

Фиг. 19.

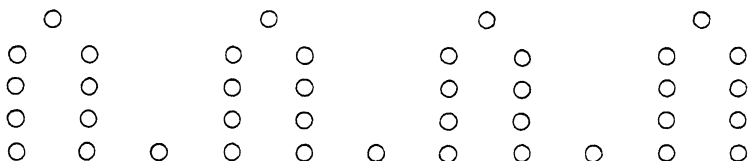
Фиг. 20.

Фиг. 21.

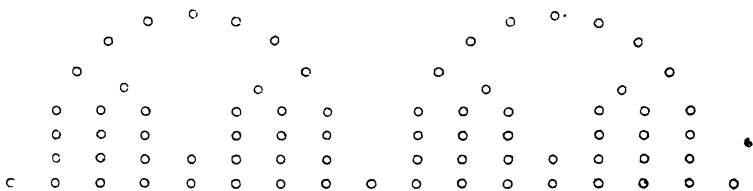
скнй рядъ параллельныхъ фигуръ (ф. 22); 5) ритмическнй рядъ изъ двухъ параллельныхъ фигуръ (ф. 23); 6) ритмическнй рядъ изъ двухъ паръ параллельныхъ фигуръ (ф. 24). При этомъ надо замѣтить, что въ каждомъ ряду къ основнымъ элементамъ сходства присоединяется новый элементъ различня. Такимъ образомъ, ф. 24, разложенная на свои составные, постепенно осложняющнся элементы, дастъ наглядное представленн о принципѣ эстетической организаци пространственныхъ формъ и можетъ служить схемой эстетической организаци отношенн. Лежащнй въ ея основанн принципъ не отличается ничѣмъ отъ того принци-

па, по которому музыкальная мелодія и гармонія развиваются изъ простаго музыкальнаго тона,—и можетъ быть выраженъ въ слѣдующихъ положеніяхъ:

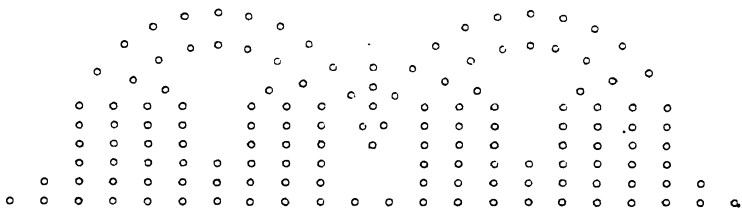
1) Въ каждую новую ступень осложненія сходствъ входятъ всѣ предшествующія ступени, какъ составные элементы.

Фиг. 22.

Фиг. 23.

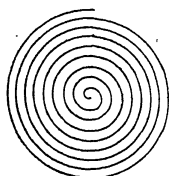

Фиг. 24.

2) Каждый новый элементъ различія, вносимый въ эту организацію, подчиняется, въ своихъ соотношеніяхъ къ другимъ элементамъ, принципу сходства: этимъ подчиненіемъ обусловливается эстетическое единство организаціи.

3) Эстетическій характеръ впечатлѣнія нарушается вслѣдствіе измѣненія сходственныхъ соотношеній какого-либо изъ элементовъ къ другимъ элементамъ цѣлаго.

Обыкновенно, рассматривая сколько-нибудь сложную, эстетически организованную фигуру, напримѣръ, рисунки, украшающие ткань, мебель, одежду, посуду, коверъ, драпировку или садовое, архитектурное украшеніе и т. п., мы никогда въ дѣйствительности не прослѣживаемъ всѣхъ линій рисунка, что было бы невозможно; мы не исчерпываемъ сразу всего ритмическаго содержанія сложнаго цѣлага, ограничиваясь лишь воспріятіемъ нѣкоторыхъ наиболѣе бросающихся въ глаза сходственныхъ соотношеній; значительная доля ихъ, если не большая часть, остается или не прослѣженной или оцѣненной только приблизительно. Математическая точность отношеній не входитъ въ число условій, необходимыхъ для возбужденія эстетическаго чувства. Мѣриломъ эстетическаго удовольствія служитъ сходство, а не равенство. Въ этомъ отношеніи эстетическая оцѣнка, никогда не исчерпывая всего содержанія отношеній, въ нѣкоторомъ смыслѣ противоположна точной, математической оцѣнкѣ. Примѣромъ *приблизительности* эстетической оцѣнки можетъ служить впечатлѣніе, производимое спиральной линіей въ плоскости (ф. 25).

Фиг. 25.

Эта линія производитъ тѣмъ болѣе пріятное эстетическое впечатлѣніе, чѣмъ болѣе ея части *кажутся* взаимно параллельными линіями, подобно концентрическимъ вписаннымъ окружностямъ, несмотря на то, что взаимной параллельности линій, въ дѣйствительности, здѣсь не можетъ быть: каждая ея точка постепенно удаляется отъ исходной точки, принимаемой за ея центръ. Для большинства наблюдателей послѣднее свойство, какъ условіе геометрической правильности спиральной линіи, остается совершенно неизвѣстнымъ, когда они любятъ ея изяществомъ; то, что дѣйствительно чувствуется въ этой линіи, какъ условіе эстетическаго впечатлѣнія, есть ритмическій рядъ приблизительно сходныхъ воспріятій; такимъ образомъ, спиральная линія, въ данномъ случаѣ, оцѣнивается эстетически не какъ спираль, а скорѣе какъ рядъ концентрическихъ круговъ.

Изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ наблюденій можно заключить, что ритмическій процессъ, усиливающий интенсивность чувства сходства, заключаетъ въ себѣ, по всей вѣроятности, основное проявленіе природы эстетическаго чувства. Поэтому считаемъ

нелишнимъ дать здѣсь краткое опредѣленіе этого процесса, приложимаго не только въ сферѣ элементарныхъ явленій, но и въ высшихъ областяхъ искусства. Элементарный эстетическій ритмъ представляетъ собой сложный эмоціональный процессъ, въ которомъ ряды сближенныхъ между собою сходныхъ впечатлѣній возбуждаютъ усиленное чувство сходства путемъ непрерывнаго сліянія каждаго послѣдующаго впечатлѣнія съ образами воспоминанія предыдущихъ *).

Въ эстетикѣ пространственныхъ формъ обыкновенно принципами изящества признаются симметрія и пропорціональность, причѣмъ эти начала или приводятся къ какому-либо высшему интеллектуалистическому принципу, или получаютъ только математическое опредѣленіе, какъ равенство разстояній по обѣ стороны одной линіи или поверхности, какъ равенство отношеній, — и такимъ образомъ ничѣмъ не связываются съ природою эстетическаго чувства, какъ явленія эмоціональнаго.

Если бы мы попытались приложить эти понятія къ объясненію впечатлѣній, производимыхъ только что разсмотрѣнными фигурами, то встрѣтили бы значительныя затрудненія. Самое главное заключается въ томъ, что изящество линіи или формы не зависитъ ближайшимъ образомъ, какъ показываютъ наблюденія, отъ постоянныхъ, неизмѣнныхъ математическихъ свойствъ геометрическихъ фигуръ. Мы видимъ, что линіи или фигуры, построенныя симметрично и пропорціонально, напримѣръ, прямая линія, раздѣленная точкою пополамъ, или равнобедренный треугольникъ, утрачиваютъ свое изящество, какъ только положеніе ихъ въ пространствѣ измѣняется въ эстетически неблагопріятномъ направленіи; иными словами: вполне симметричныя и пропорціональныя фигуры перестаютъ вызывать эстетическое чувство, какъ только порядокъ зрительныхъ воспріятій, обусловленный соотношеніемъ ихъ частей, не благопріятствуетъ образованію интенсивнаго чувства сходства. Мы встрѣчаемъ и противоположныя, отрицательныя при-

*) Нѣкоторое развитіе этого опредѣленія находится въ нашихъ «Очеркахъ по психологіи худож. творчества» Педагогич. Сборникъ 1898 г. №№ 1, 2, 3 и 5; 1899 г. №№ 6 и 7. Въ первый разъ гипотеза объ эстетическомъ чувствѣ, какъ интенсивномъ чувствѣ сходства, было высказано нами, въ примѣненіи къ музыкальнымъ консонансамъ, въ рефератѣ, читанномъ въ Московскомъ Психолог. Обществѣ 17 февраля 1896 г., подъ заглавіемъ «Чувство сходства, какъ источникъ эстетической эмоціи и красоты».

мѣры, подтверждающіе то же самое. Линіи и фигуры по своему математическому строенію несимметричны, не имѣющія осей симметріи, напримѣръ, разносторонній треугольникъ или спиральная линія могутъ производить эстетическое впечатлѣніе при условіи, если мы включимъ въ ихъ составъ сходные ритмическіе элементы или составимъ изъ нихъ ритмическіе ряды. Изъ этого слѣдуетъ заключить, что симметрія и пропорціональность не составляютъ еще ближайшаго условія возникновенія чувства изящнаго и въ состояніи вызывать его лишь настолько, насколько сами подчиняются болѣе существенному психологическому принципу сходства. Въ такомъ смыслѣ симметрія и пропорціональность, какъ условія внѣшняго порядка, могутъ, конечно, имѣть свое ограниченное значеніе въ эстетикѣ пространственныхъ формъ. Такъ, односторонняя, двусторонняя и многосторонняя геометрическая симметричность фигуръ соотвѣтствуетъ нѣкоторымъ ступенямъ осложненія чувства сходства; пропорціональность въ отношеніяхъ между половиною основанія и стороною равнобедреннаго треугольника можетъ имѣть значеніе, если въ положеніи фигуры сохраняется извѣстное отношеніе къ линіямъ ориентированія глазныхъ движеній. Но сами по себѣ эти принципы, не связанные съ психологіей чувствованій, оказались бы слишкомъ узкими и недостаточными для объясненія многихъ эстетическихъ явленій въ области пространственныхъ формъ. Они не могли бы объяснить необходимости повторенія сходственныхъ частей и образованія рядовъ для полученія эстетическихъ эффектовъ, причины возрастанія эстетическаго дѣйствія въ болѣе сложныхъ фигурахъ сравнительно съ простыми линіями и т. п. Вообще, эстетическая симметрія (въ противоположность отвлеченной математической) и въ нѣкоторыхъ случаяхъ пропорціональность дѣлаются болѣе понятными, какъ частные случаи, въ которыхъ проявляется болѣе общій психологическій принципъ сходства.

Ц. Балталонъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Психо-физиологическая теорія чувствованій.

I. Мозговая кора, нейроны, ассоціаціонные пути распространенія нервнаго возбужденія. Ученіе о неодинаковости отправленій различныхъ частей мозговой коры. Мнѣніе Спенсера о физиологическомъ происхожденіи эмоцій и разборъ этого мнѣнія. Душевныя настроенія. Значеніе органическихъ ощущеній.

Разсматривая душевныя движенія съ физиологической точки зрѣнія, нельзя, конечно, миновать вопроса объ участіи, принимаемомъ нервной системой въ образованіи упомянутыхъ психическихъ явленій. Извѣстно, что у человѣка и похожихъ на него высшихъ животныхъ органомъ сознательной жизни является сѣрое вещество, расположенное на поверхности полушарій головного мозга и образующее такъ называемую мозговую кору (корковый слой). Удаленіе этой коры сопровождается такими послѣдствіями, какъ и удаленіе полушарій головного мозга. Устранимъ ли мы цѣликомъ каждое полушаріе или же ограничимся удаленіемъ коркового слоя, результаты получаются совершенно одинаковые. И въ первомъ, и во второмъ случаѣ животное будетъ обращено въ автомата, всѣ движенія котораго сдѣлаются вполне машинальными. Если мы такое животное предоставимъ самому себѣ, то оно будетъ оставаться въ покоѣ въ продолженіе неопредѣленно долгаго времени. Паталого-анатомическія изслѣдованія показали, что при слабоуміи, характернымъ симптомомъ котораго является почти полная потеря умственныхъ способностей, наблюдаются рѣзко выраженныя измѣненія именно въ корковомъ слоѣ.

Сѣрое вещество мозговой коры, имѣющее значительную поверхность (около 1.700 квадратныхъ сантиметровъ), состоитъ изъ нервныхъ клѣтокъ, расположенныхъ слоями и снабженныхъ отростками. До новѣйшихъ изслѣдованій наши свѣдѣнія о взаим-

ной связи этихъ клѣтокъ были весьма неточны. Полагали, что отростки сосѣднихъ клѣтокъ связаны между собою анатомически, т. е. отростокъ одной клѣтки переходитъ въ отростокъ другой. Только въ недавнее время убѣдились въ томъ, что эти отростки не соединяются, а только соприкасаются между собою. Изъ каждой нервной клѣтки беретъ начало протоплазматическій отростокъ, называемый дендритомъ; отъ послѣдняго отходятъ такъ называемые коллатерали—боковые отростки, приближающіеся къ дендритамъ сосѣднихъ клѣтокъ, но не вступающіе съ ними въ анатомическую связь, такъ что дѣло ограничивается однимъ только соприкосновеніемъ разнородныхъ отростковъ. Такимъ образомъ, каждая нервная клѣтка со своими отростками образуетъ обособленный элементъ, который условились называть нейрономъ. Хотя эти нейроны имѣютъ весьма разнообразныя формы, но все-таки ихъ можно раздѣлить на двѣ группы. Существуютъ нейроны, отростки которыхъ переходятъ въ нервныя волокна, при помощи которыхъ устанавливается связь между отдѣльнымъ нейрономъ и какимъ-нибудь мускуломъ или другимъ органомъ нашего тѣла. Встрѣчаются нейроны и другого рода, снабженные короткими отростками, не имѣющими анатомической связи съ нервными волокнами и развѣтвляющимися древовидно въ нервную сѣть. Клѣтки первой категоріи, отростки которыхъ переходятъ въ центробѣжныя или въ центростремительныя нервныя волокна, бывають окружены клѣтками второй категоріи. Предполагаютъ, что эти послѣднія служатъ, такъ сказать, передаточными станціями, при помощи которыхъ устанавливается сообщеніе между клѣтками перваго рода. Напримѣръ, если какая-нибудь чувствительная клѣтка мозговой коры приводится въ дѣятельное состояніе приносящимъ нервнымъ волокномъ, то нервное возбужденіе, распространяясь по соприкасающимся отросткамъ, переходитъ сперва на клѣтки второй категоріи и такимъ путемъ достигаетъ двигательной клѣтки, посылающей по связанному съ нею нервному волокну импульсъ, заставляющій сокращаться какое-нибудь мышечное волокно.

Въ срединѣ полушарій находится бѣлое вещество, состоящее изъ нервныхъ волоконъ, служащихъ продолженіями отростковъ нервныхъ клѣтокъ. Эти волокна связываютъ мозговую кору съ центрами, лежащими у основанія головного мозга и называемыми субкортикальными центрами. Всякое возбужденіе, вызванное ка-

кимъ-либо впечатлѣніемъ, достигаетъ мозговой коры не иначе, какъ подѣйствовавши сперва на субкортикальные центры. Точно также и всякій импульсъ, исходящій изъ мозговой коры, достигаетъ мускуловъ, железъ и другихъ органовъ тѣла, пройдя предварительно чрезъ центры, расположенные у основанія головного мозга. Кромѣ приносящихъ и относящихъ нервовъ мы встрѣчаемъ въ мозговой корѣ еще другіе нервы, соединяющіе однородныя части того и другого полушарія. Подобные же пучки соединительныхъ волоконъ устанавливають связи между отдѣльными извилинами и долями каждаго полушарія. Эти волокна называютъ иногда ассоціаціонными. Такимъ образомъ, къ двумъ вышеупомянутымъ категоріямъ нервныхъ клѣтокъ слѣдуетъ присоединить еще третью категорію, состоящую изъ клѣтокъ, расположенныхъ вдали одна отъ другой и соединенныхъ между собою нервными волокнами. Отсюда видно, что ассоціаціонные пути, по которымъ можетъ распространяться нервное возбужденіе, образуются не только соприкасающимися отростками нейроновъ, но также ассоціаціонными волокнами, съ помощью которыхъ возбужденіе переносится на болѣе значительныя разстоянія. Благодаря существованію указаннаго механизма, возбужденіе одной части мозговой коры можетъ передаваться другимъ ея частямъ, т. е., говоря иначе, нервный процессъ, связанный съ дѣятельностью опредѣленной группы клѣточекъ коркового слоя, можетъ вызывать другіе нервныя процессы, соотвѣтствующіе дѣятельному состоянію другихъ группъ клѣточекъ. Существованіе указанной связи между нервными элементами ведетъ къ тому, что всякое возбужденіе одного волокна или клѣточки не ограничивается этими элементами, а распространяется во всѣ стороны.

Смотря по силѣ впечатлѣнія, можетъ произойти то большее, то меньшее распространеніе нервнаго возбужденія, охватывавшаго вначалѣ лишь незначительное число клѣтокъ и волоконъ. Напримѣръ, при ожогѣ всѣ члены тѣла приходятъ иногда въ движеніе, измѣняется выраженіе лица, нарушается также нормальный ходъ дыханія, кровообращенія и другихъ процессовъ растительной жизни нашего тѣла. Чтобы вызвать всѣ эти результаты, нервныя токи *) должны получить значительное рас-

*) Существуетъ много непонятныхъ явленій, съ различными подробностями которыхъ мы совершенно не знакомы. Тѣмъ не менѣе мы думаемъ и го-

пространеніе. При испугѣ степень иррадіаціи нервнаго возбужденія тоже бываетъ довольно велика, что доказывается тѣми перемѣнами, которыя происходятъ въ этомъ случаѣ въ нашемъ организмѣ. Однимъ словомъ, значительное распространеніе нервныхъ токовъ является неразлучнымъ спутникомъ всякаго сильнаго ощущенія. Мы даже судимъ объ интенсивности чувства, овладѣвшаго человѣкомъ, основываясь на обиліи органическихъ перемѣнъ, связанныхъ съ этимъ чувствомъ, т. е. на обширности иррадіаціи нервнаго возбужденія, вызвавшаго упомянутыя перемѣны. Краска лица, блескъ глазъ, слезы, смѣхъ, измѣненіе голоса, порывистыя движенія—все это указываетъ на силу чувства и въ то же время на значительное распространеніе нервныхъ токовъ.

Возстановивши въ нашей памяти эти свѣдѣнія, мы можемъ перейти къ рѣшенію вопроса о той роли, которую играетъ мозговая кора въ нашей аффективной жизни. Мы не имѣемъ права сомнѣваться въ томъ, что душевныя волненія связаны съ дѣятельностью головного мозга. Въ самомъ дѣлѣ, простое прекращеніе къ послѣднему притока крови или механическое давленіе на мозговую кору мгновенно влекутъ за собою полную потерю сознанія, т. е. сопровождаются прекращеніемъ всякой психической дѣятельности: и умственной, и аффективной. Интересно было бы узнать, какія части головного мозга приходятъ въ дѣятельное состояніе при возникновеніи эмоцій и чѣмъ именно называется дѣятельность этихъ частей.

Но почему мы должны думать, спросить, пожалуй, читатель, что при душевныхъ движеніяхъ работаетъ не весь головной мозгъ какъ цѣлое, а только нѣкоторыя части его. Если мы обратимъ вниманіе на устройство нашего тѣла, отвѣчу я, то увидимъ, что различные органы его исполняютъ неодинаковыя функціи. Одни изъ этихъ органовъ выдѣляютъ жидкости, дѣйствующія извѣст-

воримъ о нихъ, а поэтому должны имѣть и символы для словеснаго обозначенія этихъ явленій. Нельзя сомнѣваться въ томъ, что и въ нервной системѣ происходятъ какіе-то процессы въ то время, когда она работаетъ. Для обозначенія этихъ процессовъ пользуются иногда терминомъ: „нервный токъ“. Если читатель вспомнить, что даже о гальваническомъ токѣ мы знаемъ очень мало, то онъ согласится съ тѣмъ, что нѣтъ причинъ возставать противъ употребленія вышеупомянутаго термина. Достаточно и того, что онъ облегчаетъ изложеніе нѣкоторыхъ мыслей.

нымъ образомъ на вещества, поступившія въ пищеварительный аппаратъ; другіе органы принимаютъ участіе въ распредѣленіи крови по всему нашему тѣлу; при помощи третьихъ происходитъ удаленіе продуктовъ разрушенія тканей; четвертые оказываются необходимыми для выполненія разнаго рода движеній, происходящихъ въ нашемъ тѣлѣ и т. д. Такимъ образомъ, въ организмѣ нашемъ существуетъ то же самое раздѣленіе труда, какое мы встрѣчаемъ на каждомъ шагу въ окружающей насъ жизни, гдѣ каждый человѣкъ, смотря по избранной имъ профессіи, исполняетъ только часть какой-нибудь работы, необходимой для достиженія извѣстной цѣли. Но не только въ животныхъ и социальныхъ организмахъ мы встрѣчаемся съ раздѣленіемъ труда; примѣненіе этого принципа мы находимъ также и у растений и въ любой сложной машинѣ. Уже одно это обстоятельство должно было заставить людей смотрѣть на головной мозгъ, какъ на сложный аппаратъ, составленный изъ многихъ отдѣльныхъ органовъ, исполняющихъ неодинаковыя функціи. Неудивительно поэтому, что еще въ концѣ прошлаго столѣтія появилась теорія, допускавшая, что отправленія различныхъ частей мозга не одинаковы. Теорія эта была поддерживаема френологами, которые утверждали, что степень развитія каждой психической способности находится въ зависимости не только отъ развитія извѣстныхъ частей мозговой коры, но также и отъ черепныхъ костей, такъ что изслѣдованіе поверхности черепа можетъ снабдить насъ данными, необходимыми для составленія правильнаго сужденія о характерѣ человѣка.

Хотя френологи положили въ основаніе своихъ изслѣдованій правильное воззрѣніе на головной мозгъ, какъ на аппаратъ, состоящій изъ многихъ органовъ, однако разработка этого взгляда была произведена ими крайне неудовлетворительнымъ образомъ. Поэтому ихъ теорія, нашедшая сперва многихъ приверженцевъ, скоро утратила въ наукѣ всякое значеніе. Самымъ горячимъ противникомъ френологовъ явился Флюрансъ, который, на основаніи своихъ опытовъ, пришелъ къ тому заключенію, что различныя части полушарій имѣютъ одинаковыя отправленія и что поэтому большой мозгъ функционируетъ всегда какъ одно цѣлое. Онъ утверждалъ, что, по мѣрѣ разрушенія различныхъ участковъ полушарій, замѣчается не послѣдовательное исчезновеніе одной способности вслѣдъ за другою, а общее ослабленіе всѣхъ отпра-

лений головного мозга. Основываясь на этомъ, онъ считалъ невозможнымъ, чтобы различныя части мозга служили органами для разнородныхъ психическихъ способностей. Онъ допускалъ, что отправленія различныхъ частей мозговой коры настолько одинаковы, что неповрежденные участки ея могутъ принимать на себя выполнение тѣхъ функций, которыя отправлялись прежде разрушенными ея частями. Для того, чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ эту теорію Флюранса, мы попытаемся примѣнить ее ко всему нашему организму. Если мы сдѣлаемъ это, то должны будемъ допустить, что желудокъ нашъ не только перевариваетъ всѣ роды пищи (т. е. и бѣлки, и крахмалъ, и жиръ), но и принимаетъ непосредственное участіе въ доставленіи намъ необходимаго кислорода, въ удаленіи продуктовъ разрушенія тканей, въ распредѣленіи крови по организму и т. д. Мы должны будемъ также допустить, что если сердце наше начинаетъ работать неисправно или даже совершенно прекращаетъ свою дѣятельность, то другіе органы нашего тѣла, напримѣръ, легкія, почки, печень могутъ принимать на себя исполненіе функций сердца и поддерживать въ исправномъ состояніи кровообращеніе. Если бы мы пожелали примѣнить рассматриваемую теорію къ объясненію устройства фортепіано, то должны были бы предположить, что, при исполненіи любой піесы, въ каждое мгновеніе приходятъ въ дѣятельное состояніе всѣ его струны и что, кромѣ того, дѣятельность разныхъ струнъ оказывается настолько одинаковою, что однѣ струны, безъ всякаго ущерба для исполняемой піесы, могутъ принимать на себя работу, которая исполнялась другими струнами, такъ что порча послѣднихъ и даже полное удаленіе ихъ изъ инструмента будутъ сопровождаться почти незамѣтными результатами. Конечно, подобнаго примѣненія теоріи Флюранса никто не дѣлалъ. Но это объясняется лишь удовлетворительнымъ знакомствомъ нашимъ съ устройствомъ организма и съ устройствомъ фортепіано. Но такъ какъ это знакомство не распространялось на устройство и дѣятельность головного мозга, то и считалось возможнымъ отрицать, что принципъ фізіологическаго раздѣленія труда, обнаруживающійся въ устройствѣ и дѣятельности каждаго организма, находитъ себѣ примѣненіе также и въ отправленіяхъ головного мозга.

Теорія Флюранса господствовала почти полстолѣтія (1822—1870). Нѣсколько поколебало ее только открытіе Броука (1861),

которому удалось доказать, что потеря способности къ произнесению различныхъ словъ (афазія) всегда оказывалась связанною съ поврежденіемъ третьей лобной извилины лѣваго полушарія. Однако, прежняя теорія продолжала еще держаться, такъ какъ ни одному экспериментатору не удалось въ то время вызвать искусственнымъ путемъ какія-либо движенія, раздражая тѣ части мозга, въ которыхъ лежали, какъ предполагалось, двигательные центры. Ни механическое, ни химическое возбужденія мозговой коры не давали никакихъ замѣтныхъ результатовъ. Только опыты Гитцига и Фритча, прибѣгнувшихъ къ помощи электрическихъ токовъ значительной силы, положили прочное основаніе новому воззрѣнію на функціи головного мозга. Въ 1870 году этимъ ученымъ удалось вызвать сокращеніе нѣкоторыхъ мускуловъ, раздражая гальваническимъ токомъ головной мозгъ у одного больного. Вслѣдъ за тѣмъ ими было произведено множество опытовъ надъ головнымъ мозгомъ собаки, при чемъ они нашли, что съ измѣненіемъ тѣхъ пунктовъ поверхности мозга, которые подвергались электрическому раздраженію, измѣнялись также и движенія животнаго. Вырѣзывая тѣ участки коркового слоя, раздражаніе которыхъ вызывало опредѣленные движенія, они нашли, что операція эта сопровождалась потерей у животнаго способности къ этимъ самымъ движеніямъ. Такъ, за удаленіемъ участковъ, возбужденіе которыхъ указывало на присутствіе въ нихъ центровъ, управляющихъ движеніемъ ногъ, наступалъ параличъ послѣднихъ. Если вырѣзывались двигательные центры лѣваго полушарія, то парализованной оказывалась правая сторона тѣла; напротивъ, удаленіе такихъ же центровъ въ правомъ полушаріи вызывало параличъ на лѣвой сторонѣ тѣла.

Дальнѣйшіе опыты, произведенные Феррьеромъ и Мункомъ, показали, что въ мозговой корѣ залегаютъ еще такъ называемые сенсорные центры, служащіе для воспріятія впечатлѣній, дѣйствующихъ на органы чувствъ. Вслѣдъ за разрушеніемъ какого-либо изъ этихъ центровъ, животное утрачивало способность испытывать извѣстнаго рода ощущенія. Напримѣръ, послѣ разрушенія зрительной площади, расположенной въ заднихъ доляхъ мозга, наступаетъ слѣпота. Электрическое раздраженіе той части мозговой коры, въ которой находятся слуховые центры, вызываетъ у животнаго тѣ же самыя движенія, какія возникаютъ обыкновенно подѣ влияніемъ звукового впечатлѣнія. Животное настаора-

живають уши, широко раскрываетъ глаза, поворачиваетъ голову. Если опыты производятся надъ животными, у которыхъ чувство слуха играетъ важную роль, предупреждая ихъ о грозящихъ имъ опасностяхъ, то раздраженіе центровъ слуха сопровождается не только движеніемъ головы и настораживаніемъ ушей, но и быстрымъ прыжкомъ въ сторону, какъ бы съ цѣлью убѣжать отъ нѣкоторой опасности.

Ученіе о неодинаковости отправленій различныхъ частей мозговой коры и въ особенности попытки опредѣлить точнымъ образомъ тѣ пункты, въ которыхъ находятся извѣстные моторные и сенсорные центры, вызвали много горячихъ и продолжительныхъ споровъ. Въ виду этого, полезно будетъ обратить вниманіе на то, что дѣйствительный интересъ, возбуждаемый въ насъ результатами раздраженія мозговой поверхности, сводится вовсе не къ тому, какія именно движенія возникаютъ при раздраженіи опредѣленнаго участка головного мозга. Для насъ важень лишь тотъ общій фактъ, что при электрическомъ возбужденіи различныхъ областей коркового слоя получаютъ и различные результаты. Фактъ этотъ указываетъ въ концѣ-концовъ на то, что отправленія различныхъ областей мозговой коры не одинаковы и что поэтому мы встрѣчаемъ здѣсь такое же раздѣленіе труда, какое приходится наблюдать въ остальныхъ частяхъ нашего организма. Кромѣ того необходимо помнить, что для доказательства справедливости ученія о неодинаковости отправленій различныхъ частей мозга, нѣтъ ни малѣйшей необходимости отыскивать, во чтобы то ни стало, тѣ пункты, въ которыхъ сгруппированы однородныя клѣтки (напримѣръ, вкусовыя или обонятельныя). Подобныя попытки могутъ окончиться неудачею въ тѣхъ случаяхъ, если изслѣдуемая клѣтка окажется разбросанными въ разныхъ мѣстахъ мозговой коры. Но даже при такихъ условіяхъ фактъ раздѣленія труда между отдѣльными клѣтками сохранится во всей своей силѣ и только затруднено будетъ экспериментальное доказательство этого факта. Слѣдуетъ думать, что не только для каждой точки поверхности нашего тѣла находятся въ мозговой корѣ клѣтки, воспринимающія впечатлѣнія, получаемыя отъ этой точки, но, вѣроятно, и каждому нервному волокну, периферическое окончаніе котораго находится въ какомъ-нибудь внутреннемъ органѣ тѣла, соотвѣтствуетъ особая клѣтка въ мозговой корѣ, которая или получаетъ приносимыя

къ ней впечатлѣнія, или участвуетъ въ процессѣ иннерваціи, т. е. оказываетъ извѣстное вліяніе на дѣятельность этого органа. Такъ какъ намъ придется дальше говорить о воспоминаніяхъ и представленіяхъ, то полезно будетъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какимъ элементамъ головного мозга приходится функционировать при этомъ.

Возбужденіе сенсорныхъ клѣтокъ мозговой коры можетъ происходить двоякимъ образомъ: съ помощью ассоціаціонныхъ путей и съ помощью приносящихъ нервовъ. Въ послѣднемъ случаѣ импульсы, направляющіеся къ мозговой корѣ по приносящимъ нервамъ, проходятъ предварительно чрезъ нервныя клѣтки субкортикальныхъ центровъ. Результатомъ такого возбужденія сенсорныхъ клѣтокъ мозговой коры является ощущеніе. Но если тѣ же самыя сенсорныя клѣтки возбуждаются при помощи импульсовъ, направляющихся отъ сосѣднихъ частей мозговой коры при помощи ассоціаціонныхъ путей, то возникаетъ лишь воспоминаніе объ этомъ ощущеніи. Является вопросъ, почему воспоминанія иногда какъ бы превращаются въ ощущенія. Напримѣръ, если мы, закрывши глаза, воспоминаемъ о какомъ-нибудь предметѣ, то этотъ послѣдній довольно отчетливо обрисовывается предъ нами, и мы какъ бы вновь видимъ его предъ собою. Образъ предмета, возникающій при этомъ въ нашемъ умѣ, то исчезаетъ, то появляется вновь, тогда какъ, при дѣйствительномъ разсматриваніи предмета, мы видимъ его изображеніе все время, пока смотримъ на него. При сновидѣніяхъ и галлюцинаціяхъ представленія наши буквально превращаются въ ощущенія. Объясняется это тѣмъ, что сенсорныя клѣтки мозговой коры, вслѣдствіе существованія анатомической связи между ними и клѣтками субкортикальныхъ центровъ, могутъ приводить послѣднія въ дѣятельное состояніе. Подобное воздѣйствіе мозговой коры на субкортикальные центры происходитъ довольно часто. Напримѣръ, если мы останавливаемся на какомъ-нибудь воспоминаніи, сосредоточиваемъ на немъ свое вниманіе, то отъ сенсорныхъ кортикальныхъ клѣтокъ возбужденіе распространяется также и на связанныя съ ними субкортикальныя клѣтки. Чѣмъ сильнѣе будутъ возбуждены послѣднія, тѣмъ въ большей степени воспоминаніе объ ощущеніи сдѣлается похожимъ на дѣйствительное ощущеніе. Такимъ образомъ, сенсорнымъ клѣткамъ коркового слоя приходится функционировать и при возникнове-

ніи ощущеній, и при появленіи воспоминаній объ этихъ ощущеніяхъ. Если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что представленіе о предметѣ есть только совокупность воспоминаній объ ощущеніяхъ, пробуждаемыхъ въ насъ этимъ предметомъ (среди которыхъ главную роль играетъ обыкновенно зрительный образъ предмета), то поймемъ, что сенсорныя клѣтки должны приходиться въ дѣятельное состояніе также и при появленіи въ нашемъ умѣ разныхъ представленій.

Не всегда предметомъ нашей мысли бываютъ тѣ единичныя вещи и явленія, образы которыхъ мелькаютъ въ нашемъ умѣ. Очень часто мы отчетливо сознаемъ, что извѣстное утвержденіе относится ко всѣмъ предметамъ, похожимъ въ опредѣленномъ отношеніи на тотъ отдѣльный предметъ, зрительный образъ котораго воспроизвела наша память. Въ такомъ случаѣ этотъ образъ дѣлается лишь символомъ того, что не можетъ быть представлено нами и что называютъ обыкновенно понятіемъ, общимъ представленіемъ, концептомъ. Значить, образъ отдѣльнаго предмета превращается въ символъ понятія только благодаря присутію намъ сознанию, что въ данный моментъ объектомъ нашей мысли служитъ не этотъ единичный предметъ, а всѣ предметы, сходные съ нимъ въ извѣстномъ отношеніи.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какія именно части головного мозга приходятъ въ дѣятельное состояніе при появленіи эмоцій и чѣмъ именно вызывается дѣятельность этихъ частей. Мы начнемъ съ рѣшенія второго вопроса. Уже была рѣчь о томъ, что нервныя клѣтки мозговой коры могутъ быть возбуждаемы не только приносящими нервами, по которымъ направляются импульсы, идущіе отъ органовъ чувствъ и различныхъ частей нашего тѣла, но и другимъ, косвеннымъ путемъ, съ помощью ассоціаціонныхъ волоконъ и соприкасающихся отростковъ клѣтокъ. Каждое сильное впечатлѣніе, кромѣ прямого дѣйствія на соотвѣтствующія клѣтки мозговой коры, оказываетъ еще, при посредствѣ ассоціаціонныхъ путей, косвенное вліяніе на многія другія ея клѣтки. По мнѣнію Спенсера, эмоціи являются результатомъ косвеннаго возбужденія нѣкоторыхъ частей головного мозга. Существуютъ, какъ онъ думаетъ, особые центры, служащіе, такъ сказать сѣдалищами эмоцій. Непрямое возбужденіе этихъ центровъ, при помощи ассоціаціонныхъ путей, и служитъ фізіологическою причиною возникновенія эмоцій. (Спенсеръ.

Основанія психологіи, томъ первый, стр. 126—130. Изданіе Библина, 1876 г.). Такимъ образомъ, по мнѣнію Спенсера, на эмоціи нельзя смотрѣть, какъ на непосредственные результаты периферическихъ впечатлѣній; онѣ являются ихъ отдаленными послѣдствіями. Какой-либо центръ, будучи возбужденъ приносящими нервами, начинаетъ дѣйствовать на другіе центры, а эти послѣдніе передаютъ полученное возбужденіе дальше, пока первоначальное раздраженіе, отражаясь по всѣмъ направленіямъ, не распространится на значительную часть головного мозга, при чемъ въ возбужденное состояніе будутъ приведены и тѣ нервныя элементы, дѣятельное состояніе которыхъ необходимо для появленія той или другой эмоціи.

Разсмотримъ съ нѣкоторою подробностью явленія вызываемыя передачею нервнаго возбужденія вдоль ассоціаціонныхъ волоконъ и соприкасающихся отростковъ нейроновъ. Конечно, мы не можемъ подвергнуть прямому, непосредственному наблюденію тѣ процессы распространенія нервнаго возбужденія, о которыхъ здѣсь говорится. Такъ какъ мы не видимъ нервныхъ токовъ (какъ не видимъ гальваническаго тока, направляющагося по телеграфной проволоцѣ), то объ ихъ существованіи и о степени ихъ распространенія мы можемъ судить только по тѣмъ явленіямъ, которыя сопутствуютъ имъ. Обращаясь къ этимъ явленіямъ, мы замѣчаемъ, что психическіе акты обладаютъ способностью вызывать другъ друга. Напримѣръ, внѣшній видъ иголки возбуждаетъ въ насъ нерѣдко воспоминанія о ниткѣ, наперсткѣ, ножницахъ, швейной работѣ; форма и цвѣтъ какой-нибудь ягоды влекутъ за собою воспоминанія о ея вкусѣ и запахѣ; первые такты извѣстной мелодіи машинально заставляютъ звучать въ нашей головѣ слѣдующіе такты, точно такъ же, какъ мысль о первыхъ строчкахъ знакомаго стихотворенія неизбежно сопровождается (если ничто не помѣшаетъ этому) воспоминаніемъ о послѣдующихъ строчкахъ. Пытаясь найти физиологическое объясненіе для этого хода представленій, мы предполагаемъ, что дѣятельность одной группы клѣтокъ головного мозга вызываетъ машинально дѣятельность другой группы, потомъ третьей и т. д. Передача возбужденія отъ одной группы клѣтокъ къ другой совершается на близкихъ разстояніяхъ при помощи отростковъ этихъ клѣтокъ, а при передачѣ возбужденія на болѣе далекія разстоянія принимаютъ участіе волокна, соединяющія между собою отдѣльныя

извилины и доли мозговой коры. Такимъ образомъ, по этой теоріи извѣстная послѣдовательность воспоминаній разсматривается какъ результатъ послѣдовательнаго возбужденія различныхъ группъ нервныхъ клѣтокъ, находящихся въ мозговой корѣ. Здѣсь происходитъ нѣчто подобное тому, что мы можемъ наблюдать при исполненіи музыкальной пьесы на фортепіано. При каждомъ аккордѣ въ дѣятельное состояніе приходятъ не всѣ струны фортепіано, а только незначительная часть ихъ. Приводя въ колебательное движеніе различныя группы струнъ, мы получаемъ и различныя звуковыя эффекты. Точно также и различнымъ представленіямъ соотвѣтствуютъ различныя группы нервныхъ клѣточекъ, послѣдовательное возбужденіе которыхъ связано бываетъ съ возникновеніемъ извѣстнаго рода представленій. Смѣна послѣднихъ происходитъ въ порядкѣ, зависящемъ отъ того, какія именно группы клѣточекъ приходятъ послѣдовательно въ возбужденное состояніе.

Теперь мы можемъ понять, почему считается вполне возможнымъ непрямое (центральное) возбужденіе какихъ-либо клѣтокъ мозговой коры. Прежде всего нельзя отрѣшиться отъ того вліянія, какое оказываетъ на нашу мысль фактъ существованія извѣстнаго рода связи между отдѣльными частями мозговой коры. Правда, связь эта не совсѣмъ такова, какой она казалась намъ еще очень недавно. Отростки отдѣльныхъ нервныхъ клѣтокъ не соединяются анатомически другъ съ другомъ, но только соприкасаются между собою. Но разъ существуетъ хоть такая связь, нейроны нельзя признать вполне изолированными. Благодаря тому, что отростки нейроновъ имѣютъ весьма значительное количество коллатералей, каждая нервная клѣтка оказывается соединенною не съ одною какою-нибудь клѣткою, но съ очень многими. Это соединеніе между клѣтками, устанавливающееся при помощи соприкасающихся ихъ отростковъ и ассоціаціонныхъ волоконъ, даетъ намъ, конечно, право допустить возможность передачи нервнаго возбужденія въ мозговой корѣ даже на значительныя разстоянія. Однако увѣренность въ томъ, что гипотеза эта достаточно правдоподобна, возрастаетъ въ насъ только вслѣдствіе анализа психическихъ явленій. Мы знаемъ, что извѣстное состояніе сознанія вызывается нерѣдко предшествующимъ состояніемъ. Напримѣръ, если изъ сосѣдняго дома доносятся до насъ звуки фортепіано, то въ нашемъ умѣ возникаетъ зрительный образъ

этого инструмента. Въ данномъ случаѣ этотъ зрительный образъ возникаетъ безъ всякаго участія органа зрѣнія и вызывается единственно предшествующимъ слуховымъ ощущеніемъ. Это даетъ намъ право предположить, что возбужденіе мозговой коры не ограничилось здѣсь только тѣми ея клѣточками, на которыя подѣйствовали звуки фортепіано (при помощи слуховыхъ нервовъ, субкортикальныхъ центровъ и волоконъ, идущихъ отъ этихъ послѣднихъ къ мозговой корѣ), но распространилось вдоль ассоціаціонныхъ путей и затронуло тѣ клѣтки, функционированіе которыхъ необходимо для появленія зрительнаго образа фортепіано. Какъ же должны мы объяснить происхожденіе эмоцій, руководствуясь гипотезой Спенсера?

Когда мы присутствуемъ при исполненіи драматическаго произведенія, читаемъ повѣсть, слушаемъ музыкальную пьесу, разсматриваемъ картину, то въ насъ возникаютъ нѣкоторыя душевныя движенія. Конечно, каждый согласится съ тѣмъ, что эти душевныя движенія вполне отличаются отъ вызывающихъ ихъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній. Но если существуютъ группы клѣточекъ для зрительныхъ, слуховыхъ, обонятельныхъ, вкусовыхъ, тактильныхъ ощущеній и даже для голода и жажды, то и подавно должны существовать въ мозговой корѣ особыя нервныя клѣтки для такихъ своеобразныхъ душевныхъ состояній, какими представляются намъ эмоціи или чувства (*). Назовемъ для краткости эти клѣтки эмотивными. Въ этомъ случаѣ я предлагаю читателю поступить точно такъ же, какъ поступаютъ при изложеніи математическихъ истинъ. При этомъ почти всегда условливаются относительно значенія символовъ, служащихъ для краткаго и наиболѣе простаго обозначенія изучаемыхъ величинъ. Но символы, выбранные однимъ лицомъ, не считаются обязательными и для всѣхъ другихъ. Поэтому, называя нѣкоторыя клѣтки мозговой коры эмотивными, я только предлагаю читателю помнитъ объ этомъ названіи при чтеніи настоящаго очерка, а затѣмъ онъ въ правѣ будетъ поступить какъ ему угодно. Въ разсматриваемыхъ нами случаяхъ внѣшнія впечатлѣнія дѣйствуютъ только на тѣ клѣточки мозговой коры, которыя возбужда-

*) Я увѣренъ въ томъ, что если читатель терпѣливо прочтетъ весь этотъ очеркъ, то въ концѣ-концовъ онъ убѣдится, что такія клѣтки дѣйствительно существуютъ.

ются органами зрѣнія и слуха. Если мы предположимъ, что нервный процессъ, начавшійся въ опредѣленной группѣ зрительныхъ или слуховыхъ клѣточекъ мозговой коры, распространяется затѣмъ при помощи соединительныхъ волоконъ и соприкасающихся отростковъ нейроновъ на другія части этой коры, заставляя работать эмотивныя ея клѣтки, то мы будемъ имѣть дѣло съ тѣмъ, что обыкновенно называется центральнымъ возбужденіемъ въ отличіе отъ другихъ возбужденій периферическаго происхожденія. Тѣ клѣтки, которыя были названы здѣсь эмотивными, приводятся въ дѣятельное состояніе, по мнѣнію Спенсера, исключительно центральными возбужденіями.

Теорія, принимающая въ расчетъ центральныя возбужденія, весьма удобна для объясненія такой цѣпи психическихъ явленій, изъ которыхъ каждое послѣдующее явленіе автоматически вызывается предшествующимъ (игра воображенія, вереница воспоминаній и т. п.). Она довольно удобна и для объясненія нѣкоторыхъ душевныхъ движеній. Существуютъ однако такія аффективныя явленія, для фізіологическаго обоснованія которыхъ эта теорія оказывается непригодною. Почти всѣ авторитетные психологи (не исключая и Спенсера) держатся того мнѣнія, что, подъ вліяніемъ центральныхъ возбужденій, возникаютъ такъ называемыя воспроизведенныя психическія явленія (т.-е., иначе говоря, возникаютъ воспоминанія о пережитыхъ нами душевныхъ состояніяхъ). Эти воспроизведенныя психическія явленія отличаются *при нормальныхъ условіяхъ* незначительною интенсивностью, благодаря чему, мы не смѣшиваемъ ихъ съ дѣйствительными ощущеніями, вызванными периферическими возбудителями. Не будь этого различія, существованіе наше сдѣлалось бы въ высшей степени затруднительнымъ, такъ какъ мы не въ состояніи были бы въ такомъ случаѣ отличать дѣйствительныя ощущенія отъ воображаемыхъ. Но такъ какъ при обыкновенныхъ условіяхъ психическія явленія, вызванныя центральными возбужденіями, оказываются весьма слабыми, то мы и не смѣшиваемъ воспоминаній и произведеній нашей фантазіи съ дѣйствительностью. Итакъ, основною особенностью психическихъ актовъ, имѣющихъ центральное происхожденіе, является незначительная ихъ напряженность. Между тѣмъ многія эмоціи принадлежатъ къ числу душевныхъ явленій, отличающихся значительною интенсивностью. Объ этой интенсивности можно судить не только по личному

опыту каждаго изъ насъ, но и по тѣмъ физиологическимъ перемѣнамъ, съ которыми связаны бывають гнѣвъ, отчаяніе, страхъ, стыдъ и т. д. Въ виду такой напряженности многихъ душевныхъ волненій, едва ли можно допустить, что эмотивныя клѣтки въ подобныхъ случаяхъ приводятся въ дѣятельное состояніе центральными возбуждателями. Кромѣ того существуютъ аффективныя состоянія, къ которымъ вышеизложенная теорія оказывается совершенно непримѣнимой. Я уже упоминалъ о томъ, что мы не въ состояніи наблюдать нервныхъ токовъ, циркулирующихъ по ассоціаціоннымъ путямъ, и догадываемся о физиологическихъ процессахъ только по тѣмъ явленіямъ, которыя доступны нашему наблюденію. Поэтому если душевному волненію предшествуетъ какое-нибудь легко-усматриваемое психическое явленіе (напримѣръ, непріятное воспоминаніе, ожиданіе какого-нибудь несчастія, сознаніе собственнаго ничтожества, мысль о бѣдственномъ положеніи, въ которомъ находятся дорогіе намъ люди и т. п.), то мы еще въ правѣ будемъ допустить гипотезу о томъ, что въ данномъ случаѣ произошло центральное возбужденіе эмотивныхъ клѣтокъ. Но если аффективное состояніе возникаетъ безъ всякой психической причины, если оно, несмотря на отсутствіе видимыхъ поводовъ, отличается кромѣ того значительною напряженностью, то гипотеза о центральномъ возбужденіи эмотивныхъ клѣтокъ оказывается совершенно непримѣнимою для объясненія подобныхъ явленій. Между тѣмъ очень часто нами овладѣваетъ сильная тоска, хотя съ нами не произошло ничего такого, что могло бы опечалить насъ. Точно такъ же безъ всякихъ понятныхъ поводовъ на насъ нападаетъ необъяснимый, безотчетный страхъ, или же мы дѣлаемся чрезвычайно раздражительными, несмотря на то, что не существуетъ никакихъ разумныхъ основаній для нашего гнѣвнаго настроенія. Въ подобныхъ случаяхъ мы не въ состояніи бываемъ найти въ собственномъ сознаніи причину измѣненія нашего настроенія. Последнее измѣняется независимо отъ психическихъ причинъ и поэтому не имѣется никакихъ основаній для объясненія подобныхъ колебаній настроенія прибѣгать къ помощи центральныхъ возбуждителей. Да и нѣтъ надобности въ этой помощи въ виду явнаго существованія другихъ возбуждителей. Въ самомъ дѣлѣ, головной мозгъ находится въ связи со всѣми частями нашего тѣла. Вслѣдствіе этого на него дѣйствуютъ не только явленія внѣшняго міра,

но также и тѣ перемѣны, которыя происходятъ въ дѣятельности нашего организма. Біенія сердца, дыхательныя движенія, состояніе пищеварительныхъ органовъ, сокращеніе или расслабленіе мускуловъ, измѣненіе количества крови и ея состава—все это отражается на состояніи нашего самочувствія, которое дѣлается, смотря по обстоятельствамъ, то свѣтлымъ, то мрачнымъ. Такимъ образомъ тѣлесныя перемѣны вызываютъ не только ощущенія голода, жажды, утомленія, но также и тѣ органическія ощущенія, изъ совокупности которыхъ слагается чувство собственнаго существованія. Это объясненіе безпричинныхъ настроеній слѣдуетъ признать весьма правдоподобнымъ въ виду многочисленности фактовъ, доказывающихъ намъ, что органическія перемѣны несомнѣнно вліяютъ на состояніе нашего самочувствія. Рассмотримъ нѣкоторые изъ этихъ фактовъ.

Прежде всего собственныя наши болѣзни убѣждаютъ насъ въ томъ, что душевныя настроенія наши зависятъ отъ состоянія организма. Наблюдая другихъ людей, мы тоже замѣчаемъ, что самочувствіе ихъ замѣтнымъ образомъ измѣняется при разнаго рода недомоганіяхъ, что они обыкновенно дѣлаются при этомъ угрюмыми и раздражительными. Весьма сильно бросается въ глаза то измѣненіе обычнаго настроенія, вкусовъ и потребностей, которое замѣчается при органическихъ перемѣнахъ, связанныхъ съ беременностью. Это измѣненіе бываетъ обыкновенно настолько велико, что повело даже къ созданію нѣкоторыхъ поговорокъ, направленныхъ противъ капризныхъ и причудливыхъ людей. Измѣненіе самочувствія подъ вліяніемъ вина тоже является фактомъ достаточно извѣстнымъ. Каждый понимаетъ, что и въ этомъ случаѣ психическая перемѣна, происшедшая въ человѣкѣ, зависитъ отъ тѣлесныхъ перемѣнъ, вызванныхъ алкоголемъ. Если мы рассмотримъ главные органы тѣла со стороны ихъ вліянія на психическую жизнь, то увидимъ, что исправность пищеварительныхъ органовъ является необходимымъ условіемъ хорошаго расположенія духа. Поэтому за людьми, у которыхъ плохо работаетъ желудокъ, давно установилась репутація невеселыхъ и неуживчивыхъ.

У страдающихъ болѣзнями сердца очень часто является чувство боязни; въ такихъ случаяхъ нерѣдко наблюдается также безпричинная грусть и невыносимая тоска, вызывающая даже слезы. Къ числу общеизвѣстныхъ принадлежитъ также тотъ

фактъ, что болѣзни печени дѣлають людей угрюмыми и раздражительными. Что касается легкихъ, то хотя исправное состояніе ихъ увеличиваетъ способность человѣка къ дѣятельности, но слабость груди не оказываетъ подавляющаго вліянія на расположеніе духа. Напримѣръ, патологическія явленія, связанныя съ чахоткою, очень часто не только усиливають остроту ума, но и наполняютъ душу больного свѣтлыми надеждами. Вліяніе половыхъ органовъ на самочувствіе человѣка обнаруживается прежде всего въ тѣхъ психическихъ перемѣнахъ, которыя происходятъ при наступленіи половой зрѣлости. Возникають новыя органическія ощущенія, дающія начало какому-то смутному и неопредѣленному безпокойству, причины котораго ускользають отъ человѣка. Если наступленіе половой зрѣлости измѣняетъ настроеніе человѣка, то подобнымъ же образомъ должно дѣйствовать искусственное устраненіе соотвѣтствующихъ органовъ. Дѣйствительно, кастрація производитъ рѣзкое измѣненіе въ характерѣ и настроеніи человѣка. Подобное же вліяніе оказываетъ на женщинъ оперативное удаленіе яичниковъ. Слабость и неудовлетворительное состояніе самочувствія у людей преклоннаго возраста зависятъ, по мнѣнію Браунъ-Секара, не только отъ старческаго состоянія ихъ органовъ, но также и отъ того, что половыя железы перестаютъ поставлять крови продукты, придающіе организму въ зрѣломъ возрастѣ всю его силу и мощь. Основываясь на этомъ соображеніи, Браунъ-Секаръ сдѣлалъ попытку вводить въ ослабленный организмъ (посредствомъ подкожныхъ впрыскиваній) тѣ вещества, которыя вырабатываются половыми железами, и затѣмъ дѣйствіе новаго терапевтическаго средства было изслѣдовано очень многими лицами. Если мы оставимъ въ сторонѣ тѣ преувеличенныя надежды, которыя возлагались когда-то на эти подкожныя впрыскиванія, то придется сознаться, что извѣстные намъ факты скорѣе подтверждаютъ, чѣмъ опровергаютъ взгляды Браунъ-Секара на значеніе половыхъ железъ.

Не слѣдуетъ думать, что органическія перемѣны лишь въ такомъ случаѣ измѣняютъ наше самочувствіе, если по своимъ размѣрамъ онѣ явно бросаются въ глаза каждому. Напротивъ, это самочувствіе часто измѣняется отъ перемѣнъ, повидимому, весьма маловажныхъ. Разсмотримъ, напримѣръ, явленія, связанныя съ утоленіемъ голода и жажды. Принято думать, что когда мы вводимъ въ желудокъ пищу и питье, то этимъ самымъ воз-

становляемъ тѣ потери, которыя происходятъ отъ разрушенія различныхъ тканей нашего тѣла. Но это мнѣніе нельзя назвать правильнымъ. Извѣстно, что требуется не мало времени на то, чтобы пища переварилась и извѣстныя составныя ея части пѣрешли въ кровь. Слѣдовательно, голодъ исчезаетъ гораздо раньше, чѣмъ произойдетъ возстановленіе разрушенныхъ тканей, на которое смотрятъ обыкновенно, какъ на причину исчезновенія потребности въ пищѣ. Поэтому когда мы завтракаемъ или обѣдаемъ, то нельзя сказать, что мы при этомъ снабжаемъ различныя ткани нашего тѣла тѣмъ матеріаломъ, въ которомъ онѣ нуждаются. Мы просто наполняемъ желудокъ пищевыми веществами до тѣхъ поръ, пока не почувствуемъ, что насытились. Конечно, чрезъ нѣсколько часовъ изъ этихъ пищевыхъ веществъ образуется матеріалъ, необходимый для тканей; но голодъ исчезаетъ гораздо раньше — иногда чрезъ нѣсколько минутъ. Точно такъ же и жажда исчезаетъ обыкновенно гораздо раньше того, чѣмъ выпитая вода проникнетъ въ кровь. Такимъ образомъ, простое наполненіе желудка пищевыми веществами оказываетъ такое дѣйствіе на периферическія окончанія желудочныхъ нервовъ, благодаря которому самочувствіе наше измѣняется къ лучшему самымъ поразительнымъ образомъ. Почему сухость пустого желудка и тѣ складки, которыя образуются при этомъ на его стѣнкахъ, раздражаютъ окончанія нервовъ и вызываютъ извѣстныя всѣмъ ощущенія, отвѣтить на это такъ же трудно, какъ и объяснить, почему запахъ розы вызываетъ пріятное ощущеніе, а запахъ тухлаго яйца — непріятное. Если достойна удивленія та быстрота, съ которою удовлетворяется въ большинствѣ случаевъ жажда, то еще удивительнѣе оказывается тотъ фактъ, что жажду можно утолить (конечно, на незначительное время), смазывая глотку слабымъ растворомъ лимонной кислоты.

Даже такія, повидимому, ничтожныя явленія, какъ продолжительные запоры и присутствіе глистовъ въ кишечномъ каналѣ, оказываютъ весьма неблагопріятное вліяніе на наше самочувствіе. Достаточно проглотить кусочекъ тухлаго желтка, чтобы вызвать дурноту, головокруженіе и тоску. Весь этотъ беспорядокъ однако быстро прекращается послѣ того, какъ ничтожная причина его будетъ извергнута изъ организма естественною или искусственною рвотою. Нѣкоторыя тошнотворныя лѣкарства вызываютъ

угнетенное настроеніе духа, сходное во многомъ съ печалью, а отчасти со страхомъ; напротивъ, употребленіе мухоморовъ (особый видъ грибовъ) сопровождается часто сильными припадками ярости, а гашишъ (вещество, приготовляемое изъ индійской конопли) возбуждаетъ чувство счастья. Подъ вліяніемъ послѣдняго человѣкомъ овладѣваетъ сперва веселость: все его смѣшить и радуетъ, ко всему онъ относится доброжелательно; затѣмъ наступаетъ чувство полнаго удовлетворенія. Описавъ это душевное состояніе, Моро указываетъ на то, что употребленіе гашиша сопровождается не чувствительнымъ наслажденіемъ. «Потребитель гашиша,—говоритъ онъ,—бываетъ счастливъ не такъ, какъ счастливъ обжора или голодный человѣкъ, удовлетворяющій свой аппетитъ, или сластолюбецъ, удовлетворяющій свои желанія, но какъ человѣкъ, который слышитъ радостныя для него вѣсти, какъ скупецъ, считающій свои сокровища, какъ игрокъ, который выигрываетъ, или какъ честолюбецъ, опьяненный успѣхомъ». (Карпентеръ. Физиологія ума, томъ II, стр. 197). Весьма сильно дѣйствуютъ на самочувствіе человѣка также вдыханіе паровъ ээира, куреніе опиума и подкожное впрыскиваніе морфія. Во всѣхъ этихъ случаяхъ прежде всего измѣняется качество крови, вліяющее извѣстнымъ образомъ на состояніе нервной системы. Вообще, измѣненія состава крови являются, повидимому, довольно обычною причиною колебаній нашего душевнаго настроенія.

Итакъ, перемѣны въ ходѣ растительной жизни тѣла сопровождаются измѣненіями нашего самочувствія. Во избѣжаніе недоразумѣній не слѣдуетъ упускать изъ виду также того вліянія, какое можетъ оказывать на характеръ нашего самочувствія измѣнившееся состояніе нервной системы. Такъ какъ для возникновенія ощущенія необходимо извѣстнаго рода взаимодействіе между нервной системою и окружающею ее средою, то поэтому характеръ испытываемыхъ нами органическихъ ощущеній опредѣляется не только характеромъ впечатлѣній, доставляемыхъ тѣлесными перемѣнами, но также и особенностями нашей нервной системы. Послѣдняя не остается постоянно въ одномъ и томъ же состояніи. Чувствительность ея иногда не только повышается или понижается, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ подвергается даже значительнымъ извращеніямъ. Вслѣдствіе этого обычный характеръ нашихъ органическихъ ощущеній можетъ замѣтно измѣниться, несмотря на то, что явленія растительной жизни, вызывающія

упомянутыя ощущенія, остались прежними. Рѣзкія измѣненія самочувствія, наблюдаемыя въ началѣ душевныхъ болѣзней, объясняются чаще всего именно тѣмъ, что, благодаря разстройству нервной системы, прежнія впечатлѣнія начинаютъ вызывать уже другія органическія ощущенія, вслѣдствіе чего измѣняется и характеръ преобладающихъ настроеній. Само собою разумѣется, что даже и въ подобныхъ случаяхъ причиною возникновенія извѣстнаго настроенія являются тѣ впечатлѣнія, которыя доставляются нервной системѣ нашимъ организмомъ. Какъ бы сильно не измѣнилось состояніе нервной системы, она не можетъ приобрести способности къ самопроизвольной дѣятельности. Необходимы какія-нибудь впечатлѣнія (внѣшнія или органическія) для того, чтобы она начала работать. При полномъ же отсутствіи этихъ впечатлѣній дѣятельность нервной системы прекращается и наступаетъ сонъ. Отсюда видно, что каждое измѣненіе настроенія (для котораго мы не можемъ найти причинъ въ нашемъ сознаніи) объясняется въ концѣ концовъ измѣненіями характера ощущеній, порождаемыхъ процессами растительной жизни.

Такимъ образомъ, существуетъ довольно обширный классъ аффективныхъ явленій, для истолкованія которыхъ нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ помощи центральныхъ возбуждителей. Испытываемъ ли мы безпричинную радость или насъ охватываетъ необъяснимое гнѣвное настроеніе, и въ томъ и въ другомъ случаѣ эмотивныя клѣтки мозговой коры приводятся въ дѣятельное состояніе тѣми импульсами, которые направляются по центростремительнымъ волокнамъ, идущимъ къ головному мозгу отъ всѣхъ частей нашего тѣла. Короче говоря, такъ называемыя безпричинныя душевныя настроенія слагаются изъ ощущеній, вызываемыхъ тѣлесными перемѣнами, т.-е. каждое изъ этихъ настроеній слѣдуетъ разсматривать, какъ совокупность органическихъ ощущеній.

Невольно рождается вопросъ, не служатъ ли и всѣ остальные аффективныя состоянія результатами подобнаго же возбужденія головного мозга разнаго рода органическими перемѣнами. Нельзя ли на всевозможныя чувствованія смотрѣть какъ на комплексы ощущеній, порождаемыхъ измѣненіями въ ходѣ процессовъ растительной жизни нашего тѣла. Въ пользу этой гипотезы говорить уже то обстоятельство, что эмоціи въ нѣкоторомъ отношеніи вполнѣ тождественны съ безпричинными настроеніями. И гнѣвъ, и страхъ, и тоска, вызываемые психическими причинами,

ничѣмъ не отличаются отъ подобныхъ же состояній сознанія, возникающихъ подъ вліяніемъ органическихъ перемѣнъ. Будетъ ли наша печаль вызвана какими-нибудь житейскими невзгодами или какими-то перемѣнами, происшедшими въ нашемъ организмѣ, испытываемыя нами душевныя состоянія оказываются совершенно одинаковыми. Кромѣ того, и въ одномъ и въ другомъ случаѣ внѣшнія выраженія печали представляются настолько тождественными, что никто изъ постороннихъ людей не въ состояніи будетъ отличить безпричинную печаль отъ такой, которая вызвана понятными для каждаго поводами. Однако изъ этого еще не слѣдуетъ, что разсматриваемыя психическія явленія порождаются одинаковыми причинами. Хотя безпричинный гнѣвъ вполне тождественъ съ тѣмъ гнѣвомъ, который вызывается мыслью о нанесенной намъ обидѣ, но на этомъ только основаніи мы еще не въ правѣ утверждать, что физиологическія основы этихъ душевныхъ состояній должны быть непремѣнно тождественными. Извѣстно, что значительнымъ препятствіемъ для правильнаго объясненія многихъ явленій служитъ такъ называемая множественность причинъ, на которую поэтому всегда указываютъ въ каждомъ обстоятельномъ трактатѣ по логикѣ. Дѣло въ томъ, что одинъ и тотъ же результатъ можетъ быть вызванъ различными причинами. Напримѣръ, гальваническій токъ, проходящій по проволоцѣ, можетъ быть вызванъ магнитомъ, другимъ токомъ, проходящимъ по другой проволоцѣ и химическимъ взаимодействіемъ веществъ, входящихъ въ составъ гальваническаго элемента. Если мы желаемъ повысить температуру металлическаго стержня, то можемъ погрузить его въ кипятокъ, положить на раскаленные угли, пропустить черезъ него сильный гальваническій токъ, нагрѣть его треніемъ или ударами молота. Человѣкъ можетъ сдѣлаться гораздо разумнымъ или потому, что онъ хорошо помнитъ всѣ тѣ страданія, которыя были вызваны его необдуманнми дѣйствіями, или же вслѣдствіе того, что количество его неудачъ и неудовольствій было такъ велико, что онъ не могъ не сохранить воспоминаній хотя бы о нѣкоторыхъ изъ нихъ, несмотря на свою плохую память. Наше душевное настроеніе можетъ измѣниться совершенно одинаковымъ образомъ или вслѣдствіе перемѣнъ въ ходѣ растительной жизни тѣла, или же вслѣдствіе такого измѣненія чувствительности нервной системы, при которомъ прежнія тѣлесныя перемѣны начинаютъ вызывать органическія ощущенія

иного характера. Въ виду всего этого, мы не имѣемъ права, на основаніи сходства, существующаго между изучаемыми явленіями, съ увѣренностью утверждать, что должны быть непременно сходны между собою и причины этихъ явленій. Отсюда слѣдуетъ, что если эмоціи оказываются вполне сходными съ такъ называемыми безпричинными настроеніями, то изъ этого еще нельзя заключить, что будутъ неизбѣжно одинаковы и физиологическія условія этихъ душевныхъ явленій. Поэтому вышеизложенная гипотеза нуждается въ другихъ оправданіяхъ.

II. Органическія перемѣны, связанныя съ чувствованіями. Чѣмъ вызываются эти перемѣны? Гипотеза относительно состава чувствованій. Измѣненія въ организмѣ, возникающія подъ вліяніемъ ощущеній и представлений. Осложненіе ощущеній душевными настроеніями. Объясненіе этого явленія. Вліяніе эмоцій на тѣло.

Мы знаемъ, что измѣненія въ ходѣ растительной жизни нашего тѣла сопровождаются соотвѣтствующими колебаніями душевнаго настроенія. Если мы вполне освоимся съ этимъ фактомъ, то неизбѣжно придемъ къ слѣдующему выводу: *самочувствіе наше должно измѣняться замѣтнымъ образомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда въ ходъ нашей органической жизни происходятъ значительныя перемѣны.* Но подобныя перемѣны наступаютъ чаще всего при разнаго рода душевныхъ волненіяхъ. Напримѣръ, при гнѣвѣ дыханіе становится прерывистымъ и человекъ какъ будто задыхается отъ волненія; мускулы его сильно напрягаются, вены на лицѣ и на лбу наливаются; притокъ крови къ головному мозгу увеличивается въ такой степени, что иногда происходитъ разрывъ сосудовъ; значительнымъ измѣненіемъ подвергается при этомъ также дѣятельность железъ, вслѣдствіе чего вырабатываемыя ими жидкости пріобрѣтаютъ особенныя свойства, которыхъ мы не встрѣчаемъ при нормальныхъ условіяхъ. Когда мы испытываемъ страхъ, то большая часть мускуловъ парализуется, приходитъ въ разслабленное состояніе, голосъ нашъ дѣлается хриплымъ и даже совершенно пропадаетъ; задерживается отдѣленіе слюны, пріостанавливается также отдѣленіе молока у женщинъ, причемъ составъ его измѣняется; появляется холодный потъ; волоса становятся дыбомъ, работа сердца дѣлается неправильной, и оно въ нѣкоторыхъ случаяхъ останавливается. Нѣтъ надобности приводить другіе пояснительные примѣры, такъ какъ значительное число органическихъ перемѣнъ, связанныхъ съ эмо-

щями, ускользаетъ отъ нашего наблюденія. Путемъ непосредственнаго безыскусственнаго наблюденія мы можемъ познакомиться, строго говоря, не съ тѣми измѣненіями въ процессахъ растительной жизни, которыя происходятъ при разныхъ душевныхъ движеніяхъ, а только съ наружными проявленіями этихъ внутреннихъ перемѣнъ. А что перемѣны эти бываютъ весьма обширными и глубокими, объ этомъ можно судить по тому вліянію, какое онѣ оказываютъ на наше здоровье. Нужна порядочная физическая сила, чтобы сохранить здоровье во время горести да и не хватить никакого здоровья, если горестъ продлится очень долго. Въ виду этого, представляются совершенно понятными старанія врачей удалить отъ больныхъ все то, что можетъ опечалить и обезпокоить ихъ. Врачъ долженъ прежде всего позаботиться о томъ, говоритъ Манассеинъ, чтобы въ обстановкѣ, окружающей больныхъ, не было ничего грустнаго, подавляющаго. Группы цвѣтотъ, птицы въ клѣткахъ, гравюры на стѣнахъ, акваріумъ съ бьющимъ фонтаномъ и т. д. помогутъ ему, нисколько не нарушая гигиеническихъ требованій чистоты и простора. Точно также врачъ долженъ наблюдать за тѣмъ, чтобы родные и знакомые не сердили и не волновали больного своими разсказами или поступками и не высказывали тяжело-больному своего отчаянія и горя. Такъ какъ теченіе болѣзни идетъ лучше, если больной не беспокоится на счетъ своихъ ближнихъ, то благотворительныя общества, принимающія на себя заботу о семьяхъ больныхъ, вынужденныхъ лежать въ госпиталѣ, являются не просто филантропическими учрежденіями, но и *могучими терапевтическими дѣятелями*. (Манассеинъ. О значеніи психическихъ вліяній). Что органическія перемѣны, связанныя съ душевными волненіями, буквально убиваютъ людей, конечно извѣстно читателю. Люди иногда умираютъ даже отъ неожиданной радости. Въ этомъ случаѣ убиваетъ людей не радость сама по себѣ, а тѣ физиологическія пертурбаціи въ нашемъ организмѣ, которыя связаны бываютъ со всякимъ сильнымъ чувствованіемъ.

Если мы обратимъ вниманіе на то, что при каждой сильной эмоціи происходятъ значительныя тѣлесныя перемѣны и затѣмъ примемъ въ расчетъ то обстоятельство, что эти перемѣны должны же оказывать какое-нибудь вліяніе на наше самочувствіе, то принуждены будемъ допустить, что въ составъ эмоцій входятъ органическія ощущенія, дающія начало такъ называемымъ

безпричиннымъ настроеніямъ. Даже такой осторожный ученый, какъ Гефдингъ, счелъ необходимымъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ во второмъ изданіи своихъ очерковъ психологіи, вышедшемъ въ 1893 году. Разсматривая органическія ощущенія (которыя онъ называетъ общими ощущеніями, а порождаемое ими настроеніе—чувствомъ нашего существованія или чувствомъ жизни), онъ говоритъ, что такъ какъ съ какимъ угодно чувствомъ связано измѣненіе органическаго состоянія, то со всякимъ чувствованіемъ связанъ также особенный, болѣе или менѣе сильный элементъ чувства жизни (Очерки психологіи, основанной на опытѣ, третье русское изданіе, стр. 191). «Способу взаимодѣйствія головного мозга во время душевнаго волненія съ большимъ или меньшимъ числомъ органовъ соотвѣтствуетъ измѣненіе чувства жизни, и всякое, даже самое идейное чувство, пріобрѣтаетъ такимъ образомъ характеръ чувства жизни. Съ этимъ согласуется то, что мы въ общемъ чувствуемъ жизни (независимо отъ всѣхъ представленій) находимъ уже намеки на контрасты чувствъ, которые подъ вліяніемъ представленій выступаютъ въ болѣе сознательной формѣ. Чѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе чувство, тѣмъ больше распространяется этотъ элементъ чувства жизни и опредѣляетъ все состояніе» (Ibidem, стр. 232). Говоря иначе, Гефдингъ признаетъ въ каждой эмоціи присутствіе тѣхъ ощущеній, которыя порождаются органическими перемѣнами и изъ которыхъ складываются наши безпричинныя душевныя настроенія.

Итакъ, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что органическія перемѣны, связанныя съ эмоціями, должны неизбѣжно вліять на наше душевное настроеніе. Если мы сдѣлаемъ еще одинъ шагъ впередъ, то придется поставить такой вопросъ: не служатъ ли эти настроенія главнымъ (а можетъ быть даже единственнымъ) элементомъ эмоцій, съ устраненіемъ котораго должны совершенно исчезнуть и самыя эмоціи? Съ устраненіемъ ощущеній, дающихъ начало упомянутымъ настроеніямъ, не была ли бы утрачена нами и способность испытывать какія-либо чувствованія? Такъ какъ разсматриваемыя здѣсь органическія ощущенія порождаются разнаго рода измѣненіями въ ходѣ растительной жизни, то съ исчезновеніемъ этихъ тѣлесныхъ перемѣнъ не исчезла ли бы также и возможность появленія эмоцій. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ, спроситъ читатель, вызываются тѣлесныя перемѣны, свя-

занныя съ эмоціями? Если на эти перемѣны мы должны смотрѣть какъ на причины тѣхъ органическихъ ощущеній, изъ которыхъ составлены эмоціи, то чѣмъ именно можно объяснить появленіе упомянутыхъ перемѣнъ?

У людей, смотрѣвшихъ на всѣ органическія перемѣны, связанные съ эмоціями, только какъ на результаты этихъ эмоцій, поставленный выше вопросъ не возбуждалъ никакихъ недоумѣній. Иначе пришлось отнестись къ этому вопросу тѣмъ лицамъ, которыя видѣли въ этихъ органическихъ перемѣнахъ необходимое условіе для возникновенія внутренностныхъ ощущеній, служащихъ главными составными элементами душевныхъ волненій. Необходимо было отыскать другое объясненіе для тѣлесныхъ перемѣнъ, наблюдаемыхъ при возникновеніи того или другого чувства. Пришлось обратить вниманіе на то, что всякое сильное ощущеніе оказываетъ дѣйствіе на органическіе процессы, совершающіеся въ насъ, что подъ влияніемъ его измѣняется дѣятельность сердца, железъ, легкихъ и т. д. (Источники удовольствій. «Дѣло», 1868 г., № 10, стр. 220). Но такъ какъ измѣненія въ процессахъ растительной жизни ощущаются нами и вызываютъ поэтому перемѣну въ настроеніи духа, то это должно было неизбѣжно привести къ тому выводу, что всякое сильное ощущеніе сопровождается всегда группою ощущеній, произведенныхъ перемѣнами въ органическихъ процессахъ (Ibid., стр. 221). Это утвержденіе въ особенности приложимо къ ощущеніямъ имѣющимъ опредѣленный тонъ (т. е. къ физическимъ удовольствіямъ и страданіямъ). Его слѣдуетъ примѣнить и къ воспоминаніямъ объ этихъ душевныхъ состояніяхъ (Ibid., стр. 213, 214, 230). Эти воспоминанія тоже осложняются ощущеніями, вызываемыми органическими перемѣнами. Внутренностныя ощущенія, сопровождающія и осложняющія тѣ ощущенія, которыя доставляются намъ дѣятельностью органовъ чувствъ, отличаются меньшею раздѣльностью, нежели внѣшнія; сравнительно съ послѣдними они оказываются болѣе смутными, не поддаются опредѣленной локализаци и воспринимаются нами въ формѣ душевныхъ настроеній. Именно эти настроенія, сопровождающія какое-нибудь пріятное или непріятное ощущеніе внѣшнихъ чувствъ, являются главными элементами нашихъ душевныхъ волненій (Ibid., стр. 223). Даже въ томъ случаѣ, когда мы только вспоминаемъ о какомъ-нибудь пріятномъ или непріятномъ ощу-

щени, то вмѣстѣ съ этимъ возбуждается и общее чувство (настроение), постоянно сопровождающее его; только совершенно индифферентныя ощущенія не вызываютъ никакихъ измѣненій въ состоянїи нашего самочувствія. Такимъ образомъ, эмоціи состоятъ изъ ощущеній, дающихъ начало упомянутымъ настроеніямъ, т. е. иначе говоря, онѣ слагаются изъ внутренностныхъ ощущеній. Однако, если бы мы пожелали разложить какую-нибудь эмоцію на отдѣльныя внутренностныя ощущенія, то увидѣли бы, что предпріятіе это при настоящемъ уровнѣ нашихъ свѣдѣній оказывается совершенно невыполнимымъ. Душевное настроеніе, сопровождающее какое-нибудь мѣстное удовольствіе или страданіе и вызываемое измѣненіемъ органическихъ процессовъ, не указываетъ само по себѣ на то, чѣмъ именно, т. е. какимъ процессомъ или какимъ органомъ было вызвано это состояніе сознанія. Неудивительно поэтому, что въ сложномъ душевномъ состоянїи, являющемся результатомъ сліянїя многихъ внутренностныхъ ощущеній, очень трудно бываетъ различить и отдѣльно изслѣдовать составляющіе его элементы (Ibid., стр. 222). Нерасчленяемость и топографическая неопредѣленность внутренностныхъ ощущеній препятствуютъ не только детальному изслѣдованію состава отдѣльныхъ эмоцій, но лишаютъ насъ возможности найти вполне удовлетворительныя объясненія даже для такихъ общеизвѣстныхъ явленій, какъ голодъ и жажда. Нѣкоторыя внутренностныя ощущенія, вслѣдствіе своей силы или болѣзненности, выдѣляются иногда изъ ряда другихъ ощущеній. Въ такомъ случаѣ мы ихъ относимъ (правильно или ошибочно) къ опредѣленному внутреннему органу тѣла, т. е. локализуемъ ихъ. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что такія локализованныя ощущенія мы обыкновенно не смѣшиваемъ съ душевнымъ настроеніемъ, не разсматриваемъ ихъ какъ составныя части этого настроенія, но сознаемъ ихъ какъ нѣчто отдѣльное отъ него, какъ прибавочный, посторонній элементъ.

Въ изложенномъ здѣсь взглядѣ на природу чувствованій я считаю наиболѣе существеннымъ слѣдующее положеніе: *всякое сильное ощущеніе, вызванное какимъ-нибудь внѣшнимъ впечатлѣніемъ, точно такъ же, какъ и воспоминаніе о немъ, сопровождается и осложняется всегда группой ощущеній, произведенныхъ перемѣнами въ органическихъ процессахъ.* Если мы вполне усвоимъ это положеніе и примемъ въ расчетъ, что оно въ особенности примѣнимо

къ пріятнымъ и непріятнымъ ощущеніямъ, то неизбежно придемъ къ такому взгляду на душевныя движенія, который значительно отличается отъ прежнихъ теорій. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ именно вызываются разныя эмоціи? Несомнѣнно, что большинство ихъ вызывается такими причинами, которыя или сами по себѣ служатъ источниками удовольствій и страданій, или же напоминаютъ намъ о послѣднихъ. А такого рода причины должны породить значительныя измѣненія въ теченіи растительной жизни. Не только пріятныя и непріятныя ощущенія, но и все то, что напоминаетъ намъ о такихъ ощущеніяхъ, все, что служитъ предзнаменованіемъ грядущихъ радостей и огорченій, все это порождаетъ перемѣны въ ходѣ растительной жизни, а, слѣдовательно, и вліяетъ такъ или иначе на характеръ нашего самочувствія. Уже изъ этого видно, что органическія ощущенія должны принимать важное участіе въ образованіи различныхъ эмоцій. Неудивительно поэтому, что душевныя волненія возникаютъ у насъ совмѣстно съ перемѣнами въ ходѣ растительныхъ процессовъ. (О физиологическихъ основахъ душевныхъ настроеній. «Русское Богатство». 1890 г., № 1, стр. 40). Полезно будетъ поэтому остановиться на разъясненіи и доказательствѣ того положенія, на которое я указалъ сейчасъ, какъ на самое существенное.

Постараемся прежде всего убѣдиться въ томъ, что ощущенія оказываютъ несомнѣнное вліяніе на растительную жизнь нашего тѣла. Съ точки зрѣнія излагаемой здѣсь теоріи чувствованій органическія перемѣны, связанныя съ эмоціями, вызываются непосредственно ощущеніями или связанными съ ними представленіями. Поэтому я могъ бы просто указать читателю на тѣлесныя перемѣны, происходящія при душевныхъ движеніяхъ, какъ на результаты этихъ ощущеній и представленій, т. е. могъ бы напомнить читателю о томъ, что именно такое происходитъ при гнѣвѣ, какія органическія перемѣны приходится наблюдать въ моментъ появленія страха и т. д. Необходимо было бы только воздержаться отъ обычныхъ выраженій: гнѣвъ вызываетъ такія-то физиологическія явленія, а страхъ сопровождается органическими перемѣнами такого-то рода. Однако ради большей убѣдительности и основательности доказательствъ я выберу другой путь.

Органическія перемѣны, вызываемыя неожиданнымъ трескомъ, шекотаніемъ, обливаніемъ тѣла холодной водой, очевидны для всякаго. Такимъ же вполне замѣтнымъ результатомъ внѣшнихъ

ощущеній служить та рвота, которая вызывается или внѣшнимъ видомъ и запахомъ отвратительнаго предмета, или вкусовыми ощущеніями, доставляемыми нѣкоторыми лѣкарствами, или тактильными ощущеніями, возникающими при попыткѣ проглотить большую пилюлю и при раздраженіи глотки пальцами. Доступны обыкновенному, безыскусственному наблюденію и поэтому достаточно извѣстны тѣ судорожные припадки, которые въ случаѣ водобоязни появляются при разсматриваніи воды, или когда мы слышимъ звуки, получающіеся при переливаньи ея изъ одного сосуда въ другой. Вліяніе вкусовыхъ ощущеній на дѣятельность слюнныхъ железъ можетъ быть наблюдаемо каждымъ человекомъ. Такъ какъ въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ представлялась возможность видѣть то, что происходитъ въ желудкѣ, то удалось убѣдиться, что вкусовыя ощущенія, вызываемыя пищею, оказываютъ большое вліяніе также на дѣятельность железъ, выдѣляющихъ желудочный сокъ. Чѣмъ непріятнѣе бываетъ вкусъ пищи, тѣмъ слабѣе происходитъ отдѣленіе желудочнаго сока и тѣмъ хуже и медленнѣе переваривается пища.

Органическія перемѣны, вызываемыя ощущеніями, зависятъ не отъ одного только характера этихъ ощущеній, но также и отъ индивидуальныхъ особенностей различныхъ лицъ. Иные совершенно не выносятъ прикосновенія къ какой-либо бархатистой поверхности (напр., прикосновенія къ наружной кожицѣ персика), у другихъ вызываютъ невольную дрожь звуки, получающіеся при раздираніи бумажной матеріи, при треніи двухъ кусковъ стали, при вытираніи аспидной доски сухой губкой или бумагой, при разрѣзываніи стекла алмазомъ; на третьихъ щекотаніе дѣйствуетъ такъ сильно, что они даже падаютъ въ обморокъ отъ малѣйшей попытки къ нему; у четвертыхъ одинъ видъ крови вызываетъ дурногу или обморокъ; у пятыхъ подобные же результаты вызываются запахомъ сыра и т. д. «Шнейдеръ рассказываетъ о женщинѣ, которой дѣлалось дурно при вдыханіи запаха померанцеваго цвѣтка; Пьессъ приводитъ примѣръ одной молодой дамы, у которой тотъ же запахъ вызывалъ сильнѣйшія спазмы. Одинъ военный терялъ сознание отъ запаха піона. Нѣкоторыя женщины поражались афоніей, вдохнувъ въ себя ароматъ мускуса или букета цвѣтовъ. Гретри и художникъ Венцентъ заболѣвали при запахѣ розы. Одинъ секретарь Франциска I не могъ выносить запаха яблока; герцогъ Депернонь и мадмуа-

зель Конта падали въ обморокъ при запахѣ жаренаго зайца». (Кюллеръ. Нервность и невроты, стр. 241). «Нѣкоторые люди не могутъ видѣть извѣстныхъ предметовъ, не испытывая тотчасъ же головокруженія, о которомъ мы уже говорили по поводу другихъ чувственныхъ впечатлѣній. Есть лица, немогущія видѣть безъ отвращенія извѣстныхъ животныхъ, какъ напримѣръ, собаку, мышь, лягушку, жабу, паука. Рассказываютъ, что Мейерберу становилось дурно при видѣ кошки. Гете питалъ отвращеніе ко всѣмъ людямъ, носящимъ очки». (Ibid., стр. 246). Рибо въ своей психологіи чувствъ указываетъ на то, что Бэконъ падалъ въ обморокъ во время затмений, Бэль—при звукѣ льющейся воды, Іаковъ II—при видѣ обнаженной шпаги. Чтобы оцѣнить надлежащимъ образомъ значеніе этихъ фактовъ, нужно помнить, что указанная послѣдствія возникаютъ совершенно независимо отъ какихъ-либо представлений (т. е. независимо отъ воспоминаній или предположеній объ угрожающей намъ опасности). Дурнота и обморокъ появляются въ подобныхъ случаяхъ совершенно машинально, безъ участія какихъ-либо мыслей.

Измѣненія въ ходѣ растительной жизни бываютъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ опредѣленнѣе становится тонъ этихъ ощущеній (т. е. чѣмъ въ большей степени они оказываются пріятными или непріятными для насъ). Поэтому болевая и пріятная ощущенія весьма сильно вліяютъ на процессы растительной жизни, тогда какъ вліяніе нейтральныхъ ощущеній на эти процессы оказывается едва замѣтнымъ и обнаруживается только при помощи разныхъ приборовъ. Сильная боль не только замедляетъ дыханіе, но иногда совершенно останавливаетъ его; поэтому опытные хирурги въ прежнее время нерѣдко просили оперируемыхъ кричать. Болевая ощущенія неблагоприятно вліяютъ также на дѣятельность сердца; бывали случаи, когда выдергиваніе зуба вызывало остановку сердца со смертельнымъ исходомъ. Опыты надъ животными показали, что пищевареніе у нихъ задерживалось тѣмъ больше, чѣмъ сильнѣе были причиняемая имъ болевая ощущенія. Тотъ фактъ, что непріятныя ощущенія оказываютъ угнетающее вліяніе на пищеварительные процессы, настолько общеизвѣстенъ, что большинство людей заботится о сохраненіи за собой возможности обѣдать вполне спокойно. Это большинство самымъ явнымъ образомъ уклоняется отъ присутствія за обѣдомъ людей угрюмыхъ, раздражительныхъ и расположенныхъ къ устройству разнаго рода

инцидентовъ. Оно избѣгаетъ ощущеній, порождаемыхъ упреками, язвительными намеками, угрожающею интонаціею и отдаетъ явное предпочтеніе ощущеніямъ, вызываемымъ веселою компаніею.

Все, что извѣстно намъ о вліяніи болевыхъ и непріятныхъ ощущеній на растительную жизнь организма, показываетъ, что ощущенія эти вредны для здоровья. Бэнъ говоритъ, что ему однажды пришлось присутствовать на дебатахъ по поводу тюремной дисциплины и наказаній. Ораторы старались отыскать способы наказанія, чувствительные и устрашающіе, однако не-вредные для здоровья преступника. Я не могъ не замѣтить, говоритъ онъ, что цѣль, которой они старались достигнуть, заключаетъ въ себѣ противорѣчіе. Между причиненіемъ боли и пониженіемъ жизненной энергіи организа не существуетъ никакого различія. Поэтому нельзя придумать такихъ физическихъ страданій, которыя не были бы связаны съ органическими перемѣнами, вредными для здоровья человѣка. Напротивъ, пріятныя ощущенія повышаютъ жизненную энергію нашего тѣла. Подъ вліяніемъ ихъ кровообращеніе и дыханіе ускоряются, пищеварительные органы начинаютъ дѣйствовать живѣе, усиливается напряженіе мускуловъ и способность ихъ къ дѣятельности. Въ виду укрѣпляющаго дѣйствія, оказываемаго пріятными ощущеніями, опытные капитаны кораблей считаютъ весьма важнымъ поддерживать во время далекихъ плаваній веселое настроеніе матросовъ. Точно также для заболѣвшаго человѣка радостное, веселое настроеніе признается, какъ мы видѣли, важнѣйшимъ условіемъ для успѣха лѣченія. Что счастливая жизнь благопріятна для здоровья и долговѣчности, въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

Чѣмъ слабѣе становится тонъ ощущеній, доставляемыхъ дѣятельностью органовъ чувствъ, тѣмъ менѣе замѣтными дѣлаются и органическія перемѣны, вызываемыя этими ощущеніями. Однако существуютъ приборы, съ помощью которыхъ нетрудно бываетъ обнаружить присутствіе даже незначительныхъ измѣненій въ дѣятельности различныхъ органовъ нашего тѣла. Одни приборы чертятъ 'кривую, по внѣшнему виду которой можно судить о быстротѣ и глубинѣ дыхательныхъ движеній, другіе отмѣчаютъ графически измѣненія пульса, третьи даютъ намъ возможность слѣдить за перемѣнами, происходящими въ кровенаполненіи сосудовъ и въ давленіи, оказываемомъ кровью на стѣнки артерій, четвертые обнаруживаютъ самыя незначительныя колебанія тем-

пературы, пятыя приспособлены для графическаго изображенія мышечныхъ сокращеній и для измѣренія маханической работы, производимой сокращающейся мышцей и т. д. Съ помощью этихъ приборовъ были изслѣдованы нѣкоторыя органическія перемѣны, вызываемыя внѣшними ощущеніями. Опыты отличались достаточнымъ разнообразіемъ. Экспериментаторами были изслѣдованы результаты раздраженія кожи горчишниками, уколами булавки, шипаніемъ, электричествомъ, растираніемъ кожи сукномъ и щетками, щекотаніемъ ея волосаюною кисточкою, дѣйствіемъ на нее тепла и холода. Изучено было также вліяніе, производимое на органическіе процессы, вкусовыми ощущеніями, для вызова которыхъ языкъ и полость рта смачивались кислыми, горькими, сладкими и солеными веществами. Найдено было, какими результатами сопровождается возбужденіе органа обонянія разнаго рода пахучими веществами, какое дѣйствіе оказываютъ на организмъ звуковыя ощущенія, вызываемыя отдѣльными музыкальными тонами и нѣкоторыми сочетаніями ихъ, какъ вліяютъ цвѣтотыя ощущенія, получаемыя съ помощью стеколь, окрашенныхъ въ главные цвѣта спектра и т. д. Нѣтъ надобности разяснять читателю, что съ помощью существующихъ приборовъ могутъ быть обнаружены далеко не всѣ перемѣны, происходящія въ нашемъ организмѣ подъ вліяніемъ внѣшнихъ ощущеній.

Даже весьма слабыя ощущенія оказываютъ довольно замѣтное вліяніе въ томъ случаѣ, если они повторяются. Объясняется это тѣмъ, что нервныя центры обладаютъ способностью суммировать отдѣльныя возбужденія. Эти центры сохраняютъ на нѣкоторое время слѣды возбужденій, доносящихся до нихъ по центростремительнымъ нервамъ. Поэтому если какой-нибудь центръ получаетъ рядъ слабыхъ раздраженій, то онъ накапливаетъ и складываетъ дѣйствія, производимыя отдѣльными раздраженіями, вслѣдствіе чего появляется, наконецъ, отраженное движеніе. Каждое отдѣльное раздраженіе, вслѣдствіе своей слабости, не въ состояннн бываетъ вызвать этого движенія. Но, благодаря процессу суммированія результатовъ отдѣльныхъ раздраженій, нервный центръ возбуждается до такой степени, что посылаетъ импульсъ мускулу, съ которымъ связываютъ его центробѣжныя волокна. Суммированіемъ отдѣльныхъ возбужденій объясняется почему дѣйствіе, производимое слабымъ уколомъ булавки, сильно измѣняется въ томъ случаѣ, если эти уколы повторяются.

Ощущеніе, вызываемое мухою, сѣвшею на наше лицо, нельзя назвать очень непріятнымъ. Однако, если муха продѣлываетъ это нѣсколько разъ въ теченіе короткаго промежутка времени, то это вызываетъ въ насъ сильную досаду. Ставня, оторвавшаяся отъ вѣтра въ сосѣдней комнатѣ, вызываетъ ощущение, непріятность котораго сильно возрастаетъ, если хлопаніе это продолжается долго. Ночное пѣніе пѣтуховъ доставляетъ многимъ очень большое неудовольствіе главнымъ образомъ вслѣдствіе своей повторяемости. Каждый охотно примирился бы съ однимъ и даже двумя возгласами пѣтуха; но обиліе этихъ возгласовъ производитъ весьма удручающее впечатлѣніе. Какъ велико бываетъ иногда неудовольствіе, причиняемое этими пѣвунами, доказательствомъ служитъ изображеніе нѣкоторыхъ приспособленій, лишающихъ пѣтуховъ возможности кричать по ночамъ. Укушенія комаровъ и мошекъ причиняютъ только зудъ, т.-е. самую низшую степень боли; однако если эти укушенія безпрестанно слѣдуютъ одно за другимъ, то приводятъ въ ярость и людей, и животныхъ. Отсюда видно, что и слабыя впечатлѣнія, при извѣстныхъ условіяхъ, дѣлаются въ высшей степени непріятными и поэтому приобрѣтаютъ способность вызывать значительныя органическія измѣненія.

Эти перемѣны являются вполнѣ естественнымъ результатомъ анатомическаго устройства мозговой коры. Опытъ показываетъ, что, раздражая электричествомъ различныя части поверхности мозговыхъ полушарій, можно ускорить или замедлить бѣненіе сердца, измѣнить дыхательныя движенія, повліять на отдѣленія железъ, вызвать сокращенія кишокъ, мочевого пузыря, матки и т. д.

Изъ этого видно, что въ мозговой корѣ существуютъ пункты, возбужденіе которыхъ сопровождается органическими перемѣнами. Но мы знаемъ, что различныя части мозговой коры находятся между собою въ такой связи, благодаря которой возбужденіе одной группы клѣтокъ всегда распространяется и на другія группы. Поэтому когда опредѣленная группа сенсорныхъ клѣтокъ приводится въ дѣятельное состояніе внѣшнимъ впечатлѣніемъ, то нервный процессъ, начавшійся въ этой группѣ, не ограничивается только ею одною, но распространяется и на другія части коры. Чѣмъ сильнѣе будетъ возбуждена эта группа сенсорныхъ клѣтокъ, тѣмъ болѣе обширнымъ окажется распространеніе нервнаго возбужденія, при чемъ оно достигнетъ и тѣхъ

клетокъ, которыя могутъ вызывать извѣстнаго рода органическія перемѣны. Но мозговая кора приходитъ въ дѣятельное состояніе не только при возникновеніи ощущеній, но—также и при появленіи представлений. Поэтому участки мозговой коры, оказывающіе непосредственное вліяніе на теченіе растительной жизни нашего тѣла, могутъ быть возбуждаемы также и тѣми нервными процессами, которые возникаютъ въ этой корѣ при умственной дѣятельности. Это теоретическое соображеніе вполне оправдывается фактами.

Не только ощущенія, но даже воспоминанія о нихъ оказываютъ вліяніе на органическіе процессы. Если мы представимъ себѣ, что во рту нашемъ находится кусочекъ лимона, то вызовемъ этимъ небольшое отдѣленіе слюны. Я уже говорилъ о томъ, что многія органическія перемѣны могутъ быть обнаружены только съ помощью приборовъ. Плетизмографическія *) изслѣдованія объема конечностей показали, что достаточно бываетъ приблизить ко рту изслѣдуемаго субъекта кусокъ лимона, чтобы вызвать суженіе кровеносныхъ сосудовъ конечностей. Это измѣ-

*) При сокращеніи сосудовъ какой-либо конечности нашего тѣла (руки или ноги) къ ней притекаетъ меньше, а при расширеніи больше крови; вслѣдствіе этого объемъ конечности въ первомъ случаѣ уменьшается, а во второмъ—увеличивается. Это измѣненіе объема конечности легко обнаруживается при помощи прибора, называемаго плетизмографомъ. Состоитъ этотъ приборъ изъ цилиндрическаго сосуда, сообщающагося съ тонкой вертикальной стеклянной трубкой. Цилиндрическому сосуду даютъ такіе размѣры, которые позволяли бы вложить въ него руку или ногу. На томъ концѣ прибора, чрезъ который вводится въ него рука или нога, помѣщаютъ резиновую перевязку, плотно обхватывающую изслѣдуемую часть тѣла. Конечность помѣщаютъ въ цилиндрическій сосудъ и затѣмъ наполняютъ его водою, пока изъ него не исчезнутъ всякіе слѣды воздуха. Такимъ образомъ, послѣ закрытія отверстій цилиндра, рука или нога оказывается заключенной въ герметически замкнутомъ пространствѣ, наполненномъ водою. Понятно, что изслѣдуемая конечность, при всякомъ увеличеніи ея объема, будетъ гнать воду изъ цилиндрическаго сосуда въ тонкую вертикальную трубку. Напротивъ, при уменьшеніи объема конечности, вода снова будетъ возвращаться въ этотъ сосудъ. Вслѣдствіе незначительности діаметра вертикальной трубки, уровень воды, находящейся въ ней, будетъ очень замѣтнымъ образомъ повышаться или понижаться при всякомъ измѣненіи объема руки или ноги. Поэтому, слѣдя за колебаніями этого уровня, мы въ состояніи будемъ знать, какъ измѣняется объемъ изслѣдуемой нами конечности. Наблюденія, произведенныя съ помощью этого прибора, показали, что во время дѣятельности головного мозга объемъ конечностей уменьшается, а при глубокомъ спокойномъ снѣ—увеличивается.

неніє калибра сосудовъ порождается очевидно только ожиданіємъ извѣстнаго вкусового ощущенія. Щекотаніє кожи волосяной кисточкой вызываетъ легкое учащеніє сердцебіеній, сжатіє сосудовъ конечностей и небольшое пониженіє температуры кожи. Приборы показываютъ, что тѣ же результаты наступаютъ при одномъ приближеніи кисточки къ лицу, т.-е. при одномъ ожиданіи ощущенія щекотки. Охлажденіє кожи сопровождается суженіємъ находящихся подъ нею кровеносныхъ сосудовъ. Опытъ показываетъ, что достаточно бываетъ приближенія пущиры съ холодною водою, безъ прикасанія къ тѣлу, чтобы вызвать у человѣка такое же суженіє сосудовъ, какое замѣчается при дѣйствительномъ, а не ожидаемомъ только охлажденіи кожи. Наблюденія надъ людьми, имѣвшими отверстія, позволявшія видѣть то, что происходитъ въ ихъ желудкѣ, показали, что даже представленія, порождаемыя разговорами о ѣдѣ и вкусныхъ блюдахъ, увеличиваютъ выдѣленіє желудочнаго сока. Я не могу себѣ представить, говоритъ Спенсеръ, что вытираю сухой губкой аспидную доску, не испытавши такого же содраганія, какое возникло бы во мнѣ при дѣйствительномъ выполненіи этого дѣйствія. Мюллеръ указываетъ, что непріятное ощущеніє оскомины въ зубахъ появляется у многихъ даже и тогда, когда они видятъ, что другое лицо собирается провести острымъ предметомъ по стеклу или фарфору. У людей, страдающихъ удушьемъ, спертый воздухъ вызываетъ обыкновенно стѣсненіє дыханія; но это стѣсненіє, сопровождаемое даже свистомъ и хрипомъ въ груди, вызывается у нѣкоторыхъ лицъ однимъ только убѣжденіємъ въ томъ, что окружающій ихъ воздухъ сильно испорченъ. У женщинъ, кормящихъ грудью, усиленная выработка молока грудными железами и даже выдѣленіє этого молока могутъ быть произведены не только мыслью о ребенкѣ, сосущемъ грудь, но даже дѣтскимъ крикомъ. У большинства людей при одной мысли о томъ, что они съѣли что-нибудь неупотребляемое въ пищу, появляется рвота; и все это происходитъ совершенно независимо отъ правильности или ошибочности ихъ опасенія, что въ желудокъ ихъ попало какое-нибудь вредное или отвратительное вещество. Тѣ же результаты вызываются убѣжденіємъ что принятое лѣкарство принадлежитъ къ числу тошнотворныхъ, хотя бы оно и не было таковымъ. У нѣкоторыхъ чувствительныхъ субъектовъ рвота появляется даже при видѣ того, какъ

другой человекъ глотаетъ капсулы съ касторовымъ масломъ или принимаетъ лѣкарство противнаго вкуса. Очевидно, что главную роль въ данномъ случаѣ играютъ не зрительныя ощущенія, а воспоминанія о нѣкоторыхъ вкусовыхъ ощущеніяхъ и, можетъ быть, объ ощущеніяхъ, связанныхъ съ раздраженіемъ глотки. Люди, страдающіе морскою болѣзною, испытываютъ тошноту при одномъ взглядѣ на волнующееся море, а тѣмъ болѣе при видѣ качающагося на волнахъ судна. У лицъ, страдающихъ водобоязною, одинъ фактъ упоминанія о водѣ можетъ вызвать повтореніе припадковъ. «Когда я описывалъ отравленіе Эммы Бовари, говоритъ Флоберъ, я чувствовалъ во рту настолько ясный вкусъ мышьяка, я самъ былъ отравленъ до такой степени, что выдержалъ одно за другимъ два сильныхъ разстройства желудка».

Успѣвное употребленіе воображаемыхъ потогонныхъ, мочегонныхъ и слабительныхъ средствъ, говоритъ Тьюкъ, основывается именно на томъ вліяніи, какое оказываютъ представленія на дѣятельность кожи, почекъ и кишечныхъ железъ. Даже совершенно индифферентныя вещества производятъ благодаря этому значительныя перемѣны въ органическихъ процессахъ. Дѣйствіе такъ называемыхъ симпатическихъ средствъ и заговоровъ тоже основывается на вліяніи, производимомъ психическими явленіями на растительную жизнь нашего тѣла. Конечно, главную роль играетъ въ подобныхъ случаяхъ увѣренность въ томъ, что извѣстное средство поможетъ намъ. Но это обстоятельство имѣетъ рѣшающее значеніе при всякомъ способѣ лѣченія. Въ этомъ отношеніи «весьма интересенъ случай, бывший у Гемфри Дэви и Беддоэса. Послѣдній изъ нихъ предполагалъ, что новооткрытый газъ, — а именно закись азота, — долженъ благотѣльно дѣйствовать на параличи. Больной, избранный для опыта, слышалъ разсужденія о новомъ средствѣ; и когда Гемфри Дэви, желавшій предварительно опредѣлить температуру больного, вложилъ ему въ ротъ термометръ, то онъ вообразилъ, что это-то и есть новое средство, и тотчасъ же заявилъ, что онъ чувствуетъ улучшеніе. Подобное заявленіе со стороны больного побудило Гемфри Дэви оставить его въ заблужденіи и продолжать лѣченіе импровизированнымъ средствомъ. Въ теченіе двухъ недѣль больному ежедневно вводили въ ротъ термометръ — улучшеніе продолжалось, и дѣло кончилось выздоровленіемъ» (Манассеинъ. О значеніи психическихъ вліяній. Стр. 23—24).

Если мы долго и усиленно думаемъ о какой-нибудь части тѣла или объ опредѣленномъ физиологическомъ процессѣ, то этимъ оказываемъ замѣтное вліяніе на ходъ растительной жизни нашего организма. Напримѣръ, сосредоточеніе вниманія на данной части тѣла измѣняетъ калибръ ея кровеносныхъ сосудовъ. Этимъ объясняются явленія стигматизаціи, т.-е. кровоподтеки и даже кровоизліянія въ тѣхъ мѣстахъ тѣла, гдѣ были крестныя раны у Иисуса Христа. Съ особенною подробностью эти явленія были изучены комиссіей, которая, по назначенію Бельгійской медицинской академіи, занималась изслѣдованіемъ Луизы Лато. Эта дѣвушка съ самаго дѣтства отличалась набожностью и съ особеннымъ благоговѣніемъ относилась къ страданіямъ Спасителя. Когда ей исполнилось 24 года, то у нея стали появляться тѣ внѣшніе знаки, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь. Прошелъ долгій подготовительный періодъ, говоритъ Тьюкъ, въ который молодая, нервная, истерическая дѣвушка сосредоточивала постоянно свой умъ на одной группѣ представленій, опредѣленнымъ образомъ относившихся къ извѣстнымъ точкамъ тѣла. За этой локализованной концентраціей мысли послѣдовали сосудодвигательныя разстройства съ приливами къ тѣмъ частямъ, къ которымъ все сильнѣе устремлялась мысль. Къ подобному же разстройству нормальнаго хода физиологическихъ процессовъ приводитъ почти всякое продолжительное сосредоточеніе мысли на томъ или другомъ органѣ нашего тѣла. Вліяніе вниманія на дыханіе и пульсъ до того извѣстно, что, при опредѣленіи того или другого, признается необходимымъ считать ихъ незамѣтно для больного. Если мысль наша направлена на сердце, говоритъ Тьюкъ, то она нарушаетъ нормальный ходъ его дѣятельности. Вотъ почему медицинскіе студенты, которымъ приходится при ихъ занятіяхъ думать о сердцѣ, часто страдаютъ разстройствомъ дѣятельности этого органа. «Рембергъ сообщаетъ, что Петръ Франкъ былъ уже въ очень преклонномъ возрастѣ, когда ему пришлось изучать съ особеннымъ вниманіемъ болѣзни сердца для подготовленія своего курса, при чемъ у него самого появились столь сильныя сердцебіенія, и онъ констатировалъ такіе перебои пульса, что считалъ себя больнымъ аневризмой. Эти припадки исчезли, какъ только онъ окончилъ свой трудъ и получилъ возможность насладиться отдыхомъ и разсѣяться путешествіемъ». (Хэкъ Тьюкъ. Духъ и тѣло. Стр. 53). Припадки, ха-

рактизирующіе водобоязнь, возникаютъ нерѣдко только подъ вліяніемъ мыслей о различныхъ подробностяхъ этой болѣзни. Труссо говоритъ, что онъ зналъ многихъ врачей, людей умныхъ и добрыхъ, весьма знакомыхъ съ необходимыми условіями для развитія бѣшенства, которые въ продолженіе мѣсяцевъ и даже лѣтъ, послѣ того какъ лѣчили людей одержимыхъ водобоязню, или же вскрывали трупы подобнаго рода, сдѣлались предметомъ болѣе или менѣе мучительныхъ припадковъ дисфагіи, единственно потому, что они вспоминаютъ о тѣхъ ужасныхъ сценахъ, которымъ были свидѣтелями (Ibid., стр. 165). Воображеніе оказываетъ такое сильное и очевидное вліяніе на развитіе водобоязни, что нѣкоторые авторитетные медики видѣли въ немъ единственную причину этой болѣзни». «Боскійллонъ, профессоръ медицинскаго факультета въ Парижѣ, вполне скептически относился къ существованію яда бѣшенства. На основаніи своихъ наблюденій въ госпиталѣ, онъ всѣ случаи водобоязни разсматривалъ и лѣчилъ какъ воображаемые и нервные. Онъ справедливо говорилъ, что смерть не доказываетъ, была ли болѣзнь воображаемая или нѣтъ, потому что воображеніе само по себѣ есть родъ яда, какъ мы видѣли, который можетъ убивать и убиваетъ часто» (Ibid., стр. 171). Такимъ образомъ, вліяніе представленій на органическіе процессы подтверждается достаточнымъ количествомъ фактовъ.

Мы убѣдились въ томъ, что пріятныя и непріятныя ощущенія, а также воспоминанія объ этихъ ощущеніяхъ, сопровождаются органическими перемѣнами. Но измѣненія въ ходѣ растительной жизни должны въ свою очередь оказывать вліяніе на наше самочувствіе. Отсюда слѣдуетъ, что многія ощущенія и представленія должны сопровождаться колебаніями душевнаго настроенія, зависящими отъ появленія органическихъ ощущеній, связанныхъ съ тѣми или другими тѣлесными перемѣнами. Посмотримъ, оправдывается ли этотъ выводъ извѣстными намъ фактами.

Прежде всего полезно будетъ указать на то обстоятельство, что душевныя настроенія, слѣдующія за пріятными, или непріятными внѣшними ощущеніями, представляются для многихъ людей настолько замѣтными и поэтому несомнѣнными психическими явленіями, что они прямо причисляютъ ихъ къ разряду простѣйшихъ эмоцій. Напримѣръ, когда говорятъ о чувствованіяхъ,

возникающихъ въ насъ подѣ влияніемъ отдѣльныхъ музыкальныхъ тоновъ или отдѣльныхъ цвѣтовыхъ впечатлѣній, то имѣютъ въ виду именно тѣ колебанія настроенія, тѣ измѣненія самочувствія, о которыхъ говорится въ настоящемъ очеркѣ. Слѣдовательно, на эти настроенія можно смотрѣть какъ, на простѣйшія чувствованія, изъ которыхъ слагаются болѣе сложныя и болѣе интенсивныя душевныя волненія. Нельзя сказать, чтобы присутствіе упомянутыхъ простѣйшихъ чувствованій являлось бы для всѣхъ людей и во всѣхъ случаяхъ одинаково очевиднымъ фактомъ. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ не всѣ люди обладаютъ одинаковою чувствительностью. Если извѣстный цвѣтъ или музыкальный тонъ кажутся человѣку вполне индифферентными, то, конечно, нельзя ожидать, чтобы они вызвали органическія перемѣны, которыя по своей силѣ и распространенности оказались бы достаточными для того, чтобы повліять на его настроеніе. Поэтому читатель не долженъ думать, что все то, о чемъ онъ прочтетъ дальше, примѣнимо ко всѣмъ людямъ. Впрочемъ, мы поведемъ рѣчь сперва о такихъ фактахъ, относительно которыхъ не можетъ возникнуть никакихъ сомнѣній.

Положимъ, что мы испытываемъ боль, вызываемую нарывомъ на тѣлѣ, испорченнымъ зубомъ, раню, судорожнымъ сокращеніемъ какихъ-либо мускуловъ и т. д. Спрашивается, ограничивается ли испытываемое нами душевное состояніе только ощущеніемъ боли въ опредѣленномъ мѣстѣ тѣла или же къ локализованному болевому ощущенію присоединяется и нѣчто другое? Каждый согласится съ тѣмъ, что боль сопровождается явнымъ измѣненіемъ нашего настроенія. Мы дѣлаемся угрюмыми, раздражительными, печальными. Каковъ бы ни былъ характеръ нашего настроенія въ подобномъ случаѣ, представляется яснымъ и очевиднымъ, что настроеніе это вполне отличается отъ мѣстныхъ болевыхъ ощущеній. Возьмемъ другой примѣръ. Ребенку показываютъ ярко окрашенный предметъ, машутъ передъ его глазами разноцвѣтными лентами, бряцаютъ бубенчиками, пускаютъ въ ходъ трещотку. Все это вызываетъ въ немъ рядъ зрительныхъ и слуховыхъ ощущеній. Но этими ощущеніями далеко не исчерпывается содержаніе того психическаго процесса, который возникаетъ въ данномъ случаѣ въ ребенкѣ. Если мы обратимъ вниманіе на выраженіе его лица, на его протянутыя впередъ

руки, на радостные крики, испускаемые имъ, то придемъ къ тому заключенію, что ребенокъ испытываетъ самый несомнѣнный восторгъ. Понятно, что и это чувствованіе ни въ какомъ случаѣ нельзя смѣшивать съ внѣшними ощущеніями. Оно вполне отличается отъ нихъ и порождается тѣми органическими ощущеніями, отъ характера которыхъ зависитъ то, что называется чувствомъ собственнаго существованія.

Если мы отъ психическихъ состояній, вызываемыхъ прелестнымъ видомъ, эффектами луннаго освѣщенія, красивою комбинаціею красокъ на картинѣ, перейдемъ, на примѣръ, къ ощущеніямъ, пробуждаемымъ въ насъ отдѣльными цвѣтовыми впечатлѣніями, то увидимъ, что осложненіе внѣшнихъ ощущеній органическими сдѣлается менѣ замѣтнымъ. Однако и въ этихъ случаяхъ представляется возможнымъ опредѣлить въ общихъ чертахъ характеръ тѣхъ измѣненій нашего самочувствія, которыя вызываются отдѣльными цвѣтами солнечнаго спектра. Красный, оранжевый, желтый — дѣйствуютъ возбуждающимъ образомъ; зеленый, голубой, синій, фіолетовый — успокаивающимъ и даже угнетающимъ образомъ. Заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что самымъ сильнымъ чувственнымъ тономъ обладаютъ ощущенія отъ чистыхъ цвѣтовъ спектра, т.-е. такихъ цвѣтовъ, которые довольно рѣзко отличаются отъ природной окраски окружающихъ насъ предметовъ. Поэтому вліяніе, производимое на насъ цвѣтными лучами, нельзя объяснять только сходствомъ и тѣми воспоминаніями, которыя вызываются этимъ сходствомъ. На примѣръ, если ощущеніе, доставляемое зеленымъ цвѣтомъ, пробуждаетъ воспоминанія о зеленой растительности, то не слѣдуетъ думать, что дѣйствіе цвѣтовыхъ впечатлѣній во всѣхъ случаяхъ зависитъ только отъ подобныхъ воспоминаній. Что различные свѣтовые лучи оказываютъ неодинаковое вліяніе на наше настроеніе, это въ особенности обнаружилось въ тѣхъ случаяхъ, когда душевно-больныхъ помѣщали въ комнаты, окрашенныя въ опредѣленный цвѣтъ и снабженныя оконными стеклами того же цвѣта. При этомъ оказалось, что даже весьма буйные душевно-больные успокаивались по прошествіи нѣсколькихъ часовъ подъ вліяніемъ голубого или фіолетоваго освѣщенія, а настроеніе меланхоликовъ рѣзко улучшалось послѣ пребыванія въ комнатѣ съ краснымъ освѣщеніемъ. Интересны также результаты опытовъ, произведенныхъ для выясненія вліянія различныхъ цвѣтныхъ лучей на развитіе

молодыхъ животныхъ. Оказалось, что цвѣтные лучи дѣйствуютъ неодинаково не только на физическое развитіе животныхъ, выражающееся въ увеличеніи ихъ вѣса и объема, но несомнѣнно вліяютъ и на психическую ихъ жизнь. Щенята, подвергнутые опыту (продолжавшемуся отъ 130 до 138 дней), рѣзко отличались между собою по внѣшнимъ своимъ проявленіямъ. Щенки, выросшіе въ средѣ, освѣщенной синимъ цвѣтомъ, были спокойны, даже нѣсколько вялы, никогда не играли и не рѣзвились; на заигрыванья съ ними они почти не отвѣчали и даже отходили въ сторону. Наибольшею подвижностью отличались щенки, выросшіе въ зеленомъ цвѣтѣ; даже во время принятія пищи они не оставались спокойными, но, схвативъ кусокъ мяса, бѣгали и рѣзвились съ нимъ, и возвращались за другимъ, совершивъ нѣсколько туровъ по комнатѣ. Когда ночью въ помещеніи щенковъ поднималась возня, то виновниками ея были непременно зеленые. Они легко забывали обиды, а обращенныя къ нимъ ласки приводили ихъ въ необузданный восторгъ, выражавшійся бѣготней, прыжками и разными тѣлодвиженіями. Щенки, выросшіе въ оранжевомъ цвѣтѣ, тоже любили поиграть; но движенія ихъ были тяжелы и солидны. Расположившись спать, они дорожили своимъ спокойствіемъ и злобно наказывали неосторожныхъ нарушителей своего покоя. Отличаясь большей силой, они причиняли немало обидъ другимъ щенятамъ. Когда наступало время кормленія или выпуска изъ камеры, они поднимали такой шумъ и вой, что никакими мѣрами нельзя было ихъ унять, пока они не достигали цѣли (Лесгафтъ. Семейное воспитаніе ребенка и его значеніе). Конечно, это вліяніе цвѣтныхъ лучей не должно изумлять насъ послѣ опытовъ Фере, показавшихъ какимъ образомъ измѣняются дыхательныя движенія, пульсъ и мускульная сила, измѣряемая динамометромъ, при переходѣ отъ одного цвѣтного освѣщенія къ другому. Но все-таки нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, какъ много возникаетъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ ощущеній такихъ органическихъ перемѣнъ, подробности которыхъ совершенно исчезаютъ отъ нашего наблюденія.

Звуковыя ощущенія тоже сопровождаются и осложняются органическими ощущеніями. Это подтверждается тѣмъ вліяніемъ, какое оказываетъ музыка на наше душевное настроеніе. Правда, во многихъ случаяхъ дѣйствуютъ на насъ не звуковыя ощуще-

нія сами по себѣ, а связанные съ ними представленія. Существуетъ даже мнѣніе, что всякое ощущеніе сопровождается какими-нибудь представленіями и что именно эти представленія и служатъ возбудителями чувствованій. Вундтъ считаетъ это мнѣніе неправильнымъ. Не отрицая очевиднаго вліянія представленій, связанныхъ съ нѣкоторыми ощущеніями, онъ говоритъ, что «постоянство, съ которымъ тонами извѣстнаго качества пользуются для выраженія опредѣленныхъ чувствованій (напр., низкими тонами для выраженія серьезнаго настроенія и грусти), указываетъ на то, что уже простому звуковому ощущенію соотвѣтствуетъ опредѣленный чувственный тонъ» (Вундтъ. Очеркъ психологии, стр. 52). Высокіе тоны веселятъ и возбуждаютъ насъ, низкіе вызываютъ серьезное и даже меланхолическое настроеніе, независимо отъ какихъ-либо представленій. Очень замѣтно вліяютъ на насъ также звуковые оттѣнки отдѣльныхъ инструментовъ и тональность пьесы. Извѣстно, что каждое музыкальное произведеніе бываетъ написано въ извѣстномъ тонѣ (В — dur, С — moll, А — dur и т. д.). Этотъ тонъ дѣйствуетъ на насъ совершенно независимо отъ красоты мелодій, ея гармонизаціи, темпа и т. п. По мнѣнію Геваерта, отличительный характеръ тональности зависитъ отъ акустическихъ условій инструментовъ и поэтому выступаетъ съ особенною очевидностью, именно въ инструментальной музыкѣ. Это различіе характера, особенно рельефное въ струнныхъ инструментахъ, дѣлается менѣ замѣтнымъ въ деревянныхъ и почти исчезаетъ въ человѣческомъ голосѣ. Геваертъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ различныя тональности по тому дѣйствию, какое онѣ оказываютъ на наше настроеніе: рѣшительная, веселая, блестящая, радостная, сіяющая, могучая, мрачная, важная, благородная, величественная, гордая, мужественная. Для лицъ, знакомыхъ съ музыкою, я прибавлю, что характеризуемая такимъ образомъ тональности расположены по квинтовому кругу, начиная съ тона С — dur и кончая тономъ F — dur. Выразительность минорныхъ тональностей менѣ разнообразна, темна и не такъ опредѣлительна. Понятно, что впечатлѣніе, производимое на насъ тональностью, нельзя считать постояннымъ и неизмѣннымъ; оно подлежитъ законамъ постепенности и контраста. Какъ бѣлый цвѣтъ кажется бѣлѣе подлѣ чернаго, такъ точно тонъ G — dur будетъ тусклымъ послѣ H — dur. Имѣютъ немалое значеніе также индивидуальныя особенности

различныхъ людей. Мы не должны поэтому удивляться, если одна и та же тональность кажется одному лицу могучей и величественной, а для другого является предзнаменователемъ грядущаго несчастья. Вообще, настроенія, осложняющія наши ощущенія, не только оказываются иногда различными у различныхъ людей, но нерѣдко ихъ трудно бываетъ даже описать и приходится поэтому прибѣгать къ разнаго рода уподобленіямъ. Напримѣръ Гете, характеризуя чувствованіе, которое возникло въ немъ, когда хорошо освѣщенную мѣстность онъ разсматривалъ чрезъ пурпурно-красное стекло, говоритъ: «такой цвѣтъ долженъ окутывать небо и землю въ день страшнаго суда». У Данте мы встрѣчаемъ слѣдующее выраженіе: «и звѣзды тамъ сверкали такъ печально, какъ будто онѣ оплакивали чью-то смерть». Не будемъ, однако, останавливаться на этихъ подробностяхъ. Намъ важно было убѣдиться въ томъ, что пріятныя и непріятныя внѣшнія ощущенія сопровождаются соответствующими душевными настроеніями и что эти настроенія слѣдуетъ разсматривать какъ психическія явленія, вполне отличающіяся отъ вызывающихъ ихъ внѣшнихъ ощущеній.

Едва ли нужно приводить еще другіе примѣры для подтвержденія защищаемаго здѣсь положенія. Чтобы убѣдиться въ томъ, что пріятныя и непріятныя внѣшнія ощущенія сопровождаются колебаніями нашего настроенія, необходимо прежде всего самонаблюденіе. Почти каждый человекъ можетъ замѣтить, какъ измѣняется его настроеніе, когда вблизи его раздаются величественныя музыкальныя аккорды, когда освѣжающій вѣтерокъ доноситъ до него ароматы цвѣтовъ, когда онъ любитъ красиво освѣщеннымъ облакомъ, фейерверкомъ, иллюминаціей и т. п. Но существуетъ немало и такихъ ощущеній, которыя, вслѣдствіе слабости ихъ тона, не оказываютъ почти никакого вліянія на наше настроеніе. Относительно такихъ ощущеній мы можемъ положиться на показанія другихъ лицъ, которымъ часто пришлось имѣть дѣло съ этими ощущеніями и у которыхъ развились вслѣдствіе этого специальная чувствительность по отношенію къ упомянутымъ ощущеніямъ. Именно это обстоятельство я и имѣлъ въ виду, когда говорилъ о дѣйстви, оказываемомъ на насъ цвѣтными лучами, отдѣльными музыкальными звуками и тоналностями.

Послѣ того какъ мы освоимся вполне съ тою истиною, что

многія внѣшнія ощущенія сопровождаются и осложняются извѣстнаго рода душевными настроеніями, естественно возникаетъ вопросъ о томъ, какъ объяснить это явленіе. Согласно съ тѣми взглядами, правильность которыхъ доказывается въ настоящемъ очеркѣ, это осложненіе вызывается органическими ощущеніями, порождаемыми переменами въ родѣ растительной жизни нашего тѣла. Спенсеръ держится другого мнѣнія. Онъ указываетъ читателю на тотъ несомнѣнный фактъ, что «рядомъ съ локализованнымъ страданіемъ, напримѣръ, отъ ушиба или отъ обжога, существуетъ еще и нелокализованный элементъ страданія». (Основанія психологіи. томъ I, стр. 295). Этотъ неподдающійся локализации элементъ и есть то самое психическое состояніе, которое обозначается здѣсь названіями: настроеніе, душевное движеніе, эмоція, чувствованіе. Спенсеръ называетъ эти состоянія вторичными элементами чувствованій въ отличіе отъ первичныхъ мѣстныхъ элементовъ, возбуждаемыхъ непосредственно такими специальными стимулами, какъ свѣтъ, теплота, звуковыя волны и т. п. Эти вторичные элементы чувствованій приводятся въ дѣйствіе, по мнѣнію Спенсера, благодаря той передачѣ нервного возбужденія отъ однихъ центровъ къ другимъ, какая несомнѣнно происходитъ въ мозговой корѣ и которой обусловливается возможность такъ называемыхъ центральныхъ возбужденій. Хотя удовольствія и страданія, говоритъ онъ, составлены отчасти изъ тѣхъ мѣстныхъ и явно-замѣтныхъ элементовъ чувствованія, которыя возбуждаются непосредственно специальными стимулами; но они въ значительной степени, если не главнымъ образомъ, составлены изъ вторичныхъ элементовъ чувствованія, возбужденныхъ посредственно общей, расплывчатой стимуляціей всей нервной системы» (Ibid., стр. 296). Напомнивши читателю о пріятныхъ ощущеніяхъ, вызываемыхъ созерцаніемъ прекраснаго зданія, комбинаціей цвѣтовъ въ какомъ-нибудь ландшафтѣ, воспріятіемъ отдѣльнаго цвѣта, прикосновеніемъ къ совершенно гладкой или нѣжной поверхности, Спенсеръ совершенно правильно утверждаетъ, что «во всѣхъ этихъ случаяхъ простое и ясное ощущеніе, возбуждаемое непосредственно внѣшнимъ дѣятелемъ, соединено съ нѣкоторымъ сложнымъ, неопредѣленнымъ чувствомъ, возбуждаемымъ не прямымъ образомъ» (Ibid., томъ II, стр. 200 — 201). Однако, при объясненіи того, какимъ именно косвеннымъ путемъ возбуждаются здѣсь нѣкоторыя части голов-

ного мозга, онъ настаиваетъ на томъ, что эмоція имѣетъ центральное происхожденіе (томъ I, стр. 130; см. также главу V).

Въ началѣ настоящаго очерка мнѣ уже приходилось говорить о томъ, почему я признаю неправильнымъ мнѣніе Спенсера о центральномъ возбужденіи эмотивныхъ клѣтокъ. Никто, конечно, не станетъ возражать противъ того, что эти клѣтки могутъ быть приводимы въ дѣятельное состояніе также и центральными возбуждателями. Но психическимъ результатомъ такого возбужденія явится не дѣйствительная эмоція, а только блѣдное, лишенное аффективной окраски, воспоминаніе о ней. Это воспоминаніе будетъ относиться къ реальной эмоціи такимъ же точно образомъ, какъ воспоминаніе о деревѣ относится къ тѣмъ ощущеніямъ, которыя вызываются этимъ деревомъ, когда мы смотримъ на него. Такъ какъ я думаю, что читатель уже достаточно подготовленъ къ усвоенію подробностей защищаемаго здѣсь взгляда на природу чувствованій, то приведу еще другое возраженіе противъ теоріи Спенсера.

Извѣстно, что настроенія и чувствованія отнюдь не принадлежатъ къ числу явленій, исчезающихъ очень быстро. Напротивъ, они отличаются извѣстною длительностью. Мы можемъ избавиться отъ какаго-нибудь внѣшняго непріятнаго ощущенія, устранивши его причину; но нелегко бываетъ отдѣлаться отъ извѣстнаго душевнаго настроенія. Человѣкъ, разсерженный чѣмъ-нибудь, продолжаетъ сердиться и тогда, когда онъ пересталъ думать о событіи, вызвавшемъ его гнѣвъ. Пріятное извѣстіе, полученное нами утромъ, дѣлаетъ насъ веселыми на цѣлый день, хотя бы мы и не вспоминали о томъ, что обрадовало насъ утромъ. Даже тревожное сновидѣніе, о которомъ у насъ не сохранилось отчетливаго воспоминанія, оставляетъ послѣ себя чувство безпокойства, длящееся иногда нѣсколько часовъ. Какимъ же образомъ можно объяснить все это по теоріи Спенсера? На этотъ вопросъ можно дать только одинъ отвѣтъ: если извѣстное настроеніе длится очень долго, то значитъ продолжается и то возбужденіе эмотивныхъ клѣтокъ, которымъ обуславливается это настроеніе. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ какой-либо предметъ лишь до тѣхъ поръ, пока онъ дѣйствуетъ на нашъ глазъ. Если мы закроемъ глаза или отвернемъ голову въ другую сторону, то исчезнутъ и зрительныя ощущенія, порождаемая этимъ предметомъ. Мы слышимъ пьесу, исполняемую на фортепіано, лишь до

тѣхъ поръ, пока длится это исполненіе. Когда фортепіано умолкаетъ, то прекращаются и соотвѣтствующія слуховыя ощущенія. Точно также прекращаются и тѣ ощущенія, которыя вызываются вкусомъ и запахомъ какого-нибудь блюда, когда мы съѣли свою порцію. Нѣтъ надобности вспоминать о томъ, что ощущенія длятся нѣсколько долѣе вызывающихъ ихъ впечатлѣній, что дѣйствіе, напримѣръ, свѣтовыхъ впечатлѣній исчезаетъ не тотчасъ же, а продолжается еще около одной седьмой секунды, вслѣдствіе чего при быстромъ вращательномъ движеніи угля мы видимъ не рядъ свѣтлыхъ точекъ, а огненную линію. Всѣ эти свѣдѣнія не помогутъ намъ при объясненіи той длительности душевныхъ настроеній, которая измѣряется не секундами, а десятками минутъ и даже цѣлыми часами.

Ощущеніе или воспоминаніе о немъ исчезло, а настроеніе, созданное имъ, еще продолжается. Чѣмъ можно объяснить это? Должны ли мы предположить, что эмотивныя клѣтки очень долго сохраняютъ полученное ими возбужденіе и что онѣ продолжаютъ работать цѣлый часъ и даже болѣе послѣ того, какъ исчезла причина, возбудившая ихъ дѣятельность. Но на какомъ основаніи мы будемъ приписывать эмотивнымъ клѣткамъ такія свойства, которыхъ рѣшительно не находимъ у другихъ нервныхъ клѣтокъ. Зрительныя, слуховыя и другія сенсорныя клѣтки мозговой коры функціонируютъ лишь до тѣхъ поръ, пока онѣ возбуждаются къ дѣятельности импульсами, несущимися вдоль центростремительныхъ нервныхъ волоконъ. Почему же мы должны думать, что эмотивныя клѣтки могутъ работать и при полномъ отсутствіи стимуловъ для ихъ дѣятельности. Да и зачѣмъ мы будемъ прибѣгать къ гипотезѣ, надѣляющей эмотивныя клѣтки необыкновенными свойствами, если продолжительность ихъ возбужденія находитъ другое, вполне естественное и понятное объясненіе.

Внѣшнія причины вызываютъ весьма длительныя измѣненія въ органическихъ процессахъ. Напримѣръ, когда мы обливаемъ тѣло холодною водою, то характеръ дыхательныхъ движеній измѣняется самымъ замѣтнымъ образомъ, и это измѣненіе исчезаетъ, конечно, не вдругъ, а съ нѣкоторою постепенностью. Точно также сердце наше бьется усиленно довольно долго послѣ того, какъ насъ испугалъ сильный шумъ. Нерѣдко моментальная хирургическая операція сопровождается дурнотою, слабостью и

головокруженіємъ, которыя продолжаются гораздо дольше вызвавшего ихъ болевого ощущенія. Я уже говорилъ о приборахъ, съ помощью которыхъ можно обнаружить органическія перемѣны, совершенно ускользающія отъ непосредственнаго безыскусственнаго наблюденія. Съ помощью этихъ приборовъ было замѣчено, наприимѣръ, что болевое раздраженіе кожи влечетъ за собою уменьшеніе объема конечности, вызываемое рѣзкимъ сокращеніемъ ея кровеносныхъ сосудовъ. По удаленіи раздражителя объемъ этотъ въ теченіе нѣсколькихъ минутъ выравнивается, совершая при этомъ колебанія въ ту и другую сторону, соотвѣтствующія усиленнымъ періодическимъ сокращеніямъ сосудовъ. Фактъ этотъ показываетъ, что раздраженіе кожи вызываетъ не просто только сжатіе сосудовъ, но и усиленные, послѣдовательныя, періодическія сокращенія ихъ, продолжающіяся нѣкоторое время даже послѣ устраненія раздражителя, дѣйствовавшего на кожу. Но если перемѣны, возникающія въ нашемъ организмѣ, длятся довольно долго, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что и органическія ощущенія, вызываемыя этими перемѣнами, исчезаютъ нескоро и оказываютъ вліяніе на наше еознаніе гораздо дольше, нежели внѣшнія ощущенія и воспоминанія о нихъ. Нерѣдко приходится наблюдать, говоритъ Карпентеръ, что когда страсти были возбуждены въ состояніи сомнамбулизма, гипнотизма и т. д., разстройство самоощущенія продолжается и послѣ пробужденія, хотя субъектъ совершенно не сознаетъ причины своего настроенія. Чѣмъ же объясняется это продолжающееся разстройство самоощущенія? Конечно, проще всего можно объяснить его длительностью тѣхъ органическихъ перемѣнъ, которыя служатъ ближайшею причиною упомянутаго разстройства. Эмотивныя клѣтки приводятся въ дѣятельное состояніе тѣми впечатлѣніями, которыя доносятся до нихъ отъ всѣхъ внутреннихъ органовъ нашего тѣла. Такъ какъ этимъ впечатлѣніямъ, благодаря продолжительности тѣлесныхъ перемѣнъ, приходится дѣйствовать довольно долго на эмотивныя клѣтки, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что наши настроенія и душевныя движенія отличаются нѣкоторою длительностью. Если наша досада продолжается очень долго, то значить все это время нѣкоторыя эмотивныя клѣтки находятся въ дѣятельномъ состояніи. Возбуждаются же онѣ къ такой дѣятельности длительными измѣненіями въ родѣ растительной жизни нашего тѣла. Такимъ образомъ,

органическія ощущенія, вызванныя внѣшнимъ впечатлѣніемъ, исчезаютъ вообще нескоро и во всякомъ случаѣ дѣйствуютъ на наше сознаніе гораздо долѣе, нежели тѣ ощущенія, которыя являются непосредственными результатами внѣшняго впечатлѣнія.

«Когда говорятъ о перемѣнахъ, производимыхъ въ организмѣ душевными волненіями, то часто забываютъ, что самый характеръ этихъ волненій зависитъ отъ характера органическихъ перемѣнъ. Обычный способъ изложенія предмета заставляетъ думать, что эмоціи предшествуютъ измѣненіямъ растительной жизни. Между тѣмъ, на самомъ дѣлѣ, оба явленія (т. е. эмоціи и перемѣны въ растительной жизни) происходятъ одновременно. Даже продолжительность извѣстной эмоціи вполнѣ зависитъ отъ продолжительности физиологическихъ перемѣнъ, вызванныхъ въ данный моментъ въ нашемъ организмѣ. Какъ только возстановляется нормальный ходъ растительной жизни, мы сейчасъ же успокоиваемся. Едва ли поэтому можно сомнѣваться въ томъ, что органическія ощущенія не только входятъ въ составъ эмоцій, но даже образуютъ, по всей вѣроятности, главное содержаніе ихъ. Можетъ быть, мы вовсе не испытывали бы эмоцій, если бы мозговая кора не въ состояніи была вызывать перемѣнъ въ ходѣ растительной жизни. *При подобномъ истолкованіи эмоцій, на каждую изъ послѣднихъ слѣдуетъ смотрѣть какъ на совокупность органическихъ ощущеній, порожденныхъ внѣшними впечатлѣніями или тѣми представленіями, которыми сопровождаются эти впечатлѣнія*». (О физиологическихъ основахъ душевныхъ настроеній. «Русское Богатство», 1890 г., № 1, стр. 41—42).

Неужели старинная теорія о вліяніи эмоцій на тѣло лишена всякихъ основаній и душевныя волненія сами по себѣ не вызываютъ никакихъ органическихъ перемѣнъ? На этотъ вопросъ приходится дать такой отвѣтъ: ошибались, конечно, тѣ лица, которыя на всѣ тѣлесныя перемѣны, связанныя съ эмоціями, смотрѣли только какъ на результаты этихъ эмоцій; но нельзя признать правыми и тѣхъ, въ глазахъ которыхъ всѣ упомянутыя перемѣны предшествуютъ эмоціямъ и вызываются исключительно внѣшними ощущеніями, представленіями, воспріятіями. Мы видѣли, что на каждую эмоцію слѣдуетъ смотрѣть какъ на совокупность органическихъ ощущеній. Значитъ, вопросъ о вліяніи эмоцій на тѣло сводится собственно къ вопросу о вліяніи органическихъ ощу-

щений, и поэтому мы имѣемъ право формулировать его такимъ образомъ: правда ли, что органическія ощущенія оказываются совершенно безрезультатными по отношенію къ нашему тѣлу. Будучи поставленъ такимъ образомъ, занимающій насъ вопросъ сразу теряетъ свою неясность и неопредѣленность и какъ бы подсказываетъ намъ правильный отвѣтъ на него. Если мы приписываемъ внѣшнимъ ощущеніямъ и воспоминаніямъ о нихъ способность вызывать тѣлесныя перемѣны, то почему мы должны думать, что органическія ощущенія лишены этой способности. Развѣ физическія страданія, порождаемая многочисленными болѣзнями внутреннихъ органовъ нашего тѣла, не оказываютъ такого же угнетающаго вліянія на процессы растительной жизни, какое приписывается нами болевымъ ощущеніямъ, связаннымъ, на примѣръ, съ раздраженіемъ кожи. Вспомнимъ также объ органическихъ ощущеніяхъ, дающихъ начало голоду, жаждѣ, половому влеченію. Неужели и эти ощущенія не могутъ вызывать двигательныхъ реакцій и другихъ органическихъ перемѣнъ? Предположеніе это вполне противорѣчитъ извѣстнымъ намъ фактамъ. Упомянутыя ощущенія стремятся вызвать и очень часто дѣйствительно вызываютъ, вопреки нашей волѣ, вполне опредѣленные реакціи. Какъ бы мы ни противились позывамъ, возбуждаемымъ голодомъ, жаждою и сильнымъ утомленіемъ, мы иногда не въ состояніи бываемъ справиться съ ними. Извѣстны случаи, когда истомленные жаждою солдаты бросались къ ручью и начинали утолять свою жажду въ нѣсколькихъ шагахъ отъ непріятеля, при чемъ погибали подъ ударами послѣдняго (*). Точно также люди, подъ вліяніемъ сильнаго утомленія, часто ложатся

(*) Такъ какъ подобные случаи возможны, вѣроятно, не на каждомъ театрѣ войны, то читатель отнесется къ сказанному, пожалуй, съ нѣкоторымъ недоверіемъ. Считаю поэтому полезнымъ указать на фактъ, происшедшій во время Аштаракской битвы 17 августа 1827 года. Колонны русскихъ войскъ, отбиваясь поминутно отъ нападеній персидской арміи, двигались по направленію къ Эчмиадзинскому монастырю. Когда онѣ находились въ двухъ верстахъ отъ него, то стрѣлкамъ, расположеннымъ по обѣимъ сторонамъ дороги, было послано приказаніе поспѣшно присоединиться къ колоннамъ. „Но стрѣлки, изнуренные жаждою, кинулись не къ колоннамъ, а къ широкой канавѣ съ холоднѣй водою, и никакія усилія не могли оторвать ихъ отъ студеной влаги. Непріятель воспользовался этимъ моментомъ; вся персидская конница нахѣла на стрѣлковъ и принялась рубить ихъ, какъ умѣетъ рубить только восточная конница“ (Потто. Кавказская война, т. III, стр. 476).

и засыпают даже въ томъ случаѣ, если этотъ сонъ можетъ оказаться гибельнымъ для нихъ и для ихъ товарищей, вслѣдствіе присутствія ядовитыхъ змѣй и дикихъ звѣрей. непріятельскихъ солдатъ (сторожевая служба на аванпостахъ). Тошнота, переполненіе мочевого пузыря и кишечнаго канала тоже стремятся выразиться въ извѣстныхъ реакціяхъ, сопротивленіе которымъ оказывается возможнымъ только до извѣстнаго предѣла. Слѣдовало бы еще указать на тѣ измѣненія въ выраженіи лица, которыя приходится наблюдать при возникновеніи рассматриваемыхъ душевныхъ состояній. Но я не буду останавливаться на этомъ, а перейду къ внѣшнимъ проявленіямъ такъ называемыхъ безпричинныхъ настроеній. Вспомнимъ о человѣкѣ, которымъ овладѣло безъ всякихъ понятныхъ поводовъ печальное настроеніе. Чѣмъ именно вызываются внѣшнія проявленія печали у этого человѣка? Можемъ ли мы въ данномъ случаѣ указать на воспріятія, ощущенія, идеи, которыми объяснялись бы въ данномъ случаѣ перемѣны въ выраженіи лица, интонаціи голоса, жестахъ и во всей фигурѣ опечаленнаго человѣка? Нѣтъ, не можемъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ не было бы основаній называть это настроеніе безпричиннымъ. Очевидно, поэтому, что вздохи, слезы, согбенный станъ, унылый тонъ рѣчей и другія явленія вызываются здѣсь непосредственно тѣми органическими ощущеніями, изъ которыхъ слагается печальное настроеніе. Но если это справедливо, то имѣемъ ли мы право думать, что внѣшнія проявленія различныхъ чувствованій вызываются только внѣшними ощущеніями, представленіями и воспріятіями. Конечно, не имѣемъ. Если мы спросимъ затѣмъ, правда ли, что органическія ощущенія лишены способности порождать какія-либо тѣлесныя перемѣны, то и на этотъ вопросъ придется дать отрицательный отвѣтъ.

Къ подобному же заключенію мы могли бы придти и другимъ путемъ. Извѣстно, что въ мозговой корѣ существуютъ клѣтки, электрическое раздраженіе которыхъ вызываетъ разнаго рода органическія перемѣны. Когда мы испытываемъ ощущеніе или только вспоминаемъ о немъ, то въ дѣятельное состояніе приходятъ нѣкоторыя сенсорныя клѣтки. Нервное возбужденіе, распространяясь отъ послѣднихъ по мозговой корѣ, достигаетъ до тѣхъ клѣтокъ, съ функціонированіемъ которыхъ связано бываетъ появленіе тѣлесныхъ перемѣнъ. Клѣтки эти тоже приходятъ въ дѣятельное состояніе и вызываютъ тѣ или другія измѣненія въ ходѣ

растительной жизни нашего тѣла. Но почему же, спросить каждый, подобный же результат не можетъ быть вызванъ дѣятельностью эмотивныхъ клѣтокъ. Развѣ есть существенное различіе между эмотивными и сенсорными клѣтками? Почему мы должны думать, что нервные токи, распространяющіеся отъ эмотивныхъ клѣтокъ, не могутъ достигнуть до клѣтокъ, вызывающихъ органическія перемѣны? На это придется отвѣтить, что эмотивныя клѣтки тоже принадлежатъ къ числу сенсорныхъ, и что онѣ отличаются отъ послѣднихъ только тѣмъ, что возбуждаются не впечатлѣніями, дѣйствующими на органы чувствъ, а впечатлѣніями, доставляемыми внутренними органами нашего тѣла. Кромѣ того, нѣтъ ни малѣйшаго основанія думать, что дѣятельность эмотивныхъ клѣтокъ не сопровождается обычной иррадіаціей нервнаго возбужденія. Если бы такой иррадіаціи не существовало, то рѣшительно нельзя было бы объяснить происхожденія внѣшнихъ проявленій какого-нибудь безпричиннаго настроенія. Но если иррадіація существуетъ, то ею всегда будутъ болѣе или менѣе затронуты и тѣ нервныя клѣтки, съ функционированіемъ которыхъ связано бываетъ появленіе измѣненій въ ходѣ растительной жизни нашего тѣла.

Такимъ образомъ, органическія ощущенія (подобно внѣшнимъ) обладаютъ способностью дѣйствовать извѣстнымъ образомъ на наше тѣло. Поэтому изученіе вліянія эмоцій на органическіе процессы представляется такою задачею, рѣшеніе которой вовсе не устраняется защищаемою здѣсь теоріею чувствованій. Слѣдуетъ думать, что, при появленіи эмоцій, порядокъ явленій бываетъ чаще всего таковъ: сперва внѣшнія ощущенія и представленія вызываютъ тѣлесныя перемѣны и связанныя съ ними органическія ощущенія; затѣмъ эти органическія ощущенія въ свою очередь вызываютъ новыя тѣлесныя перемѣны, вносящія новое осложненіе въ испытываемое нами душевное состояніе. Конечно, было бы очень интересно отдѣлить однѣ перемѣны отъ другихъ; но я не беру на себя рѣшенія этой задачи. Ограничусь только указаніемъ на то, что нелегко установить вполне опредѣленную и точную границу, отдѣляющую результаты внѣшнихъ ощущеній отъ результатовъ внутренностныхъ ощущеній. Напримѣръ, если бы кто-нибудь сказалъ, что такъ называемыя выразительныя движенія, изъ которыхъ слагается языкъ душевныхъ волненій, порождаются исключительно органическими ощущеніями, а другія реакціи за-

висятъ только отъ внѣшнихъ ощущеній, то нетрудно было бы доказать ошибочность этого мнѣнія. Различіе результатовъ въ разсматриваемомъ случаѣ зависитъ не отъ того, что одни ощущенія принадлежатъ къ числу внѣшнихъ, а другія — къ числу внутренностныхъ. Нѣтъ, различіе обусловливается здѣсь прежде всего трюномъ ощущеній. Повидимому, и внѣшнія, и органическія ощущенія вызываютъ сходныя тѣлесныя перемѣны, если они оказываются въ одинаковой степени неприятными для насъ. То же самое можно сказать, и о пріятныхъ ощущеніяхъ, каково бы ни было ихъ происхожденіе. Если это мнѣніе согласно съ истиною, то тѣлесныя перемѣны, возникающія подъ влияніемъ органическихъ ощущеній, дающихъ начало извѣстной эмоціи, должны вызывать новыя ощущенія, ведущія къ усиленію этой самой эмоціи. Факты показываютъ, что такое усиленіе эмоцій дѣйствительно происходитъ, что каждое чувствованіе не достигаетъ своей полной силы въ тотъ самый моментъ, когда является возбуждающая его причина. Требуется всегда нѣкоторый промежутокъ времени для того, чтобы охватившее насъ душевное волненіе достигло наибольшей своей интенсивности.

Мнѣ неоднократно приходилось упоминать о томъ, что внѣшнія ощущенія сопровождаются органическими и что возникающее вслѣдствіе этого осложненіе ощущеній душевными настроеніями и есть тотъ именно фактъ, которымъ объясняется самое существованіе эмоцій. Возникаетъ вопросъ, достаточно ли разнообразны упомянутыя настроенія для того, чтобы на нихъ можно было смотрѣть какъ на матеріаль, вполне пригодный для построенія душевныхъ движеній. Очень возможно, что этотъ вопросъ не допускаетъ отвѣта, одинаково примѣнимаго ко всѣмъ людямъ, такъ какъ многое зависитъ здѣсь отъ индивидуальныхъ различій. Нѣкоторые находятъ, что наши настроенія и чувствованія въ высшей степени разнообразны и поэтому многочисленны; другіе смотрятъ на дѣло иначе. Мнѣ кажется, что немаловажную роль играетъ здѣсь наша наклонность считать различными даже сходныя душевныя состоянія въ томъ случаѣ, если они вызваны различными причинами. Если мы сумѣемъ отдѣлать эмоціональный элементъ отъ связанныхъ съ нимъ ощущеній и воспоминаній, то окажется, какъ я думаю, что настроенія и чувствованія, разсматриваемыя независимо отъ вызывающихъ ихъ причинъ, не отличаются особеннымъ разнообразіемъ и многочисленностью. Удовольствія,

говорить Спенсеръ, болѣе сходны между собою, чѣмъ вызывающія ихъ ощущенія. Наслажденіе, возникающее въ насъ при взглядѣ на какой-нибудь величественный пейзажъ, въ качественномъ отношеніи есть то же самое, какъ и наслажденіе, производимое выразительнымъ музыкальнымъ кадансомъ. Существуетъ очень тѣсное родство между пріятными чувствованіями, изъ которыхъ одно возбуждается ласковымъ словомъ, а другое — высоко поэтической мыслью. Если мы обратимъ вниманіе на выраженія лица, сопровождающія наши ощущенія, то замѣтимъ, что даже удовольствіе, доставляемое намъ какимъ-либо нѣжнымъ благоуханіемъ, представляетъ въ значительной степени ту же самую природу. Стреланія представляютъ это родство еще болѣе яснымъ образомъ (Основанія психологіи. т. I, стр. 296). Въ виду этого, не представляется никакой надобности, чтобы матеріалъ, изъ котораго созидаются наши эмоціи, отличался большимъ разнообразіемъ.

Н. Згурскій.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

Русскій психіатръ о Тургеневѣ.

Одинъ изъ наиболѣе видныхъ въ Россіи представителей психіатріи, авторъ извѣстной русскому читателю книги «Достоевскій, какъ психопатологъ» (М. 1885 г.), предпринялъ новый психіатрическій экскурсъ въ область русской литературы, помѣстивъ его въ «Вопросахъ философіи и психологіи» (1899 г., кн. 49 и 50) подъ заглавіемъ «Тургеневъ, какъ психопатологъ».

Въ своей работѣ проф. Чижа разбираетъ пять небольшихъ произведеній Тургенева: 1) «Отчаянный», гдѣ въ лицѣ Миши Полтева изображенъ *высшій вырождающійся*, дошедшій до самаго жалкаго состоянія; 2) «Клара Миличъ» — здѣсь описаны *навязчивыя идеи, обманы чувствъ и идеи бреда* тоже у высшаго вырождающагося, сходящаго съ ума (у Аратова); 3) «Разсказъ отца Алексѣя», передающаго исторію *первичнаго сумасшествія* у сына своего Якова; 4) «Пѣснь торжествующей любви», гдѣ изображено, какъ Муцій *заипнотизировываетъ* Валерію; 5) «Странная исторія», описывающая *ипнотизмъ* совмѣстно съ *самовнушеніемъ*.

Анализъ почтеннаго ученаго прекрасно знакомитъ общество, въ общедоступномъ и интересномъ изложеніи, съ мало извѣстными вопросами психіатріи и вмѣстѣ съ тѣмъ разъясняетъ въ разбираемыхъ произведеніяхъ Тургенева многое, что было до сихъ поръ непонятно для читателя, научно незнакомаго съ патологическими душевными явленіями.

Однако послѣдній трудъ проф. Чижа не лишень и весьма существенныхъ недостатковъ, на которые я и берусь указать въ этой статьѣ.

Тургеневъ видѣлъ въ истинѣ не только свѣтъ, но и сво-

боду *). Свѣтло взирая на жизнь, великій преемникъ Пушкина любилъ повторять художественный завѣтъ учителя:

. дорогою *свободной*

Иди, куда влечетъ тебя *свободный* умъ.

Какъ представитель науки, г. Чижъ также служить истиннѣ, стремленіе къ которой побудило его предпринять и настоящую работу.

Поэтому правильно понятое уваженіе къ памяти славнаго русскаго художника и къ имени одного изъ извѣстныхъ русскихъ психіатровъ не позволило мнѣ сойти на ложный путь замалчиванія ошибокъ въ работѣ второго, искажающихъ смыслъ образовъ перваго. Надѣюсь, что органъ философской мысли въ Россіи, при широтѣ своихъ взглядовъ, поддержитъ меня въ этомъ желаніи выяснить истину, давъ у себя мѣсто настоящей замѣткѣ.

Г. Чижъ раздѣляетъ господствующее воззрѣніе современной психологіи, которая, будучи погружена въ фізіологическія наблюденія и психометрическіе эксперименты, не признаетъ личности, субъекта (по терминологіи Канта), мыслящей субстанціи (по Декарту). Здѣсь не мѣсто возражать противъ такой постановки психологическихъ проблемъ, какъ особаго научнаго направленія, оказавшаго къ тому же психологіи существенныя услуги. Однако подходить съ этой точкой зрѣнія къ разбору поэтическихъ созданій и образовъ, да еще принадлежащихъ такому великому психологу, какъ Тургеневъ **), составляетъ уже коренную ошибку.

Дѣло въ томъ, что поэтъ является прежде всего художникомъ человѣческаго духа, сердцевѣдомъ; что бы онъ ни изображалъ, онъ раскрываетъ главнымъ образомъ человѣческую личность; послѣдняя составляетъ его основной интересъ. «*Всякій эстетически разсматриваемый предметъ*,—говоритъ Карль Гросъ ***),—является для насъ *личностью*;—не только человѣкъ, относительно котораго это само собою понятно, но также и низшіе организмы и неорганическіе предметы». Это свойство искусства первымъ (въ 1875 году) выяснилъ Зибекъ: «Эстетиче-

*) См. „Литературныя и житейскія воспоминанія“. Изд. Маркса, т. XII, стр. 100—101.

**) См. Овсянико-Куликовскій. „Этюды о творествѣ И. С. Тургенева“ 1896 г.

***) См. его „Введеніе въ эстетику“. Переводъ 1900 г., стр. 68.

ское созерцаніе получается тамъ, гдѣ чувственное выступаетъ въ формѣ, въ которой обыкновенно выражается *проявленіе личности*.

А вотъ образное выраженіе духовной сущности творца:

„Съ природой одною онъ жизнью дышалъ:
Ручья разумѣлъ лепетанье,
И говоръ древесныхъ листовъ понималъ,
И чувствовалъ травъ прозябанье;
Была ему звѣздная книга ясна,
И съ нимъ говорила морская волна“.

А потому, съ какой бы точки зрѣнія ни рассматривала критика поэтическое произведеніе, эта сторона творчества не должна быть упускаема изъ виду.

Г. Чижъ, будучи человѣкомъ широкаго образованія, далеко не чуждымъ и художественныхъ интересовъ, видимо чувствовалъ это; однако, вслѣдствіе прочно установившагося у него фізіологическаго взгляда на человѣческое естество, это обстоятельство приводитъ его въ анализѣ образовъ Тургенева только къ раздвоенію, колебаніямъ и противорѣчіямъ.

Вотъ эту - то коренную ошибку въ работѣ г. Чижа я и постараюсь прежде всего раскрыть, послѣ чего перейду къ выясненію другихъ ея недостатковъ.

Уже въ анализѣ разсказа «*Отчаянный*», разбираемаго г. Чижомъ раньше другихъ произведеній, замѣтенъ не совсѣмъ правильный уголь зрѣнія. Говоря о вырождающемся Мишѣ Полтевѣ и о подобныхъ ему несчастныхъ пьяницахъ, г. Чижъ утверждаетъ: «*Вся его психическіе процессы всецѣло обусловлены его физической организаціей*» (кн. 49, стр. 628). Что такое утвержденіе односторонне и далеко не охватываетъ всей душевной жизни данныхъ субъектовъ,—это я докажу ссылкой на свидѣтельство Тургенева, подкрѣпленное, да еще, при всей своей маловѣроятности, и расширенное г. Чижомъ: «*Можетъ показаться невѣроятнымъ, что Миша—этотъ вырождающійся пьяница—совершенно пересталъ пить подъ вліяніемъ жены. Однако я знаю нѣсколько случаевъ полного исправленія вырождающихся любящими, кроткими женами; а такова была именно жена“Миши»*» (кн. 49, стр. 638—639).

Укажу и еще на два ошибочныхъ мнѣнія въ разборѣ этого же разсказа, объясняющихся все тѣмъ же фізіологическимъ взглядомъ г. Чижа.

«Еще нескоро настанетъ то время, когда люди вполнѣ поймутъ зависимость души отъ тѣла, *отвыкнувъ искать возвышенныя мотивы* для своихъ душевныхъ состояній и своего поведенія» (стр. 635).— Я понимаю эту точку зрѣнія въ устахъ врача Евгенія Базарова, но не психіатра г. Чижа, который нѣсколькими страницами дальше категорически заявляетъ: «Всегда и всюду побѣждаетъ воля, руководимая *высшими мотивами*» (стр. 644), а немного раньше, объясняя свои побужденія къ настоящему труду, говоритъ: «Изученіе изображеній или описаній патологическихъ душевныхъ явленій въ произведеніяхъ Тургенева составляетъ *обязанность русскаго психіатра*» (стран. 626). Къ указанному г. Чижомъ мотиву я отношусь съ полнымъ довѣріемъ, и ни на минуту не останавливаюсь на мысли, что взятыя за разборъ произведеній русскаго художника его заставили причины, лежащія въ строеніи организма почтеннаго психіатра и въ его физиологическихъ функціяхъ.

«Здоровый молодой человекъ предпочтетъ заработать *тяжелымъ трудомъ* деньги на выпивку» (стр. 640).— Способность къ тяжелому труду обуславливается многочисленными причинами, какъ физиологическими, такъ равно и чисто психологическими; напримѣръ, привычками дѣтства, воспитаніемъ, взглядами среды, примѣрами окружающихъ и проч., а не однимъ только здорвьемъ.

Въ общемъ однако разборъ «Отчаяннаго» сравнительно мало потерпѣлъ отъ физиологической точки зрѣнія критика. Къ сожалѣнію, того же нельзя сказать объ анализѣ слѣдующей повѣсти «Клара Миличъ».

Разбирая эту повѣсть, г. Чижъ прекрасно выясняетъ, на основаніи данныхъ Тургеневымъ фактовъ, сущность такихъ патологическихъ душевныхъ явленій, какъ навязчивыя идеи, обманы чувствъ и идеи бреда.

Главный недостатокъ этого разбора заключается въ томъ, что изслѣдователь не принимаетъ въ расчетъ ближайшихъ психическихъ условій, способствовавшихъ появленію указанныхъ психозовъ у Аратова: возникновеніе ихъ онъ ставитъ въ связь съ тѣмъ фактомъ, что герой повѣсти—вырождающійся, и не придаетъ никакого значенія обстановкѣ жизни, которую вель Аратовъ, когда произошла у него роковая встрѣча съ Кларой Миличъ. Между тѣмъ самъ г. Чижъ говоритъ, что при душев-

ныхъ заболѣваніяхъ вырождающихся имѣютъ большое вліяніе «неблагопріятныя жизненные условія» (кн. 50, стр. 720). Эти условія играютъ огромную роль въ развитіи сумасшествія и у Аратова, на что Тургеневъ и обращаетъ вниманіе читателя, подробно рисуя ихъ.

Неблагопріятное вліяніе такого образа жизни, какой ведетъ Аратовъ, на психическую дѣятельность прекрасно сформулировано Пушкинымъ: «Уединеніе и праздность губятъ молодыхъ людей». Живи Аратовъ среди большой семьи, въ обществѣ старшихъ и сверстниковъ,—онъ, нужно думать, не завелъ бы «роскошнаго кипсека», развращающаго его фантазію, черезъ что увеличивались и аномаліи его половой жизни; вмѣстѣ съ тѣмъ вниманіе не нравившейся ему дѣвушки не оставило бы въ Аратовѣ того неизгладимаго впечатлѣнія, какое оно произвело при его уединенной жизни въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ.

Если принять въ расчетъ это одиночество Аратова, то его странное поведеніе во время свиданія съ Кларой Миличъ имѣетъ несравненно болѣе близкія, чѣмъ думаетъ г. Чижевъ, причины, точно разъясненныя художникомъ: «Аратовъ былъ неопытный, нервическій юноша» (изд. Маркса, VIII, 25), у котораго естественно развились, среди одинокой жизни, болѣзненное самолюбіе и недоуверчивость къ людямъ. Вотъ какъ изображаетъ поэтъ его настроеніе при назначенной ему встрѣчѣ съ одной изъ «хвостовозокъ» (такъ предубѣжденно смотрѣла на свѣтскихъ женщинъ его тѣтка «Платоша», существо, вообще, странное, однако составлявшее все общество замкнувшагося Аратова). «Самолюбіе его страдало при мысли, что вотъ теперь она должна думать: «мнѣ стоило знакъ подать—и онъ тотчасъ прибѣжалъ» (IX, 23). Съ другой стороны, отдавая себѣ отчетъ въ своемъ обхожденіи съ Кларой на свиданіи, Аратовъ приходитъ къ слѣдующему объясненію: «это было чувство недоразумѣнія... недоуверчивости» (IX, 32).

При такой психологической мотивировкѣ со стороны художника, едва ли можно согласиться съ г. Чижомъ, объясняющимъ странный ходъ разговора Аратова съ Кларой просто-напросто тѣмъ, что послѣдній, какъ вырождающійся, не способенъ былъ любить. (Кн. 50, стр. 721). Вѣдь Клара, будучи также вырождающейся, оказалась же способной любить. Да и какъ съ этой неспособностью вырождающихся мирятся такія слова г. Чижа:

«Сила, *могущество любви*, описанной въ этой повѣсти, зависятъ отъ ненормальностей Аратова и Клары Миличъ» (стр. 755).

Не болѣе удачно указана г. Чижомъ и вторая причина того же факта: онъ говоритъ, что недостаточно развитыя нравственныя чувствованія (признакъ вырожденія) помѣшали Аратову понять возмутительность своего поведенія съ Кларой Миличъ. На самомъ же дѣлѣ, онъ, убѣдившись послѣ долгихъ размышленій въ истинности чувства со стороны Клары, мучится сознаниемъ, что онъ былъ несправедливъ къ ней. (См. IX, стр. 32 и 33).

Стремленіе во всѣхъ поступкахъ Аратова и Клары видѣть проявленія тѣлеснаго вырожденія, игнорируя ближайшія психическія причины, выдвинутыя художникомъ на первый планъ, приводитъ г. Чижа къ такому невѣрному толкованію: онъ ставитъ самоубійство Клары въ связь единственно съ тѣмъ, что «она вообще тяготилась жизнью вслѣдствіе тяжелаго душевнаго настроенія, обусловленнаго ея невропатической организаціей» (стр. 724). Но оставлять безъ вниманія свидѣтельство Тургенева, указывающаго, какое сильное потрясеніе произвело въ самолюбивой дѣвушкѣ («Обиду перенести она не могла»—стр. 30; «Въ нее, въ нее всѣ влюблялись!»—стр. 43) презрительное отношеніе со стороны Аратова къ ней, назначившей ему любовное свиданіе,—это значитъ уклоняться отъ пріемовъ научнаго мышленія, которое входитъ въ разсмотрѣніе не только отдаленныхъ причинъ, но и ближайшихъ условій и поводовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ это значитъ оставаться на примитивной точкѣ зрѣнія нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ повѣсти: 1) «*Жить, значитъ, надопло,—философически* заключилъ Купферъ свои разсужденія» (стр. 31). 2) «Я хоть и мать ея—и очень о ней горевала... Вѣдь, такое вдругъ несчастье!.. Но должна сказать: *шальная она была всегда и покончила такимъ же манеромъ!* Срамъ такой... Посудите; каково это для матери?» (стр. 38).

Вообще, несмотря на то, что, по собственному признанію г. Чижа, вырожденіе еще мало изучено въ психіатріи (кн. 50, стр. 715), онъ пользуется этимъ понятіемъ со смѣлостью, недостаточно обоснованною, усматривая *непосредственную* связь съ вырожденіемъ тамъ, гдѣ есть еще цѣль промежуточныхъ причинныхъ звеньевъ, такъ что при чтеніи разбора этой повѣсти иной разъ приходитъ въ голову: «Вотъ ужъ подлинно *на роду* написано!»

Словомъ, подмѣнъ психологіи фізіологіей помѣшалъ г. Чижу уловить психологическую канву повѣсти «Клара Миличъ» и сущность выведенныхъ въ ней характеровъ, что подрываетъ довѣріе и къ причисленію ихъ къ типу вырождающихся.

Сказаннаго, на мой взглядъ, довольно, чтобы для читателя было ясно, насколько вредитъ пониманію художественныхъ произведеній фізіологическая точка зрѣнія г. Чижа.

Перехожу къ другимъ недостаткамъ работы почтеннаго психіатра.

Г. Чижъ держится слѣдующаго взгляда на изучаемаго имъ художника: «Тургеневъ далъ намъ относительно немного описаній патологическихъ проявленій души; но эти описанія поражаютъ своею точностью; ничего выдуманнаго, вычитаннаго мы въ этихъ описаніяхъ не находимъ» (кн. 50, стр. 788). Стараясь во что бы то ни стало доказать согласіе описаній Тургенева съ естественнымъ ходомъ событій и съ положеніями мало еще разработанной психопатологіи, г. Чижъ допускаетъ въ разборѣ «Пѣсни торжествующей любви» и «Странной исторіи» явно натянутыя, несогласныя съ произведеніями толкованія.

Своимъ обстоятельнымъ разъясненіемъ г. Чижъ снимаетъ покровъ таинственности съ происшествія, описаннаго въ «*Пѣсни торжествующей любви*». Однако желаніе объяснить все въ этой повѣсти естественнымъ путемъ приводитъ его къ невольнымъ натяжкамъ.

То обстоятельство, что Муцій отгадалъ сонъ Валеріи, г. Чижъ объясняетъ такимъ образомъ: «Нѣтъ большого труда по выраженію лица отгадать сонъ растерявшейся, плохо владѣющей собою женщины» (кн. 50, стр. 765). На самомъ дѣлѣ этимъ указаніемъ загадочность факта нисколько не устранена. Вотъ что видѣла Валерія: «Ей почудилось, что вступаетъ она въ просторную комнату съ низкимъ сводомъ... Такой комнаты она въ жизни не видывала. Всѣ стѣны выложены мелкими «травками»; тонкіе рѣзные столбы изъ алебаstra подпираютъ мраморный сводъ; самый этотъ сводъ и столбы кажутся полупрозрачными... блѣдно-розовый свѣтъ отовсюду проникаетъ въ комнату, озаряя всѣ предметы таинственно и однообразно; нарчевыя подушки лежатъ на узкомъ ковѣ по самой серединѣ гладкаго, какъ зеркало, пола. По угламъ едва замѣтно дымятся высокія курильницы, представляющія чудовишныхъ звѣрей; окна нѣтъ ни дѣтъ; дверь, завѣшанная бархатнымъ пологомъ, безмолвно чернѣетъ во впадинѣ стѣ-

ны. И вдругъ этотъ *пологъ* тихонько скользитъ, *отодвигается...* и *входитъ Муцій*. Онъ кланяется, раскрываетъ объятія, смѣется. Его жестокія руки обвиваютъ станъ Валеріи; его сухія губы обожгли ее всю... Она падаетъ навзничъ, на подушки» (VIII, стр. 390—391). А вотъ и сонъ Муція: «Я видѣлъ, будто я вступаю въ просторную комнату со сводомъ, убранную по восточному. Ръзные столбы подпирали сводъ, стѣны были покрыты изразцами, и хотя не было ни оконъ, ни свѣчей, всю комнату наполнялъ розовый свѣтъ, точно она вся была сложена изъ прозрачнаго камня. По угламъ дымилась китайскія курильницы; на полу лежали парчевыя подушки вдоль узкаго ковра. Я вошелъ черезъ дверь, завѣшанную полоюмъ, а изъ другой двери, прямо напротивъ—появилась женщина, которую я любилъ когда-то. И до того она мнѣ показалась прекрасной, что я загорѣлся весь прежнею любовью...» (стр. 392).

Чтобы отгадать всѣ эти подчеркнутыя въ моихъ выпискахъ подробности по выраженію лица, что предполагаетъ г. Чижъ, нужно имѣть какую-нибудь исключительную способность, непонятную силу; т.-е. фактъ остается по-прежнему поразительнымъ, загадочнымъ *).

*) Здѣсь же почтенный ученый допускаетъ одну неточность, могущую ввести читателя въ заблужденіе, вредное для авторитета Тургенева, точность и вѣрность изображеній котораго доказывается самимъ г. Чижомъ. Послѣдній говоритъ, что первое движеніе младенца Валерія почувствовала въ себѣ „черезъ нѣсколько недѣль послѣ посѣщенія ихъ дома Муціемъ“ (кн. 50, стр. 773). Между тѣмъ извѣстно, что первыя движенія обыкновенно обнаруживаются около двадцатой недѣли беременности (у перворождающихъ, каквою и была Валерія,—среднимъ числомъ на 137-й день), и художникъ не даетъ никакого повода думать, что Валерія представляла въ этомъ случаѣ исключеніе. Напротивъ, обычная полнота изображеній и тщательная отдѣлка деталей небольшого по внѣшнимъ размѣрамъ разсказа говорятъ намъ, что Тургеневъ въ этомъ случаѣ имѣлъ въ виду нормальный срокъ.—Валерія являлась на свиданіе въ „бесѣдку изъ жасминовъ“ (т. VIII, стр. 396). Послѣднее выраженіе рисуетъ предъ внимательнымъ читателемъ картину жасминовыхъ кустовъ *въ цвѣту*: иначе что за смыслъ было художнику упоминать, изъ какихъ растений состояла бесѣдка? Не ботаническій же интересъ тутъ причиной! Итакъ, Валерія видѣлась съ Муціемъ *весною* (Г. Чижъ не отмѣтилъ у себя этого тонкаго художественнаго штриха, указывающаго на весьма немаловажную причину удачі стараній Муція вызвать въ Валеріи жажду ошущенія удовлетворенной любви). Трепетъ же новой, зарождающейся жизни она почувствовала „въ одинъ прекрасный осенній день“ (т. VIII, стр. 405), т.-е. чрезъ обычный для беременныхъ промежутокъ времени.

У Тургенева не разъяснено, какимъ способомъ Муція два раза привелъ Валерію въ состояніе сомнамбулизма и заставилъ явиться къ нему въ садъ на свиданіе. Если даже и согласиться съ г. Чижомъ, что гипнотическое состояніе въ формѣ искусственнаго сомнамбулизма было вызвано при первомъ свиданіи тою самою пѣснью Муція, которою послѣдній подготовлялъ внушеніе,—то и въ такомъ случаѣ остается непонятнымъ средство, пушенное въ ходъ Муціемъ съ цѣлю загипнотизировать Валерію передъ вторымъ свиданіемъ. На этотъ разъ пѣсня уже не раздавалась, такъ какъ ея не слышалъ неспавшій Фабій. Г. Чижъ прошелъ это молчаніемъ. Не слѣдуетъ ли и здѣсь видѣть со стороны Тургенева того, что обозначается въ шиллеровскомъ эпиграфѣ къ этому произведенію словомъ «traumen»?..

А если это такъ, то объясненіе, данное г. Чижомъ для перваго появленія сомнамбулизма, теряетъ силу вслѣдствіе естественнаго предположенія, что оба раза гипнозъ былъ вызванъ однимъ и тѣмъ же способомъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ является сомнѣніе въ правильности пониманія г. Чижомъ слѣдующаго момента передъ вторымъ появленіемъ гипноза: «Вмѣстѣ съ лучами луны сквозь полупрозрачныя стекла оконъ со стороны павильона—или это почудилось Фабію?—стало вливаться дуновеніе, подобное легкой, пахучей струѣ... вотъ слышится назойливое страстное шептаніе... и въ тотъ же мигъ онъ замѣтилъ, что Валерія начинаетъ шевелиться» (VIII, 398—399). Критикъ даетъ этому описанію такое толкованіе: «Повидимому, у Фабія тоже появилось ненормальное нервное состояніе—ему стало чудиться» (769 стр.). Но такъ ли представлялъ себѣ это самъ художникъ? И не слѣдуетъ ли и здѣсь видѣть только «мечту», которой Тургеневъ отвелъ въ повѣсти больше мѣста, чѣмъ то дозволяютъ извѣстные наукѣ законы?

Разбирая «*Странную исторію*» Тургенева, въ которой изображенъ также случай гипнотизированія, но уже въ иномъ родѣ, г. Чижъ доказываетъ, что рассказчику было внушено довѣріе къ гипнотизеру. Дѣло въ томъ, что «какъ для гипноза, такъ и для внушенія необходимо довѣріе» (стр. 758).

Между тѣмъ въ рассказѣ Тургенева это необходимое, по словамъ г. Чижа, условіе гипноза, несомнѣнно, не принято въ расчетъ художникомъ. Вотъ какъ рассказчикъ думаетъ, условившись съ матерью гипнотизера относительно сеанса: «Я не сомнѣ-

вался въ томъ, что меня собирались *одурачить*, но какимъ образомъ? вотъ что возбуждало мое любопытство». (т. VII, стр. 295). Напрасно прождавъ гипнотизера три четверти часа въ пустой, тускло освѣщенной комнатѣ, онъ еще разъ, передъ самымъ появленіемъ его, указываетъ на свое отношеніе къ ожидаемому факту: «Этакимъ образомъ *быть одураченнымъ* не входило въ мои расчеты» (стр. 296).

Съ цѣлью увѣрить читателя въ томъ, что у рассказчика все же было требуемое довѣріе, г. Чижъ утверждаетъ, что оба лица, сообщившія автору о гипнотизерѣ, внушали довѣріе: лакей въ гостинницѣ былъ человекъ будто бы *наивный* (стр. 779), а старуха, мать гипнотизера, — *простодушна* (стр. 888). Однако всякій, кто пожелалъ бы убѣдиться въ справедливости такой характеристики и съ этой цѣлью прочелъ рассказъ Тургенева, найдетъ, что эти лица представлялись рассказчику въ совершенно противоположномъ свѣтѣ.

Стараясь во что бы то ни стало доказать, что гипнозъ удался только въ силу довѣрія, почтенный психіатръ, съ другой стороны, ослабляетъ дѣйствіе лишнихъ, съ его точки зрѣнія, факторовъ, указанныхъ однако у Тургенева: «Хотя *ни въ обстановкѣ* (говорить критикъ), *ни въ наружности и пріемахъ гипнотизера* ничего не было импонирующаго, онъ испытывалъ страхъ, сразу подчинился гипнотизеру» (стр. 781).

Но стоить только прочесть полторы страницы у Тургенева (стр. 296—297), чтобы убѣдиться въ обратномъ. Вечеръ, совершенно пустая, довольно просторная комната, едва освѣщаемая сальной свѣчкой, загадочная тишина и таинственность — вся эта обстановка была настолько необычна, что у рассказчика «сердце билось». Непримѣтное появленіе страннаго и по виду, и по своимъ дѣйствіямъ субъекта тоже произвело въ авторѣ «нѣчто вродѣ страха».

Въ работѣ г. Чижа есть еще весьма неудачное мѣсто. Подробный разборъ повѣстей «Клара и Миличъ» и «Пѣснь торжествующей любви» заканчивается коротенькой главой, въ которой критикъ пытается дать общую оцѣнку этимъ произведеніямъ и изображеннымъ здѣсь психическимъ явленіямъ.

Одна изъ причинъ слабости этой главы заключается въ томъ, что г. Чижъ играетъ здѣсь словами «необыкновенный» и «ненормальный». Уже раньше онъ допустилъ, какъ бы мимоходомъ,

смѣшеніе понятій, относящихся къ этой области фактовъ, сказавъ, что «нормальныя, то-есть обыкновенныя женщины такъ не влюбляются» (стр. 722). Теперь онъ снова повторяетъ: «Обыкновенные люди нормальны» и вслѣдъ затѣмъ, какъ выводъ, употребляетъ выраженіе: «жизнь *необыкновенныхъ, то-есть ненормальныхъ*, людей». Отожествленіе этихъ понятій, являющееся часто, къ сожалѣнію, достояніемъ слитнаго сознанія стадной толпы, способно, получивъ санкцію отъ почтеннаго представителя науки, произвести въ широкой публикѣ еще большую путаницу представленийъ.

Г. Чижъ въ этой же главѣ констатируетъ, что «идеальное здоровье души и тѣла далеко не заурядное явленіе» (стр. 777). Итакъ, выходитъ, что вполне здоровыя физически и психически лица—люди ненормальные (т.-е., по обычному употребленія этого слова у г. Чижа, больные). Съ другой стороны, онъ же самъ раньше замѣтилъ: «Вырождающихся много, даже очень много, мы даже приблизительно не знаемъ, какой процентъ населенія они составляютъ» (стр. 719, 720). Оказывается, слѣдовательно, что вырожденіе, будучи обычнымъ, должно признаваться явленіемъ нормальнымъ, между тѣмъ какъ вырождающіеся трактуются уважаемымъ психіатромъ, какъ и слѣдуетъ, за людей больныхъ, ненормальныхъ. Вотъ къ какимъ непримиримымъ логическимъ противорѣчіямъ приводитъ г. Чижа ненаучное сліяніе понятій, въ логическомъ объемѣ которыхъ только нѣкоторые пункты представляются совпадающими.

Теперь посмотримъ, къ какимъ же положеніямъ подводитъ читателя г. Чижъ съ помощью такого жонглированія терминами: «ненормальные люди, говоритъ онъ, заслуживаютъ вниманія поэта; въ ихъ жизни много необыкновеннаго, великаго, страстнаго, поэтическаго; *только они* могутъ любить любовью болѣе сильной, чѣмъ смерть; *только въ ихъ* пѣсняхъ звучитъ торжествующая любовь; они способны и на всякіе *подвиги*, и на всякія преступленія» (стр. 774).

Сколько въ этихъ немногихъ строкахъ логической и фактической сумятицы!—Прежде всего, ничего «великаго», никакихъ «подвиговъ» не совершаютъ больные герои, выведенные Тургеневымъ въ этихъ двухъ повѣстяхъ. Далѣе, неужели г. Чижъ серьезно думаетъ, что только ненормальные, больные люди могутъ любить дорогихъ лицъ послѣ ихъ смерти? Напомню изъ

того же Тургенева лишь заключительный аккордъ «Отцовъ и дѣтей» — эти безсмертныя строки, дышашія всепримиряющей, непобѣдимой силой привязанности, этотъ апогеозъ любви.—Того же, что въ пѣсняхъ нормальныхъ людей не слышится будто бы торжествующей любви, нѣтъ нужды и опровергать, такъ какъ Муцій, поющій такую пѣснь, принадлежитъ къ нормальнымъ людямъ,—и г. Чижъ не обмолвился по этому пункту ни однимъ словомъ.

Другая слабая сторона этой главы заключается, какъ это видно отчасти уже изъ цитированныхъ мѣстъ, въ неумѣренномъ превознесеніи людей ненормальныхъ; хотя послѣднее и дѣлаетъ честь сердцу г. Чижа, близко стоящаго по своей специальности къ этимъ больнымъ. Онъ говоритъ: «если мы сравнимъ это хотя и трагическое, но банальное, закулисное происшествіе (послужившее сюжетомъ для повѣсти Тургенева) съ рассказомъ Тургенева, дѣйствительную Клару съ Кларой Тургенева,—мы должны будемъ согласиться, что поэтическая, чистая любовь не по плечу обыкновеннымъ людямъ, что Тургеневъ постигъ тайны поэтического, надѣливъ Аратова и Клару психопатической конституціей» (776 стр.). Только сочувствіемъ къ обездоленнымъ я могу объяснить какъ индуктивное *Salto mortale* отъ дѣйствительной Клары ко *всѣмъ* нормальнымъ людямъ, такъ и странную забывчивость, проявившуюся въ томъ, что *чистой* любовью г. Чижъ надѣляетъ теперь лицо, которое раньше охарактеризовано имъ такъ: «Половая жизнь ея, какъ почти у всѣхъ вырождающихся, была ненормальна; она такъ же, какъ и Аратовъ, избѣгала мужчинъ, но раздражала свою фантазію. Въ ней не было женственности; ея поступокъ съ женихомъ даетъ право предполагать о значительномъ извращеніи ея полового чувства; она хотѣла «взять» того, кого она полюбитъ» (стр. 723).

А что значать эти строки, сказанныя вслѣдъ за выписаннымъ мною восторженнымъ отзывомъ о чистой любви у психопатовъ? «Ненормальные, вырождающіеся невропаты пробиваются для нормальной массы *новые пути*, потому что обладаютъ таинственными непонятными намъ силами» (стр. 776). На сколько я могу понять это мѣсто само по себѣ и въ связи съ контекстомъ, я прихожу къ выводу, что г. Чижъ совѣтуетъ здоровымъ людямъ идти слѣдомъ за психопатами!

Будучи столь высокаго мнѣнія о настроеніяхъ психопатовъ,

г. Чижъ думаетъ, что и Тургеневъ въ «Пѣсни торжествующей любви» окружилъ животное чувство любовной страсти поэтическимъ ореоломъ *) и что онъ старался вызвать въ читательѣ участіе къ Муцію. Уже это одно должно было помѣшать критику понять идею этой прекрасной пьесы не состарившагося художника-старика. Конечно, всякій знакъ многозначенъ, какъ выразился о поэтическихъ образахъ Потембня, и потому художественныя произведенія допускаютъ различныя толкованія. Однако въ этихъ истолкованіяхъ должно быть соблюдено одно условіе: отвлеченное пониманіе образа не можетъ противорѣчить его сущности.

Такъ какъ критика мало до сихъ поръ вникала въ «Пѣснь торжествующей любви» и не пыталась указать ея идею, то я, заканчивая свою статью, считаю нелишнимъ предложить свое пониманіе этой повѣсти взамѣнъ толкованія г. Чижа. Тургеневъ этой повѣстью сказалъ, что предъ поэзіей, въ которую въ инныя мгновенія облачается для сознанія животная страсть любви, нерѣдко оказываются бессильны и разумъ, и нравственное чувство, что чары похоти бываютъ всемогущи (какъ, на примѣръ, надъ Валеріей). Такимъ образомъ, воспроизводя гипнозъ, художникъ-реалистъ вложилъ въ свое произведеніе идею огромной обобщающей силы—мысль объ усыпляющемъ, гипнотическомъ вліяніи на высшіе элементы сознанія низменной страсти, способной во время своихъ приступовъ окрашивать дѣйствительность волшебнымъ свѣтомъ, скрадывающимъ истинный смыслъ поступковъ **).

*) Г. Чижъ утверждаетъ это, быть можетъ, потому, что онъ довѣрился мнѣнію авторитетнаго публициста г. Михайловскаго, который произнесъ свой, не въ мѣру строгій судъ, надъ этимъ произведеніемъ почти 20 лѣтъ тому назадъ, вслѣдъ за появленіемъ его въ печати. Но нужно имѣть въ виду, что г. Михайловскій не могъ оцѣнить этой повѣсти вслѣдствіе того, что посмотрѣлъ на нее съ точки зрѣнія проповѣди гражданскихъ идей, забывая, какъ и всегда, что созданіе творческаго духа можетъ быть высоко и поучительно помимо всякой тенденціозности и моднаго настроенія, что его великая сила (какъ и научнаго открытія) можетъ заключаться просто-напросто въ раскрытіи истинной сущности жизненныхъ явленій.

**) Г. Михайловскій шлетъ по адресу Тургенева за „Пѣснь торжествующей любви“ слѣдующее обвиненіе: „Разскажите этотъ самый анекдотъ во всей его нагой правдѣ, безъ всѣхъ этихъ скрипокъ, нѣмыхъ малайцевъ, змѣй и яшмовыхъ чашечекъ, и если ваши слушатели не скажутъ, что это—мерзость, такъ только потому, что это слишкомъ ужъ вульгарная, пріѣвшаяся исторія. А въ фантастической рамкѣ, совершаясь подъ звуки какой-то необыкновенной му-

Ту же мысль высказалъ Тургеневъ и въ «Фаустѣ»; однако здѣсь въ формы, не въ такой уже мѣрѣ способныя вбирать въ себя явленія жизни, влито меньше и свѣта разума. 26-лѣтній періодъ, раздѣляющій «Фауста» и «Пѣснь торжествующей любви», не прошелъ для идеи бесплодно. Поэтъ на краю могилы выказалъ несокрушимую живучесть своего творческаго таланта какъ въ чарующей прелести картинъ, такъ и въ способности проникнуть въ сокровенныя нѣдра душевной жизни.

Эта благодарная и весьма популярная тема воплощена въ живые образы и Л. Толстымъ въ 13—17 главахъ первой части «Воскресенія»; но здѣсь она представлена съ иными аксесуарами (Нехлюдовъ и Катюша дѣйствительно любятъ другъ друга)—въ видѣ «сумасшествія эгоизма», что неизмѣримо суживаетъ смыслъ идеи. Возьмите вы «Катерину» Шевченка, вещь тоже весьма сильную,—однако какъ далеко до глубины замысла повѣсти Тургенева!

Имя великаго русскаго художника, авторитетъ ученаго психіатра и репутація органа, гдѣ появилась работа,—все это вмѣстѣ взятое даетъ мнѣ право думать, что мои обстоятельно мотивированныя замѣчанія будутъ излишни.

А. П. Флѣровъ.

зыки, и вообще, въ обстановкѣ мечты, идеала, Traum'a, анекдотъ получаетъ, повидимому, совсѣмъ другой характеръ. Но это только повидимому, а на дѣлѣ ничего, кромѣ низменныхъ инстинктовъ, анекдотъ не затрагиваетъ". („Соч. Н. К. Михайловскаго". Изд. 1897 г., т. V, стр. 535). То, что г. Михайловскій принялъ за скверный анекдотъ, является въ художественной обработкѣ Тургенева образомъ, проливающимъ свѣтъ истины на безконечное множество дѣйствительныхъ фактовъ.

Въ отвѣтъ же на старое недоумѣніе почтеннаго публициста я укажу хотя бы только на такую пользу: понявши эту повѣсть, читатель (напримѣръ, молодая дѣвушка), если онъ боится омрачить навсегда свою душу преступленіемъ (какъ вѣчное напоминаніе о грѣхѣ, Валерія имѣетъ ребенка отъ Муція), совершеннымъ въ минуту безволія, будетъ остерегаться обстановки, окутывающей сознаніе поэзіей недозволенной страсти.

Критика и бібліографія.

L'année psychologique, publiée par *A. Binet* avec collaboration de *H. Beaunis* et *Th. Ribot*. Secrétaire de la Rédaction *Victor Henri* 5-ème année. Paris, 1899.

Пятый выпускъ «Психологическаго Ежегодника», отличаясь довольно разнообразнымъ содержаніемъ, состоитъ, подобно предшествующимъ, изъ трехъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ посвященъ оригинальнымъ трудамъ, въ числѣ которыхъ одно изъ видныхъ мѣстъ занимаютъ такъ называемые «общіе обзоры» (*revues générales*); второй заключаетъ въ себѣ рецензіи (преимущественно изложеніе содержанія) нѣсколькихъ сочиненій по психологіи и смежнымъ съ нею наукамъ, вышедшихъ въ 1897—8 гг., и, наконецъ, третій представляетъ собою подробный бібліографическій перечень многочисленныхъ произведеній (книгъ и журнальныхъ статей) по названнымъ дисциплинамъ за указанное же время.

Что касается перваго отдѣла, то, благодаря разнообразію его содержанія, трудно дать точную классификацію заключающихся тамъ работъ. Для удобства обозрѣнія мы все-таки можемъ распределить всѣ оригинальные труды на три части. Въ первую войдутъ работы общепсихологическаго характера или посвященнаго вопросамъ теоретической психологіи; вторая будетъ заключать въ себѣ труды, обсуждающіе проблемы такъ называемой индивидуальной психологіи и педологіи, т.-е. науки о природѣ дитяти въ широкомъ смыслѣ слова, и, наконецъ, послѣдняя, находясь въ извѣстномъ отношеніи къ обѣимъ первымъ, имѣетъ своимъ предметомъ, главнымъ образомъ, методологію указанныхъ отраслей знанія, представляя собою обзоръ различныхъ методовъ и инструментовъ для психофизиологическаго изслѣдованія.

Въ числѣ работъ по общепсихологическимъ вопросамъ на первомъ мѣстѣ нужно упомянуть статью В. Анри «Общій обзоръ о мускульномъ чувствѣ» (*Revue générale sur le sens musculaire*). Въ настоящее время вопросъ о мускульномъ чувствѣ уже не волнуетъ ученыхъ психологовъ такъ, какъ это было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, но въ виду нѣкоторыхъ новыхъ изслѣдованій полезно, по мнѣнію автора, дать обзоръ всего, что было сдѣлано по этому предмету до настоящаго времени. Это длинное (160 стр.) обзорѣніе авторъ дѣлаетъ съ добросовѣстностью истиннаго ученаго. Опредѣляя содержаніе мускульнаго чувства, какъ комплексъ ощущеній, которыя сообщаютъ намъ о состояніи нашихъ двигательныхъ органовъ, авторъ подраздѣляетъ свою работу на двѣ главныя части: въ первой онъ говоритъ объ ощущеніяхъ при покойномъ состояніи двигательныхъ органовъ, во второй—объ ощущеніяхъ этихъ же органовъ во время движенія. Въ краткой рецензіи нѣтъ возможности передавать всѣхъ результатовъ научнаго изслѣдованія въ этой области, и мы только замѣтимъ, что, благодаря полнотѣ обзорѣнія, эта работа имѣетъ большое значеніе для всѣхъ интересующихся вопросомъ о мускульномъ чувствѣ. Цѣнность ея увеличивается библиографическимъ приложеніемъ, гдѣ не только приводится вся важнѣйшая литература вопроса (391 работа), но по отношенію ко многимъ сочиненіямъ даются краткія, но содержательныя характеристики.— На ряду съ работой Анри можно упомянуть статью Joteuko — «Общій обзоръ о мускульномъ утомленіи». Авторъ съ особенною подробностью останавливается на разнообразныхъ способахъ опредѣленія мускульной усталости, много говоритъ о вліяніи различныхъ физическихъ и химическихъ агентовъ на происхожденіе утомленія и сопровождаетъ свою работу довольно подробнымъ указателемъ соотвѣтствующей литературы.— Изъ другихъ работъ, имѣющихъ своимъ предметомъ чисто психологическіе вопросы, нужно отмѣтить ст. Клявьера (*Clavière*) «О цвѣтномъ слухѣ» и Zwaardemaker'a «Объ обонятельныхъ ощущеніяхъ». Въ первой статьѣ авторъ приводитъ различныя формы любопытнаго явленія, обозначаемаго именемъ «цвѣтнаго слуха», отмѣчаетъ преобладаніе этой интересной особенности у нѣкоторыхъ представителей декадентской поэзіи и, наконецъ, въ самыхъ краткихъ чертахъ указываетъ теоріи, предложенныя для объясненія анализируемаго явленія. Онъ совсѣмъ не дѣ-

лаетъ оцѣнки этихъ теорій, отлагая это до другого времени, когда будутъ закончены его собственныя наблюденія. Значеніе работы увеличивается благодаря библиографическому указателю, гдѣ приводится и одна русская, къ сожалѣнію, доселѣ не оконченная работа о цвѣтномъ слухѣ. Авторъ слѣдующей статьи (объ ощущеніяхъ обонянія), прежде всего подчеркиваетъ большое значеніе чувства обонянія въ нашей душевной жизни, что такъ рѣдко отмѣчается, по его словамъ, другими изслѣдователями. «Мы живемъ,—говоритъ онъ,—въ мірѣ запаловъ такъ же, какъ и въ мірѣ звуковъ и цвѣтовъ. Но чувство обонянія не доставляетъ намъ раздѣльныхъ идей, которыя могли бы группироваться въ опредѣленномъ порядкѣ и тѣмъ самымъ закрѣплялись бы въ нашей памяти. Зато обонятельныя ощущенія пробуждаютъ въ насъ неясныя представленія, которыя нерѣдко сопровождаются очень сильною эмоціей». Въ остальной части своей работы авторъ приводитъ краткія историческія замѣчанія по вопросу объ изученіи обонятельныхъ ощущеній и, главнымъ образомъ, останавливается на методологіи изслѣдованія, подробно описывая различные ольфактометрическіе приборы. Излагать эту часть его работы въ краткой библиографической замѣткѣ очень затруднительно, а между тѣмъ для серьезно интересующихся затронутымъ вопросомъ она представляетъ много любопытнаго.—Наконецъ, къ статьямъ общепсихологическаго же характера относятся еще двѣ небольшія работы—Бурдона, рѣшающаго вопросъ: «уменьшаются ли для чувства зрѣнія предметы, когда они поднимаются надъ горизонтомъ», и Клапареда «О воспріятіи тѣлесности (посредствомъ осязанія) и о нечувствительности къ воспріятіямъ формы» (*Perception stéréognostique et stereo-agnosie*). Бурдонъ, провѣряя опыты Stroobant'a, приходитъ къ заключенію, одинаковому какъ по отношенію къ монокулярному, такъ и бинокулярному воспріятію,—что предметъ, поднимаясь надъ горизонтомъ до 45° , не измѣняется въ своей величинѣ для нашихъ зрительныхъ впечатлѣній (поводомъ къ этого рода изслѣдованіямъ послужила извѣстная иллюзія, что солнце, луна и другія небесныя тѣла уменьшаются въ своемъ размѣрѣ по размѣру возвышенія надъ горизонтомъ). По мнѣнію Клапареда, есть только «стереогностическая перцепція», но нѣтъ «стереогностическаго чувства». Чтобы доказать существованіе такого чувства, нужно найти больного, который былъ бы въ состояніи узнать

предметъ, находящійся въ его рукѣ, хотя въ то же время былъ бы абсолютно лишенъ чувствительности какъ осязательной, такъ и мускульной. Но такого случая еще не встрѣчали и, вѣроятно, никогда не встрѣтятъ. Воспріятіе тѣлесности обусловлено общою чувствительностью. Авторъ подробно останавливается на патологическихъ случаяхъ при воспріятіи тѣлесности, которые онъ объединяетъ однимъ названіемъ «стереоагнозія» (рѣчь идетъ о больныхъ, которые, будучи одарены сравнительно хорошою периферическою чувствительностью, не способны опредѣлить форму предмета путемъ одного осязанія). Этотъ недостатокъ, по мнѣнію автора, нужно отличать отъ родственнаго ему, такъ называемой тактильной асимболии (*asymbolie tactile*), когда больной, не затрудняясь, при помощи одного осязанія, опредѣленіемъ формы, не въ состояніи узнать самый предметъ.

Изъ работъ второй части, заключающей въ себѣ изслѣдованія изъ области индивидуальной психологіи и педологіи, обращаютъ на себя вниманіе статьи — Бинэ «О внушаемости съ точки зрѣнія индивидуальной психологіи» и Блюма «Педологія». Бинэ понимаетъ терминъ «внушеніе» въ самомъ широкомъ смыслѣ: это не вліяніе одного лица на другое во время гипноза или въ нѣсколько аналогичномъ ему состояніи, которое именуется внушеніемъ на-яву (*à l'état de veille*),—Бинэ разумѣетъ внушеніе въ состояніи вполне нормальномъ или, какъ онъ выражается, внушеніе въ жизни. Такимъ образомъ, внушаемость въ смыслѣ Бинэ можно отождествить съ вѣрою въ авторитетъ въ широкомъ смыслѣ слова. Для удобства обзорѣнія подлежащихъ изслѣдованію фактовъ авторъ устанавливаетъ такую классификацію различныхъ видовъ внушаемости: 1) внушаемость въ собственномъ смыслѣ или полное довѣріе и послушаніе; 2) напряженное ожиданіе и отсюда ошибки воображенія; 3) тенденція къ движеніямъ подсознательнымъ (автоматическое письмо, практика спиритизма и т. п.); 4) отсутствіе критическаго элемента и расположеніе къ рутинѣ; 5) автоматическая жизнь въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. Бинэ подробно анализируетъ каждый видъ внушаемости, не только приводя довольно разнообразную литературу по каждому отдѣлу, но и постоянно ссылаясь на свои собственные наблюденія. Въмѣстѣ съ этимъ онъ нерѣдко указываетъ специально имъ придуманные методы изученія анализируемаго явленія, встрѣтившіе полное сочувствіе у другихъ изслѣдователей. Мы

не имѣемъ возможности приводить всѣхъ результатовъ этихъ изслѣдованій и только замѣтимъ, что всѣ изслѣдователи констатируютъ уменьшеніе внушаемости съ возрастомъ. Едва ли нужно добавлять, что всѣ такія работы имѣютъ большое значеніе какъ въ обще-научномъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ: расширяя область индивидуальной психологіи, онѣ даютъ возможность съ гораздо большею сознательностью пользоваться такимъ могущественнымъ факторомъ воспитанія, какъ авторитетъ.—Блюмъ въ своей статьѣ («Педологія: идея, слово, дѣло») привѣтствуетъ зарожденіе новой науки-педологіи, имѣющей свою цѣль изученіе всей природы дитяти. Его характеристика молодой науки не отличается надлежащей полнотой: онъ слишкомъ кратко говоритъ о современномъ положеніи этой новой научной дисциплины въ различныхъ государствахъ Европы и Америки. Выражая полное сочувствіе нарождающейся отрасли знанія, Блюмъ совершенно справедливо предостерегаетъ отъ тѣхъ ошибокъ, къ которымъ могутъ повести слишкомъ поспѣшные выводы нѣкоторыхъ изслѣдователей различныхъ сторонъ дѣтской жизни. Съ этою цѣлю онъ особенно подробно останавливается на работахъ Витали и Бинэ и, отмѣчая истинныя заслуги этихъ ученыхъ на поприщѣ педологіи, указываетъ и нѣкоторые недостатки ихъ отдѣльныхъ изслѣдованій (Бинэ отвѣчаетъ Блюму въ замѣткѣ, помѣщенной рядомъ съ этой работой).

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о послѣдней части перваго отдѣла, въ которой трактуются исключительно вопросы методологіи. Сюда относится краткая замѣтка В. Анри «О теоріи вѣроятности въ примѣненіи къ нѣкоторымъ вопросамъ психологіи», здѣсь же можно упомянуть о двухъ небольшихъ статьяхъ Ляргье, «Объ объемѣ руки въ связи съ мускульною силою, измѣряемою при помощи динамометра» и «Опытъ сравненія различныхъ методовъ для опредѣленія умственного утомленія». Другія работы подобнаго же рода представляютъ собою преимущественно описаніе различныхъ инструментовъ, имѣющихъ отношеніе къ различнымъ областямъ психо-физиологическаго изслѣдованія. Таковы ст. Marage'a «Фонографъ и изученіе гласныхъ», Demeny—«Хронофотографическіе аппараты», «Обозрѣніе различныхъ аппаратовъ» Druault, Tschering, Delage, Marbe, Obersteiner, Biervliet. Наконецъ, къ этому же разряду можно отнести двѣ довольно большія статьи—Мануврье «Измѣреніе черепа въ антро-

пологическихъ цѣляхъ» и Marage'a «Историческій очеркъ изслѣваній о взаимоотношеніи между умственнымъ развитіемъ — съ одной стороны и размѣромъ и формою черепа—съ другой». Болѣе интересна послѣдняя работа. Авторъ резюмируетъ свои выводы въ слѣдующихъ положеніяхъ. Извѣстное отношеніе между умственнымъ развитіемъ и объемомъ головы, насколько послѣдній можетъ быть опредѣленъ путемъ прижизненнаго измѣренія, есть фактъ, засвидѣтельствованный всѣми изслѣдователями. Но это отношеніе было установлено только путемъ среднихъ цифръ, т.-е. при помощи сравненія группъ болѣе интеллигентныхъ субъектовъ съ группами менѣе интеллигентныхъ. Отсюда никакъ нельзя дѣлать заключенія, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ объемъ черепа долженъ быть прямо пропорціоналенъ силѣ умственнаго развитія. Повидимому, въ извѣстномъ соотношеніи съ степенью умственнаго развитія находится и форма черепа, такъ какъ у болѣе интеллигентныхъ лицъ наблюдается особенное развитіе передней части черепа; но изъ этого обстоятельства, по мнѣнію автора, трудно дѣлать выводы о болѣе частныхъ отношеніяхъ между строеніемъ головы и развитіемъ соответствующихъ частей мозга.

Второй отдѣлъ «Психологическаго Ежегодника» заключаетъ въ себѣ рецензіи нѣсколькихъ десятковъ сочиненій по разнымъ отраслямъ психологіи. Большинство этихъ произведеній касается анализа основного элемента душевной жизни—ощущеній. Въ числѣ анализируемыхъ работъ есть одна русская (д-ра Игнатьева «О вліяніи экзаменовъ на здоровье учащихся»), о которой съ большою похвалою отзывается рецензентъ. — Послѣдній отдѣлъ содержитъ библиографическій указатель болѣе 2500 сочиненій и статей по вопросамъ психологіи въ широкомъ смыслѣ, появившихся за истекшій (1897—8 г.) на разныхъ языкахъ міра. Распространяться о цѣнности этого указателя для всѣхъ интересующихся соответствующими областями знанія нѣтъ никакой необходимости.

Н. Виноградовъ.

Владиміръ Соловьевъ. *Три разговора о войнѣ, профессъ и концъ всемірной исторіи, со включеніемъ краткой повѣсти объ Антихристѣ и съ приложеніями.* С.-Петербургъ, 1900 г. (Цѣна 1 р. 50 к.).

«Есть ли зло только естественный недостатокъ, несовершенство, само собою исчезающее съ ростомъ добра, или оно дѣйствитель-

ная сила, посредствомъ соблазновъ *владыющая* нашимъ міромъ, такъ что для успѣшной борьбы съ нею нужно имѣть точку опоры въ иномъ порядкѣ бытія?» Обсужденію этого вопроса В. С. Соловьевъ намѣренъ посвятить метафизическое изслѣдованіе, начатое на страницахъ нашего журнала. Въ настоящей книжкѣ онъ задается цѣлью «освѣтить нагляднымъ и общедоступнымъ образомъ тѣ главныя стороны въ вопросѣ о злѣ, которыя должны затрогивать всякаго». Форма случайнаго свѣтскаго разговора, въ которую авторъ облакаетъ свою мысль, показываетъ, что мы не имѣемъ дѣла съ научно-философскимъ изслѣдованіемъ; тѣмъ не менѣе авторъ преслѣдуетъ очень серьезную полемическую и апологетическую цѣль. Вопросы, затронутые имъ, дѣйствительно касаются всѣхъ и обсуждаются не въ однихъ книгахъ и не одними философиями, а повсюду и въ свѣтскихъ разговорахъ, вслѣдствіе чего разборъ модныхъ, ходячихъ мнѣній по этимъ вопросамъ въ формѣ свѣтскаго разговора представляется какъ нельзя болѣе уместнымъ.

«Много лѣтъ тому назадъ, — пишетъ В. С. Соловьевъ, — прочелъ я извѣстіе о новой религіи, возникшей гдѣ-то въ восточныхъ губерніяхъ. Эта религія, послѣдователи которой назывались *вертидырниками* или *дыромолаями*, состояла въ томъ, что, просверливъ въ какомъ-нибудь темномъ углу въ стѣнѣ избы дыру средней величины, эти люди прикладывали къ ней губы и много разъ настойчиво повторяли: *изба моя, дыра моя, спаси меня!* Никогда еще, кажется, предметъ богопочитанія не достигалъ такой крайней степени упрощенія. Но если обоготвореніе обыкновенной крестьянской избы и простого, человѣческими руками сдѣланнаго отверстия въ ея стѣнѣ есть явное заблужденіе, то должно сказать, что это заблужденіе правдивое: эти люди дико безумствовали, но никого не вводили въ обманъ; про избу они такъ и говорили *изба*, а мѣсто, просверленное въ ея стѣнѣ, справедливо называли *дырой*.

«Но религія дыромолаяевъ скоро испытала «эволюцію» и подверглась «трансформации». И въ новомъ своемъ видѣ она сохранила прежнюю слабость религіозной мысли и узость философскихъ интересовъ, прежній приземистый реализмъ, но утратила прежнюю правдивость: своя *изба* получила теперь названіе «царства Божія на *земль*», а дыра стала называться «новымъ евангеліемъ», и что всего хуже, различіе между этимъ мнимымъ евангеліемъ

и настоящимъ совершенно такое же, какъ между просверленною въ бревнѣ дырою и живымъ и цѣлымъ деревомъ—это различіе новые евангелисты всячески старались замолчать и заговорить».

В. С. Соловьевъ указываетъ, что проповѣдники мнимаго евангелія не имѣютъ извиненія въ цензурныхъ стѣсненіяхъ: они не пользуются ни свободой молчанія у себя дома, ни свободой слова въ своихъ граничныхъ изданіяхъ. «И здѣсь, и тамъ они предпочитаютъ наружно примыкать къ Христову евангелію; и здѣсь, и тамъ они не хотятъ ни прямо-рѣшительнымъ словомъ, ни косвенно-краснорѣчивымъ умолчаніемъ правдиво показать свое настоящее отношеніе къ Основателю христіанства; именно, что Онъ имъ совсѣмъ чуждъ, ни на что не нуженъ и составляетъ для нихъ только помѣху» (XII). Нашъ философъ рекомендуетъ этимъ мнимымъ христіанамъ замѣнить «галилейскаго раввина» отшельникомъ изъ рода Такіевъ, т.-е. Буддой, который возвѣщалъ все, что имъ нужно—пустоту, непротивленіе, недѣланіе, трезвость и т. д.; при этомъ они выиграли бы и въ искренности, и въ послѣдовательности и не были бы вынуждены на каждомъ шагу разрывать связь отдѣльныхъ изреченій писанія съ ближайшимъ контекстомъ и съ цѣлой книгой, которая наполнена и насквозь проникнута чуждымъ имъ положительнымъ духовнымъ содержаніемъ, отрицающимъ и деревню и новую пустоту (XIII).

Трудно передать весь блескъ, все остроуміе уничтожающей, бичующей полемики нашего философа. Но съ полемической задачей его діалоговъ связывается и положительная: онъ задается цѣлью представить вопросъ о борьбѣ противъ зла и о смыслѣ исторіи съ трехъ различныхъ точекъ зрѣнія, «изъ которыхъ одна, религіозно-бытовая, принадлежащая прошедшему, выступаетъ особенно въ первомъ разговорѣ въ рѣчахъ *генерала*; другая, культурно-прогрессивная, господствующая въ настоящее время, высказывается и защищается *политикомъ* особенно во второмъ разговорѣ, и третья, безусловно-религіозная, которой еще предстоитъ проявить свое рѣшающее значеніе въ будущемъ, указана въ третьемъ разговорѣ». Хотя самъ авторъ и стоитъ на этой послѣдней точкѣ зрѣнія, но признаетъ, что передъ свѣтомъ высшей истины правы и генераль, и дипломатъ съ ихъ орудіями борьбы противъ зла, и потому совершенно искренно становится на точку зрѣнія и того, и другого. Каждый изъ собесѣдниковъ, генераль, политикъ, дама, князь (толстовецъ) суть живыя лица,

и отдѣльныя мѣста въ діалогахъ, напр., рассказъ генерала въ первомъ разговорѣ, или рассказъ объ отцѣ Варсонофіи во второмъ отличаются истиннымъ художествомъ.

Книжка В. С. Соловьева несомнѣнно будетъ имѣть самое широкое распространеніе, котораго мы ей отъ души желаемъ. «Приложенія», помѣщенные въ концѣ, заключаютъ рядъ статей, напечатанныхъ въ газетѣ «Русь» въ 1848 и 1849 гг. Нѣкоторыя изъ этихъ статей, по справедливому замѣчанію самого автора, принадлежатъ къ наиболѣе удачному, что когда-либо было имъ написано.

Въ заключеніе нѣсколько словъ по поводу «краткой повѣсти объ Антихристѣ». Эта повѣсть, публично прочитанная авторомъ въ Петербургѣ на первой недѣлѣ великаго поста, вызвала недоумѣніе со стороны публики и градъ дешевыхъ остротъ со стороны гг. фельетонистовъ. Одна петербургская газета напечатала даже объявленіе: «требуется здоровенная кормилица къ новорожденному Антихристу. Безъ рекомендацій съ Лысой горы не являться». Не нашлось ни одного критика, который попытался бы разобраться въ этой повѣсти, написанной по образцу тѣхъ философскихъ миѳовъ, какими Платонъ заключаетъ многіе свои діалоги. Прочитай нашъ философъ самую банальнѣйшую пошлость, какія обыкновенно говорятся о грядущемъ прогрессѣ на публичныхъ лекціяхъ, онъ пожалъ бы тотъ дешевый успѣхъ, какой обыкновенно выпадаетъ на долю популярныхъ лекторовъ, пользующихся извѣстностью. Тѣ самые фельетонисты, которые искали кормилицъ для его Антихриста, носились бы съ этой пошлостью, разбавляли бы ее своею и возвѣщали бы ее какъ новое слово. В. С. Соловьевъ пишетъ, что онъ хотѣлъ кончить свои разговоры о злѣ указаніемъ на послѣднее и крайнее проявленіе его въ исторіи; если онъ видитъ смыслъ исторіи въ христіанствѣ, то «послѣднее и крайнее проявленіе зла» послѣдовательно рисуется ему въ чертахъ Антихриста,—какъ ни дискредитированъ этотъ массивный апокалиптическій образъ жуцелами стараго Замоскворѣчья, бреднями нашихъ раскольниковъ и всевозможныхъ непрошенныхъ обличителей, искавшихъ Антихриста въ самыхъ различныхъ историческихъ дѣятеляхъ отъ Никона и Наполеона до гр. Толстого или даже до министра финансовъ одного государства.. Первоначально, пишетъ В. С., повѣсть объ Антихристѣ была изложена имъ «въ той же разго-

ворной формѣ, какъ и все предыдущее, и съ такою же примѣсю шутки». Но «дружеская критика» убѣдила его въ неумѣстности шутливого тона, вслѣдствіе чего онъ измѣнилъ редакцію «повѣсти». Жаль. Извѣстная доза аттической соли, заключающаяся въ мѣтахъ Платона, не умаляетъ ихъ глубокаго смысла и помогаетъ читателю яснѣе разобраться въ этомъ смыслѣ, не останавливаясь на мифологическихъ деталяхъ, которыя иначе легко превращаются въ черезчуръ реальныя бутафорскія принадлежности, какъ это случилось отчасти въ «повѣсти» нашего философа. Мы знаемъ, что съ самымъ именемъ Антихриста связанъ жупель, а тутъ, какъ на грѣхъ, является пиротехникъ Аполлоній съ его чертями и заключительный апофеозъ съ вулканическимъ изверженіемъ. Нашъ философъ требуетъ отъ своихъ критиковъ слишкомъ многого, желая чтобы они понимали столь необычныя вещи *cum grano salis*.

Онъ самъ во всякомъ случаѣ не облегчаетъ ихъ задачу. Правда, онъ замѣчаетъ въ своемъ предисловіи, что фокусамъ и фейерверку своего «всемірнаго мага» онъ серьезнаго значенія не придаетъ; однако онъ тутъ же и утверждаетъ, что текстъ Откровенія заставляетъ приписать ему «всякія продѣлки фокусническаго и колдовскаго свойства». Этого мало: ссылаясь на Откр. 13, 13, В. С. говоритъ, что намъ «достоверно извѣстно (sis), dass sein Hauptwerk ein Feuerwerk sein wird!» Вотъ достоверность особаго рода, по отношенію къ которой доля скептицизма несомнѣнно допустима. Иначе, если допускать достоверность фейерверка, то почему сомнѣваться въ «римскихъ свѣчахъ», о которыхъ рассказываетъ нашъ философъ? Что за фейерверкъ безъ римскихъ свѣчъ? «Политикъ», столь живо изображенный въ «діалогахъ», слушая про «всемірнаго мага», навѣрное сказалъ про себя—*quelles tristes utopies!*» Да и порицать его за это едва ли возможно: христіанство обязываетъ насъ вѣрить очень многому; но вѣра въ грядущую пиротехнику не составляетъ необходимаго условія христіанскаго спасенія.

Въ апокалиптическихъ текстахъ писанія встрѣчаются иногда характерныя выраженія: «здѣсь премудрость» (т. - е. скрытый смыслъ, иносказаніе, напр., въ той же 13 гл. Откр.), или «читающій да разумѣетъ». Эти слова обращены не къ фантазії, а къ мыслящему разуму и надо полагать, что добросовѣстное усиліе разума въ наше время не исключаетъ научнаго историческаго

метода, метода современнаго критическаго изученія писанія. Во всякомъ случаѣ въ двадцатомъ вѣкѣ способы «разумнія» были иные, чѣмъ въ первомъ. Тогда самая мысль о возможности не то что двадцатаго, а даже втораго вѣка показалась бы ересью, ибо «конецъ» ожидался съ часу на часъ; знаменія конца видѣли въ настоящемъ, и это настоящее было реально, хотя и изображалось въ апокалиптическихъ образахъ; никто не помышлялъ о томъ, что случится «черезъ два или три вѣка» (XVIII), какъ это дѣлаетъ нашъ философъ. Уже это большая разница. В. С. согласится, что эсхатологія отца Пансофія, при всей своей фантастичности, отлична отъ эсхатологіи перваго вѣка. Почтенный монахъ знаетъ кое-что о Ницше, о Толстомъ, о государственномъ социализмѣ, о франмасонахъ и даже о послѣднихъ событіяхъ въ Китаѣ. Онъ пораженъ успѣхами электротехники, и самъ сатана говоритъ у него «вродѣ какъ изъ фонографа» (162). Его либеральный антихристъ, публицистъ и франмасонъ, артиллеристъ и филантропъ, вышелъ необыкновенно удачнымъ, но, несмотря на всѣ прикрасы стараго апокалиптическаго письма, онъ всего менѣе похожъ на классическаго антихриста въ Нероновскомъ стилѣ: *er ist ganz modern*; такого въ первомъ вѣкѣ быть еще не могло, а въ двадцать третьемъ пожалуй уже не будетъ. Во всякомъ случаѣ онъ очень хорошъ, и критики В. С. Соловьева его не достаточно оцѣнили. Но я не хочу имъ подражать и не стану останавливаться на подробностяхъ прекрасной повѣсти, многія изъ которыхъ онъ самъ признаетъ фантастическими. Я лучше отмѣчу въ ней одно мѣсто, особенно остановившее мое вниманіе и заключающее въ себѣ болѣе чѣмъ аттическую соль: я разумѣю превосходное описаніе вселенскаго собора и соединеніе церковей во дворцѣ Антихриста, гдѣ представители разныхъ исповѣданій забываютъ о Христѣ и переходятъ на сторону его противника ради того, что для нихъ всего дороже въ христіанствѣ, одни—ради папской власти въ Римѣ, другіе—ради любви къ церковной старинѣ, третьи—изъ любви къ научной протестантской теологіи. Въ заключеніе всемірный кесарь-Антихристъ лобызается съ вселенскимъ папой-лжепророкомъ, пускающимъ фейерверкъ изъ индульгенцій. Эти строки, проникнутыя глубокой, серьезной ироніей, пріобрѣтаютъ особое значеніе у автора «Философіи всемірной теократіи»...

Нн. С. Н. Трубецной.

Новыя книги и брошюры, полученныя въ редакціи.

Н. Боголюбовъ. Теизмъ и Пантеизмъ. Опытъ выясненія логическаго взаимоотношенія данныхъ системъ. Н.-Новгородъ 1899. Ст. 426. Ц. 3 руб.

Wiedza dla wszystkich organ Uniwersytetu Lidowego imienia A. Mickiewicza. Ст. 68. Львовъ.

Н. Н. Гиляровъ-Платоновъ. Сборникъ сочиненій. Т. II. Изд. К. П. Побѣдоносцева. Москва. 1900.

Годовой отчетъ о состояніи русской публичной библиотеки въ г. Юрьевѣ за 1899 г. Юрьевъ. Ст. 21.

А. I. Дукмасовъ. Вопросы права и закона. Спб. 1900. Ст. IV+205. Ц. 1 руб. 50 коп.

Лунный свѣтъ Санкья—истины. Въ переводѣ съ санскр., съ вступительной статьей и примѣчаніями др. Р. Гарбе.

Русскій переводъ и предисловіе Н. И. Герасимова. Ст. 174. Ц. 1 руб. 25 коп. Москва. 1900.

Дж. Т. Лэддъ. Очеркъ элементарной психологіи. Переводъ съ англ. Н. Спиридонова под. ред. Б. А. Кистяковского. Спб. Изд. О. Н. Поповой. Ц. 80 коп. Ст. 162.

Мирныя рѣчи и другія статьи Сергѣя Шарапова. Москва. 1900. Ст. 40. Ц. 30 коп.

Творенія Василія Великаго. Часть III. Москва. 1891. Ст. 403.

Б. Шмидтъ и И. Полибинъ. Естественнo-историческій атласъ. Вып. IV. Изд. О. Н. Поповой.

Энциклопедическій словарь. Томъ XXIX. Сахаръ—Семь мудрецовъ. Издатели Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ), И. А. Ефронъ (С.-Петербургъ). Спб. 1900.

Вышла іюньская (шестая) книга

ЕЖЕМѢСЯЧНАГО ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Содержаніе: I) Вѣчный Городъ. (Итоги пережитого). П. Д. Боборыкина. (Продолженіе).— II) Весна. Романъ 90-хъ годовъ. Пьера Гальстрема. Перев. со шведскаго. О. А. (Окончаніе).— III) Аркашинъ мірокъ. Повѣсть. Ю. Левицкой-Пашенко. (Продолженіе).— IV. Стихотвореніе. П. А. Тулуба.— V) На родинѣ. Рассказъ. О. П. Руновой.— VI) Подъ Липами. Романъ. Рудольфа Штратца. Перев. съ нѣм. Н. К.— VII) Стихотвореніе. Е. В. М.— VIII) Крестоносцы. Историческій ром. Генрика Сенкевича. Перев. съ польск. В. М. Л. (Продолженіе).— IX) Стихотвореніе. М. Жемчужнинова.— X) Главнѣйшіе представители дарвинизма въ Западной Европѣ. Эрнстъ Гекель. М. А. Мензбира.— XI) Современное положеніе Италіи. А. И.— XII) Земледѣльческая Франція. П. Б.— XIII) Самоотравленіе и самозащита организма. П. И. Ѳедорова.— XIV) Соціально-экономическое развитіе иностранныхъ государствъ къ концу вѣка. В. Тотоміанца.— XV) Иностранцы объ Индіи. М. И. Венюнова.— XVI) Русскій кушечъ-промышленникъ въ XVIII вѣкѣ. И. Х. Озерова.— XVII) Не отъ міра сего. „Воскресеніе“. Романъ въ трехъ частяхъ гр. Л. Н. Толскаго. Изд. А. Ф. Маркса. Слб. М. А. Протопопова.— XVIII) Сень-Симонъ и начатки французскаго позитивизма. И. И. Иванова.— XIX) О Водковѣ и волковскихъ торжествахъ. М. С.— XX) Драмы жалости. Письмо въ редакцію по поводу спектаклей Сальвини. И. И.— XXI) Внутреннее обозрѣніе.— XXII) Иностранное обозрѣніе. В. А. Г.— XXIII) Библиографическій отдѣлъ.— XXIV) Объявленія.

Подписная цѣна на 1900-й годъ (двадцать первый годъ изданія) съ доставкою и пересылкою.

	12 мѣс.	9 мѣс.	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.
Во всѣ мѣста Россіи:	12 руб.	9 руб.	6 руб.	3 руб.	1 руб.
За границу:	14 руб.	10 р. 50 к.	7 руб.	3 р. 50 к.	1 р. 25 к.

Допускается разсрочка: при подпискѣ, 1-го апр., 1-го іюля, 1-го октября по 3 руб. при непосредственномъ обращеніи въ контору или ея отдѣленія. Цѣна отдѣльнаго номера съ перес. 1 руб. 30 коп. Книгопродавцамъ дѣляется уступка въ размѣрѣ 50 к. съ годовой цѣны журнала. Подписка въ разсрочку отъ книгопродавцевъ не принимается.

Подписка принимается въ Москвѣ: въ конторѣ журнала— Бол. Никитская, Шереметевскій пер., д. гр. Шереметева $\frac{2}{3}$, кв. 28. Въ С.-Пб., въ книжн. маг. Н. П. Карбасникова, въ Кіевѣ: въ кн. маг. Н. Я. Оглоблина. Въ Варшавѣ: кн. маг. Н. П. Карбасникова. Въ Вильнѣ: въ кн. маг. Н. П. Карбасникова.

Новые подписчики и желающіе пріобрѣсти начало романа Г. Сенкевича „Крестоносцы“ благоволятъ уплачивать 1 р. 50 к. съ пересылкой. При редакціи находится магазинъ русскихъ и иностранныхъ книгъ (Б. Никитская, д. Вельтищевой) съ пріемомъ подписки на всѣ журналы, газеты и словари Брокгауза и Граната. Кн. маг. принимаетъ на комиссію постор. изданія и высылаетъ по первому требованію всѣ существующія въ продажѣ книги и ноты, принимаетъ на себя составленіе народн. и другихъ библиотекъ на какія угодно суммы, даетъ справки по открытію народн. и школьн. библиотекъ и складовъ для продажи книгъ.

Продолжается подписка на 1900-й годъ.

Редакторъ-издатель В. М. Лавровъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на ежемѣсячный научно-литературный журналъ

„КАВКАЗСКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

издаваемый въ г. Тифлисъ съ 1-го января 1900 г. В. Д. Коргановымъ, подъ редакцію К. Н. Бѣгичева, по слѣдующей программѣ:

1) Правительственныя распоряженія. 2) Кавказъ и сосѣднія съ нимъ страны въ историческомъ и современномъ отношеніяхъ. Мемуары, записки, воспоминанія, біографіи и некрологи выдающихся дѣятелей. 3) Статьи по разнымъ научнымъ отраслямъ, а также практическаго характера. Протоколы ученыхъ обществъ и общественныхъ учрежденій. 4) Беллетристика: оригинальные и переводные романы, повѣсти, рассказы, драматическія произведенія, поэмы и стихотворенія. 5) Обзоръ событій мѣстной и европейской жизни. Корреспонденціи изъ Россіи и заграничи, преимущественно имѣющія отношеніе къ Кавказу и сосѣднимъ ему странамъ. 6) Литературная критика и бібліографія. Статьи по искусству. 7) Смѣсь: историческіе эскизы, анекдоты, мелкія беллетристическія произведенія и т. п. 8) Справочный отдѣлъ. Почтовый ящикъ. 9) Объявленія. По мѣрѣ надобности, статьи въ журналѣ иллюстрируются виньетками, рисунками и портретами, а также къ нимъ прикладываются карты, планы и чертежи.

Условія подписки: Для городск. подписчиковъ. Для иногородн. За границу.

на годъ	9 руб.	10 руб.	12 руб.
„ 1/2 года	5 „	6 „	7 „
„ 3 мѣсяца	3 „	3 „ 50 к.	4 „

За перемѣну адреса взимается 50 к. За объявленія, помѣщаемыя въ книжкахъ журнала, взимается: за цѣлую страницу 20 р., за 1/2 стр.—12 р., за 1/4 стр.—7 р. За каждые 500 экземпляровъ объявленій, прикладываемыхъ къ журналу, взимается: за 1 лотъ вѣса 5 р., за 2 лота—7 р., за 3 лота—9 р. и за 4 лота—11 р. Подписка на журналъ и объявленія принимаются въ Тифлисъ, въ конторѣ журнала „Кавказскій Вѣстникъ“, при книжномъ магазинѣ К. Н. Бѣгичева, на Головинскомъ пр., д. № 10.

Международный органъ

ИСКУССТВО

и

Художественная Промышленность.

ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ ИЗДАНИЕ,

предпринятое съ Высочайшаго соизволенія

Императорскимъ Обществомъ Поощренія Художествъ

(съ октября 1898),

безъ предварительной цензуры, подъ редакціей Н. П. Собко,

съ офортами, ксилографіями, фотогравюрами, хромотипіями, исполненными въ первоклассныхъ заведеніяхъ и подъ руководствомъ лучшихъ мастеровъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА въ годъ за 12 выпусковъ и 24 особыхъ приложеній (въ общемъ до 1000 стр. текста и свыше 500 снимковъ въ текстѣ и отдѣльно): безъ достав. 8 р.; съ дост. 9 р.; съ пер. 10 р.; за границу 12 р.—Затѣмъ:

1) Допускается разсрочка взносов по 2 р. и по 3 р. въ теченіе первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ съ начала подписного года, т.-е. съ октября мѣсяца.

2) Наложенымъ платежомъ журналъ высылается лишь по присылкѣ переводомъ не менѣе 2 руб. на почтовые расходы, сверхъ подписной цѣны.

3) Иногородные подписчики, во избѣжаніе излишнихъ проволочекъ въ доставкѣ подписки черезъ книжные магазины, благоволятъ обращаться преимущественно въ главную контору: С.-Петербургъ, Мойка, 83 (д. И. О. П. Х.).

4) Книгопродавцамъ дѣлается уступка отъ 40 до 60 коп. съ годового экземпляра, смотря по роду подписки.

„СЛАВЯНСКІЙ ВѢКЪ“.

Всеславянскій органъ для выясненія и защиты славянскихъ культурныхъ интересовъ и для поощренія торговыхъ сношеній между Россіей, Австро-Венгріей и Балканскимъ полуостровомъ.

Выходить съ апрѣля ст. ст. 1900 года, два раза въ мѣсяць, въ объемѣ отъ 1½ до 2-хъ печатныхъ листовъ.

Подписная цѣна: за весь годъ 10 кронъ, 12 франковъ, 5 рублей, 8 марокъ.

Адресъ редакціи: Wien, VIII Bennogasse 22.

„Славянскій Вѣкъ“ преслѣдуетъ слѣдующія цѣли:

1. Дать русскому и славянскому читателю полное, ясное и правдивое предствленіе о культурной жизни всего славянства.

2. Ити на встрѣчу желанію югозападныхъ славянъ ознакомиться съ русской рѣчью настолько, чтобы русскій языкъ могъ сдѣлаться современемъ общимъ языкомъ для культурныхъ сношеній славянъ между собою.

3. Дать австро-венгерскимъ, славянскимъ и неславянскимъ производителямъ возможность войти въ непосредственныя сношенія по всемъ отраслямъ торговли съ потребителями въ Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ. Все русскіе и балканскіе подписчики „Славянскаго Вѣка“ изъ торгово-промышленнаго міра могутъ посредствомъ редакціи получать желательные для нихъ адреса австро-венгерскихъ фирмъ; равно же австро-венгерскимъ и Балканскимъ потребителямъ указываются адреса русскихъ торговыхъ домовъ.

Предполагаемое содержаніе 1-го н-ра:

Босно-герцеговинскій вопросъ и тройственный союзъ.

Чехи и словацкіе—передовые посты славянства на западѣ.

Складчина, статья В. Н. Лясковскаго.

Славянская лѣтопись. Обзоръ славянскихъ политическихъ партій на западѣ. Корреспонденціи.

Библиографія. Законодательство въ Россіи. В. М. Гордона, прив.-д.

Славянскіе междуплеменные спорные вопросы. Скештика.

Возрожденіе славянофильства. Д. Н. Вергуна.

Западно-славянскіе цѣлебные источники: по-чешски и по-русски. Д-ра Веселаго изъ Берна.

Экономическая статья Д-ра М. Вучича, б. сербскаго министра финансовъ.

Редакторъ-издатель Дмитрій Н. Вергунъ.

ПАРИЖСКАЯ ГАЗЕТА

Русское ежедневное политическое и литературное издание
съ иллюстраціями въ текстѣ.

I. Офіціальный отдѣлъ: Дѣйствія и распоряженія русскаго правительства. — II. Циркуляры и распоряженія по всемірной выставкѣ и по русскому отдѣлу. — III. Ежедневныя телеграммы и корреспонденціи изъ крупнѣйшихъ центровъ Европы и изъ главнѣйшихъ городовъ Россіи отъ собственныхъ корреспондентовъ. — IV. Политическое обозрѣніе. — V. Обзоры русской и иностранной печати. — VI. Хроника русской столичной и провинціальной жизни. — VII. Хроника иностранной жизни. — VIII. Судебный отдѣлъ. — IX. Театръ и музыка. — X. Фельетонъ: научное обозрѣніе, беллетристика. — XI. Всемирная выставка: описанія русскаго и иностранныхъ отдѣловъ. — XII. Спортъ. — XIII. Биржевой бюллетень. — XIV. Библіографія. — XV. Справочныя свѣдѣнія. — XVI. Объявленія.

Отдѣльные номера въ Парижѣ по 15 сантимовъ.

Подписка принимается съ 1-го и 15-го каждого мѣсяца.

Цѣна съ доставкой и пересылкой:

	1 мѣсяцъ.	3 мѣс.	6 мѣс.	1 годъ.
Во всѣ города Россіи	3 р.	8 р.	15 р.	28 р.
Въ остальные города почтового союза	7 франк.	17 фр.	35 фр.	70 фр.
Въ Парижѣ и въ Д-тѣ Сены и Уазы	5 фр.	13 фр.	25 фр.	50 фр.
Въ остальной Франціи	6 фр.	15 фр.	30 фр.	60 фр.

Объявленія { На 1-ой стр. по 5 франковъ (2 р.) за строку петита.
(для Россіи) { „ 4-ой „ „ 1 фр. 50 сант. (60 к.) „ „

Подписка и объявленія принимаются:

въ **ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ПАРИЖСКОЙ ГАЗЕТЫ,**

Парижъ 18, Бульваръ, Монмартръ.

(Administration de la PARIJSKAYA GAZETA

Paris, 18, boulevard Montmartre);

въ отдѣленіи конторы на всемірной выставкѣ; въ главнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ за границы и Россіи; въ книжныхъ магазинахъ Т-ва Вольфа, Мелье, въ Петербургѣ, и „Новаго Времени“, въ Петербургѣ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ; въ Москвѣ: въ конторѣ Ф. Згодинскаго (отдѣленіе конторы „Русскаго Листка“), Петровка, д. Грачева; въ Москвѣ и Петербургѣ: въ конторѣ торговаго дома Л. и Э. Метцль и К^о и въ Агентствѣ „Парижской Прессы Виола“; въ Одессѣ: въ книжныхъ магазинахъ Руссо, Москетти, Распопова, Штадельмайера и въ газетномъ кіоскѣ Свистунова; въ Кіевѣ: въ книжномъ магазинѣ Идзикоускаго; въ Харьковѣ: въ книжномъ магазинѣ „Южнаго Края“.

Отдѣльные номера продаются въ кіоскахъ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ.